М.Е. Болтунов

КОРОЛИ ДИВЕРСИЙ

ИСТОРИЯ ДИВЕРСИОННЫХ СЛУЖБ РОССИИ

«ВЕЧЕ»
МОСКВА
2002

ББК 63.3(0)62 Б 79
Вниманию оптовых покупателей!
Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348 Москва, ул. Красной сосны, 24,
издательство «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.
E-mail: veche@veche. ra

ISBN 5-7838-0917-9

20-летию подразделения специального назначения «Вымпел» посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга о диверсантах, о честных и мужественных сыновьях Родины, патриотах России. О них несправедливо мало писали. О них несправедливо плохо писали. Даже в собственной семье разведчиков они были самые «закрытые», запретные, секретные.

Долгие годы, по крупицам собирая материалы для книги, я не раз задумывался о судьбах диверсантов в России. Ведь в послевоенные десятилетия бытовало официальное мнение — у нас диверсантов не существует. Даже энциклопедические словари утверждали: диверсия — один из способов подрывных действий империалистических разведок и спецслужб.

Оказалось, не только империалистических... Да и чем, собственно, мы хуже? У них диверсанты, шпионы, всякие там рейнджеры, «зеленые береты». А нам, выходит, и крыть нечем.

Спешу успокоить читателя: всегда было чем крыть. Надеюсь, и в будущем будет. Ежели мы, конечно, не на словах, а на деле желаем стать державой. Нет, не великой (об этом ли сейчас думать), а просто державой.

После событий 1993 года в руководстве России возобладало мнение: разведывательно-диверсионные подразделения не вписываются в систему демократических ценностей. Подчеркну: не демократических ценностей вообще, а наших, самых «продвинутых» демценностей. Они у нас, как известно, особые. Ведь американцы, несмотря на свои «первосортные» демократические ценности, сумели убедить планету в том, что их спецгруппа «Дельта» чуть ли не посол мира. А уж о том, что

диверсанты «Дельты» — яростные защитники демократии, твердят нам не один десяток лет.

Но мы не американцы. И потому разведка, а вместе с ней разведывательно-диверсионная служба пережила, без сомнения, тяжелейший этап своего развития.

Академик Евгений Примаков, в пору своего руководства службой внешней разведки России, написал: «В истории российской разведки было два периода, когда необходимость ее существования или не осознавалась, или подвергалась сомнению». «Всего» два периода за всю историю!

Первый этап был еще во время становления Российского государства, когда и государства-то нашего как такового еще не было и, разумеется, разведки тоже.

С тех пор прошли столетия, и никогда, повторяю, никогда не ставился вопрос о целесообразности разведки. И вот в 90-х годах теперь уже прошедшего столетия мы стали свидетелями этого безумия — в России усиленно проповедовался отказ от разведки, которая, якобы, в эпоху «цивилизованных отношений» не нужна.

О невосполнимых потерях нашей разведки в ходе проведения этого «цивилизованного» курса нам приходится только догадываться, но кое-что уже известно.

Крайне тяжелые потери понесла разведывательно-диверсионная служба. Небольшой отдел, курировавший это направление при Первом главном управлении КГБ, был закрыт.

В 1993 году разведывательно-диверсионное подразделение «Вымпел» передали милиции. Хотя к тому времени оно имело другие задачи и было ориентировано на борьбу с ядерным терроризмом. Чудом не успели добраться до бригад спецназа ГРУ. А уже через год с небольшим, в декабре 1994 года, началась война в Чечне.

Что это? Как все это объяснить? Неужто демократией? Но тогда почему в странах «двухсотлетней демократии», таких как, например, США, вопрос быть или не быть разведке, диверсионным подразделениям вообще не ставился? Никогда. Никем.

Итак, диверсанты России. О них мы и до сих пор мало что знаем. Ну разве что партизанские диверсии на железных дорогах во время войны, подвиги Николая Кузнецова да одна-две ставшие известными в последние годы акции. Такие, как покушение на Троцкого, убийство Бандеры.

Вот, пожалуй, и все.

Имена? До нас дошли лишь немногие имена: Герои Советского Союза Николай Кузнецов, Дмитрий Медведев, Станислав Ваупшасов... Недавно умер Илья Старинов, которого назвали «диверсантом столетия». Поднатужившись, наверное, вспомним еще несколько фамилий. Но что за их плечами, пожалуй, вспомним с трудом. .

А за их плечами слава. Но убийство Троцкого славой не назовешь. Однако это тоже наша история. И судить тех людей походя, не вникая в суть явления, мы не вправе. А чтобы судить со знанием дела, надо, по меньшей мере, знать дело.

Диверсанты. Что кроется за этим пугающим названием?

Нередко диверсантов путают с террористами. Вернее, террористы упорно пытаются выдать себя за диверсантов. Помните, как тот же Басаев в первую чеченскую при каждом удобном случае упорно твердил в телекамеру: «Я не террорист, я диверсант»?

Неужто и вправду люди, о которых я хочу вам рассказать, сродни кровавому чеченскому убийце? Если кто-то, заблуждаясь, так думает, то даже сама такая мысль оскорбительна для этих мужественных людей.

Да, на войне, как на войне. Случалось, и они убивали. Но в честном бою. История не знает случая, чтобы советский или российский диверсант прикрывался телами ни в чем не повинных женщин и детей.

Они не захватывали больницы, автобусы, самолеты с людьми, чтобы выставить на смертный торг свои корыстные требования. Они никогда не действовали от имени кучки безумцев, решивших в одночасье переустроить мир или баснословно разбогатеть, заплатив за безудержные амбиции чужими судьбами.

Они всегда действовали от имени своего государства. Иное дело, что государство не всегда отдавало им праведные приказы. Не всегда праведные с нашей, сегодняшней точки зрения, с высоты нынешней морали. Но, увы, человек не волен обогнать свое время.

Так кто же все-таки они — российские диверсанты? Прежде всего — разведчики. В своей работе им редко приходилось действовать с открытым забралом (что поделаешь — у разведки свои законы) и почти всегда — под легендой, выдавая себя Бог знает за кого.

А это значит, они не просто разведчики, а нелегалы, иными словами, разведчики экстракласса.

Представьте себе человека, родившегося в обычной русской семье военнослужащего из Минска и выдающего себя за немецкого родовитого барона. Трудно поверить. Но это факт. Я знаком с таким «бароном».

Очень приятный, весьма простой в общении человек. Но это со мной, а с баронами он был совсем иным. В этом и есть искусство разведки.

Итак, диверсант — в первую очередь разведчик-нелегал, во вторую— боевик. Хотя, признаться, далеко не уверен, во вторую ли? Ведь ему надо тихо и незаметно подойти, подлететь, подплыть к объекту и заминировать, взорвать, вывести из строя. Так же тихо уйти.

А это значит, он должен быть выносливым ходоком, умелым пловцом, смелым парашютистом, метким стрелком, искусным подрывником. Но возможно ли такое? Под силу ли все это освоить одному человеку? Не выдумки ли это журналистов и писателей? И да, и нет.

У тех, кто пишет о разведке, практически всегда ощущается нехватка документов, которая нередко компенсируется избытком фантазии. Хотелось бы отойти от этой традиции. Однако сделать

это будет нелегко: профессия разведчика окружена ореолом героизма, романтики. На мой взгляд, такой она должна оставаться. Разумеется, не во вред истине.

Да, писать о разведке трудно. О разведывательно-диверсионной службе тяжело вдвойне. Это секретнейшая из секретных служб, святая святых разведки.

И пусть документальные свидетельства по-прежнему за семью, да что там за семью, за семидесятые печатями. Но, к счастью, живы еще люди. Диверсанты 30-х, 40-х и более поздних годов. Они многое согласились рассказать.

Автор не претендует на полноту повествования. Это лишь малая толика огромной работы нашей разведывательно-диверсионной службы. О большей части сделанного, видимо, мы узнаем не скоро. Если, конечно, вообще узнаем. А жаль.

Эта книга — всего лишь желание приоткрыть великий кладезь неизвестных страниц нашей истории.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЛЮДИ ИЗ ЛЕГЕНДЫ

О них созданы романы, сложены легенды. Им приписывают фантастические подвиги, подчас сравнимые с деяниями мифических героев.

Когда знакомишься с этими людьми, реальность как бы уходит на второй план, и уже трудно понять — где правда, где выдумка, а где легенда.

Имя этим людям: партизаны, разведчики, «ходоки», мастера по диверсиям.

Зловещие фигуры незримой войны, супербойцы, сверхчеловеки, а иначе — солдаты войск специального назначения.

Закон спецназа: они видят всех, их не видит никто.

Девиз спецназа: в любое время, в любом месте, любую задачу.

Спецназ любит народ. Ведь именно в нем, в солдате войск специального назначения, отяжелевший от низменных забот мир видит образ как будто первозданного человека. Сильного, бесстрашного, ловкого, умеющего выжить в любых, самых невероятно тяжелых условиях.

Профессия бойца спецназа, как никакая другая, нуждается в легендах, в легендах самых невероятных. И они живут на Земле, эти легенды.

Но так ли уж фантастичны рассказы о супербойцах? Когда узнаешь их поближе, понимаешь: истории их подвигов вполне жизненны и реальны. Ибо нередко самая буйная фантазия не способна угнаться за действительностью.

Еще бы... Наши спецназовцы преодолели все немыслимые уровни и пояса защиты «атомной столицы» страны «Арзамаса-16» и захватили ядерный боеприпас.

Они шли из-под воды и «падали» с небес на голову «террористов», взявших «под арест» атомный ледокол «Сибирь». Высаживались в прибрежных водах из подводной лодки и, пре-

одолев мили штормового моря, утаскивали из-под носа охраны неусыпно оберегаемого секретоносителя.

Перечисление этих, без сомнения, славных дел можно продолжать и дальше. Но, признайтесь, разве они не фантастичны?

И все-таки их совершили люди. Бойцы Группы специального назначения КГБ СССР «Вымпел».

Это подразделение, рожденное в недрах нелегальной разведки, всегда работало под грифом «Совершенно секретно. Государственной важности».

Созданное в 1981 году, своими корнями оно уходит в далекие двадцатые, когда на Западном фронте появился разведывательно-диверсионный отряд, названный Феликсом Дзержинским «Нелегальной военной организацией» (НВО). О существовании этой организации в войсках не знал даже командующий фронтом.

Жесточайшая секретность, тотальная тайна сохранялись почти 70 лет. Лишь в наши дни, на исходе XX века мы кое-что узнали о разведывательно-диверсионной службе Советского Союза и ее уникальном формировании.

Современная история подразделения не может не восхищать. В его составе работали первоклассные боевые пловцы, мастера парашютного дела и дельтапланеристы, минеры и подрывники, снайперы, опытнейшие знатоки связи, языковеды.

Аналитическая служба подразделения, аккумулируя новейшие разведданные, еще в 1990 году прогнозировала возможность развязывания гражданской войны на территории республик Советского Союза.

Разведчики создали фильм «По поступившим данным» и показали его членам Комитета по обороне и безопасности Верховного Совета СССР.

Это был фильм-предупреждение. Политики не поверили. Политики ничего не сделали для предупреждения войны.

Отряд «Вымпел» был, без сомнения, и остается уникальным подразделением. Хотя родился он в начале восьмидесятых не на пустом месте. У него немало предшественников, как в нынешней истории, так и в прошлом. В том числе и в глубоком прошлом.

Спецназ существовал всегда. Во всяком случае, ровно столько, сколько существуют армии и ведутся войны. Конечно, это не были войска специального назначения в современном, классическом понимании. Однако всякий военачальник

держал при себе элитные, лучшие части. На них была последняя надежда в тяжелые, критические минуты боя.

Они могли вступить в сражение первыми или, наоборот, последними, действовать из засады или вводиться в прорыв.

Эпаминонд, полководец древнего мира, накануне битвы со спартанцами скрытно изменил косой порядок фаланги. На левом крыле он выстроил четырехугольник (колонну) глубиной 48 шеренг, середина и правое крыло имели всего лишь 8 шеренг. Отборную дружину Пелопида, лучших своих бойцов, он поставил на край левого фланга. Колонна атаковала с фронта. «Спецназ»

Эпаминонда мощно ударил с фланга и тыла. Спартанцы были опрокинуты и бежали. 6 тысяч фивян победили десятитысячное спартанское войско.

Карфаген дал миру величайшего полководца античности — Ганнибала. В сражении при Каннах, которое вошло в историю военного искусства, было убито 48 тысяч римских воинов и 6 тысяч взято в плен. Решающую роль в этом бою сыграли испытанные, умелые африканские ветераны. Когда римская фаланга остановилась под давлением с тыла кавалеристов Гасдрубала, с флангов ударили африканцы. И если крайние шеренги римских легионеров еще хоть как-то сопротивлялись, остальные стали мишенью для летящих дротиков и стрел.

Гренадеры короля Людовика XIV шли в сражение впереди, забрасывая противника гранатами. И на параде они маршировали в передних рядах, красуясь выправкой и щегольской униформой.

При Петре I, во время Северной войны конно-гренадерские роты формировались из наиболее опытных и храбрых драгун. А накануне решающих столкновений со шведскими войсками Карла XII в русской армии были созданы три конно-гренадерских полка, а в каждом драгунском полку — по отдельной гренадерской роте.

Имея лучших во всей армии лошадей, гренадеры играли роль ударных спецподразделений. Ведь для метания тяжелой, килограммовой гранаты нужна немалая сила, а еще больше — умение и сноровка. Малейшая оплошность, ошибка могли стоить жизни.

«Спецназовцы» Петра I тренировали не только себя, но и лошадей. Ведь недалекие разрывы гранат, пальба над ухом могли испугать лошадей. И потому строевые жеребцы проходили тренаж в условиях, приближенных к боевым, среди взрывов и стрельбы.

11

В постоянных учениях под руководством опытных рубак оттачивались приемы ведения боя: атаки на полном скаку, когда одновременно надо успеть бросить гранату правой и стрелять с левой руки, метать левой, когда в правой палаш...

И еще многое другое, что следовало знать и уметь «спецназу» петровских времен. Не следует забывать, что гренадеры исполняли не только «свои» прямые обязанности — взламывали укрепленные позиции, удерживали бреши до подхода главных сил, но и работали, например, как морские десантники, строили фортификационные укрепления. Что делать, такова было эпоха!

Ушли в небытие петровские гренадеры, но «спецназ» остался. В век Екатерины это были егеря. Впервые егерей, отборных стрелков, наводящих ужас на врага, «завел» известный военачальник Петр Панин в своей финляндской дивизии. Всего по 5 человек на роту. Но опыт увенчался небывалым успехом, и уже в 1765 году в 25 пехотных полках создаются отдельные егерские подразделения в 65 стрелков под командой опытного офицера.

«Назначение егерей, — пишет известный военный историк

Антон Керсновский, — было служить застрельщиками и драться не по-прусскому образцу в «тридцать темпов», а по собственной русской сноровке, со «скоростью заряда и цельностью приклада».

Коренные изменения в предназначение спецназа внес XIX век. Армии становились все более массовыми. Боевые действия приобретали невиданный доселе пространственный размах.

Военные походы затягивались на месяцы, а то и на годы. Исход кампании не всегда зависел от решающего сражения. Фронт отрывался от тыла и становился более зависимым от него. Передовые военные умы понимали: подразделение, действующее в глубине, на путях движения армии противника, способно нанести значительный урон врагу, дезорганизовать его тыл.

Жизнь демонстрировала ярчайшие примеры. Маршал Мюрат разгромил кадровую испанскую армию за 6 дней. Победа досталась наполеоновскому любимцу легко и без потерь.

Казалось, Испания у ног Наполеона. Но неожиданно страна вспыхнула пожаром лютой, непримиримой партизанской войны против завоевателей.

Чтобы взять Мадрид и пленить правящую династию, французскому императору хватило 80-тысячного корпуса, но потом он еще шесть лет «воевал» Испанию с двухсоттысячной

армией. Победителю Европы так и не удалось до конца расправиться с испанскими гверильясами.

Значит, если против регулярной армии под руководством несомненно великого полководца способны бороться обычные крестьяне, то сколь же эффективно будет противодействие хорошо обученного войскового соединения.

Однако любой военачальник осознавал: действия в тылу, в гуще частей неприятеля, — дело крайне опасное, тяжелое, требующее специальной подготовки. Стало быть, идти туда лучшим из лучших... Так, собственно, и вышло.

Первым практическую заброску в тыл врага диверсионных отрядов осуществил не кто иной, как главнокомандующий русской армией в войне 1812 года фельдмаршал М. И. Кутузов.

Как считали современники Кутузова, это был блестящий опыт совместных действий подвижных войсковых и местных крестьянских партизанских отрядов. Известно, что из 600 тысяч войск, отправившихся в поход на Россию, Наполеон довел до Бородина всего лишь 140 тысяч. Эти потери французский полководец в значительной степени относил за счет партизанской войны. В письме маршалу Бертье он сокрушался: «Заметьте герцогу Эльхингенскому (Нею), что он ежедневно более людей теряет в фуражировках, нежели в сражениях».

Ну, а кутузовским «спецназовцем» номер один был, несомненно, известный партизан и поэт Денис Давыдов. Он командовал лучшим войсковым отрядом, действовавшим в тылах наполеоновских войск.

Уже тогда Денис Давыдов понял, что «партизанская война состоит ни из весьма дробных, ни первостепенных предприятий, ибо занимается не сожжением одного или двух амбаров, не

сорванием пикетов и не нанесением прямых ударов главным силам неприятеля».

В своих «Военных записках» прославленный партизанский вожак определил главную задачу диверсионных сил: отрезать вражеские войска от источников снабжения. Актуальность этой задачи постоянно возрастает, ибо современная армия крайне зависима от тыловых пунктов обеспечения.

Если в 1812 году в обозе не подвезли пистоли, Давыдовские гусары могли и шашкой рубать. Сегодня шашка не в ходу. Как современный ракетоносец, по существу, слеп без наземных служб, так армейский организм зависим от тыла.

13

Но чтобы противостоять тылу современной, хорошо оснащенной и обученной армии, борьбу за линией фронта должны вести профессионалы. Я бы сказал, высокие профессионалы частей специального назначения.

Вот как сказал о своей задаче офицер спецназа Николай Х. в одном из газетных интервью: «В случае «заварухи» или незадолго до нее из запасников, прошедших соответствующую подготовку, создаются специальные группы, фактически это костяки партизанских отрядов, которые оседают на оккупированной территории. Бригады ГРУ «работают», опираясь на эти отряды и нелегальную агентуру ГРУ».

Разумеется, это не исключает права всякого честного гражданина взять в руки оружие и отстаивать свободу и независимость Родины, но полагаться лишь на народное ополчение по меньшей мере недальновидно. По большей — преступно. Все это мы уже проходили в сорок первом, когда судорожно пытались на пустом месте сформировать партизанские отряды. А враг тем временем шел по Прибалтике, Украине, Белоруссии.

После второй мировой войны мир вступил в эпоху локальных конфликтов. И спецназ — разведчики, диверсанты, партизаны вновь были востребованы. Китай, Корея, Вьетнам, Ангола, Мозамбик, Афганистан... Потом была Чечня. Первая, теперь вот вторая... Выходит, у спецназа такая судьба: быть всегда на войне.

«Вымпел» тоже был рожден на войне. Ведь именно боевые действия в Афганистане подтолкнули руководство КГБ к созданию мобильного, высокопрофессионального разведывательно-диверсионного подразделения.

19 августа 1991 года бывший начальник Управления «С» — нелегальной разведки КГБ СССР, генерал-майор Юрий Иванович Дроздов собирался на юбилей. Десять лет исполнялось его «Вымпелу» - группе специального назначения, которую он создал, выпестовал, поднял на ноги.

Началась жизнь и история «Вымпела», которому в нынешнем, 2001 году, исполняется 20 лет.

ПЕРВЫЙ «ПРИЗЫВ»

Отцом-создателем «Вымпела» по праву считается генерал Юрий Дроздов. Юрий Иванович личность уникальная —

артиллерийский офицер, прошедший Великую Отечественную,
14
разведчик-нелегал, наш резидент в США и Китае, руководитель Управления «С» (нелегальная разведка). Он руководил операцией по взятию дворца Амина. По возвращении домой его принял Андропов.

«31 декабря 1979 года, — напишет позже в воспоминаниях Юрий Иванович, — я и Вадим Алексеевич Кирпиченко в присутствии начальника разведки Владимира Александровича Крючкова докладывали Председателю КГБ Юрию Владимировичу Андропову о нашем участии в афганских событиях. После окончания беседы я сказал о том, что нужно уже сейчас, оценивая этот опыт, подумать о формировании специального кадрового подразделения в системе КГБ. Юрий Владимирович посмотрел на меня, не ответив ни слова.

В середине января произошла очередная встреча. Я уже пришел с бумагой, в которой была изложена идея создания «Вымпела».

19 августа 1981 года на закрытом совместном заседании Совета Министров СССР и Политбюро ЦК КПСС было принято решение о создании в системе КГБ совершенно секретного отряда специального назначения для проведения операций за пределами СССР в «особый период».

После этого Андропов, передав документы о формировании отряда, сказал Дроздову: «Работай, создавай! И чтоб равных им не было».

Однако легко сказать, да не просто сделать. Где найти таких людей, как научить?

Для начала «Вымпел» решили «посадить» на старую диверсионную базу в Балашихе. Там в свое время готовились кадры для войны в Испании, «судоплатовские» разведчики, в том числе и Николай Кузнецов. Правда, от той учебно-материальной базы 30-х годов мало что осталось. Ну что ж, многое пришлось создавать самим. Вырубили лес, соорудили стрельбище.

Одна из самых больших проблем на раннем этапе — подбор командиров и бойцов. Они именовались в подразделении «разведчиками специального назначения». Название ко многому обязывало. В какой-то мере пытались совместить доселе несовместимое — функции обычного разведчика, действующего под «дипломатической крышей» в спокойных, мирных условиях, и диверсанта, находящегося в гуще «острых мероприятий».

Сначала в подразделениях обеспечения «Вымпела» служили и солдаты, но позже набирали только офицеров. Причем,
15
если «Альфа» формировалась только из сотрудников КГБ, то «вымпеловцы» отбирали кандидатов в погранвойсках, в подразделениях десантников, летчиков, моряков.

Психологические испытания включали различные тесты, такие как опросник Кеттеля, кляксы Роршаха, методика Равена а также проверку на детекторе лжи.

Необходимо было и знание иностранного языка. Хотелось, конечно знать иностранный язык на должном уровне. Но кто в ту

пору мог овладеть в нашей стране иностранным языком на «уровне»? Только те, для кого он был профессией.

В «Вымпел» зачисляли только добровольцев. Во всяком случае такова была установка сверху. Ею в основном и руководствовались при отборе кандидатов из состава погранвойск или армии С «комитетчиками» порой и хитрили. Чтобы привлечь какого-нибудь ценного сотрудника, случалось, обещали блага А какие по тем временам блага — зарплата та же, жизненные условия те же, что и у всех, то есть напряженные

А вот загранкомандировки, возможность впоследствии работать в Первом главном управлении — это привлекало. Приходилось кое-что обещать. Но это, разумеется, для отдельных бойцов.

В основном, недостатка в желающих служить в «Вымпеле» не было Потому и отсев оказался не малый. Словом, выбирали лучших из лучших. Ну, а, как известно, в ту пору в КГБ, пограничные войска, в армию и на флот шли далеко не худшие.

В «Вымпел» было несколько наборов. Первый из них проходил в довольно сжатые сроки: война в Афганистане разрасталась необходимость в оперативных работниках, бойцах спецподразделений была крайне острой, и раздумывать не приходилось. Вот как об этом вспоминает полковник запаса Владимир Васильченко, бывший в ту пору начальником оперативно-боевого отдела.

— Для первого «призыва» в подразделение срок дали очень жесткий. Это диктовалось необходимостью скорейшей отправки людей в Афганистан.

Примерно в феврале 1982 года к нам пришло 75 человек. Трудно вспомнить теперь, сколько мы «перелопатили» кандидатов но набор оказался неплохой. Готовили три месяца. На большее не было времени. Уже в апреле первых 123 человека убыли в Афганистан. А вот второй «комплект» мы отбирали тщательнее и дольше, по сути, весь остаток 1982 года. Ну и,

конечно, готовили основательнее. Очень важна одна деталь — к тому времени, опираясь на опыт войны, мы поняли, что нужно давать нашим бойцам, что необходимо им для успешной работы «за речкой».

«Таким образом, — вспоминал позже генерал Ю. Дроздов, — «Вымпел» создавался на основании решений Совета Обороны страны для выполнения заданий за рубежом. Государство, используя хотя бы одного человека из этого подразделения, должно было возлагать на себя — и возлагало — очень высокую ответственность. Приказы о проведении операций мог отдавать только председатель КГБ, и только письменно.

Равных бойцам этого подразделения не было. И по степени готовности пойти на риск, и по степени оперативной выдумки, разведывательной находчивости. Они доказали свое право на существование и доказали право гордиться своей профессией и своими навыками. Главная особенность «Вымпела» состояла в том, что это была сила думающая, умеющая самостоятельно осмыслить любую задачу, принять правильное решение и

воплотить его в жизнь.

Они по сей день с большим уважением относятся к своим потенциальным противникам, ибо не понаслышке знают об их опыте, их методиках, тактике, способностях, умениях: некоторые сотрудники «Вымпела» прошли (естественно, нелегально) «стажировку» в подразделениях специального назначения НАТО».

Если другие подразделения спецназа, существовавшие в тот период в СССР и за рубежом, предназначались прежде всего для выполнения задания на стадии реализации, то «вымпеловцы» проходили и стадию выработки решения, могли самостоятельно собрать информацию, оценить ее, разработать план мероприятия и выполнить задание достойным образом. Во время выработки решения огромную роль играл творческий подход: внести что-то особое, неожиданное, нестандартное — отличительное качество «вымпеловцев».

Принцип отбора сотрудников в группу отличался от того, как это делалось, например, в США или в Англии.

С одной стороны, командованию «Вымпела» мало что было . известно о системе англичан или американцев. Тот же начальник подразделения капитан 1-го ранга Эвальд Козлов не мог, подобно Беквиту, побывать на стажировке в полку САС и набраться там опыта.
[17]

С другой стороны, на долгую раскачку не было времени. Афганская война требовала специалистов спецназа.

Поэтому в ходе отбора бойцов в «Вымпел» комиссия, состоящая поначалу из кадровиков КГБ, позже из руководителей и наиболее опытных офицеров подразделения, не могла, к примеру, из 40 кандидатов выбрать только одного, а то и ни одного бойца, как это бывало в английских САС.

Вот как описывает один из очевидцев отбор солдат в полк САС. «Я был свидетелем таких случаев, когда после прохождения отборочных испытаний в САС не брали ни одного солдата. Ни одного! Все 40 кандидатов были отправлены назад, в их регулярные воинские части, а это были кандидаты, которые приходили из отборных английских частей».

Экзамены на звание бойца спецназа САС включали жесточайшую проверку физических данных. Так, десятидневный экзаменационный марафон заканчивался маршем в 45 миль и продолжительностью в 24 часа, в ходе которого солдат нес мешок весом 55 фунтов плюс оружие 9 фунтов.

При этом применялась хитрость: бойцам не указывалось время, в которое они должны были уложиться, хотя те прекрасно знали: время ограничено. Таким образом, каждый из них вынужден был идти так быстро и так долго, как только мог.

«Уцелевшие» после марша становились объектом жесточайшей проверки интеллектуальных возможностей. Целая команда специально подобранных офицеров и солдат проигрывала различные ситуации.

Так, группе разведчиков ставилась задача: они на патрулировании в Восточной Германии и должны взорвать

нефтеперегонный завод. По дороге к объекту им попадаются две девочки 14 и 1ю2 лет. Что предпримет командир: убьет их, возьмет с собой, оставит, свяжет? Конечно, однозначного ответа здесь нет.

Так же тщательно отбирали бойцов в «Дельту» и американцы. «Мы разработали специальный тест, — вспоминает создатель этого разведывательно-диверсионного подразделения полковник Чарльз Беквит, — который включал в себя шесть этапов. На каждом этапе новобранец должен набирать минимум 60 очков, чтобы перейти к следующему.

Они должны были проползти на спине 40 ярдов за 25 секунд, присесть 37 раз и отжаться в упоре 33 раза — каждое упражнение за минуту, маневренный бег с прыжками по пересеченной местности в течение 24 секунд, двухмильный кросс

18

за 16 минут 30 секунд, проплыть 100 метров в полной экипировке».

После этого кандидаты в «Дельту» проходили 18-мильный марш-бросок, кросс по лесу с картой.

«Успешно преодолевшие этот маршрут подвергались тщательной психологической проверке. Нам нужны были люди не только физически развитые, но и умственно одаренные», — подводит итог полковник Беквит.

Такие же одаренные люди нужны были и в «Вымпеле». Тем более, что всем им предстояло пройти афганскую войну.

Требования — предельно жесткие. Высшее образование. Физическое здоровье, выносливость, годность к воздушно-десантной подготовке. Принимали с учетом того, чтобы сотрудник мог впоследствии прослужить в подразделении как минимум 10 лет, то есть речь шла о людях 25—27 лет.

Командный и инструкторский состав мог быть немного постарше.

«Учили в «Вымпеле» крепко, — считает генерал Дроздов. — Процесс обучения (по индивидуальной программе) пришедшего с «гражданки» занимал пять лет. На «доводку» выпускника Рязанского высшего военно-десантного командного училища уходило два года.

Общефизический тренинг, многокилометровые марш-броски по пересеченной местности, в том числе с полной выкладкой, силовые упражнения (подтягивание, лазание по канату, занятия в тренажерном зале), прыжки с возвышений от полуметра до двух с половиной метров, общеразвивающие упражнения. Тренировки по рукопашному бою не на мягком ковре, а на асфальте.

Стрельба из всего, что стреляет: пистолетов, гранатометов, пулеметов отечественного и зарубежного образца, специального оружия и т.п. Вождение автомашин и бронетранспортеров. Минно-взрывное дело, в том числе способы изготовления взрывчатки из средств бытовой химии. Обучение радиоделу: свободной работе на радиостанциях любого типа как открытым текстом, так и с помощью азбуки Морзе. Изучали шифровальное

дело. Освоили радиопеленгатор и приборы подслушивания. Государство и руководство Комитета госбезопасности уделяли подразделению значительное внимание. Несмотря на финансовые трудности, был достигнут высокий уровень подготовки и оснащения, постепенно улучшалось качество экипировки, сна-
19
ряжения, обеспечения. Кроме того, сотрудники «Вымпела» как пользователи сами участвовали в разработке оружия, снаряжения, давали технические задания конструкторам, которые делали по их заказам специальные изделия.

Тактика боевых действий малых групп. Воздушно-десантная, медицинская подготовка, скалолазание. Основы разведывательной и контрразведывательной деятельности. Информационно-аналитическая работа. Наружное наблюдение.

Изучение иностранных языков и страноведения. В «своей» стране сотрудник спецподразделения ни в коем случае не должен был «засветиться». И не только из-за неправильного произношения, что, надо отметить, вообще исключалось при интенсивной системе обучения иностранным языкам. Необходимо было свободно ориентироваться в житейских вопросах, не чувствовать себя «белой вороной» среди местного населения, знать историю региона, национальные обычаи, национальную психологию — все, что может пригодиться для сбора и анализа информации, вербовки агентуры среди местных жителей и т.п. Каждая операция продумывалась тщательнейшим образом. Предусматривались даже такие «мелочи», как пломбы в зубах, покрой одежды. («Вымпел» располагал специально подготовленными по каналам внешней разведки, стоматологами, собственной швейной мастерской.)

Методику выживания в экстремальных условиях проходили зимой и летом в условиях лесисто-болотистой местности, гор, пустыни, тундры...»

В становлении подразделения и в обретении оперативного и боевого опыта крепко «помог» Афганистан. Практически все сотрудники «Вымпела» прошли «обкатку» не только на учениях, но и непосредственно в ходе боевых действий.

Уже был «Зенит», работал в Афганистане «Каскад». С созданием «Вымпела» началась практическая проверка наставлений для спецназа КГБ, которые еще только готовились и апробировались. Удалось за эти годы проверить и боевую пригодность американских уставов, написанных ими для своих специальных подразделений. Это дало возможность вполне осознанно смотреть на противника, тем более, что «вымпеловцам» приходилось постоянно противостоять американской разведывательно-подрывной деятельности.

Так что «Вымпел» был рожден, выдержал проверку на прочность в пламени афганской войны.
20

ДИВЕРСАНТЫ ТОЖЕ ХОТЯТ ЖИТЬ

Помните, у Александра Васильевича Суворова: «Тяжело в

учении, легко в бою». Верная формула, выстраданная войной, проверенная кровью. Только, что означает эта формула в обыденной жизни? Спецназовцы ведь тоже люди. Не воевать, жить хотят.

А означает она — тяжело сегодня, завтра, утром и вечером, и даже ночью. Надоедает, костью в горле становится это «тяжело».

И ладно, если еще бой впереди, в котором будет легко после тяжких учений, а коли позади?.. Выходит, что с точки зрения рутинного бытия рушится суворовская теория.

Странные мысли. Но так уж вышло, что весной 1983 года они неотступно преследовали руководителей «Вымпела».

А что, собственно, произошло этой весной? Возвратилась из Афганистана первая группа «вымпеловцев». Вместо них уехали новички, а «пионеры», отгуляв отпуска, как и положено военнослужащим, прибыли в родное подразделение. Так сказать, для дальнейшего прохождения...

Это были уже совсем иные бойцы, чем год назад, ведь тогда на «Вымпеле», признаться, и не очень знали, чему их учить. Опыта не было, Афганистан только начинался. Теперь история повторялась. Все, кто планировал и организовывал боевую подготовку, представляли, к чему готовить будущих «афганцев». Но как обучать вернувшихся оттуда — не знал никто. Последнее подразделение, хоть чем-то напоминающее «Вымпел», разогнали тридцать лет назад, и потому теории, методики подготовки попросту не существовало. Практики — тем более.

Было и еще одно весьма непростое обстоятельство. Представьте себе офицера, старшего лейтенанта, прошедшего войну, имеющего опыт боевой и оперативной работы, которого, словно новобранца, ставят в строй. А если это не «старлей», а майор, да еще орденоносец?.. Но ставить в строй приходилось. В том числе и в буквальном смысле.

Да, «Вымпел» — подразделение офицерское. На первых порах в штатном составе были и солдаты срочной службы, но потом пришли к решению — комплектовать подразделение полностью из офицеров и прапорщиков.

В основе тактики любого разведывательно-диверсионного подразделения — действия в составе группы, то есть несколько человек в роли бойцов-диверсантов во главе с командиром.

21

На каждом исключительно высокая ответственность, ведь поиск ведется в глубоком тылу противника, в отрыве от главных сил.

Однако в ходе обучения основной массе офицеров приходится быть в роли рядового разведчика. А тут уж вступает в действие суворовское правило: «Тяжело в учении...» И надо зубрить условные топографические знаки, масштаб, измерение расстояний. Да так, как когда-то в школе таблицу умножения... И это фронтовику, чекисту, «оперу», прошедшему огонь и воду, да и медные трубы тоже. Мыслимое ли дело?..

О, сколько было сломано копий в спорах о нужности или ненужности иной учебной дисциплины! Аргументы от самых наукообразных до самых простых, типа «а это не понадобится...»

Хорошо, а что понадобится? Спецназовец «Вымпела» должен уметь переносить большие нагрузки? Должен. А уметь восстанавливаться, ориентироваться на местности, читать карту?..

Кто скажет, что не должен? Соглашались. Но убеждать было трудно.

В Англии, например, в специальных силах, именуемых САС, убеждали по-иному. Вот как об этом рассказывает полковник Чарльз Беквит, в 1962 году прошедший стажировку в одном из полков английских САС:

— Я находился в лагере уже дней десять, когда мне сообщили, что состоится учебное занятие по работе с картой. Целью учения была проверка способности солдат к ориентированию в условиях сложной местности с помощью компаса и простой схемы. Задание предполагало наличие у солдат не конкретной военной карты в масштабе один дюйм равен одной миле, а скорее маленькой схемы с обозначением основных примет местности. Кроме того, указатель северного направления был также смещен. Для меня это было настоящим полевым занятием.

Когда с наступлением темноты все до одного солдаты покинули машины, каждому из них была выдана схема местности и указано, откуда и куда он должен добраться за определенный отрезок времени. Старший сержант Росс не терпел никаких вопросов. «Это ваше задание. Вы находитесь здесь. А это контрольный пункт, где вы должны быть завтра утром, и вам надо торопиться».

Это было все. Солдаты исчезали в ночи.

Если они не хотели опоздать; то вынуждены были бежать большую часть ночи, неся на себе тяжелые вещмешки и личное оружие.

На следующее утро мы находили их в состоянии полного изнеможения. Я просмотрел маршруты, проверил дистанции: они действительно пробежали очень много.

Если солдат опаздывал на место встречи, его не дожидались. Если солдат не только опаздывал на контрольный пункт, но и вообще не находил его, то такого солдата жестоко наказывали. Петер Вальтер отправлял его к ближайшей реке, где к его спасательному жилету привязывали веревку и вместе со всем снаряжением, включая спальный мешок, его опускали в воду. До конца учений, день или два, этот бедный малый находился в воде и день и ночь.

Вот чего стоило несоблюдение порядка. Я подумал: «Боже, вот что мы должны делать дома».

Конечно, окажись кто-либо из командиров «Вымпела» на месте Беквита, такой вывод был бы для него совершенно неприемлемым.

Это однозначно было бы воспринято как издевательство над людьми. Мне рассказывал один из офицеров подразделения, которому приходилось «верстать» первые учебные программы подготовки бойцов. Предложил он 50-километровый переход

зимой. В ответ ему предупредительно помахали пальцем перед носом: что это за эксперименты на живых людях?

Однако жизнь требовала таких экспериментов. Иначе не подготовить диверсантов.

И поэтому приходилось ставить бойцов в конкретную ситуацию: намечать на карте маршрут, «привязывать» точки и запускать группы. Поначалу обычный армейский спецназовский норматив, так называемые «четыре колена по пять кэмэ», большинству оказался не под силу.

Вот как вспоминает об этом один из офицеров оперативно-боевого отдела «Вымпела»: «Выбрали, помнится, лесной район, ограниченный со всех сторон шоссейными дорогами. Так заблудившихся искать легче. Сначала на карте наметил маршрут, потом прошел его сам. «Привязывал» точки. На поиск одной из них давался час, искали по два-три часа.

В 1984 году под Нарофоминском на суточных учениях стояла задача: преодолеть маршрут 60 километров с переходом условной охраняемой границы. Противодействовали нам местные комитетчики.

Мне пришлось идти с лучшей группой. Подмосковные леса не сахар. Шли двое суток, тяжело. Двоих почти несли, хотя

ребятам было еще далеко до тридцати. Когда «выползли» на последний рубеж, вид был потрясающий... Так что многие убеждались сами, сколь они далеки от совершенства...»

Таким был этап перехода от военной, фронтовой жизни, к мирной. Один из руководителей «Вымпела» охарактеризовал его коротко, но достаточно ярко: кошмар!

Однако со временем все становилось на свои места. «Верстались» и запускались в жизнь учебные программы. Первая такая, одногодичная, завершилась в 1984 году. Она заставила крепко задуматься: туда ли идет «Вымпел»?

Ведь первоначально в верхах считали, что можно подготовить спецназовца-универсала. Этакий вариант киношного Рэмбо.

Газеты и до сих пор, в погоне за сенсацией, пишут взахлеб о «Вымпеле» как о сборище супербоевиков, умеющих буквально все: стрелять, взрывать, убивать, проходить сквозь стены. И делают перечисленное сказочно ловко, неизменно удачливо выходят невредимыми из огня и полымя. Разумеется, это выдумки и бредни.

Однако надо сказать, что идея создания супербойца все-таки витала в начале 80-х даже у профессионалов КГБ. Правда, уже первые годы работы «Вымпела» опровергли эту фантастическую идею. Стало ясно, что в жизни такого универсала обучить и воспитать нельзя.

И тогда, на мой взгляд, было принято совершенно взвешенное решение: готовить бойцов спецподразделения с отменной общефизической подготовкой и достаточно узкой специализацией по 1—2 направлениям. На начальном этапе это были снайперы, разведчики, подрывники.

Позже пришло понимание необходимости расширить специализацию и к традиционным профессиям «вымпеловцев»

добавилась горная подготовка, обучение дельтапланеристов, боевых пловцов, парашютистов. Все это базировалось на обычной типовой программе армейского спецназа. Плюс, разумеется, разведподготовка, плюс работа с местным населением, плюс сбор информации, плюс страноведение и иностранный язык.

Так что «плюсов» в сравнении с обычным армейским спецназом набиралось немало.

Что ж, на то он и отряд специального назначения, основной задачей которого была работа за рубежом.

Как считают ветераны отдела планирования, подготовки и проведения специальных операций, оптимальную программу

24

удалось отработать к 1985 году. Она была рассчитана на трехгодовой цикл. Год — усиленная подготовка, еще два года — совершенствование.

В каждой программе оставались какие-то базовые предметы, однако добавлялось и что-то новое.

Периодически, раз в квартал, проводились учения. В первые годы это были достаточно непродолжительные полевые выходы — от двух-трех до пяти суток. Позже они переросли в недели и разворачивались на территориях нескольких областей, республик, а то и стран.

Одно из первых, наиболее крупных, учений развернулось на территории Белоруссии. Группы «Вымпела» десантировались на ограниченную площадку, выходила в район и работала в течение 5 дней.

В 1985 году учения «Осень-85» охватили Калининскую и Московскую области. Разведгруппам спецназа противодействовали местные органы КГБ.

В 1987 году «Вымпел» работал на Кавказе. В конце 80-х — начале 90-х годов важнейшая задача, поставленная перед подразделением, — противодействие ядерному терроризму. Отсюда в программе «Вымпела» цепь учений на ядерных объектах, таких как «Арзамас-16», атомные ледоколы, электростанции, заводы по производству боеприпасов, боевые подводные лодки.

.. Вообще, учения «Вымпела» — это особая страница в истории спецподразделения. От армейских учений они отличались тем, что проводились не абстрактно, а в «соприкосновении» с противником.

Это не значит, что «Вымпел» в лобовую шел на спецназ НАТО, нет. Однако вот, что об учениях пишет человек весьма компетентный и знающий, который, собственно, и являлся организатором «соприкосновения».

«В течение 10 лет, — отмечает в своей книге «Нужная работа» генерал Ю. Дроздов, — подразделение (имеется в виду «Вымпел». — *Авт.)* находилось в постоянной боевой готовности, непрерывно действуя своими группами в Афганистане, в оперативно-тактических учениях внутри страны и за рубежом. Эти учебные операции помогли предсказать многие процессы политического развития в нашей стране. Например, несколько лет назад командование НАТО на своем южном фланге на

территории Греции и Турции проводило маневры «Арч Бей Экспресс», нацеленные на республики Закавказья и Болга-
25
рию, якобы в связи с благоприятной там для воздействия обстановкой...

Я обратил внимание на эти учения еще и потому, что командование войсками южного фланга НАТО по сценарию вероятных боевых действий предусматривало и нанесение ядерных ударов...

Этим маневрам НАТО мы противопоставили свои оперативно-тактические учения «Чесма», которые проходили на нашей и сопредельной территориях. Результаты агентурных и оперативно-тактических наблюдений превзошли наши ожидания: «Арч Бей Экспресс» оставил после себя следы, которые позволили создать об учениях «Чесма» закрытый кинофильм "По поступившим данным"».

Добавлю лишь к словам генерала: следы были столь очевидны, что дали возможность спрогнозировать нашей разведке вспышку очагов гражданской войны на Юге.

Весьма полезные учения. Хотя их результаты и выводы, сделанные аналитиками «Вымпела», практически не были учтены политиками. Но тут уж не вина разведчиков.

Острой проблемой для подразделения оставалась и учебная база. В прессе любят подчеркнуть, что «вымпеловцы» обучались там, где некогда готовился будущий легендарный разведчик Николай Кузнецов. Да, это так. Возможно, в 30-е — 40-е годы здесь и была хорошая база, но ко времени создания отряда от нее мало что осталось. К тому же и требования были совсем иные.

Словом, «Вымпел» пережил все то, что переживает любое вновь создаваемое воинское подразделение. Правда, с еще большими проблемами и трудностями, так как именно такому подразделению доверено готовить «штучный материал» самого высокого класса. Но для этого не пригодно ровным счетом ничего из того, что ориентировано на подготовку «массовых подразделений». А именно — матбаза, оружие, обмундирование, питание и так далее...

Рассказывает бывший начальник отдела подразделения «Вымпел» Владимир Васильченко:

— Поначалу, признаться, мы не очень понимали, что нам делать. Все было расплывчато и очень секретно. Какие-то недомолвки, недоговоренности, аналогии, мол, вспомните войну, разведывательно-диверсионные группы...
26

В общем, диспутов о наших задачах прошло немало. Литература практически отсутствовала. Некоторые задачи были вслепую перенесены из сороковых годов. А на дворе — начало 80-х...

Экипировка, оснащение — допотопное. Вот, к примеру, армейское обмундирование. Обычное. Можно в нем выжить на морозе в течение недели? Неделю я не пробовал, но пробовал трое суток. Очень сложно. Конечно, не умрешь, но для выполнения сложнейшей задачи уже малопригоден.

Потом у нас было меховое летно-техническое обмундирование. Синяя роба, унты. Теплое, хорошее, если пройтись по городу или по лесу прогуляться, подышать свежим воздухом. А как в нем действовать?

Помню, на мне тельняшка и сверху эта летная, меховая куртка. Пока прошли двадцать пять километров, она пять раз на мне вымокла и высохла. Что можно делать в этой куртке?

Питание. Я пробовал спецназовский армейский сухой паек в 1982 году на учениях. Пять дней прожил на этом пайке. Наешься, конечно, если «подметать» все до крошки, но работать тяжело. Так что если этот паек на три-пять дней, можно перетерпеть, если же на долгое время, то он не подходит.

Зарубежные пайки, признаюсь, не пробовал. Но известно, что они не ограничивают своих бойцов в добывании мяса. А у нас — нельзя.

На учениях я никогда не ходил в армейских спецназовских ботинках. Ботинки первого образца хорошо держали удар, но это гири на ногах. Так что сами покупали кроссовки, зимой — лыжные ботинки, шили чехлы до колена, носили шерстяные спорткостюмы.

Словом, во многом рассчитывали на собственные силы...

И действительно, стрельбище соорудили своими руками, вырубили лес, поставили подъемники для мишеней. Правда, до мишеней тяжело было добраться: пни, канавы. Но ничего, добирались. Своего рода «полоса препятствий».

Сами смастерили лингафонный кабинет для изучения иностранных языков.

Грустно все это. Хотелось бы, конечно, как в цивилизованных странах — тир, оборудованный по последнему слову техники, языковые кабинеты по последнему слову науки. Но уж как было, так было.

С зарплатой дело обстояло примерно так же. Мне почему-то по наивности казалось, что боец специального подразделе-

ния должен получать не меньше, чем, к примеру, сотрудник Первого главного управления. Увы, как поведал мне бывший командир «Вымпела» контр-адмирал Владимир Александрович Хмелев, только в 90-х годах его подопечным денежное довольствие подняли до среднего уровня ПГУ.

И тем не менее подразделение жило, обучалось, совершенствовалось. Наперекор всем трудностям. Складывался боеспособный, крепкий коллектив. Встречаясь со вчерашними бойцами «Вымпела», которые сумели найти себя в сегодняшней жизни, не перестаю удивляться: какой мощный интеллектуальный и боевой потенциал был собран в единый кулак! Какое уникальное подразделение было выпестовано.

ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ

В тот день деда Михая ждало страшное потрясение. В его родном лесу, в котором он вырос и состарился, у черта на куличках, в двадцати верстах от ближайшей деревушки, где

никогда не обитало ни единой живой души, кроме него самого, да верного пса дед встретил... Он даже затруднялся твердо определить для себя, кого встретил.

Поначалу, старому партизану померещилось, что на него вышли... немцы. Да, да, фашисты, те самые каратели. Правда, через минуту-другую дед сообразил, что оплошал с перепугу: какие каратели, на дворе-то, слава Богу, восемьдесят пятый, а не сорок второй.

Пригляделся дед Михай, на фуражках вроде звезды, тельняшки на груди. Но бородатые, в пятнистой, непонятной форме и с автоматами на перевес. А когда впереди идущий спросил: «Ты что здесь делаешь, дед?», а другой зашел сзади и отрезал пути отхода, Михай понял: это банда.

Верный пес, который и волка-то не боялся, бросился к ногам, прижался к сапогам. Ружье чуть не выпало из рук.

Михай попрощался с жизнью: убьют ведь, зачем им свидетель. Однако «бандиты» убивать не стали. Заговорили с ним о чем-то.

В первые минуты дед не мог взять в толк: о чем они бормочут? Вроде слышит слова, а понять не может. О какой-то банде говорят. Матерые преступники бежали из лагеря, и эти, с автоматами, вроде как ищут их.

28

Михай молчал, как немой, а когда его спросили, не видел ли он бандитов, дед едва выдавил, не разобрав собственного голоса: «У-у-у не... а». На этом все и закончилось.

Люди с автоматами исчезли, как и появились, а дед рванул домой. Он запомнил одно, ясно и твердо: никому ни слова о том, что видел в лесу.

Не знаю, рассказал ли дед Михай кому-нибудь о необычной встрече или молчит до сих пор, но в «Вымпеле» нередко с улыбкой вспоминают этот случай. Лесными людьми, напугавшими деда, были, конечно же, они, бойцы разведывательно-диверсионного подразделения.

Темп набирали девяностые годы. Учения катились друг за другом. Вот как о тех временах вспоминает бывший сотрудник «Вымпела» Валерий Киселев:

— Учения шли полосой. Выбрасывается группа, переходим условную линию границы. Движемся только ночью, по несколько суток. За плечами — сотни километров.

Идем нехожеными тропами, где нет ни души, ни единого человека. Ибо любой человек — наш противник.

Двигаемся по азимуту, выходим в точку. Находим груз и с ним в обратную дорогу.

Были иные учения. Линия госграницы. Ее охраняют десантники. Мы должны просочиться и выйти в район.

Или, из Тулы — выдвижение в Москву пешком, разумеется с выполнением диверсионных мероприятий.

Учения, учения... Зимой, осенью, весной. Мы — болотные люди.

Теперь, с годами, оглядываясь назад, командиры и бойцы «Вымпела» по разному оценивают тот «болотный» период их

жизни. Некоторые считают, что действиям с «позиций леса» уделялось неправомерно большое внимание. Главный аргумент в этом споре: «Вымпел» готовился как разведывательно-диверсионное подразделение к работе за рубежом. А много ли таких непроходимых лесов, подобно нашим, в Европе? Нет, конечно.

Однако просто рассуждать и спорить об этом сегодня, а полтора десятка лет назад все было иначе. По существу, те, кто создавал «Вымпел», начинали с нуля. Где-то далеко, в истории оставался опыт ОМСБОНа. Но из него не много то и возьмешь.

Хотя, как мне кажется, «лесное направление» в подготовке «Вымпела» в первые годы объясняется именно наличием богатого опыта диверсионной деятельности партизан в годы

войны. Этот опыт был всегда под рукой — в методической и специальной литературе. Да и некоторые непосредственные участники партизанского движения еще здравствовали и передавали опыт молодежи.

Правда, за плечами многих бойцов «Вымпела» был уже Афганистан и осознание необходимости освоения горной подготовки.

На эти годы приходятся и первые выезды будущих «горников» «Вымпела» в Кировакан, в альпинистский армейский центр. Так что вполне правомерно считать: параллельно с лесом и болотами шло освоение гор.

Однако основное внимание уделялось все-таки отработке действий разведывательно-диверсионных групп в лесу. Ведь по большому счету, трудно представить диверсанта не умеющего «работать» в лесу. Лес дает бесценный опыт, применимый в различных ситуациях.

Представим себе на минуту: группе, как это было в ходе учений на территории Калининской области в 1984 году, поставлена задача — подготовить базу для приема диверсионного подразделения примерно в сто штыков. Для человека непосвященного подобное задание звучит весьма буднично — базу так базу. Но что означает секретная база в глубине лесного массива?

А это означает, что должен быть построен подземный блиндаж, или на профессиональном языке разведчиков «схрон», в котором смогут жить, готовиться и уходить на задание диверсионные группы. Главное требование к нему — скрытность. Пройдет посторонний в метре от «схрона» и не заметит. Но как это сделать в реальности?

Куда девать десятки кубов вынутой земли и как ее маскировать? Где брать лес для строительства, ведь ясно, что рядом его рубить нельзя? Как сделать незаметным вход и выход? Каким образом устроить трубу, чтобы не был виден дым?

Сотни вопросов, тысячи нюансов, от которых будет зависеть жизнь и выполнение задачи всем подразделением. Своего рода высшая математика диверсионной работы.

С чего же начиналась эта высшая математика? С выбора места размещения «схрона». Пробовали рыть шурфы, чтобы

определить состав грунта, его водоносность. Однако ничего не вышло. Почва болотистая, шурфы моментально наполнялись водой, приходилось полагаться лишь на карту, да на собственный опыт.
30

Вскоре выбрали место. Оно оказалось весьма удачным. Рядом проходило несколько старых, но заросших просек, снижение рельефа и два ручья с разных сторон.

По всем канонам диверсионной науки лес надо было рубить как можно дальше от места строительства подземного блиндажа. Однако рубить — это лишь начало дела. Срубленное дерево следовало не только доставить к будущему «схрону», но и выкорчевать пенек, замаскировать место, где прежде возвышалась сосна или ель.

Бревна немалые: метров пять-шесть длиной. Да и ходить следовало по одной тропке. А что значит два десятка человек топают по одной тропинке? Через несколько дней тропинка протоптана по колено. И ее, кстати говоря, следует замаскировать.

Что касается места расположения «схрона», то бойцы «Вымпела» бережно сняли верхний слой почвы вместе с деревьями и перенесли их в сторонку, до поры до времени. Когда были закончены работы, ели вернули на свои места в первозданном виде.

Тяжелый, мокрый, глинистый грунт таскали на плащ-палатках, поскольку носилки, заготовленные заранее, вышли из строя уже на следующий день.

Нашлись и свои рационализаторы: парашютные лямки забрасывали на шею, привязывали к ручкам импровизированных плащ-палаточных носилок и в путь. А путь не близок. Грунт таскали примерно за километр, сбрасывали в лесную речку.

Однако вскоре и там возникла проблема. Грунт превратился в искусственную дамбу и перегородил реку. Разлилось озеро. Пришлось делать другую дамбу и маскировать их. Таскали валуны, старые бревна... Одна группа копала, таскала грунт, другая готовила маскировочные средства.

Вообще маскировка доставляла много хлопот. Элементарная, казалось бы вещь — срубленные ветви деревьев. В обычном положении — развел костер и проблема решена. Здесь же все по иному. Днем жечь костры нельзя — дым виден на многие километры — жгли ночью.

Но ночью виден огонь костра. Приходилось натягивать плащ-палатки и разводить костры.

Когда вынули фунт, сделали заберковку стен, накат на пол, на крышу. Постелили пленку, утрамбовали слой глины, засыпали песком и только потом — землей. В слой земли высадили около сотни деревьев, площадку замаскировали.
31

Вывели основной и запасной выходы. Долго мучились, как изготовить и замаскировать крышку над выходом. Сделали. На крышке укрепили дерн, ветки.

Запасной выход вывели под уклон, в ельничек. Даже если

будет обнаружен запасной колодец, основной — вне опасности.

Подготовили «вымпеловцы» и ложный «схрон». Вырыли колодец, вроде бы именно здесь проводились работы, что называется, слегка наследили. Протоптали тропку, особенно не маскируя.

Ложный «схрон» устроили в отрыве от основной базы и вынесли его километра на полтора — два вперед.

Словом, к назначенному времени все подземные и наземные работы были завершены.

Предстояла строгая инспекторская проверка самим начальником Управления «С» генералом Юрием Ивановичем Дроздовым.

О том, как она прошла, рассказывает непосредственный участник учений, один из строителей подземного блиндажа Павел Кочкин:

— Мы «пахали» две недели. Вспоминаю сегодня и думаю, все, что было сделано, — выше человеческих сил. Если это перенести в нынешнее время — никто не поймет — за что пахали? Надо было и делали.

Не думали о деньгах, о зарплате. Комары, холодно. Мылись в луже. Но дело сделали.

Место встречи с проверяющим согласовали радиограммой, указали точные координаты. Дроздов прихватил с собой еще и наших комитетских «киношников». В общем, «киношники» сломались первыми. Руководство мы встретили, привели.

Первое, что спросили: «Где «схрон»?» Да вот, мол, в этом районе. Ага, опытным взглядом все схвачено — вот крышка. Хотели открыть, мы остановили: не надо. Почему?

Взяли веревку, привязали к крышке, дернули, а там у нас взрывпакеты, сигнальные мины. Устроили фейерверк.

Что ж, не плохо. А где основной «схрон»? Повели. Тут уж начальство удивилось: где тропы? Следов нет.

Привели. Говорят, показывать не надо, сами найдем. Подключилась группа поддержки из наших ребят. Дважды проходили мимо базы, о чем сообщил наш наблюдатель по рации.

Показали: вот наблюдатель, дважды вы могли попасть под контроль и быть уничтоженными, а группа в блиндаже предупреждена.

Ладно. Они продолжают шарить. Народу много. Облазили все вокруг. Сдались.

Показали крышку. Начальство говорит, ну и что, если сейчас бросаем гранату, всем в «схроне» конец. Бросайте, а хотите, зайдем, сначала посмотрим.

Спустились вниз, а там противогранатный щит и дверь. Неплохо.

Оценили и внутреннюю отделку блиндажа. Спрашивают: а как уход вашей группы будет организован? И тут же ставится задача. Ставится очень жестко: все должны зайти через основной вход и уйти.

Так мы и сделали. Вошли, закрыли люк, дверь и ушли запасным ходом в ельничек. По радио докладываем, мол, никого

нет, заходите. Они спустились, отыскали «запаску» и за нами следом. Немного прошли и уперлись в стену. Мы сделали повороты на случай преследования, чтобы директория не простреливалась. Что ж, разобрались и проверяющие, вышли в низинку, в ельник. Глянули: из запасного основной вход не просматривается. Грамотно сработано, все условия отхода соблюдены.

Возник вопрос, куда девали землю? Пришлось показать наши искусственные дамбы. На том, собственно, и закончились учения. Наградили нас грамотами Председателя КГБ.

Это были весьма показательные, запоминающиеся учения, но далеко не единичные. Просто, одни из немногих. Случалось, когда «брали» гарнизоны ПВО. Незамеченными приходили, незамеченными уходили. Однажды, правда, решили лампу от аппаратной унести, как свидетельство своего пребывания.

Аппаратная оказалась действующая, на боевом дежурстве, а лампа очень дорогая, позолоченная.

Лампы эти из золота охраняли как зеницу ока часовые с боевыми патронами. Кстати, их никто не предупреждал. Так что при обнаружении была прямая угроза и жизни, и здоровью. Но это при обнаружении. Такого, к счастью, не случилось.

Что это было тогда? Ведь можно было на кубометр меньше земли вытащить, на метр мельче вырыть? Нет, нельзя. О таком в ту пору и подумать нельзя было. Ибо без высоких слов — делали они не для себя, для Родины делали, для Отечества. И делали по-настоящему.

33

«УНИДАТ-88»

Это известие буквально шокировало Комитет госбезопасности Латвии. Вечером, по дороге домой, неизвестными совершено нападение на полковника, руководителя одной из ведущих служб КГБ республики. Нападавшие исчезли вместе с захваченным.

Все это случилось не в нынешние смутные времена. Хотя и сегодня пропажа офицера госбезопасности такого ранга явилась бы крупным провалом. Что уж говорить о годах, когда КГБ был всесильным и могучим государством в государстве.

Однако уже через сутки все стало на свои места. Полковник был возвращен. На разборе учений заместитель начальника подразделения «Вымпел» Евгений Савинцев принес извинения недавнему «заложнику». Будучи профессионалом, тот не обиделся, несмотря на пережитые неприятные минуты. Он был похищен с санкции высоких комитетовских начальников. Разумеется, о том, что оказался в центре учений отряда «Вымпел», полковник не подозревал. Так что получилось вполне натурально. И захват, и самое активное противодействие местных сотрудников комитета, и их чистый проигрыш по всем статьям.

«Вымпел» в очередной раз дал несколько уроков коллегам.

Успешно проведенная операция по захвату ценнейшего секретоносителя доказала: «вымпеловцы» обрели опыт. Одним из этапов этого обретения стали учения под кодовым названием

«Унидат-88».

Хотелось бы рассказать об этих уникальных учениях языком документов, редких и с большим трудом добытых. Пусть не всегда ярких и броских, но отражающих самую глубинную суть произошедшего.

Итак, подразделение «Вымпел» введено в обстановку. «В одной из дружественных Советскому Союзу стран совершен государственный переворот. Фактически ликвидировано законное правительство, а его остатки ушли в подполье.

Президент арестован и находится под охраной. Место пребывания лидера стало известно находящимся в подполье его сторонникам. Они обратились к своим союзникам с просьбой о помощи в проведении операции по освобождению президента».

Оперативно-боевая группа «Унидат», в состав которой вошли 7 бойцов группы «Вымпел» и 10 сотрудников кубинских спецподразделений, получила боевой приказ:

«*В период с Д-7 по Д-9 по плану «Альта» провести операцию по освобождению лидера. В этих целях личному составу группы следовало пересечь морскую границу, десантироваться на побережье и оборудовать базу в квадрате 32235.*

В Д-1 провести встречу с руководителем подполья «Доктором». В дальнейшем действовать по ранее разработанному плану.

Для отвлечения сил противника осуществить диверсию на военно-морском объекте «Ротонда» в квадрате 54191».

В ходе подготовки проигрывались варианты предстоящего базирования, передвижения по территории противника и десантирования. Отрабатывались оперативные документы по действиям бойцов группы в городе, на морском объекте «Ротонда» и горном «Альта»».

Сотрудники особое внимание уделяли подбору индивидуального и специального оружия, минно-взрывных средств. Каждый из них осознавал, что успех разведывательных и боевых мероприятий во многом будет зависеть от морского и горного снаряжения, подручных и технических средств. Их также готовили с особой тщательностью.

Крайне ответственная задача возлагалась на радиста. В его обязанности входило обеспечение надежной и устойчивой связи с Центром, а также внутри группы, бойцам которой предстояло работать на удалении друг от друга до 200 километров.

Дополнительную подготовку прошли и кубинские сотрудники. С учетом их боевого опыта они составили ядро для проведения специальных мероприятий.

Несколько дней ушло на акклиматизацию и ознакомление с обстановкой. И вот совместная советско-кубинская оперативно-боевая группа «Унидат» приступила к выполнению задания. Бойцы осуществили скрытное сосредоточение в намеченном квадрате на окраине прибрежного населенного пункта в нескольких километрах от границы.

Завершив необходимые приготовления к заброске, разведчики в сопровождении проводников погрузились на

моторные лодки. На них группа была доставлена к рыболовецкому судну, которое специально зафрахтовало подполье. Судно приписано к пароходству противника. Это облегчало переброску бойцов через границу в район десантирования. Кроме того, подпольщики, знающие морскую обстановку, предусмотрели

35

меры безопасности и маскировку сотрудников на судне, отработали сигналы экстренного оповещения.

Командиром группы отдаются дополнительные распоряжения, определяется место каждого разведчика, их задачи в случае опасности.

2 часа 07 минут. Час назад пересечена граница. С палубы поступает сигнал: «Опасность!» Штурман оповещает о приближении таможенного катера.

В случае обнаружения группы экипаж катера должен быть уничтожен. Однако репутация капитана безупречна, к тому же он знаком с работниками таможни. Проверка свелась к формальному досмотру судовых документов. Опасность миновала. А впереди еще 30 минут пути.

2 часа 55 минут. По заданным координатам с помощью локатора найден искомый объект, опознаны знаки на берегу, по правому борту принят условный световой сигнал.

И вот уже лодки подпольщиков у борта судна. Группе предстоит преодолеть на них три мили и десантироваться в предрассветной мгле.

В трехстах метрах от берега в воду сходят боевые пловцы. Их задача провести тщательную разведку побережья и обеспечить прикрытие высадки группы.

Десантирование и скрытный переход к месту базирования завершены.

Основной базой для группы специального назначения становится частная загородная вилла, которую содержит подполье. Она работает под видом спортивной базы для иностранных спортсменов. Здесь гарантируется максимум удобств и, что особенно важно, минимум беспокойства.

Несмотря на гарантию спокойствия, принимаются все меры безопасности. Место проживания группы оборудуется в соответствии с требованиями к основной базе подразделения специального назначения.

Вечером того же дня командир группы отдал необходимые распоряжения разведчикам.

Главное, что следует сделать завтра, — провести встречу с руководителем подполья под псевдонимом «Доктор».

Встреча с «Доктором» должна состояться на его загородной конспиративной квартире в курортной зоне в 50 милях от столицы.

36

В назначенное время командир группы в сопровождении охранения выходит на явку со связником «Доктора».

Связник сообщает о прибытии «Доктора», уточняет обстановку в окружении конспиративной квартиры. Боевое

охранение занимает свои посты.

В ходе встречи «Доктор» знакомит командира с особенностями политической и оперативной обстановки в стране, подробно рассказывает о месте содержания лидера в горах.

Он сообщает об обеспечении группы транспортными средствами, включая и вертолет горных спасателей. И, самое важное, говорит о том, что незадолго до прибытия разведчиков появился еще один вариант освобождения лидера. Подпольщиками изучен некий Фернандес, ценный секретоноситель, приближенный к руководителям хунты.

В случае его захвата есть возможность вынудить противника обменять Фернандеса на бывшего президента страны. Для реализации этого варианта на связь группе передается надежный агент из окружения секретоносителя.

Возвратившись на базу и оценив полученную информацию, командир счел возможным принять вариант «Доктора». Однако подготовку операции «Альта» в горах было решено не прекращать. О своем решении командир информировал Центр.

В тот же день Центр принял радиограмму.

«Ветрову.

Задачи первого этапа выполнены. От «Доктора» получены предложения о захвате секретоносителя с целью его обмена на интересующее нас лицо.

Данный вариант считаю приемлемым. Одновременно приступаю к подготовке операции «Альта» и «Ротонда».

Сомов».

В ответной телеграмме Центр согласился на предложенный вариант действий.

Вечером на базе командир работал со старшими городской и горной подгрупп.

Были обсуждены способы выполнения поставленных задач, вопросы поддержания радиосвязи с «горниками», отработана легенда, проверена экипировка на случай осложнения обстановки. «Городской» подгруппе определен порядок разработки операции по захвату секретоносителя. В задачу бой-

цов-«горников» входило проведение рекогносцировки местности и подбор вертолетных площадок, разведка места содержания лидера.

«Городской» подгруппе предстояло установить секретоносителя с помощью агента подполья и организовать его «разработку» с целью последующего захвата.

Основываясь на информации, полученной из Центра, а также по данным, предоставленным «Доктором» о состоянии оперативной обстановки в столице страны пребывания, разведчики изучили город, подобрали проверочные маршруты, разработали условия проведения операции по связи. Потребовалась большая и трудоемкая подготовительная работа по организации явки с агентом «Доктора».

В 19 часов 15 минут агент вышел на явку. Боевое охранение контролирует оперативную обстановку. Старший группы дает

разведчику сигнал на проведение операции.

Для беседы с агентом заранее было подобрано кафе, где можно спокойно обсудить проблему по захвату секретоносителя.

Пока шла беседа, боевое охранение тщательно контролировало оперативную обстановку вокруг кафе.

Агент сообщил разведчику ценные сведения о месте жительства и работы секретоносителя, его образе жизни — маршрутах передвижения по городу, охране. Что особенно важно, у Фернандеса, оказалось, была любовница, с которой он скрытно встречался на ее квартире.

Агент получил задание собрать максимально полную информацию о секретоносителе и его женщине.

Подготовленные материалы он должен передать на моментальной встрече с сотрудником группы.

В тот же день на базе боевые пловцы готовились к выполнению задания по плану «Ротонда». Через два дня *им* предстоит провести разведку объекта, определить уязвимые в диверсионном отношении места. Работа предстоит большая и трудная: вплавь преодолеть три мили от берега до объекта и обратно.

В свою очередь, «городская подгруппа» установила точное место жительства Фернандеса, и он был взят под наблюдение.

Вскоре на него были получены данные. Секретоноситель оказался доктором права, начальником спецотдела канцелярии Министерства внутренних дел.

Удалось установить, что он в утренние часы совершает один и тот же маршрут от дома до места службы. Случаев отклонения от маршрута не зафиксировано.

Разведчиками проведен тщательный хронометраж маршрута, получены данные, которые существенным образом определили вариант захвата секретоносителя.

«Горная» подгруппа благополучно прибыла на туристическую базу, расселилась в точном соответствии с легендой, приступила к выполнению задания. Как и предполагалось, рекогносцировка района и разведка объекта «Альта» потребовали от разведчиков хороших альпинистских навыков.

Агент подполья условным сигналом вызвал сотрудника группы на моментальную встречу.

На проверочном маршруте за разведчиком, вышедшим на операцию, с закрытых постов велось контрнаблюдение. Подозрительных моментов не выявлено.

В назначенное время агент вышел к обусловленному месту в одну из поликлиник города. В переданном контейнере — подробная информация о связи, его адрес, время и периодичность встреч, другие сведения, представляющие оперативный интерес.

...Три мили позади. Группа боевых пловцов под прикрытием темноты приближается к «Ротонде».

Объект внешне необитаем. Это результат хорошо продуманной противником маскировки. Следует быть предельно осторожными. Основываясь на информации Центра, разведчикам

предстоит безошибочно определить наиболее уязвимые в диверсионном отношении места, их доступность, а также способ совершения диверсии и количество взрывчатого вещества, необходимого для полного уничтожения объекта.

Сегодня четверг. Именно в этот день Фернандес посещает свою любовницу. Вот он на глазах своего охранника-водителя входит в государственное учреждение. А запасный выход и проходной двор позволяют ему незаметно покинуть здание. Отсюда через улочки всего несколько минут до дома любимой женщины. Именно здесь возможен захват секретоносителя. Он сам позаботился, чтобы его никто не видел. Обратно к автомашине он вернется только через полтора-два часа.

Для вывода группы из района проведения операции времени достаточно. Однако такая возможность представится только в следующий четверг. Обобщив и проанализировав всю

имеющуюся информацию о секретоносителе, руководство группы остановилось на варианте захвата Фернандеса на маршруте движения в автомобиле к месту работы.

Началась тщательная подготовка операции, которая получила условное наименование «Серпантин».

Этот участок горной дороги, ведущий к офису Фернандеса, был определен местом захвата.

Второй вариант рассматривался как запасной. Операция по его реализации носила условное наименование «Калитка».

Итак, операция «Серпантин». Ее суть: блокирование машины секретоносителя на крутом повороте двумя машинами группы — верхней и нижней. О его появлении оповещают три поста наблюдения, они же осуществляют боевое прикрытие. Время на остановку машины и захват объекта не должно превышать 20 секунд.

7 часов 50 минут. Автомашины группы занимают исходные позиции. Все разведчики на своих местах. Руководит операцией заместитель командира группы.

7 часов 56 минут. Пост № 1 сообщил о появлении машины Фернандеса в районе операции.

Пост № 2 докладывает: «Объект приближается к повороту».

Теперь основная задача группы — максимально быстро покинуть район проведения операции. Не исключено, что кто-нибудь из посторонних мог быть свидетелем захвата, поэтому приняты меры безопасности.

Дальше «объект» транспортируется на другой автомашине. Через некоторое время дорожная полиция обнаруживает в горах обгоревшую и разбитую машину Фернандеса.

Полеты дельтапланеристов в окрестностях столицы явление обычное, поэтому предложенный «Доктором» вариант дальнейшей транспортировки секретоносителя на дельтаплане был принят, так как давал возможность группе незаметно покинуть город. Он также затруднял организацию преследования со стороны противника и дезориентировал секретоносителя в случае попытки определить место его будущего содержания.

После доставки на базу Фернандес был допрошен. Подтвердив

свою личность, он выразил желание содействовать в организации переговоров с хунтой по его обмену на лидера. О результате операции командир информировал «Доктора».

На очередном сеансе связи старший «горной» подгруппы доложил, что за местом содержания лидера ведется круг-

40

лосуточное наблюдение, запасная база и вертолетные площадки определены, все готово для приема остальных членов группы.

На следующий день получен экстренный сигнал — вызов на тайниковую операцию. Обстановка в городе заметно обострилась. Некоторые улицы перекрыты, увеличилось количество патрульных машин. Безусловно, это реакция на похищение секретоносителя.

Агент подполья в обусловленное время известил о закладке в тайник контейнера с информацией.

Учитывая напряженную обстановку в городе, было уделено самое серьезное внимание вопросам обеспечения безопасности проводимой операции.

Информация содержала неутешительные сведения. «Доктор» сообщал об отказе хунты обменяться заложниками. В то же время отметил убежденность руководства хунты в надежности тайны места содержания лидера. Иначе, по их мнению, подполье не пошло бы на захват секретоносителя.

В тот же день основная часть группы выехала в горы. О дальнейших действиях разведчиков командир информировал Центр.

«Ветрову.

Операция по захвату секретоносителя проведена. Данных о расшифровке группы не имеется. На предложения об обмене хунта ответила отказом. Дальнейшую разработку объектов «Альта» и «Ротонда» считаю возможной.

Сомов».

Прибытие новых людей на международную туристическую базу не вызвало подозрений. После размещения личного состава командир и его заместитель, отдав необходимые распоряжения разведчикам по продолжению наблюдения за «Альтой», заслушали отчет старшего «горной» подгруппы.

«Горники» вели наблюдение в дневное время под видом туристов, в ночное — скрытно. В результате лидер опознан, установлено, что четверо охранников размещаются на втором этаже в угловой комнате.

Особое внимание обращалось на организацию охраны лидера, ее численность, вооружение, режим дня. Информация, полученная разведчиками, была оценена как достаточно пол-

41

ная. Однако следовало уточнить отдельные моменты, а главное — постоянно контролировать возможные изменения обстановки. Противник мог предпринять меры по усилению охраны лидера или перебросить его в другое место.

Операция «Ротонда» представляла собой комплекс сложных разведывательных мероприятий. Предполагалось, что проведенная в определенный момент диверсия на военно-

морском объекте отвлечет значительные силы противника от операции «Альта», дезорганизует его на определенное время.

Руководство группы к моменту диверсии на «Ротонде» разработало операцию «Альта». Получив радиограмму об уничтожении объекта, бойцы приступили к формированию группы проникновения.

В соответствии с планом операции группа должна действовать одновременно с трех направлений. Выйдя на исходную позицию, каждая из подгрупп по сигналу командира начинает атаку на своем участке.

Первая и вторая атакуют помещение на 2-м этаже, в котором находится лидер, третья — ликвидирует дежурного полицейского участка этажом ниже.

Первая подгруппа начала действовать ровно в 4 часа утра. В это же время приступила к движению вторая подгруппа. Третьей предстоит преодолеть наиболее освещенный участок местности.

Подвижный пост противника на веранде 2-го этажа явился серьезным препятствием на пути первой подгруппы. Пришлось бесшумно снять часового.

Теперь все спокойно. Разведчики продолжают движение в намеченных направлениях.

Несмотря на позднее время, противник бдительно несет охрану лидера. Один из охранников спустился на нижний этаж в полицейский участок.

Разведчики оповестили командира о готовности к атаке. Вторая подгруппа действует в поле зрения командира.

Исходная позиция для атаки третьей подгруппы — дверь полицейского участка. Канальным радиосигналом бойцы также сообщили командиру о готовности.

Все на своих местах. Звучит сигнал атаки: «Альта!», «Альта!»

Операция проведена в предельно короткий срок. Она прошла успешно. Все подгруппы действовали слаженно. Разведчики совершают двухкилометровый переход в горах к вертолетной площадке, заранее подобранной и оборудованной.

Вертолет приземлился в точно назначенное время. На нем лидер и бойцы были переброшены в район запасной базы. В центр ушла шифротелеграмма:

«Ветрову.

Докладываю о завершении операции «Альта» и «Ротонда». Группа потерь не имеет. Переход границы планируем осуществить морским каналом.

Сомов».

В тот же день при содействии подполья группа скрытно пересекла морскую границу, а затем на подводной лодке прибыла в порт назначения.

ЛУЧШЕ ГОР МОГУТ БЫТЬ ТОЛЬКО ГОРЫ...

«Унидат-88», «Кавказ», «Чесма» и другие уникальные учения стали возможны благодаря обретению бойцами «Вымпела» высокого мастерства, боевой слаженности и индивидуальной

специализации.

Да, в «Вымпеле» все без исключения прыгали с парашютом, работали в качестве боевых пловцов, прошли подготовку в горных условиях. Однако это не значит, что каждый сотрудник был одинаково силен во всех дисциплинах.

Оказалось, что некоторые просто физиологически не могли освоить горное дело — тут и боязнь высоты, и отрицательное воздействие разреженного воздуха. Мне рассказали случай, когда одного из бойцов во время восхождения пришлось привязать к скале на одной из вершин и продолжить движение. Законы гор суровы, тем более, если это не просто туристское восхождение, а выполнение боевой задачи, когда поджимает время, на хвосте «висит» противник.

Нечто подобное выяснилось и в ходе подготовки боевых пловцов. Как известно, им приходилось десантироваться в нескольких милях от берега, преодолевать большие водные пространства в штормовых условиях, выходить в воду через торпедный аппарат подводной лодки.

Здесь стало ясно, что есть бойцы, страдающие боязнью замкнутого пространства, а выход через торпедный аппарат,

как известно, тяжелое испытание даже для хорошо подготовленного и здорового пловца.

Словом, мне хотелось бы подчеркнуть, что бойцы «Вымпела» были обычными людьми, со своими недостатками, возможностями, способностями. Однако грамотно разработанная методика, усиленные занятия, в ходе которых определялись сильнейшие в тех или иных дисциплинах, цепь непрерывных учений, на которых проверялось мастерство, привели к тому, что с годами подразделение вырастило высококлассных боевых пловцов, альпинистов, парашютистов, дельтапланеристов.

В последние годы в «Вымпеле» успешно осваивали горнолыжную подготовку, парапланы.

Конечно, следует сразу оговориться, что такой жесткий специальный отбор отсеял всех худших, неспособных, оставив лучших из лучших. Впоследствии из них будет сформирован целый отдел. И, право же, это очень важно. Теперь руководители подразделения могли быть уверены, что любая задача их бойцам по плечу.

Во всяком случае, было кому идти впереди, прокладывать дорогу остальным, выполняя самые трудные задачи. Было кому и научить молодежь, подготовить себе замену.

А в том, что так называемый 5-й отдел достиг вершин мастерства, сомнений не было. Тому десятки примеров.

Вот лишь одно из восхождений горной группы «Вымпела» на Эльбрус. Спросите любого альпиниста, что такое восхождение на Эльбрус? Это трудное, опасное дело, которое по плечу лишь профессионалам. Есть законы этого восхождения.

Накануне альпинисты делают подъем до скал Пастухова и спускаются обратно. До одиннадцатого приюта они поднимаются по канатной дороге и там отдыхают, акклиматизируются.

У «Вымпела» все обстояло иначе. Утром в день восхождения

«канатка» не работала. По всем законам подъем надо было отложить. Но ребята решили идти. К обеду они уже достигли одиннадцатого приюта, отдохнули и в три часа ночи двинулись к вершине. Покорили ее и спустились вниз.

Их темпу и выносливости удивлялись самые маститые скалолазы, ими гордился наставник и помощник «горной» группы подразделения, известный советский альпинист, заместитель начальника Управления альпинизма СССР Юрий Емельяненко.

44

То же можно сказать о боевых пловцах, когда на учениях в шторм они шли несколько миль к берегу, о парашютистах, которые высаживались на крышу ядерного блока атомной АЭС, планируя в непосредственной близости от проводов высочайшего напряжения. Маленькая ошибка — и от планериста мог остаться лишь пепел.

Эти успехи, безусловно, радовали. Однако не будем забывать, чтобы подготовить специалистов такого класса, нужны годы и годы. Сегодня ветераны «Вымпела» сходятся на том, что срок подготовки должен исчисляться 7—10 годами. Разумеется, при хорошо отработанной программе, наличии соответствующей материальной базы и еще много другого, без чего не воспитать бойца подразделения специального назначения.

Что ж, начнем с начала, начнем с гор. Почему именно с гор? Считаю, что всесторонне человека могут проверить лишь горные вершины. Помните, у Высоцкого: «Здесь он в связке с тобой одной, там поймешь, кто такой». А проверить бойца спецназа, как известно, первое дело.

Вторая причина, которая заставила взглянуть на горную подготовку иначе, чем прежде — Афганистан. Если бойцы «Зенита», «Каскада» в оперативном и боевом отношении имели достаточно хорошую подготовку, то «горники» из них были, откровенно говоря, слабые. Да и откуда взяться альпинистскому мастерству у «опера» из Орла, Брянска или с Дальнего Востока? Опыт боев на Кавказе в годы войны порядком подзабыли. Курсы усовершенствования офицерского состава, где повышали «квалификацию» сотрудники территориальных органов, ориентировались на равнинную подготовку, на действия в лесу, а воевать пришлось в горах.

А в горах все иначе: «Здесь вам не равнина, здесь климат иной» — пел любимый всеми бард. И был прав.

Передвижение, ориентирование, стрельба, разведка ведутся совсем по другим законам, чем, к примеру, в степи, лесу.

Было и еще одно важное обстоятельство в пользу создания горной специализации: при изучении спецподразделений ведущих стран мира «вымпеловцы». всюду находили в числе основных предметов альпинистскую подготовку.

Впоследствии умение штурмовать горы поможет бойцам во взятии зданий, домов, строений, других объектов при освобождении из них заложников, захваченных террористами.

45

Словом, осознание необходимости горной подготовки

«Вымпела» пришло как к «низам» так и к «верхам» подразделения.

Рассказывает один из ведущих альпинистов подразделения майор Святослав Омельченко:

— Альпинизм — это всесторонняя и жесточайшая проверка человека. Не нужно создавать никаких искусственных условий проверки бойца спецподразделения, просто возьми его в горы. Более экстремальных условий создать нельзя. Могу сказать, что кое-кто у нас на сложных участках передвигался только на четвереньках. Смотрит вниз, высота огромная, и падает на четвереньки.

Некоторых приходилось оставлять на маршруте под присмотром и двигаться дальше. Если гражданские альпинисты в сложные моменты поворачивают обратно, то нам такого не дано. Мы возвращаться не могли — впереди боевая задача, которую надо выполнить.

Таким образом, мы берем молодого бойца и «запускаем» в нашу программу. Начинаем с организации дневки, приготовления пищи. Выход на маршрут — идешь часами. Десантная подготовка, к примеру, тоже сложна. Но там сконцентрировался, поборол себя в эту минуту и прыгнул. У альпинистов совсем другое, смотришь, как он идет: ноет ли, каков подход к страховке, даже как он забивает крюк, от которого, может быть, зависит жизнь товарища. А если я падаю, прыгнет ли он на ту сторону, чтобы удержать? Да и удержит ли, ведь руки порой от веревок огнем горят?

А начинали с обычных выездов в горные районы. Первый такой выезд — Кировакан, Армения. Там был армейский альпинистский учебный центр. Занятия проводили инструкторы. По окончанию — тактико-специальные занятия.

Вторая точка — Алма-Ата, Памир. Горы уже другие, более сложные.

Однако вскоре в «Вымпеле» поняли: такая система подготовки не подходит. Пусть сотрудники работали под легендой, но даже учебные задачи приходилось выполнять специфические, разведывательно-диверсионные, а инструкторы-альпинисты — люди гражданские. Да и лишняя «засветка» бойцов совершенно секретного подразделения КГБ была ни к чему.

Решили отобрать своих людей, довести их до второго разряда по альпинизму, а потом из них подготовить инструкто-

ров. Была сформирована такая группа, бойцы вскоре получили соответствующие разряды, прошли инструкторские курсы и даже стали альпинистами-спасателями. Их внесли в картотеку спасательного отряда Советского Союза. Кстати говоря, горной группе «Вымпела» неоднократно приходилось участвовать в спасательных мероприятиях.

Пока горная группа совершенствовалась в мастерстве, в подразделении альпинистская подготовка продолжалась. К тому времени, когда инструкторы были готовы к углубленным занятиям, практически весь личный состав «Вымпела» побывал в

горах, сделал, так сказать, свои первые шаги к вершинам.

Стали разрабатывать программы горной подготовки. Тут были свои сложности. И прежде всего в возрастном барьере.

Вообще возраст в жизни и деятельности спецподразделений — это отдельная большая проблема. Кстати говоря, от успешного ее разрешения зависит боеспособность, сила воинского коллектива.

Да, сохранение и передача традиций, духа подразделения, уважение к ветеранам крайне важны, однако столь же необходима и смена поколений. Тут как в спорте — надо вовремя уйти, не стать обузой, балластом для коллектива. Но куда? У нас об этом как-то не принято задумываться. И выходит, что у ветерана спецподразделения, по существу, нет выбора. Или до последнего держаться за свое родное подразделение, где тебя знают, уважают, с которым связаны лучшие годы, или уходить насовсем. Но не следует забывать, что ветеран спецназа — это еще достаточно молодой и полный сил человек. Но вот, к примеру, интенсивная подготовка в горах ему уже не под силу. Приходится привлекать более молодых.

Программы подготовки гражданских альпинистов «Вымпелу» не подходили: слишком растянутые, длительные сроки. Первый этап подготовки — теорию, изучение узлов, страховку — проходили на базе. В горах же темп обучения был ускоренный, напряженный.

Обучение старались проводить в разных регионах, ибо трудно было предсказать, где придется действовать завтра — на Кавказе или на Памире. Отрабатывали как можно более широкий круг навыков: передвижение по скалам и льду, перевальные переходы, страховка, работа с веревкой, техника альпинизма.

Завершалось обучение восхождением. Следует прямо сказать, не все доходили до вершины, кто-то «сачковал», кто-то

не воспринимал высоту, у некоторых начиналась так называемая «горнячка», горная болезнь, когда кружилась голова, подкатывала тошнота, начиналась потеря ориентации. Представьте себе, что такой человек в боевых условиях попадает в группу — он становится обузой для всех.

Таким образом, от восхождения к восхождению, от учений к учению крепла горная группа специального назначения.

Жизнь устроит проверку этой группе, и не только восхождениями на самые сложные горные вершины.

Сегодня мало кто знает, что в начале 90-х годов органами безопасности были предотвращены террористические взрывы в нескольких точках Москвы. По почерку, подготовке взрывных устройств удалось установить — работала одна группа. Снабжена она была взрывчатыми веществами, детонаторами промышленного производства. Мест, где производились эти вещества, куда доставлялись и где возникала вероятность их похищения, не так уж много в стране. Все их следовало проверить.

Подразделение «Вымпел» работало сразу по нескольким объектам. Группе альпинистов-«вымпеловцев» достался один из

самых трудных участков — вольфрамомолибденовый комбинат, располагавшийся в горах. Задача была поставлена предельно ясно: найти возможные пути утечки взрывчатых веществ с комбината.

Стояла поздняя осень. Группу выбросили в район ведения разведки. Бойцы забазировались у города, который обеспечивал работу комбината. Операция проводилась в высшей степени секретности.

Разведчики прибыли в альпинистский лагерь и вскоре ушли в горы. С местными инструкторами и спасателями изучили один маршрут, а идти пришлось совершенно по другому.

Спустившись к городу, стали изучать объект. Кто-то шел прямо через проходную комбината, кто-то поднялся вверх и вел наблюдение с близлежащих горных отрогов.

Изучали путь поступления взрывчатки. Она, оказалось, поступала из другого города. Ее доставляли автомашинами на склад комбината. После разгрузки она со склада попадала на комбинат.

Возможность утечки была найдена сразу на маршруте. Вместо двух машин для перевозки взрывчатых веществ применялась одна, вместо двух водителей — один. Компоненты для приготовления взрывчатки перевозились, словно дрова.

Машина идет медленно, преодолевая затяжные подъемы. Бойцам удалось незамеченными проникнуть в кузов и «похитить» мешки.

В общем, было найдено много путей утечки на маршруте, а также при движении взрывчатки от склада к комбинату.

Проникли сотрудники «Вымпела» в цех, где смешивались компоненты и готовилась взрывчатка. Некоторым бойцам удалось «устроиться» на работу на комбинат.

Бойцы группы все засняли на фотопленку, условно заминировали заводскую дробилку, трубопроводы, проникли в отстойники и подготовили их к подрыву.

Заключение было далеко не утешительным для местных территориальных органов: с этого молибденового комбината вполне возможна утечка взрывчатых веществ.

Такова краткая история рождения, подготовки и восхождения к вершинам мастерства горной группы специального назначения. Однако «Вымпел» был силен не только альпинистами. Не менее интересна и увлекательна судьба боевых пловцов — весьма экзотической профессии в условиях, казалось бы, сугубо сухопутного подразделения. Но о них речь в следующей главе.

ПОЗЫВНОЙ: «МОРЕ!»

Огромный зев морского парома, в котором железнодорожный вагон казался игрушечным, открылся навстречу волнам.

Была полночь. Октябрь. Море штормило. Ветер свистел в гигантских распахнутых аппарелях парома. В отблеске корабельных фонарей, у обреза борта стояли четверо. Трое в

водолазных масках, гидрокостюмах, ластах, четвертый — в обычной спортивной куртке.

Люди — словно крохотные гномы в пасти страшного монстра. Судя по всему, первые трое готовились прыгнуть за борт, в бушующее море.

Со стороны посмотреть — вершилось нечто странное. В ту ночь «роза ветров» обернулась к пловцам своими колючками. Воздух шел с берега в море. По всем профессиональным канонам боевых пловцов эти трое были безумцами или наоборот — безумно храбрыми людьми. Они собирались двинуться против ветра и против течения.

49

Первый же закон боевых пловцов гласит: никогда — против ветра, никогда — против течения. Можно погубить себя и провалить операцию.

А что же эти трое — они не боялись смерти и провала? Нет, они просто не думали об этом.

Паром шел из Одессы курсом на Варну. Капитан знал, что на его борту есть не совсем обычные пассажиры. На всем пути движения судна дверь их каюты была заперта, обитатели ее ни разу не показывались ни на палубе, ни в буфете.

Капитан много лет ходил в море. Видел его разным: и ласковым, и сердитым, штормовым, как сегодня, и потому знал цену мужеству.

Однако на его памяти такое происходило впервые.

Время от времени он условным сигналом стучал в запертую дверь каюты, приносил пловцам поесть. А когда командир группы пловцов забеспокоился относительно штормового моря, он успокаивал его. Согласился даже уйти с фарватера, подойти ближе к берегу. И тем не менее до берега, затерянного где-то в ночи, оставалось почти пять миль.

И вот теперь трое пловцов и выпускающий стояли у борта парома. В назначенную минуту стихли винты двигателя и осеннее море поглотило троих смельчаков.

Еще мгновение выпускающий видел их крохотные фигурки на волне, но вскоре они пропали в темноте. Защемило сердце. Сегодня он рисковал не только погонами, собственной репутацией, но, случись что, и собственной свободой.

Чем рисковали его ребята? Прежде всего — жизнью.

Двое из них были очень сильными пловцами. Один, назовем его, к примеру, Иваном, немало удивлял «водолазного доктора» разведцентра. По всем врачебным тестам он выходил на уровень мастера спорта международного класса. Хотя им никогда не был. А сердце у Вани работало, как у чемпиона мира по конькам.

Другой — командир и лидер группы, был необычайно вынослив и бесстрашен. Третий в плавательной подготовке уступал, но физически оказался крепким и сильным.

Итак, они шли против ветра и течения. Задача — выйти в назначенную точку на варненском берегу. Только где она, эта точка, и где берег?

Ночь. Море. Шторм. Связи с маленькой группой не предполагалось. Береговую полосу отслеживали поднятые по

тревоге пограничники.
50

Пловцы работали, работали, связанные одной веревкой. Иван тащил за собой сумку с их вещами. Изредка тройка останавливалась, отдыхала, пила воду. И вновь в дорогу. По всем расчетам пловцов один час работы — 3 километра.

Уже показался далекий берег. Вот-вот станет легче. Но на очередной остановке лидер вдруг заметил: берег не приближался, ветром и течением их уносит в море. Это увидели и другие члены группы.

Кто-то из них пошутил тогда: «Ребята, у вас есть турецкие паспорта?»

И вновь в путь, миля за милей. В разведзадании, которое они разбирали по косточкам на базе, потом в каюте парома, было сказано: ориентир — десятиметровая мачта в прибрежном пионерлагере с зажженным сверху красным фонарем. Внизу, в створе — желтые фары машин.

Однако вышел просчет, на дворе стоял октябрь, пионерлагерь закрылся и фонарь на мачте не горел. А желтые фары машин? Как же их отыскать, если весь берег был в желтых огнях. Но главное, берег, казалось, рядом. Однако это «рядом» вылилось еще в полтора часа движения в штормовом море.

Когда же, действительно, до берега было рукой подать, метров 600—800, впереди показались буйки: рыбацкие сети. К счастью, тревога оказалась ложной, сети уже убрали и пловцы приблизились к берегу.

Вышли на прибрежную полосу, усталость навалилась. Иван, на которого легла основная нагрузка, зацепился за камень и не смог его преодолеть. Пришлось помогать.

На берегу прямо на гидрокостюмы надели брюки, ветровки, залегли в камнях. Вскоре увидели автомашину, затормозившую у моря. Лидер включил свою радиостанцию и услышал позывные: «Море! Море!» Вызывали их. Через несколько минут они уже были в объятиях товарищей.

С момента выхода группы в море с борта парома прошло 5 часов.

Так завершились учения боевых пловцов подразделения «Вымпел». Это, конечно же, были они.

Как и всякое новое дело подготовка боевых пловцов пробивала себе дорогу не просто. Нет, не потому что в руководстве засели рутинеры, скорее наоборот, командование «Вымпела» способствовало творчеству, но сама подготовка — занятие крайне дорогое и юридически ответственное.
51

Однако какие бы сложности не вставали на пути бойцов спецподразделения, со временем пришло осознание: нужны специалисты, умеющие действовать в воде и под водой. Анализ учений разной направленности показал — «подводники» необходимы в 70 процентах случаев, в особенности если работа бойцов связана с атомными и гидро- станциями, промышленными объектами. Словом, всюду, где в технологическом цикле есть вода, применимо мастерство боевых пловцов.

Последующая практика показала правильность расчетов «вымпеловских» аналитиков: там, где протекала даже самая маленькая речушка, есть реальная возможность проникновения к объекту, не говоря уже о системе канализации, водопровода.

К счастью, в подразделении оказался энтузиаст подводного плавания Юрий Подлесный.

Для начала, прежде чем опуститься под воду, он разобрал по винтику три акваланга, перечитал гору книг о подводном плавании. Первой книжкой, которая попалась ему в руки, была книга Жака Кусто.

Однако все понимали: теория — лишь первый шаг в освоении профессии боевого пловца.

Рассказывает сотрудник группы «Вымпел» Юрий Подлесный:

— Начало подготовки боевых пловцов в подразделении приходится на 1982 год. Мы вышли с предложениями на руководство и нам дали добро на аренду бассейна. Собрали инициативную группу. Начали работать с комплектом «один» — маска, ласты.

Поняли, как держаться на воде, как правильно нырять, чтобы были в порядке уши. Как, например, с глубины семь метров всплыть на поверхность, оставаясь при этом здоровым и боеспособным.

Потом стали думать об освоении акваланга. В бассейне «Дельфин» под водой снимаем акваланги и кладем их на дно. Разумеется, аппарат надо тоже верно положить, чтобы не выходил воздух. И начинаем работу: сорок пять минут переходим от аппарата к аппарату не всплывая на поверхность, отрабатываем технику дыхания, другие приемы, к примеру как страховать друг друга. Как правило, эти сорок пять минут никто не всплывал. Ну разве за исключением тех случаев, когда ребята просто подшучивали друг над другом — перекрывали

кислород в баллонах. Следующий пока сообразит, откроет, надо всплывать. Но это тоже были весьма полезные «шутки». Они учили действовать в экстремальных ситуациях.

Ну а тем, кто экстренно всплывал, в наказание приходилось выставлять пиво.

Учились мы работать на носителях. А это значит, зарядка серебряно-цинковых аккумуляторов, продувка порошков для регенерации воздуха. И все собственными силами, на открытом ветрам островке, при температуре плюс тридцать градусов.

Может это покажется странным, но каждый из нас совершал прыжки с парашютом на воду. Десантировались с 200 метров, в полном снаряжении, в гидрокостюмах, с оружием, носителями.

Представьте себе, на низкой высоте, над водой идет самолет, выбрасывает боевого пловца и тот уходит в воду, растворяется.

Особое внимание уделялось стрелковой подготовке, как на воздухе, так и под водой. К тому времени в нашем распоряжении были подводные автоматы, пистолеты.

Недавно я прочел о них в открытой печати, а нас вооружили ими уже в 1987 году.

Изучали мы и подводный мир, повадки рыб, морских

животных. Представьте себе того же известного всем «ската». Он вроде, когда лежит, красивый такой и безобидный, а шипы на 20 сантиметров. И раны наносит жгучие, незаживающие...

Таковы первые шаги боевых пловцов группы «Вымпел». Однако надо было двигаться дальше. И вот тут возникли новые трудности. Обучение в бассейне «Дельфин», где поначалу занимались сотрудники группы, по многим соображениям не подходило суперсекретному подразделению. Даже под разного рода легендами.

Стало быть, предстояло, как и в горной подготовке, вырастить своих инструкторов. А это, кстати говоря, происходит не так быстро. Одному из бойцов пришлось четыре года, по воскресеньям, за счет личного времени отдежурить на бортике бассейна, да еще подготовить детскую группу пловцов, прежде чем ему выдали «корочку» инструктора-общественника.

Но, как оказалось потом, у военно-морских специалистов эта «корочка» не очень-то и ценилась. Так что энтузиасты подготовки боевых пловцов «Вымпела» прошли, почитай, все,

что было тогда по их специальности в Советском Союзе — и ДОСААФ, и морской спецназ, и севастопольскую школу водолазов, и даже брали уроки у вьетнамских ныряльщиков.

В ходе обучения и подготовки накопили необходимый опыт, многое осознали и поняли. Поняли, например, что такое физиология. Что ее не *объедешь,* не обманешь и не заменишь никаким упорством и тренировками. Что некоторые, полностью здоровые ребята не могут стать боевыми пловцами. Например, боязнь замкнутого пространства, которая проверялась только при выходе из торпедного аппарата — очень узкой, 'неудобной трубы.

Так, в один из заездов группы бойцов «Вымпела» в город Очаков, где квартировала легендарная часть морских диверсантов из 20 человек, четверо не прошли торпедный аппарат.

Осторожней стали относиться к крупным, накачанным ребятам. С ними проблема в оперативном отношении: после выхода из воды их трудно спрятать. Они не могут выйти через торпедный аппарат — не пролезают.

Даже такая, на первый взгляд, мелочь, как объем легких и то имеет значение. И очень большой объем, оказывается, совсем не благо — быстрее расходуется кислородный запас на единицу пути.

Не все сотрудники могли справиться с еще одной водолазной сложностью — в аварийной ситуации быстрый спуск в воду.

Словом, шел естественный отбор. Из ста двадцати человек, которые прошли подготовку «морских дьяволов», отобрали сначала 16 пловцов, потом, в ходе дальнейшего отбора — всего десять. Но это были настоящие «дьяволы», готовые выполнить любую задачу.

«Вымпеловцы» внимательно изучили опыт морских пловцов Германии и Италии в период Великой Отечественной войны.

Так, в Италии первые боевые пловцы появились в 1935 году. В

1941 году итальянцы уже имели флотилию малых боевых средств и школу по подготовке пловцов.

После того, как в Александрийском порту было совершено нападение на британские линейные корабли «Куин Элизабет» и «Вэлиент», подразделение морских диверсантов создали и англичане.

Советский Союз серьезно занялся подготовкой боевых пловцов только в 1970 году, когда в системе Главного разве-

дывательного управления было сформировано специальное диверсионное подразделение.

По некоторым данным наши пловцы участвовали в «острых мероприятиях» в «горячих точках» планеты, а после подрыва теплоходов «Капитан Вислобоков» и «Капитан Чирков» занимались охраной судов в портах некоторых стран.

В 1989 году у берегов Мальты лайнер «Максим Горький», на котором проходила встреча Генсека Компартии Советского Союза Михаила Горбачева и Президента США Джорджа Буша, тоже охраняли советские боевые пловцы. И как видим, весьма успешно.

Кстати говоря, боевые пловцы «Вымпела» проходили стажировку и на базе диверсионного подразделения ГРУ. Так что старались аккумулировать различный опыт — и свой, доморощенный, и иностранный.

В результате аккумуляции этого опыта пришли к выводу: профессионал-водник обязан уметь преодолеть 10 километров с грузом в 50 килограммов.

Разумеется, эти результаты были значительно перекрыты. Примером тому учения, с которых я начал эту главу. Однако наиболее важным было, пожалуй, не абсолютное расстояние и вес, а, прежде всего, моральная и психологическая готовность высадиться в заданной точке моря и выполнить задачу. Боевые пловцы «Вымпела» не боялись моря, работали без страховки с твердой уверенностью в своих силах.

Примером тому многочисленные занятия и учения, в которых им приходилось участвовать. Здесь и освобождение заложников в прибрежной полосе, и подрыв объектов в море, и десантирование из подводной лодки, и даже «захват» атомного ледокола.

Случалось получать за выполнение, казалось бы, учебных задач и боевые награды. Так было во время учений на Каспии, когда группе боевых пловцов «Вымпела» поставили задачу по обеспечению высадки специального агента с водной акватории на заданную территорию.

Вот как об этом рассказал один из участников учений:

— У нас по морским меркам были весьма крутые мероприятия. Наша группа встречала корабль в течение трех дней в открытом море.

Стоял декабрь, Каспий штормило, и начальство решило, что мы будем выходить на надувной лодке на 100 метров. Но

«стометровка» — это зона прибоя, там вал идет невообразимый. Пришлось настоять: выходим на 600 метров. А это уже

достаточно далеко.

Задача, надо прямо сказать, архисложная. Выйти в море на лодке и встретиться с кораблем, это все равно что состыковать космические спутники на орбите.

Руководитель учений говорит: «Ты дай морякам координаты точки, где будешь встречаться с кораблем». Ну я беру обычную карту и докладываю. Вечером руководство меня чуть не материт: «Ты что нам дал? Надо взять морскую карту». Взяли. А у моряков, в зависимости от масштаба допускается погрешность в постановке точки «плюс-минус один миллиметр».

Только у нас 1 миллиметр на карте — «сотке», к примеру, равен 100 метрам, а у них — 1 миле. Ночью, в штормовом море одна миля — гигантское расстояние, друг друга можно сутки искать — не найдешь.

Стали думать, как быть. Изобрели способ: соорудить створный знак — три фонаря один над другим, чтобы корабль мог выйти на эту линию. Но линия это еще не все. Как вычислить саму точку? Решили внизу поставить еще два фонаря. Ну а тут уже математика, вычислить точку своего стояния не составляет труда.

Два дня дежурили в море — никого.

На третий день время баражирования в заданной точке закончилось, и мы с чистой совестью пошли к берегу. Море бушует, шторм больше 3 баллов, на берег не выйти.

Но кое-как справились, вышли, сняли гидрокостюмы. Володя Арбеков пошел снимать фонари и вдруг прибегает: «Там сигналы с корабля подают. Я ответил на пароль. Нас ждут».

Скорее одеваться. А у нас комбезы блока НАТО, одноразовые, тоненькая резина. Их всего четыре штуки закупили, берегли пуще глаза. Но тут уж некогда трястись над комбезами, срочно натянули и в море. Вперед, а волны выносят назад.

Тогда мы на руках забрасываем лодку и за ней вплавь, по очереди забираемся внутрь. Только выходим из полосы прибоя и вдруг резиновая уключина лопается, и весло вылетает. Одно есть, другого нет.

А катер тем временем начинает сносить ветром. И тогда один из ребят схватил весло и держал его руками вместо уключины.

Лодка залита водой, катер теряется в волнах, и вместо намеченных 600 метров мы уходим в море на 2 километра.

Тут еще, как назло, на катере вышел из строя гидролокатор, вокруг мели, капитан ближе подойти боится. Вот и пришлось грести, что было сил.

Ладно, подошли, взяли агента, а я думаю, как при волне высадить его благополучно. Но получилось, почти как в кино. У берега ребята нырнули в воду, чтобы поддержать лодку, а ее резко бросает вперед, они отстают, но тут я как мог держал ее. Словом, агент благополучно был десантирован.

За эти учения группа пловцов «Вымпела» получила медали «За боевые заслуги». Дело, конечно, не только в наградах. Хоть, признаться, приятно их получать. Важнее другое — пять лет подготовки (а учения проходили в 1987 году) не прошли даром.

Возросло мастерство, подразделение набирало силу.

К счастью, отделение боевых пловцов существует в «Вымпеле» и до сих пор. Есть в нем и ветераны, и молодежь. Когда чеченскими террористами в Турции был захвачен паром «Аврасия» и Президент России Б. Н. Ельцин объявил о трехстах офицерах, готовых идти на штурм, он имел в виду именно «вымпеловцев». Правда, Президент несколько преувеличил число пловцов, но факт остается фактом: «морские дьяволы» были готовы вылететь на место теракта.

КЛУБ «ТРИ СЕМЕРКИ»

Парашютная подготовка в спецподразделении является одной из основных. И не только потому, что она всегда, как бы лежала на поверхности, была широко освоена в стране, но и потому, что без овладения ею нельзя решить главную задачу спецназа — доставку подразделения в короткое время в нужную точку.

Кстати говоря, именно разведчики и диверсанты первыми в истории ощутили выгоду применения авиации для высадки в тыл противника своих агентов, а впоследствии диверсионных групп и подразделений. В том числе и методом парашютирования.

До Первой мировой войны, как известно, боевая авиация применялась лишь для бомбометания и разведки с воздуха. И вот начавшаяся война явилась своего рода катализатором ак-

тивного развития новых средств борьбы, не виданных доселе приемов боевых действий.

Теперь, с началом войны, самолеты, даже при всем несовершенстве их конструкций, совершают глубокие рейды в тыл противника, высаживают разведчиков и диверсантов.

Результаты рейдов оказались впечатляющими. Если раньше заброска английского агента в тыл врага через Голландию требовала не менее двух недель, то благодаря самолетному вылету он попадал в заданный район через два часа. И возвращался в случае удачи через день-другой. Таким образом, данные разведки оказывались на штабных столах в фантастически короткие сроки.

Это поняли не только англичане. Уже через несколько месяцев после начала Первой мировой войны Главное командование французских вооруженных сил потребовало от авиации добровольца, который мог бы высадить в тылу у немцев разведчика. Таким добровольцем оказался летчик-истребитель Пенсар.

Позже заброска разведчиков и диверсантов по воздуху происходила достаточно часто. Французы назвали операцию по высадке агентов или небольших диверсионных групп, отрядов в тылу противника «специальной задачей». Этот термин сохранился и до наших дней.

Так вот, подготовкой к выполнению «специальных задач» и занимались усиленно бойцы «Вымпела».

Прыгать с парашютом должен был научиться каждый. Однако в ходе обучения выделялись лучшие. Из их числа и

скомплектовали отделение «летчиков-парашютистов».

Почему «летчиков-парашютистов»? Да потому, что в начале 90-х «Вымпел» профессионально осваивал не только парашют, но и дельтаплан.

Сегодня ни у кого уже нет сомнений, что дельтаплан — весьма эффективное оружие спецназа. Аппарат способен доставить в любую точку двух человек — самого пилота и парашютиста. И если гул самолета крайне демаскирующее средство, то звук мотора дельтаплана на высоте в тысячу метров воспринимается как легкий стрекот, а на полутора тысячах вообще не уловим для человеческого уха.

Да и смотрится дельтаплан на такой высоте скорее как парящая птица, нежели как летательный аппарат. Так что имеются все возможности для скрытого, бесшумного выхода в

заданный район и выброски десанта. А если к тому же оснастить диверсантов парашютами типа «планирующее крыло», успех такой операции вполне вероятен.

Опыт учений на Калининской АЭС, где для заброски бойцов использовались дельтапланы и «парашюты-крыло», доказал перспективность этого метода. А значит и правильность расчетов тех, кто вел одновременное освоение дельтаплана и парашюта.

Рассказывает боец спецподразделения «Вымпел» Павел Пегов (фамилия изменена):

— Я пришел в подразделение в самом начале 1991 года. Бойцы уже давно прыгали по армейской норме, по-моему, пять прыжков в год. Выезжали в Тулу и прыгали вместе с десантниками.

Позже мы «завязались» на чеховский аэроклуб. Отдел у нас был дружный. В составе отдела и отделение «летчиков-парашютистов».

За основу взяли спортивную программу парашютной подготовки, но подсократили ее.

Занимался с нами инструктор экстракласса Александр Александрович Парфенов — шестикратный чемпион мира по парашютному спорту, обладатель многих рекордов.

Программу осваивали с опережением, уже на второе лето пересели на планирующую оболочку, начали учиться ходить группами, работать на точность приземления.

В Чехове над нами подшучивали: мы таскали с собой на прыжки горное снаряжение — веревка, карабины, приспособления для спуска со зданий. Ну и прыгали на крыши домов, строений, ангаров.

Конечно же, отрабатывали приемы приземления на лес, на воду. Учились работать в непогоду — в дождь, при ветре, в низкую облачность. Помню, парашюты укладывали на взлетной полосе. Хлещет дождь, купол прямо в луже лежит.

Исходили из того, что завтра на боевом задании вряд ли кто станет разгонять тучи, заказывать безоблачную погоду.

Так было и с ветром. Понимали, что при ветре скоростью 12—14 метров прыгать небезопасно, но мы ведь не спортсмены, не ради удовольствия или спортивных достижений работали. А в

бою не будешь в нормативы смотреть.

Вообще вспоминаю сейчас, как мы работали, и оторопь берет. Порою и день, и ночь. Под легендой некоего клуба «три

59

семерки», который выдумали сами, летали с другими дельтапланеристами.

Аппараты у нас в ту пору были, пожалуй, лучшие, и летать мы начали рано, на зорьке. Тихо, ветра нет, и часов до 7—8 налетаемся вдоволь, а в 9 уже готовимся к прыжкам с парашютом.

Работали в первую и во вторую смену, часов до 6—7 вечера. А вечерком, после ужина, снова выкатываем свои дельтапланы — «кергуду», как мы их в шутку называли. Часов в десять заканчивали. Но отдохнуть тоже хочется. А там как раз бар открыли, ну по водочке раз-другой закажем, глядь, за разговорами и светать начинает. Какой там сон. Ударим по кофейку и к ангарам, выкатываем аппараты и в небо...

Да, они любили небо. А небо любило их. Когда пришло время доказать свое мастерство, «летчики-парашютисты» «Вымпела» творили поистине чудеса.

В ходе учений на Калининской атомной электростанции им была поставлена предельно четкая задача: выражаясь военным языком, совершить вертикальный охват ядерного реактора АЭС, которая, по легенде, оказалась захваченной террористами.

Накануне местные инженеры ознакомили их со станцией. Краткий экскурс временами походил на нечто явно не реальное, особенно когда специалисты-ядерщики уточняли: «Вот тут у нас, ребята, 30 тысяч вольт, а здесь — только 15 тысяч».

Для парашютистов «Вымпела» это означало — промахнись они, и боевые товарищи даже пепла не соберут для похоронной урны.

Однако в спецназе обсуждать приказ не принято, и потому они думали, как выполнить его. Как обойти эти «30 тысяч вольт», эти поля проводов, гирлянды изоляторов...

Но как бы точно не было все просчитано, десантирование на крышу реактора АЭС — смертельно опасное дело.

Многое вообще невозможно просчитать, предусмотреть, ибо многое не зависит ни от воли, ни даже от мужества парашютиста. Например, воздушные потоки на крыше реактора — одни, на земле — совсем другие. Кроме того, сама крыша ступенчатая. Одна этакая «ступенечка» метра три-четыре высотой. Вот и промахнись, попробуй...

Словом, прыжок, который совершили трое бойцов «Вымпела» с борта дельтапланов и вертолета на крышу АЭС был сверхопасный и сверхсложный. Однако они его совершили и,

60

прикрывая друг друга, проникли внутрь станции, чтобы неожиданно ударить по террористам сверху.

...Учения завершились успешно. А небо стало еще ближе и роднее.

РЮКЗАК ОМЕЛЬЧЕНКО

«Кулибиным» «Вымпела» генерал Юрий Иванович Дроздов назвал бойца подразделения Святослава Омельченко. И он действительно соответствовал этому высокому званию.

Однако, чем больше я знакомился с сотрудниками «Вымпела», тем больше убеждался: «Кулибиных», то есть людей пытливых, неравнодушных, ищущих, было много в подразделении.

С одной стороны, все они болели за дело, с другой — искать, думать, экспериментировать их заставляла жизнь.

Это американской «Дельте» просто выделили 90 тысяч долларов на строительство собственного тира, который состоял из четырех зданий, а каждое помещение оборудовалось сложной системой портативных и взаимозаменяемых целей. Цели были озвучены, имитировали террористов и заложников.

Ни о чем подобном «вымпеловцы» и мечтать не могли. Помню, мне рассказывали, как возвратившись с Кубы после встреч с никарагуанцами, сотрудники подразделения решили переоборудовать тир.

Один из бойцов рассказывал: «Все делали своими руками, ну еще пару солдат дали нам в помощь. Фанеры нет, денег нет, подъемников нет.

Сами ездили, доставали, покупали. Правда, начальство потом благодарность объявило.

Но важно что отделами стали ходить стрелять, учиться...»

Что ж, думаю, это многим знакомо. Никто ничего не приносил на блюдечке с голубой каемочкой, потому и рождались «кулибины». Была острая потребность в них.

Вообще, человек, хоть единожды побывавший в турпоходе, понимает, сколь много нужно в дороге. Порой, от мелочи зависит успешный отдых. А у бойца спецподразделения, который идет на отдых, как на войну, на боевое задание от мелочи зависит жизнь. Поэтому у них нет мелочей.

61

«Вымпел» со времени его создания снабжали тем, что было в стране — в армии, в МВД, в КГБ. Были так называемые «абалаковские» рюкзаки, ими и снабжали. Потом появились «Ермак», «Сенеж», но все это по большому счету оказалось малопригодным для длительных, напряженных переходов.

За неимением лучшего пользовались и этим, но, как говорят, скрепя сердцем. Ведь для спецподразделения порою важны не только минуты, но и секунды. Однако попробуйте из огромного, туго набитого рюкзака в считанные минуты достать необходимую вещь. Да если она еще, по закону подлости, находится на самом дне. Стало быть, придется разбирать весь рюкзак, а потом вновь собирать. Какие уж тут секунды...

Боец «Вымпела» Святослав Омельченко собирал, разбирал... Делал это не раз и думал, думал. В очередном походе, на учениях просчитал, записал, размышляя, как удобнее разместить все многочисленное спецназовское хозяйство — от иголки до громоздких банок армейской тушенки.

И наконец, предложил идею так называемого разгрузочного

жилета. Надевался он через голову, перехватывался лямками: сзади — рюкзак, спереди — на груди и боках кармашки.

На учениях в Златоусте сам автор опробовал свое изобретение. По лесам пришлось ходить не мало, и все убедились — Омельченко создал нечто новое, лучшее. Заказали два десятка жилетов.

Однако учения показали и минусы разгрузочного жилета. В начале пути груз распределялся на груди и спине, по возможности, равномерно. Но продукты потреблялись, и нарушалась балансировка, жилет давил шею, стеснял свободу действий.

Стало ясно: он пригоден, но лишь для краткосрочных действий.

К этому времени Омельченко выходит на Институт стали и сплавов, на лабораторию, которой руководит Дмитрий Константинович Швайков. Все бронежилеты в «Альфе», «Вымпеле», в армии — идея Швайкова и его подчиненных. Словом, теоретики и практик объединяют усилия.

Святослав оказался для ученых находкой. Они знают, как скроить, сшить, а он — куда удобнее пришить, к какому месту.

В ходе работы с учеными Омельченко приходит к выводу: жилет не должен выполнять функцию рюкзака. Жилет — отдельно, рюкзак — отдельно.

62

Действительно, в походе важны три составляющие: боекомплект, одежда, питание. И если одежду и питание кое-как укладывали, то хранение и доставка «бэ-ка» была извечной проблемой спецназовца.

В Афганистане нашивали «лифчики», подсумки, чтобы хоть как-то распихать патроны, гранаты.

Омельченко решил «растащить» боекомплект с помощью своего фирменного жилета. Тут для всего нашлось место — для автоматных магазинов, компаса, фляжки. Был свой «карман» для радиостанции, бинокля. Продуман даже откидывающийся кармашек на груди для карты, чтобы не тереть ее в кармане или за голенищем сапога.

При необходимости к этому жилету можно было подстегнуть и бронированные пластины. Совместное изделие назвали КБСН — комбинированный бронежилет специального назначения.

Получилось замечательное изделие. В зависимости от предстоящей задачи бронезащиту можно было снять или надеть. Да и защита разная — одно дело броневые пластины, другое — легкий кевлар. В предвидении того или иного боя можно варьировать. А ведь это вес. В пути, в дороге его снижение очень важно.

Комбинированный бронежилет был испытан в Афганистане и в Чечне, его с удовольствием надевают сотрудники. Прыгали в нем и с парашютом — приземлился и уже защищен, готов к бою.

Когда КБСН сильно загружен, Омельченко применял специальные лямки. Жилет забрасывался за спину, как рюкзак.

Кстати, о рюкзаке. Омельченко перевернул все представления о нем. Ведь со времени его изобретения

открывался всякий рюкзак традиционно — сверху. А это очень неудобно, создает много трудностей.

Однажды на рыбалке Святослав задумался, а почему собственно рюкзак должен открываться сверху. А если...

Он бросил удочку и стал вычерчивать схему на песке. Так родился принципиально новый рюкзак.

Интересно, что создавал его Омельченко исходя из жестких спецназовских требований. Какие это требования?

Прежде всего скорость открытия рюкзака, удобство размещения груза. Это главное. Но рюкзак — это не только резервуар для хранения продуктов, вещей. Он при необходи-

63

мости должен стать плавсредством, приспособлением для отдыха.

А если боец получил ранение, можно ли сделать из него носилки?

На все эти вопросы Омельченко ответил своим изобретением.

Внедрение его рюкзака вносит свой положительный вклад в дело усовершенствования боевой подготовки особых подразделений.

Представьте себе — группа 2—3 человека. Один из бойцов к своему рюкзаку пристегивает рюкзак товарища. Да, первому тяжелее, но второй сотрудник полностью боеспособен, свободен для маневра. И все благодаря своеобразной конструкции рюкзака Омельченко.

Автором изобретения была разработана и оригинальная подвесная система. Она позволяет быстро снимать рюкзак, регулировать нагрузку, переносить ее с пояса на плечи и наоборот.

Что и говорить, жилет и рюкзак получились отменные, да вот жаль, так и остались они в опытных образцах. Опытный образец жилета находится в Институте стали и сплавов. Он так и не был запущен в производство. В прежние времена не успели, а теперь ответ прост — нет денег.

Такая же история и с уникальным рюкзаком. Правда, оригинальные идеи Омельченко не залеживаются. Он то и дело некоторые свои «придумки» встречает на страницах журналов. Разумеется, под другими фамилиями.

Что же касается пуховых костюмов, тут, к счастью, успели. Сами разработали фасон, вышли с предложением на фабрику и вскоре «пуховики» были готовы. Главное новшество, которое внедрили «кулибины» «Вымпела» — брюки на молнии. Они надеваются и снимаются без снятия обуви, за считанные секунды.

Есть в подразделении и своя, фирменная «вымпеловская» палатка. Индивидуальная, на каждого.

Вообще бойцы «Вымпела» старались в каждое дело внести свою изобретательность. Взять хотя бы системы «ролглисс». Они теперь известны во всем мире даже самым непосвященным. В сотнях фильмов бойцы спецназа влетают с крыши в окна именно на этих подвесных системах.

Первыми эту систему освоили бойцы группы «А». Под их

руководством впоследствии осваивали мастерство владения «ролглиссами» и «вымпеловцы».
64
Однако Омельченко не был бы Омельченко, если бы не заинтересовался «ролглиссами», с которыми работают бойцы Дивизии внутренних войск имени Дзержинского.

Сама система подвески у дзержинцев была проще. И все-таки любая система «ролглисс», закупленная за рубежом, имела много минусов.

Одно из наиболее слабых мест — система освобождения от корзины, в которой находится боец. В бою успех дела решают мгновения. Влетел в окно и сразу надо действовать... Но не тут то было, спецназовец крепко схвачен ремнями подвески. Надо наклониться, подать на себя веревку и только тогда снять ремни.

У Омельченко были свои предложения: ремни подвески вшиваются внутрь костюма. Это позволяет при необходимости быстро присоединиться к системе, освободиться от нее и действовать моментально.

Думали «вымпеловцы» и над тем, как освободить руку — ведь в ныне действующих системах «ролглисс» одна рука занята фиксацией положения. А это создает большие неудобства.

Уверен: если бы сохранился «Вымпел» прежнего состава ныне уже действовала бы своя, усовершенствованная система «ролглисс». Она, без сомнения, превосходила бы все зарубежные аналоги. Но увы...

Как говорили мне с горечью молодые «пенсионеры» «Вымпела», как раз к десятилетию подразделения они входили, выражаясь спортивным языком, в пик формы

И если Омельченко внес множество предложений по совершенствованию спецназовской формы, бронежилета, рюкзака, палатки, системы «ролглисс», то Валерий Киселев работал с оружием.

Казалось бы, пистолет Макарова известен любому военному до винтика. Тут уже не убавишь, не прибавишь, как сделал конструктор, так и будет. Ан, нет. Как говорил мне сам Киселев, «нельзя взять пистолет со склада и выполнять с ним специальную боевую задачу».

Боец-спецназовец должен «обласкать» пистолет. Киселев внес 17 усовершенствований в пистолет Макарова.

Когда я услышал эту цифру — не поверил. Сам прослужил в армии четверть века, сотни раз держал в руках ПМ, стрелял, разбирал. Какие усовершенствования, что там добавишь. Пистолет вполне совершенен. И тогда при очередной встрече я сказал об этом Киселеву.
65
Он назвал мне некоторые из своих «рацпредложений». Право же, они, на первый взгляд, не замысловаты и достаточно просты. Однако это и есть та самая гениальная простота, которая превращает табельное оружие в обласканного доброго друга и могучего защитника.

Еще одним «кулибиным» «Вымпела» можно назвать Павла Кочкина, специалиста по связи и радиоделу.

Это от него исходили, по нынешним, безденежным временам, фантастические, но такие необходимые «Вымпелу» предложения создать пуленепробиваемую каску со встроенной внутрь радиостанцией, по типу тех, что производит для своих спецподразделений Германия.

Или сделать свой топопривязчик. Представляете, в наших бескрайних лесах, в степях, в пустыне боец всегда знает, в какой точке он находится. Стало быть, знает, куда ему идти, как действовать. Бойцам спецподразделений часто приходится действовать в зданиях, сооружениях. Порою здания эти огромны, многоэтажны, с большим количеством помещений. А что если тяжелое ранение. В большом здании такого раненого найти труднее, чем в степи или в лесу. Как спасти человека?

Для этого у командира есть аппарат. Пока жив человек, передвигается, воюет — горит одна лампочка, ранен — загорается другая. И командир знает, где находится его раненый, всегда может своевременно оказать помощь.

Кое-что из мыслей и предложений Кочкина внедрить удалось. Многое осталось лишь в мечтах. Жаль, конечно, что сегодня уже нет в списках спецподразделения «Вымпел» ни Святослава Омельченко, ни Валерия Киселева, ни Павла Кочкина.

Остается только надежда, что появятся новые «кулибины». Вот только когда это будет?

НАШ ЧЕЛОВЕК В ГАВАНЕ

Могут ли три диверсанта взорвать мост, если его охраняет рота численностью в сотню штыков?

Для любого более-менее здравомыслящего человека ответ предельно ясен: нет.

Однако профессионалы-диверсанты нарушают казалось бы незыблемые логические выводы и отвечают на этот вопрос утвердительно. Да, могут.

Признаться, когда сотрудник «Вымпела» Виталий Ермаков, вернувшись из командировки с Кубы и из Вьетнама, предложил провести показательные занятия — взорвать мост, даже самые искушенные усомнились в успехе.

Однако Ермаков стоял на своем и командир «Вымпела» контр-адмирал Владимир Александрович Хмелев дал добро на проведение тактико-специального занятия.

Нашли мост на Клязьме, которому предстояло «взлететь на воздух». Клязьма от дождей мутная, грязная, коренья, топляки.

Ермаков привез лучшего из боевых пловцов подразделения: «Как, Володя, оцениваешь?» Тот лишь развел руками: «В такой реке мы не сработаем». Что ж, на нет, как говорят, и спроса нет.

Охрану из своих же ребят выставили мощную. Руководитель занятия наказывал смотреть в оба. Да и ребят самих разбирал азарт, ну как это, они на мосту, видят все, мышь не проскочит и тут вдруг кто-то подберется незамеченным и взорвет. Не бывать тому.

Так и стоял каждый на своем.

Не будь у Ермакова вьетнамского опыта, на такой эксперимент он бы не решился. Но теперь после месяцев стажировки он знал, как «грохнули» вьетнамский мост, который соединял Сайгон со всем миром. Уж его-то «янки» берегли пуще всего, охраняли невиданными силами. А диверсию совершила тройка пловцов. Невероятно, но факт.

Много интересных идей привез из Вьетнама Ермаков. Ну, например, передвижение и маскировка. Чему казалось бы могут научить нас, лесных людей, вьетнамцы. Оказывается, могут.

Виталий сам пришел из армейского спецназа. Образование получил солидное, подготовку крепкую. Однако прежде не задумывался — какой дурак мог придумать норматив по скрытому передвижению для разведчика.

Если есть в том необходимость, вьетнамец 100 метров будет идти неделю. Но главное, он придет незамеченным, рядом с ним будут ходить, по нему будут ходить, но он выполнит боевую задачу. А у нас, хочешь не хочешь, можешь не можешь — уложись в норматив. Так что же важнее в конечном итоге — выполнение боевой задачи или время норматива?

Немало интересного группа Ермакова привезла и с Кубы, «вымпеловцы» закончили школу полевого спецназа и прошли стажировку в городской школе. Что очень важно, тут они от-

рабатывали программу проведения специальных операций в городе.

Вот как о своей стажировке на Кубе рассказывает сам Виталий Ермаков:

— Нас интересовала, конечно же, сама специфика работы. Сначала нам давали теорию, потом были семинары. Смотрели тематические фильмы. Например, по теме «Саботаж», у них наш советский фильм. В главной роли Белявский.

Он играет одесского артиста, который минировал корабли.

Мы обсуждали эту киноленту, раскладывали, что называется, по косточкам.

После теоретического цикла нам ставили задачу в городе, непосредственно в Гаване. Был конкретный человек, «объект», он двигался по маршруту. Ездил, например, на машине, как обычно с работы на работу.

Мы изучали его образ жизни, привычки, график движения и реально похищали.

В качестве «объекта» действовал преподаватель этой школы, настоящий профессионал.

У них в этих вопросах подход несколько иной, чем у нас. Там педагог — «играющий тренер», чтобы нюха не терял, его забрасывают с заданием. Он выполняет и по возвращении снова преподает. Так что нам противостоял не разжиревший теоретик, а практик высокого класса, участник чилийских событий.

Требования к игре исключительно высокие. С одной стороны, чтобы изучить объект, мы вынуждены были появляться на маршруте и в тоже время, он не должен нас видеть. Заметит — нас сразу отстраняют.

Наш «визави» — интересный мужик, много недостатков

«накопал». На наш взгляд вроде бы и не существенных, но весьма болезненных.

У кубинцев перед каждой операцией заседает так называемый «трибунал».

Мы докладываем ход операции, а они задают каверзные вопросы. Разумеется, применительно к этому месту, времени, характеру действий. Если не готов, могут и отодвинуть. Трудная, но весьма полезная практика.

А вообще хочу сказать, что кубинцы, на мой взгляд, самые опытные по нашей линии специалисты.

Думаю, что с Валерием Альбертовичем нельзя не согласится. Недавно я прочел в прессе интересное сообщение: убит последний из палачей Эрнесто Че Гевары.

Понимаю чувства журналиста — поскорее покончить с палачами. Однако, справедливости ради, надо сказать: убийцы Че еще гуляют по земле, хотя за три десятка лет их стало значительно меньше. Во всяком случае те, кто непосредственно истязал и убил Че, погибли при весьма странных обстоятельствах.

Нет никаких данных о причастности кубинских спецслужб к расправе над палачами, но тем не менее кто-то долгие годы выслеживал и уничтожал их. Этот «кто-то» безусловно патриот своего народа.

Можно спорить о подходе к исполнению приговора, но это уже тема отдельного разговора. И он впереди.

Однако возвратимся к подразделению «Вымпел» и к тактико-специальному занятию по «подрыву» моста на реке Клязьме.

Скажу сразу: результат для охраны оказался весьма плачевным. Несмотря на всю бдительность часовых взрыв-таки прогремел под одной из опор моста.

Как это случилось, Ермаков рассказал участникам учений позже.

Трое пловцов за поворотом реки, откуда они были не видны охране моста, вошли в воду. Выстроились углом. Диверсант, который находился в острие угла, двигал перед собой небольшой плотик, на котором была укреплена учебная мина.

Плотик имел, так называемую, нулевую плавучесть, то есть он плыл под водой, ниже уровня поверхности. От плотика в стороны расходились две веревки, концы которых держали пловцы, идущие впереди.

До излучины реки диверсанты плыли по поверхности, а с выходом в зону видимости, погрузились в воду и применили способ плавания «по-вьетнамски». То есть двигались ногами вперед, с трубочкой во рту.

Этот стиль теперь почему-то называется «вьетнамским», но он известен на Руси еще с древних времен. Русские дружинники, преодолевая водные преграды, использовали для дыхания камышовые трубочки.

Словом, этот древний опыт в ходе специального занятия использовали и пловцы «Вымпела».

При подходе к опоре моста пловцы осторожно без всплеска показывались из воды, один держал заряд, а два других ходили по кругу, обматывая веревки вокруг опоры. Сделав свое дело, по общей команде диверсанты под водой уходили незамеченными от моста.

Заряд взрывался ровно в намеченный срок, когда пловцы уже были вне зоны досягаемости охраны.

Это лишь один из примеров успешного приобретения «закордонного» опыта, который необходим бойцам спецподразделения. Хотя следует сказать, что профессиональные контакты бойцов «Вымпела» с коллегами из других стран в отличии от той же американской «Дельты» были значительно ограничены. Они выезжали, как правило, на Кубу, во Вьетнам.

Порою сотрудникам подразделения самим казалось, что они ходят по кругу. Тот же Ермаков рассказывал мне случай, когда в кубинском генерале, начальнике управления спецопераций, «под крышей» которого «вымпеловцы» стажировались, он узнал гостя их десантного училища. Тогда их спецназовский взвод показывал кубинской делегации десантирование, действие из засады. Виталий напомнил об этом генералу на заключительном банкете и они оба долго смеялись. Действительно, выходило по всему — круг замкнулся.

Это было так, и не так. Да, мы учились друг у друга. Однако каждый применял опыт другого не бездумно, а сообразуясь с собственными условиями, обычаями, образом жизни.

Кроме того кубинцы в отличие от наших бойцов, много действовали за границей, набираясь по-настоящему боевого опыта.

Отсюда их высокое умение стрелять. Когда «вымпеловцы» впервые попали на кубинское стрельбище, то поняли: коллеги шли на несколько шагов вперед. У них был принципиально другой подход. В ходе ведения огня они много двигались, меняли оружие, перезаряжали. Удивляло большое количество мишеней, установленных на разных уровнях.

И самое главное, огромное внимание уделялось стрельбе ночью. Верно: какой смысл ходить в тир днем, если воевать придется ночью.

С горькой улыбкой вспоминали бойцы «Вымпела» их прежние стрельбы: тир, стойка, и основная задача — кучно положить пули.

Стажировка на Кубе изменила все представления об умении стрелять, а встреча с никарагуанскими стрелками заставила навсегда уйти от порочных методов советского подхода к обучению стрельбе. Однако об этом подробнее в другой главе.

Возвратившись с Кубы и из Вьетнама, «вымпеловцы» стали по-иному смотреть и на проблему маскировки. Лицо, руки научились покрывать соком растений. Брали траву, толкли ее в посудине, потом в сок добавляли золу из костра и никакой «помады», как показывают в кино. Ибо, по мнению бойцов, даже самая лучшая помада дает блеск.

Научили коллеги-вьетнамцы и умело использовать руки.

«Впереди идущий, номер один, — рассказывали мне бойцы, — руками, животом ищет мины и разминирует их. У него должны быть очень чувствительные руки, как у хирурга. Ведь ошибиться нельзя, дорога, которая идет за ним — это дорога жизни. Он ставит метки. В сторону противника они черные или зеленые, в обратную, то есть в свою — светлые. Человек, который ползет следом, должен видеть метки. Колючая проволока бесшумно разрезается, и мы проползаем, как змеи. Светит прожектор, но каждый из нас всего лишь кочка. Требования к спецгруппе очень высокие. При нападении, например, на батальон потери группы нулевые, даже ни одного раненого, у противника— полное уничтожение».

А вьетнамские «схроны»! Это вообще поразительное искусство, ведь война за долгие десятилетия научила жить вьетнамцев под землей.

В истории борьбы вьетнамского народа есть случаи, когда партизаны устраивали «схрон» под американским аэродромом.

Ночью они выходили и ставили мины на самолеты. Взрыв! Вокруг беготня, переполох, американцы бросаются преследовать диверсантов, а те находятся рядом. Живут три-четыре дня, пока все успокоится, и незамеченными уходят.

Однако жить под землей тяжело. На Кубе сотрудники «Вымпела» прожили в «схроне» три дня, а вьетнамцы жили неделями.

Есть и городские «схроны». Учили коллеги своих советских друзей как покидать их незамеченными, как тайно возвращаться, как прятать того, кого выкрали.

До сих пор помнят наши ребята кубинские, вьетнамские уроки и потому уверены: нельзя замыкаться в рамках соб-

ственного опыта. Спецназовцу всегда есть чему поучиться у спецназовца.

«РАЗРУШИТЬ... ДО ОСНОВАНИЯ»

Время спрессовано донельзя. Последние годы столь скоротечны и бурны, что впору россиянам считать год за два. Иному народу таких потрясений хватило бы на столетие, а нас «трясет», почитай, каждый год.

На что уж август 1991 года был драматичен. Однако затмили его октябрьские события 1993-го, первая кровавая чеченская война, страшные взрывы жилых домов в Москве и других городах России, вторая чеченская...

Какими далекими кажутся теперь ГКЧП, танки на улицах Москвы, защитники Белого дома.

Но к тем дням нельзя не возвращаться. Слишком дорого стоили они нашему Отечеству, в них истоки многих нынешних бед и несчастий, войн и кровопролитий.

Сегодня мы удивляемся непрофессионализму армии, бессилию спецслужб.

Где корни этого бессилия? Кто и как развалил сильнейшие и опытнейшие в мире спецслужбы Советского Союза? Сейчас об

этом как-то не принято говорить. Не трогают эту щекотливую тему «золотые газетные перья», помалкивают радио, телевидение. И только ветераны разведки, диверсионной службы, антитеррора неустанно твердят: проблему Чечни можно было решить вовремя силами спецслужб, без кровопролития.

Представьте себе, что это значит. Живы были бы десятки тысяч наших российских ребят — солдат и офицеров, мирные жители, локализован был бы преступный режим, сохранена целостность России. Это, без сомнения, был бы подвиг. Однако, чтобы совершить такой подвиг, у государства должны быть спецслужбы, а у спецслужб — силы и желание. Увы, после 1991 года ничего подобного не существовало. Вернее, стремительно переставало существовать.

А когда проблема Чечни вставала в полный рост, у нас уже нечем было обуздать криминальный дудаевский режим.

Теперь уже давно забыт этот случай. А мне хочется его вспомнить. Накануне первой чеченской войны взяли столичного полковника службы безопасности. Как только он пересек границу

Чечни, натянули на голову шапку, повязали, не успел опомниться. Позже обескураженный полковник выступал по телевидению, а я слушал его и думал: это похороны наших спецслужб. Один случай, но в нем как в капле воды отразились огромные проблемы развала могучего некогда организма КГБ. Этого человека предали уже в Москве, когда он только собирался выезжать в Чечню. Что может быть печальнее для наших спецслужб, чем предательство. Потом таких предательств будет множество. Более страшных и кровавых. Когда в результате предательств гибли сотни наших ребят. Но я возвращаюсь к истокам. Ибо истоки эти заносит илом времени.

Так как же мы дошли до жизни такой? Как случилось, что, разрушив КГБ и армию, затыкали чеченские пулеметы пушечным мясом — необученными новобранцами, мальчишками из российской рабоче-крестьянской глубинки?

Кто, в конце концов, виновен в этом? Или, как всегда, у нас нет виноватого? Что творилось в спецслужбах после августа 1991 года, когда решили добить «черного кобеля»?

У меня есть ответы на эти вопросы. Однако хочу избежать субъективизма и потому дать слово профессионалу. Конечно же, кто стоял в те роковые месяцы у руководства спецслужбами, тот в тонкостях и знает обстоятельства дела.

Тогда КГБ возглавил Бакатин. Только сдается мне, облик этого человека весьма далек от облика профессионала спецслужб. Более того, он ненавистен разведчикам-профессионалам. Бакатин пришел реформировать КГБ, ничего не зная о КГБ. И ничего не желая знать. Так что, думаю, на роль эксперта в нашем повествовании он не годится.

А вот его первый заместитель генерал-лейтенант Анатолий Алейников — фигура, вполне заслуживающая внимания. Он пришел замом к Бакатину сразу после августовских событий 1991 года. Не скрывал, что симпатизировал Ельцину,

демократам. Однако не ожидал, что разрушительный дух этих людей будет столь велик. И пусть сегодня в комитетских кругах отношение к нему неоднозначное, Анатолий Аввакумович как мог противостоял «разрушительному духу».

Вот как об этих людях в своей книге «Вымысел исключен» пишет генерал-майор Юрий Иванович Дроздов: «В сентябре 1991 года, уже после августовских событий, меня вызвал для беседы новый первый заместитель председателя КГБ СССР генерал А.А. Алейников. Видимо, он хотел ознакомиться с

тем, что из себя представляет нелегальная разведка, и определить ее судьбу, если она была замешана в путче.

Анатолий Аввакумович Алейников был известен мне как один из руководителей областных управлений КГБ, обладающий опытом контрразведывательной работы. Мы долго беседовали. Я рассказал ему очень многое. Мы, как мне показалось, оба хорошо понимали эту государственную проблему. Генерал Алейников, прощаясь, сказал, что меня должен будет принять председатель КГБ Бакатин и попросил быть в пределах досягаемости. Но вызова так и не последовало. В пылу рьяного разрушительства новому председателю было не до проблем зашиты государства. Не до основательного изучения прошлого и перспектив настоящего развития. Он уже все успел узнать за два-три дня, нагородить столько, что страна еще долго будет залечивать раны. Примечательно, что ни один из сотрудников спецслужб США и ФРГ, с которыми я встречался, не одобрил его шагов, хотя они и воспользовались плодами его действий незамедлительно».

Возможно, сегодня с высоты времени Анатолий Аввакумович что-то и поправил бы в нашей беседе. Но я привожу ее дословно такой, какой она была записана несколько лет назад по горячим следам. В ней много интересных мыслей и много ответов на вопросы, которые болят в наших душах и ныне.

— Анатолий Аввакумович, вы пришли первым замом к Бакатину в тяжелое для Комитета государственной безопасности время. Только закончился так называемый путч, началось реформирование КГБ...

— Да, я как зам «всплыл» от команды Ельцина. В те времена надо было что-то делать, ведь Бакатин пришел с намерениями реформировать КГБ. Но как? Так, чтобы камня на камне не оставить.

Он, конечно, человек неординарный, интеллектуал, но совершенно не управляемый. Дела не знал, но и советы не принимал. А ведь любое государство, каким бы оно ни было, не может существовать без спецслужб.

Я с пеной у рта доказывал, в том числе и Ельцину, что нельзя разгонять Комитет. Сотрудники не виноваты. Они служили государству, той системе...

Вообще, планы у руководства страны были такие: все начать с чистого листа.

Но нельзя с чистого листа. Придут некомпетентные люди, сломаете систему. А ведь система работала четко, мы знали

оперативную обстановку на местах, что и где может случиться, как противостоять, какие профилактические меры применить. Сейчас ничего нет.

Потому и не знаем, что творилось в Чечне. Конечно, были крайности с диссидентами. Но ведь это, в первую очередь, политические игры...

— Значит, были в руководстве люди, особенно зараженные вирусом разрушения. Ведь то, что вы говорите: «Не оставить камня на камне», «начать с белого листа», — это же безумие. Речь идет не о какой-либо конторе, а о системе государственной безопасности.

— Большую роль в разрушении органов сыграл тогда Бурбулис. Он хоть и стал потом нашим куратором, но относился холодно.

Ельцина приходилось уговаривать. Я бывал у него на приеме, доказывал.

Первое, что сделали тогдашние руководители, перестали финансировать КГБ. А без денег кто будет работать?

Бакатин занял такую позицию: меня президент послал реформировать КГБ, а если тебе деньги нужны, — иди, проси... Да не мне, а государственным спецслужбам.

И вот тогда я в Минфине неделями с протянутой рукой стоял. Дайте денег, дайте денег... Это теперь то там, то тут денег не получают, а тогда никто не верил, что такое может быть. А ведь было.

У Вольского, помню, на зарплату сотрудникам занимал. Спасибо, хоть он помог.

Вот так мы до декабря еле-еле дотянули.

— Но ведь Ельцин секретарем обкома был, Московского горкома. Он же знал, что такое КГБ. Партия же руководила КГБ тогда, так ведь?

— Знал-то знал, но его окружению нужен был враг. Бурбулис все время врага искал. Вот и «назначили» главным врагом КГБ.

— Ну и как они себе это представили: выгнать всех?..

— Да, разогнать всех. Набрать новых людей, новое руководство. Но это же блеф. Государству подобное реформирование обошлось бы в миллиарды. К тому же такой орган просто не сможет работать.

— Увы, но в один день ничего нельзя создать.

— Было мнение, что можно. Пришлось хоть как-то спасать положение. Тогда я предложил разделиться: на ФАПСИ,

разведку, погранвойска. Понимал: это глупость. Но что делать, иначе вымерли бы все, как мамонты.

Словом, разделились. И снова тишина, денег как не было, так и нет.

Бакатин в конце ноября вообще руки сложил, ничего не получается, я ухожу, ковыряйтесь тут сами.

В декабре 1991-го года опять напросился на прием к Ельцину. Решил зайти с другой стороны. «Борис Николаевич, нельзя же так, сколько политических врагов наживете. Это же сильная система».

Ладно, вроде убедил, сели за стол. Стали обсуждать. Он говорит, мол, давайте за основу возьмет опыт Германии, Франции. Там спецслужбы — в рамках МВД.

Так, если помните, родилось Министерство безопасности и внутренних дел (МБВД) во главе с Баранниковым.

Уход под МВД был встречен болезненно. И меня упрекали. Как мог, доказывал: мера вынужденная, не уйдем, совсем погибнем.

Ну а потом заседал Конституционный суд. МБВД опять разделили. А Баранникова оставили в Министерстве безопасности.

— И, наконец, самый тяжелый вопрос, сегодня его задают тысячи людей: можно ли было решить проблему Чечни силами спецслужб? Разумеется, если бы не наступил тот дикий развал, о котором вы рассказывали?

— Когда Дудаев пришел к власти, Баранников сказал мне: «Возьми Чечню на себя». Этот регион я знал, да и Афганистан не прошел даром, словом, выехал, поработал, изучил обстановку. После тщательного анализа написал в Совет Безопасности записку, Скокову, в которой изложил свои предложения.

Они заключались в следующем: первое — заставить дудаевцев сдать все оружие и вывезти его из республики, второе — перекрыть каналы вывоза нефти. Там же первосортная нефть. Они качали и вывозили по нашей территории в Новороссийск, в Туапсе, грузили в танкеры.

Уже тогда в записке я подчеркнул: через некоторое время дудаевцы заработают столько нефтедолларов, что их трудно будет остановить.

И, наконец, третье, что предлагалось: организовать в Пятигорске мощное управление ФСБ и «набросить» на Чечню

агентурную сеть. Как воздух нужна была информация, что там происходит.

Ведь от местного управления КГБ в Чечне практически ничего не осталось.

Меня выслушали и махнули рукой: несешь какую-то хреновину.

Однако я отстаивал свою идею.

Ко всему сказанному хочу лишь добавить, что упорство генерала Алейникова было оценено по достоинству. Баранников и его окружение стали собирать компромат на генерала, который слишком рьяно пекся о ликвидации криминального дудаевского режима.

Это позже Алейников понял, что кое-кто в верхах имел в Чечне свой немалый интерес, а тут, поди ж ты, он со своими настойчивыми инициативами. Словом, перешел Анатолий Аввакумович кому-то дорогу.

С компроматом, правда, произошла неувязочка: оказалось, Алейников за немалую службу в КГБ кроме жены, дочери и собаки ничего не нажил. Ни шикарной дачи, ни иномарки не заимел, в загранпоездки за счет казны тоже не ездил. И, тем не менее, шельмование продолжалось.

Тогда и он пришел к шефу, положил на стол рапорт и предупредил: ежели не закончатся нападки, выложит настоящий компромат на всех своих гонителей.

Алейникова отпустили с миром. Он уехал представителем военной контрразведки в ЗГВ.

Там, в Германии, глядя, как разворачивается чеченская мафия, как она обложила наши гарнизоны, Анатолий Аввакумович убедился в правильности своих выводов, доложенных в Совете Безопасности. Только вот Совет Безопасности то ли не услышал его, то ли не пожелал услышать.

Интересно было бы взглянуть сегодня на ту записку генерала Алейникова. Многое бы прояснилось.

ЖЕРТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО МАСКАРАДА

Начальник Управления нелегальной разведки генерал Юрий Дроздов закончил доклад. Председатель КГБ Чебриков тревожно посмотрел в лицо генералу.

77

— Кто об этом знает?

— Кроме Вас и Крючкова, никто...

Крючков в ту пору был шефом Дроздова, начальником Первого главного управления КГБ.

Что же так взволновало председателя Комитета?

Дроздов доложил о результатах учений на одном из ядерных объектов страны.

«Террористы», роль которых исполнили бойцы разведывательно-диверсионного подразделения «Вымпел», прошли все защитные пояса атомной электростанции и «захватили» цех, где находился реактор.

Ничего подобного наша история еще не знала.

Несмотря на испуг, шефу КГБ пришлось довести до сведения высшего руководства страны печальные итоги учений.

Некоторые наши государственные деятели, прочитав доклад КГБ, даже побоялись расписываться на нем, кое-кто лишь поставил ранговую птичку. Не побоялся признать недостатки в охране ядерных объектов только один человек — Председатель Совета Министров Николай Рыжков. Он дал конкретные указания руководителям министерств.

Заканчивались 80-е... «Взорвались» Армения и Азербайджан. Детонатором послужил Нагорный Карабах. Движение за «национальное самоопределение» переросло в требование независимости и воссоединения с Арменией. Вспышки демонстраций и митингов вылились в кровавые столкновения.

В феврале 1988 года мир содрогнулся, услышав впервые название мало кому известного азербайджанского города — Сумгаит. Зверские убийства, насилия, расправы захлестнули городские кварталы. Улицы потонули в дыму пожарищ и костров.

Правоохранительные органы республики оказались бессильны противостоять «цунами» национализма.

Кровь и смерть армян Сумгаита вывели на улицы Еревана, Ленинакана, Кировакана и других городов тысячи возмущенных

и требующих отмщения людей. Начались грабежи и убийства азербайджанцев. В Ереван были срочно переброшены войска. В Степанакерт и Баку вошли части 104-й воздушно-десантной дивизии. Усилиями военных были прекращены массовые грабежи, убийства, провокации. Заработали предприятия, дети смогли посещать школы, продолжились занятия в вузах.

78

Однако осень 1988 года не принесла облегчения. Ситуация накалялась.

Обстановка в Азербайджане приближалась к критической отметке — в Баку, Кировобаде (ныне Гянджа), в Физули боевики громили органы управления и МВД.

7 декабря 1988 года землетрясение в Армении. В зоне разрушений 20 крупных населенных пунктов. Без крова, воды и пиши остались полмиллиона людей. Число жертв было ужасающим — более 25 тысяч человек.

Весной «вспыхнул» Тбилиси. Традиционно мирная республика была превращена в «суверенную, свободную», где «суверенен» всяк имеющий автомат. Агрессия национализма нанесла удар по институтам государственной власти, была направлена против органов правопорядка и армии. Ситуация выходила из-под контроля.

19 января «национальный фронт Азербайджана» ввел в Баку чрезвычайное положение. Въезды и выезды в город были блокированы, аэропорт и морской порты закрыты. Прекратили вещание радио и телевидение. Остановились заводы и предприятия. Баку оказался отрезанным от страны. Войсковые части и учреждения бакинского гарнизона попали, по существу, в заложники.

Кто способен действовать в подобной ситуации? Только армия и, в первую очередь, ее лучшие, мобильные силы — десантные войска.

В ночь с 19 на 20 января одновременным внезапным броском с трех направлений начался ввод войск в Баку.

Страна вползала в хаос межнациональной вражды, приближался август 1991 года.

Вскоре в эпицентре московских событий окажется Белый дом и элитные спецподразделения «Альфы» и «Вымпела» оказались дальновиднее политиков. Однако в каждом конкретном случае эта дальновидность обрекла их самих на трудную борьбу за выживание.

После событий 1991 года в водовороте бесконечных перетрубаций, по большому счету, «Вымпел» оказался никому не нужен. Его вроде бы не сокращали, но и необходимости его существования никто не подтверждал. Командир подразделения Борис Петрович Бесков чувствовал этот вакуум. Как мог, боролся, доказывал необходимость «Вымпела».

Вот как он вспоминает о тех непростых днях. «Мне тогда много приходилось ходить по высоким кабинетам. Помню,

79

назначили начальником Первого управления Фесенко. Пришел я к нему, говорю: «Вы сейчас создаете управление, разведку,

возьмите к себе «Вымпел»». «Ну, Борис Петрович, — отвечает он мне, — сейчас политика другая. В этих политических условиях мы не можем вас к себе взять».

Для них политика, как девичий сарафан, утром вы надеваете один, вечером — другой. Подразделение должно оставаться, независимо от маскарада».

Думаю, что прекрасные слова сказал Борис Петрович, очень тонкие и емкие: подразделение «Вымпел» должно оставаться всегда в действии, независимо от политического маскарада.

Увы, случилось так, что в те дни, судорожно пытаясь сохранить свои руководящие кресла, многие шарахались от группы, как черт от ладана. Еще бы, разведывательно-диверсионное подразделение, да еще предназначенное для работы за рубежом. Это какая же компрометация для демократической власти. Оглянулись бы на вожделенную Америку, там никто и в мыслях не держал закрывать или перепрофилировать небезызвестную «Дельту». Всякое правительство, приходящее к власти, делало только одно — укрепляло спецподразделение.

У нас же в страхе пытались откреститься от «Вымпела». Правда, тогда, в девяносто первом, руки еще не дошли, чтоб «задушить» подразделение. Решили изменить его профиль. Оказалось, за рубежом у нас не было своих интересов, и потому сделали вторую в стране группу антитеррора, только с целью противодействия ядерному терроризму.

Что ж, дело нужное. В среде «вымпеловцев» решили сделать все по уму — и свое главное дело не забывать, кардинально не ломать программы, и освоить новые задачи.

Однако появились новые трудности.

Рассказывает Борис Петрович Бесков:

— Мы писали очень много разных записок, как нас можно использовать. Было сложно, ведь министром пришел Баранников, который совершенно не знал нашей специфики. Поручил заниматься нами Фролову. Это бывший партийный работник из Свердловска, потом он работал в МВД. Оттуда его Баранников и взял в Комитет.

Вот я сам и попросился к нему. Звоню: могу ли я прийти на прием? Можете. Я приехал с документами, объясняюши-

ми, что это за подразделение, каковы его возможности, задачи использования.

Вошел в кабинет, и Фролов мне сразу задает вопрос: «Ну, что у вас там, полк, что ли?»

Ну что тут скажешь? Предложил почитать справку, сказал, что готов ответить на любой вопрос. Почитал он, и в результате — ни-че-го!

А потом началось совсем непонятное. Офицеров элитного, уникального спецподразделения стали по приказу Баранникова использовать для охраны только что построенных домов в Раменках.

Теперь, признаться, слушаешь об этом с удивлением. Но все это было. И звонки начальника собственной безопасности,

который безапелляционно приказывал посылать офицеров в подъезды домов. Оказалось, в Раменках проводят демонстрацию многодетные семьи и вот-де мамы с детьми могут захватить квартиры.

Тогда Бесков задал резонный вопрос: что должен делать офицер «Вымпела», если эти женщины, подхватив на руки детишек, действительно ворвутся в дома? Напористый баранниковский чиновник ответить не смог.

Это ускорило уход Бескова с поста начальника подразделения, но не решило проблем «Вымпела».

Новый командир подразделения Герасимов сделал немало для сплочения коллектива, сохранения группы в боеспособном состоянии.

Опомнились и политики. Осознали, в какой стране живут, правят. В стране с огромным количеством ядерных стратегических объектов: атомных станций, заводов по производству ядерных боеприпасов, подводных и надводных атомных кораблей, атомного ледокольного флота.

Политическая нестабильность усилила волну терроризма. Возникла реальная опасность проникновения бандитов на стратегические объекты. Надо ли объяснять, случись подобное, не только страна, мир мог стать на край катастрофы.

Тогда-то и вспомнили о «Вымпеле». Перед ним поставили новые задачи: борьба с ядерным терроризмом.

Однако командир подразделения, бывший спецназовец, генерал Дмитрий Герасимов рассматривал эту задачу значительно шире, Проанализировав деятельность нашей группы «А», зарубежных американских «Дельты», «Команды-6», анг-

лийской САС, он понял: как бы хорошо ни были подготовлены к эффективным действиям контртеррористические подразделения, они лишь реагируют на ситуацию.

Стало быть, понятие антитеррора куда более сложное и емкое, чем контртеррор. Ибо первое, что необходимо сделать — заблаговременно усилить защиту, меры безопасности на объектах, научить охрану распознавать врага и предпринимать необходимые действия к отражению нападения.

В этом и есть суть антитеррора.

Но как это сделать? Легко сказать — повысить защиту, меры безопасности... У охраны со времен функционирования ядерных объектов ничего подобного не происходило, и они, право же, с трудом представляли, как могут действовать террористы. Нет, это не значит, что наши ядерные объекты не были защищены. Были. К тому же несколькими уровнями защиты, включая самые сложные — электронные. Однако реального противника у этих уровней защиты, к счастью, за десятилетия так и не появилось. Но счастье могло в любой момент обратиться бедой. Вот чтобы этого не случилось, в роли противников и решили выступить «вымпеловцы».

Примеры подобных операций уже были известны в мире. После того как иранские мусульманские террористы с помощью наемного самоубийцы совершили в Бейруте взрыв казармы

морских пехотинцев США, президент Рейган подписал директиву Совета национальной безопасности, известную под номером 138. В ней излагались основы нового курса борьбы американцев с терроризмом.

Вскоре после принятия этой директивы заместитель начальника главного штаба ВМС США вице-адмирал Джейнс Лайонс подал записку на имя своего шефа.

В ней адмирал написал: «Я создал «Красную команду»... Она займется планированием террористических нападений на корабли и береговые объекты ВМС США во всем мире. Она имеет задачу выявления уязвимых мест объектов атаки и планирования нападений в соответствии с известными возможностями и этническими характеристиками террористических группировок...

Наряду с подготовкой, сценарий нападений «Красной команды» будет также вырабатывать рекомендации относительно мер безопасности, которые следует предпринять, чтобы воспрепятствовать или настолько усложнить террористам прове-

дение террористических акций, что они будут вынуждены от них отказаться».

Для Америки такие меры вполне объяснимы. Их волновала не внутренняя обстановка в стране, она вполне стабильна, а гигантский военный организм США, разбросанный по всему земному шару.

У СССР, а позже у России, были свои заботы, поэтому «Вымпел», в сущности, имел те же задачи, что и «Красная команда», только помноженные на проблемы ядерной безопасности.

Ведь, если, к примеру, говорить об атомной ледокольном флоте, то мы единственные в мире, кто является держателем такого флота.

Конечно, все, чем был обеспечен руководитель «Красной команды» командир (соответствует сухопутному званию подполковник) Ричард Марчинко, могло показаться фантастикой для бойцов «Вымпела». Американские «тюлени» имели даже свой самолет. Их лайнер находился неподалеку от международного аэропорта Даллес в Вашингтоне, в ангаре частной компании «Батлер Авиэйшн», и они в любую минуту могли вылететь, не привлекая к себе внимания.

«Вымпеловцы» сталкивались с совершенно иными проблемами. Когда они приехали в Мурманск на учения «Блокада» и замерили воду, в которой им предстояло работать, оказалось, что радиационный фон выше нормы в два раза. А это означало необходимость проведения полной обработки, так называемой дегазации, то есть гидрокостюмы, которые, естественно, были в единственном экземпляре на каждого, предстояло резать и сжигать. Большей катастрофы для боевого пловца «Вымпела» придумать невозможно. Тем более, что гидрокостюмы были фирменные, «натовские», правда, одноразовые, а для нас — пожизненные.

Однако, несмотря на все сложности, сотрудники генерала

Герасимова штурмовали ядерные объекты весьма профессионально. Они проникли в сердце нашей атомной науки — ядерную столицу «Арзамас-16», осуществили «захват» Белоярской, Калининской, Курской АЭС, провели «террористическое» нападение на флагман атомного ледокольного флота страны — атомоход «Сибирь».

Кроме ядерных объектов, бойцы «Вымпела» «проверяли» охрану Рижского предпортового завода, Новополоцкого комбината, работали по предприятиям Кавказа.

Среди сотрудников органов госбезопасности стран СНГ о тех рейдах до сих пор ходят легенды. Случается, «вымпеловцы» с удовольствием слушают о себе эти легенды.

Как известно, американская «Красная команда» Ричарда Марчинко закончила свой путь весьма плачевно. Подразделение «тюленей» было расформировано, а их командир оказался за тюремной решеткой.

Вот как описывает Дейл Андраде, автор книги «Испытание огнем», историк, изучающий специальные операции, один из захватов «заложника» людьми Марчинко.

«Когда настроение собравшихся стало скверным, Марчинко приказал двум «тюленям» пойти к Шеридану, начальнику службы безопасности базы ракетного вооружения Сил-Бич, округ Оранж, захваченному в качестве заложника, и сделать ему новую дырку в заднице.

Вместе с видеооператором фирмы «Эссеке» эти двое пошли в мотель «Дон Кихот». Вопя во все горло, они ворвались в комнату, в которой находился Шеридан.

Он все еще сидел, привязанный к стулу в центре комнаты, с накинутой на голову наволочкой. «Тюлени» в масках схватили беспомощного Шеридана, бросили его на кровать и начали срывать с него одежду. Один из них, выкрикивая вопросы, бил его и толкал.

«Ты, трусливая тварь», — прокричал один из «тюленей», срывая с Шеридана брюки. Он потащил его в ванную комнату, ухватившись за наволочку, которая все еще была надета на голову и закручена на шее жертвы.

Крепкие «тюлени» схватили связанного человека за лодыжки и стали раз за разом опускать его голову в унитаз, спуская воду. Наволочка намокла. Шеридан стал задыхаться и захлебываться.

Казалось, это длится бесконечно. Наконец «тюлени» вытащили голову Шеридана из унитаза, но лишь затем, чтобы окунуть его в наполненную водой ванну.

Вдруг один из «тюленей» поскользнулся на мокром полу и упал Шеридану на спину. «Вы сломали мне ребро!» — завопил Шеридан, но пытка продолжалась.

«Тюлени» уже понимали, что перешли черту между реалистической боевой подготовкой и откровенной жестокостью».

Рассказ историка воспринимается, право же, как нечто нереальное. Однако все было документально заснято на видео-

пленку. И хотя впоследствии оператор по настоянию Марчинко отредактировал этот эпизод, вина «тюленей» в жестоком обращении с Шериданом была доказана.

К счастью, ничего подобного не случалось, да и не могло случиться, у нас.

И не только потому, что «Вымпел», в отличие от «Красной команды» Марчинко, не был столь самостоятелен и независим, играло роль и другое — и те, и другие «террористы», и служба безопасности чувствовали себя членами единой команды, делающей одно общее дело. И хотя проигрывать не желал никто, охрана умела быть благородной.

Вот как один из бойцов «Вымпела» вспоминает учения на Кавказе:

— Мы пропали на две недели. Еда кончилась. Питались изредка картошкой, поля которой иногда попадались по дороге.

Две недели мы шли, достигли нефтепровода, заложили «мины».

А нас уже похоронили. Сказали, что в те места, куда пошли ваши ребята, люди не ходят/ Когда же мы возвратились, грузины нам такой праздник устроили: напоили, накормили, перепелками угостили, в бане напарили. И смотрели на нас, словно на людей из другого измерения».

Конечно, это не говорит о том, что у «вымпеловцев», игравших «террористов», не было проблем во взаимоотношениях с сотрудниками и, особенно, с начальниками служб безопасности.

Приходилось действовать так, чтобы и овцы были целы, и волки сыты. Жизнь заставляла. Помнится, там же, на Кавказе, провели учения по одному из комбинатов, «накопали» недостатков, просчетов. Местному начальнику комитета доложили, а наверх доклад сгладили. Иначе с тренировками «вымпеловских» альпинистов на Кавказе можно было бы попрощаться. Что поделаешь, мы не в США.

Были и другие случаи, когда, например, начальник охраны одного из первых лиц государства просто побоялся «посоревноваться» с «террористами» из «Вымпела». Сработала элементарная боязнь потерять собственное кресло.

Правда, «вымпеловцы» по просьбе охраны провели не учения, а показные занятия. Охраняемое лицо в ходе «террорис-

тического» рейда было «уничтожено» за 40 секунд. Телохранители прибежали на место теракта, когда боевые пловцы ушли под воду и пузырьков на поверхности моря не было видно.

Что ж, как говорится, у американцев свои проблемы, у нас — свои. Подразделение «тюленей» было разгромлено лишь потому, что Марчинко заправлял своей командой, как бандой пиратов.

По одному из источников, командование ВМС США оставило на службе всего шесть «тюленей» из «Красной команды» — по три на каждом побережье в роли консультантов служб безопасности. В их задачу входят поездки на различные военно-морские базы, но только по заявке командира базы для чтения

лекций по проблемам действий террористов.

Практические занятия больше никогда не проводились.

Другие источники более пессимистичны. Говорят, что командование ВМС уже с 1993 года вообще не привлекало «тюленей» к проверке системы безопасности военно-морских объектов.

У нас под руководством генерала Дмитрия Герасимова в 1995 году были проведены учения под названием «Атом-95». «Вымпеловцы» действовали на Курской атомной электростанции.

Однако говорить об активизации этой работы не приходится. Спецподразделение не отгорожено от всего мира, и потому у его сотрудников ныне много других забот. Война в Чечне, организованная преступность набирает силу, терроризм развернулся в столице и других уголках страны.

Словом, дел у «Вымпела» хоть отбавляй.

«С ПРИВЕТОМ»! МАФИОЗИ ДЖОВАННИ

В нашей прессе группу «А» нередко сравнивают с «Вымпелом». Однако, несмотря на внешнюю схожесть, это во многом разные подразделения.

Если «Альфа» была создана Ю. Андроповым в 1974 году как группа антитеррора, то задачи «Вымпела» со дня его основания иные — разведывательно-диверсионные. «Вымпеловцы» готовились работать за рубежом, на территории противника. Отсюда в программе обучения оперативная работа, страноведение, иностранный язык.

И учения — у «Альфы» работа по самолетам, вертолетам, кораблям, у «Вымпела» — партизанские действия, проникновение на режимные предприятия, заводы, захват секретоносителя.

Так уж вышло, что если взять равные промежутки времени, к примеру десять лет, то «Альфа» успела «поработать» с террористом Власенко, который захватил американское посольство в Москве, в Сарапуле обезвредили двух вооруженных автоматами бандитов и спасли 25 заложников, в Тбилиси провели боевую операцию по освобождению самолета ТУ-134 с пассажирами на борту.

Ничего этого не было у «Вымпела». Да и быть не могло. Все десять лет с 1981 года бойцы группы специального назначения учились, готовились, выезжали во Вьетнам, на Кубу, в Никарагуа, чтобы обменяться опытом. И ждали своего часа.

Час этот пробил неожиданно в 1992 году. Работать пришлось по иностранцам, но не в другой стране или на ином континенте, а в столице — Москве. Ехать было недалеко — из родной Балашихи на площадь трех вокзалов, к гостинице «Ленинградская».

Так уж вышло, что «клиентами» «Вымпела» в их первой, по существу, боевой операции были специалисты древнейшей криминальной профессии — фальшивомонетчики.

На первый взгляд, для человека непосвященного,

изготовление фальшивых денег не такое тяжкое преступление, как, например, бандитизм, воровство, грабеж. Увы, мнение это в корне неверное. С давних времен государства, лишь осознав себя таковыми, карали фальшивомонетчиков! Хотя справедливости ради надо сказать, что некоторые правители государств сами были первыми изготовителями фальшивых денег.

Желая обмануть свой народ, французский король Филипп IV приказал добавить в монеты столько меди, что вскоре от них осталось одно название — золотые. А король получил меткое прозвище «красноносого», так как красная медь быстрее всего выступала на носу царственной особы, отчеканенной на монетах.

Король Франции был не единственным в плеяде государственных, фальшивомонетчиков. Такую же слабость имел и его «коллега» по трону — английский король Генрих VI.

Выпуск поддельных денег издавна был эффективным орудием борьбы как во внешней политике, так и в экономике.

В годы «смутного времени» Польша чеканила поддельные русские монеты, а восставшие южане во время борьбы с

Севером наладили выпуск фальшивых денег правительства США.

Наполеон покрывал огромные расходы своих захватнических войн не только из карманов порабощенных народов, но и путем изготовления фальшивых денег. Типографии, печатавшие эти деньги, располагались в Германии, Польше и даже в Москве.

После войны 1812 года Сенату России пришлось провести денежную реформу — заменить старые ассигнации на новые образцы.

Фальшивые деньги в качестве экономической диверсионной меры использовались и против правительства большевиков. Ими снабжались бойцы и офицеры Русской добровольческой армии, банды, действовавшие в стране.

Позже, в 1926 году подорвать российскую экономику с помощью вливания фальшивых денег попытались Англия и Германия. Нефтяной магнат Детердинг, потерявший в результате революции огромные доходы, занялся печатанием фальшивок. Английская разведка, используя белогвардейское эмигрантское движение, попыталась забросить в Россию поддельные червонцы. Органам ВЧК удалось предотвратить диверсию.

Однако самую крупную и тщательно разработанную аферу с подделкой дензнаков провел Гитлер в период Второй мировой войны.

Подделка денег была поставлена на широкую деловую и научную основу. Фашистские фальшивомонетчики изготовили своего рода уникальную подделку банкнот английских фунтов стерлингов.

С помощью научных исследований был открыт состав бумаги, на которой изготовлялись фунты. Немцы закупили в Турции специальный сорт льна, изготовили из него полотно, а затем — бумагу. Клише для печати денег готовили лучшие граверы Германии. Их консультировали немецкие фальшивомонетчики,

на время освобожденные из тюрьмы. Немецкие химики тщательно подбирали краски для фальшфунтов.

Труды фашистов увенчались успехом — фунты стерлингов из Германии наводнили мировой рынок. Диверсию с фунтами помешало довести до конца поражение фашистской Германии в 1945 году. Позже английская разведка выяснит все детали операции и узнает имена ее руководителей. Интересно, что

среди вдохновителей беспрецедентной акции окажется и диверсант № 1 Германии — Отто Скорцени.

Нашей стране очередной бум печати фальшивых денег пришлось испытать в начале 90-х годов. Поддельные дензнаки выбрасывались на рынок из криминальной Чечни, из стран Балтии, Польши. Из-за границы стали ввозиться фальшивые доллары. В изъятии крупной партии фальшбаксов и пришлось принять участие «Вымпелу». А дело обстояло таким образом.

В Риге встретились двое знакомых — Юрий, глава одного из совместных предприятий, и его давняя подружка. Женщина ныне обитала за границей, в Швейцарии, где зарабатывала на кусок хлеба в качестве «ночной бабочки».

Друг, он же глава фирмы, просит найти ему за кордоном компаньона для коммерческих сделок. «Бабочка» сводит его со своим знакомым итальянцем Джованни.

Компаньоны быстро поняли друг друга. Следующая встреча назначена в Мюнхене, куда Джованни приходит вместе с организатором будущей фальшивомонетной компании, неким Энрико.

Прибалту предложена 100-долларовая купюра, разумеется фальшивая, и возможность обдумать реализацию крупной партии «зеленых» на российском дремучем рынке. Накануне итальянцы пытались «пихнуть» два миллиона фальшивых долларов в Болгарии, но... судьба-злодейка отвернулась от них. Теперь вся надежда была на русского бизнесмена.

Итальянцы и прибалт встречались еще дважды, во Франкфурте и в Мюнхене. Здесь уже шла проработка деталей будущей операции.

Юрий решил сбывать фальшивые баксы в Москве. Осечки не могло быть. Столичный рынок велик и ненасытен. И вправду, скоро нашелся подельщик, актер театра Моссовета. Во время гастролей московской труппы в Риге они встретились.

Вскоре из Москвы пришло сообщение, найден шикарный покупатель. Возьмет фальшбаксы в неограниченном количестве.

А Юрий, будучи в столице, и сам решил проверить качество товара. Советские аппараты подтвердили подлинность купюр. Итальянцы не обманули.

А в солнечной Италии тем временем готовились к визиту в Москву. Джованни прислал подтверждение, что вскоре в столицу будет доставлена пробная партия — миллион фальшивых «зеленых». В будущем итальянские мафиози готовы

были выбрасывать на российский рынок до двух миллионов «зелени» еженедельно.

Джованни и его адвокат Рафаэлле действительно вскоре сошли с трапа самолета в Шереметьево-2. Они приехали убедиться в платежеспособности московских покупателей.

Накануне Юрий по просьбе итальянских компаньонов приобрел 12 билетов на обратный выезд из Москвы в Киев. Как объяснили итальянцы, билеты предназначались для украинских боевиков, которые будут прикрывать их сделку от разного рода случайностей.

Однако, как оказалось, Джованни и его адвокат прилетели налегке. Саквояж с миллионом фальшбаксов двигался в микроавтобусе, принадлежавшем итало-украинскому совместному предприятию. СП было зарегистрировано в Донецке, и поэтому в маршруте микроавтобуса не было ничего необычного.

Итальянцы ехали к своим украинским коллегам. Самое поразительно, что груз с фальшивой «зеленью» пересек Швейцарию, Австрию, Чехословакию, Украину. В Донецке его загрузили в поезд, идущий в Москву, и он благополучно прибыл в столицу.

Позади было пять границ таможни, строгий контроль, но факт налицо: «баксы» благополучно добрались до белокаменной.

Обмен назначили на 6 декабря 1992 года у гостиницы «Ленинградская».

Спецслужбы, получив данные о 12 боевиках прикрытия, решили использовать не простых оперативников, а мощь подразделения «Вымпел».

Когда машины мафиози затормозили у гостиницы, было принято решение брать их здесь, не впуская внутрь. Иначе пришлось бы с боем штурмовать гостиницу.

Решение взять фальшивомонетчиков на открытом пространстве было весьма не простым, ведь «вымпеловцы», по сути, в открытую шли на мафиозные автомобили. К тому же, смеркалось, и видимость ухудшалась, да и место было достаточно бойкое, вокруг много прохожих.

И тем не менее, решение было принято. В мгновение ока рядом с машинами мафиози затормозили автомобили и из них выскочили бойцы в бронежилетах, в спецкасках, с пистолетами в руках. Через несколько секунд бандиты лежали на мостовой. Место захвата осветили мощные прожекторы. Снайперы «Вымпела» держали под контролем близлежащие дома

на случай открытия огня боевиками. Однако боевиков не оказалось. Операция в целом закончилась успешно, если бы не случайный выстрел одного из бойцов подразделения, который прозвучал при задержании фальшивомонетчиков. Сотрудник ранил своего товарища.

В госпитале «вымпеловцу» передали письмо. Мафиози Джованни сочувственно писал:

«Вчера я узнал, что Вы были ранены во время нашего ареста... Этими строками я не хочу оправдать то, что сделано по отношению к Вам, мне хотелось бы просить у Вас покорнейше прощения и выразить Вам свое уважение и почтение. В надежде

встретить Вас и пожелать Вам здоровья и всего самого лучшего. 17.12.92г. Москва.

Джованни».

Вот такой попался мафиози.

Так был спасен наш молодой, неустойчивый рынок от крупных инъекций фальшбаксов. Итальянская «Коза ностра» познакомилась с «Вымпелом».

ОПЕРАЦИЯ «ТРИНИТИ»

Скажу сразу: все, что делал «Вымпел», зачастую не имеет аналогов в мировой практике. Нечто подобное пытаются делать американцы. Но, повторяю, подобное. Ибо атомный ледокольный флот имеет лишь наша страна. И потому десантироваться на палубу атомохода «Сибирь» приходилось только «вымпеловцам». Ни до, ни после никому совершить это было не под силу.

Уникальные боевые учения, разумеется, не были самоцелью.

Кое-чем из своих «наработок» делилась группа «А». Однако и она, несмотря на богатый боевой опыт, могла помочь незначительно, так как штурм захваченного террористами обычного железнодорожного вагона в корне отличается от взятия спецвагона с ядерным боеприпасом.

Приходилось надеяться только на себя. И на собственный опыт, обретенный в ходе учений. Одними из таких весьма

примечательных учений были учения под кодовым названием «Арзамас-16».

Но прежде, чем начать рассказ об этих, без сомнения, уникальных учениях, хотелось бы возвратиться на несколько десятков лет назад.

...Штат Нью-Мексико, США. 450 километров к югу от города Лос-Аламос. Заброшенная авиабаза Аламогордо.

16 июля 1945 года в режиме строжайшей секретности здесь проведена операция под кодовым названием «Тринити».

Это было первое в мире испытание американской атомной бомбы. Взрыв бомбы потряс участников операции. Один из генералов, не выдержав жуткой картины растущего огненного шара, в страхе произнес: «Мой Бог! Эти длинноволосые ошиблись в расчетах».

Однако ошибся генерал. Испытание прошло успешно.

А уже 6 августа подобный ядерный заряд был сброшен на Хиросиму. 9 августа «Толстяк» вызвал смертоносный «гриб» над Нагасаки. Эти взрывы принесли невиданные разрушения и немыслимые до сих пор жертвы.

Президент США Г. Трумэн получил краткое сообщение об успешном испытании бомбы в Нью-Мексико во время Потсдамской конференции «большой тройки». Вскоре пришло и донесение от генерала Л. Гровса, в котором описывалась мощь нового оружия. Трумэн стал более решительным и жестким.

24 июня он решил сообщить Сталину об эксперименте. И подчеркнул, что это совершенно новое оружие, превосходящее любое другое. Сталин, что называется, и бровью не повел. Как

вспоминает сам Трумэн, он поздравил его с успехом. До сих пор существуют две точки зрения, якобы Сталин прекрасно понял намек и в тот же день высказал намерение поговорить с Курчатовым об ускорении работ и вторая, высказанная генералом С. Штеменко в воспоминаниях: «... Ни у Антонова (в ту пору начальник Генерального штаба), ни, по-видимому, у самого Сталина не возникло впечатления, что речь идет об оружии, основывающемся на совершенно новых принципах. Как бы-то ни было, Генеральному штабу не было дано никаких дополнительных указаний».

Скорее всего, заявление Штеменко основано на той твердой уверенности, что атомный проект не мог решаться без

Генштаба. Мог, особенно на первых этапах, так как курировало его всесильное ведомство Л. Берия. Кстати говоря, нечто подобное было и в США. О «Манхеттенском проекте» первоначально не знали даже вице-президент и Госдепартамент.

Американская атомная бомба «взорвала» хрупкое военное равновесие между СССР и США. Ядерному оружию не было альтернативы. Советский Союз мог спасти себя и мир, только создав собственную атомную бомбу. Тем более, что Совет национальной безопасности США уже начал планирование ядерных ударов по нашей стране.

Первый проект атомного нападения на СССР назывался «Стратегическая уязвимость России для ограниченной воздушной атаки» и вошел в историю как доклад № 329. Он увидел свет в ноябре 1945 года. А в 1948—1949 годах уже с большой вероятностью говорилось об ударах по Советскому Союзу. Расписывались все детали: нападению будут подвергнуты 1947 объектов, в течение 30 дней 2,7 миллиона человек будут убиты и 4 миллиона ранены.

Понимаю, сегодня эти слова воспринимаются крайне болезненно, но исторические факты — вещь упрямая. И их мы не вправе забывать. Тем более, что «планы атомного нападения» США заставляли нас торопиться. Нам, право же, было куда вкладывать деньги — полстраны лежало в руинах. Но пришлось вкладывать миллиарды в создание «ядерного щита». Иного пути у нашей страны не существовало.

И поэтому начало 1943 года ознаменовано выходом правительственного постановления об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях, а вскоре и созданием специальной лаборатории Академии наук СССР.

Возглавил эту лабораторию в ту пору мало кому известный молодой ученый Курчатов. От Политбюро атомным проектом руководил вначале Молотов, потом Берия. В НКВД был создан отдел «С», который занимался координацией деятельности разведорганов страны по «проблеме № 1».

Разведка всячески помогала нашим ученым в работе над атомным проектом.

И хотя об успешном ходе работ в США Сталину докладывали постоянно, атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки подстегнула «вождя народов». Состоялось экстренное заседание

Политбюро и ГКО, в результате которого был создан Особый комитет и Технический совет по атомной бомбе (АБ).
93

Особый комитет возглавил Берия, его заместителем стал Первухин, членами — Маленков, Вознесенский, нарком боеприпасов Ванников, академики Капица и Курчатов, заместитель министра внутренних дел Завенягин.

Первая бомба будущего «ядерного щита» Советского Союза сначала была произведена в 1/5 величины, потом — натуральных размеров. И сразу возникла проблема: потребовалось проведение мощных взрывов обычных взрывчатых веществ. Но где? Москва и ближнее Подмосковье для этих целей не подходили. Следовало создать конструкторское бюро в стороне от крупных населенных пунктов и в то же время не очень удаленное от столицы.

Однако малонаселенность и близость к центру были далеко не единственными требованиями. Поскольку предстояло вести большие объемы взрывных работ, нужна была обширная территория. Ведь здесь предстояло разместить полигоны, спецплощадки, цеха, складские помещения. С другой стороны, совершенная «пустыня» тоже не подходила. Нужны хотя бы элементарные энергетические мощности и начальная материально-техническая база.

Стали искать подходящий «медвежий угол». Но долго не могли найти. Наконец остановились на поселке Саров Темниковского района, что в Мордовии.

Академик Ю. Харитон так вспоминал о том времени: «Это место нам понравилось, мы поняли, что оно для нас подходит...»

Сегодня много рассуждают, почему именно здесь, в одной из святынь православия, расположился первый ядерный центр? Нет тут никакой мистики или потусторонних сил. Время было такое, что религии, памятникам культуры православия внимания уделялось мало. Стояли иные задачи. Да, великие, да. судьбоносные для России.

Теперь это историческая реальность. На одной земле, бок о бок — центр православной религии, много сделавший для сохранения самобытности Руси, и первый атомный город, спасший Русь от ядерного посягательства, сохранивший независимость государства.

«Арзамас-16», а теперь вновь город Саров, нередко называют ядерной столицей страны. Так оно, в сущности, и есть.

Почти полвека никто не сомневался в системе охраны ядерной столицы. Однако пришли иные времена. Межациональ-
94
ные конфликты, войны, террористические акты поставили тревожный вопрос: способна ли старая система охраны гарантировать безопасность «ядерной столицы», а значит и всей России в целом?

Теоретически ответ был утвердительным. Но такой ответ уже не удовлетворял руководство федерального ядерного центра. На помощь ученым-атомщикам пришло спецподразделение «Вымпел», после событий 1991 года перенацеленное на борьбу с ядерным терроризмом.

«ТЕРРОРИСТЫ» В «ЯДЕРНОМ ГОРОДЕ»

«Вымпелу» была поставлена задача одной из групп, играющей за «террористов», проникнуть в город, преодолеть все средства и уровни защиты и условно захватить ядерный боеприпас.

Второй группе выпало задание освобождать заложников, захваченных в ходе нападения «террористов», и боеприпасов.

Сказать, что это оказалось крайне сложно, значит ничего не сказать. В «ядерном городе» с началом учений местными территориальными органами КГБ перед партийными, советскими, административными организациями была поставлена задача докладывать о каждом новом человеке, будь он президент страны или сам Господь Бог.

Прибавьте сюда местную милицию, секретных информаторов, да и самих штатных сотрудников Комитета. Казалось бы, в Арзамас-16 и мышь не проскочит, а не то что прибывшие из Москвы сотрудники «Вымпела».

Все это понимал и начальник отделения специальных операций группы майор Анатолий Ермолин. Ему во что бы то ни стало следовало разгадать эту головоломку. Десятки вариантов проникновения в город были «рождены» и отброшены. Ничего не подходило. Все они имели изъяны, а значит, влекли за собой «засветку» бойцов «Вымпела» и захват их противостоящей стороной. Это означало провал операции.

Вновь и вновь собиралась группа, каждый день обсуждались, «прокручивались» новые идеи.

В ходе этих «мозговых атак» Ермолин не раз ловил себя на мысли, кто же прав в извечном споре «оперативников» и «бо-

евиков». Дело в том, что в отличие от «Альфы», сугубо боевого подразделения, «Вымпел» — оперативно-боевой отряд, то есть его сотрудники обязаны уметь работать с нелегальных позиций, в том числе и за рубежом.

Что значит с нелегальных позиций? А это значит — выполнять задачи, подобные той, которая была поставлена группе Ермолина в ходе учений «Арзамас-16». То есть с помощью хорошо отработанной легенды проникнуть в город и совершить нападение на завод. Это поможет противостоящей стороне по итогам проведенной операции учесть недостатки в охране объекта.

Рассказывает бывший начальник отделения специальных операций отряда «Вымпел» майор Анатолий Ермолин:

— С чего все началось? С того, что мне было понятно: Арзамас-16 — это самый сложный и суперсекретный объект в стране. Достаточно сказать: там создана первая наша атомная бомба.

Это сверхсекретный город, вокруг него деревни, и въехать туда с легальных позиций очень тяжело.

Ясно было и другое: все местные органы уже, образно говоря, «стоят на ушах» и ждут нас.

То есть контрразведывательный режим очень жесткий.

Первое, что мы сделали,— стали серьезно изучать все, что связано с Арзамасом-16. Ведь нужна хорошая легенда. В разведке есть старый проверенный принцип: будет отличная легенда — всегда выполнишь задачу.

Начали работу с Ленинской библиотеки, с истории того города, где предстояло работать. И нашли подсказку. Это место связано с именем преподобного Серафима Саровского. Рядом с объектом находится Дивеевский монастырь — один из самых почитаемых среди российских паломников.

Решили «легендироваться» так: якобы создаем фирму, которая будет заниматься детским общеобразовательным туризмом по святым местам. Сделали реальные документы, печати, заключили договора. Я выступал как президент фирмы, а все мои ребята — сотрудники. Поездка совершалась с целью разработки маршрута для предстоящего паломничества.

Начинали мы с дальних подступов, с Нижнего Новгорода.

Хотя оттуда до Арзамаса-16 надо было добираться автобусом еще часов шесть.

Все шло поначалу, как в кино. Сели мы в Москве в поезд, приехали в Нижний, отправились в гостиницу. Признаться, в Новгороде мы чувствовали себя достаточно безопасно. Просчитали и были уверены, что контрразведка наверняка не станет его «прикрывать». Далеко, да и сил не хватит.

И вот тут произошел случай, от которого, как признается Анатолий Александрович, «бросило в жар».

В холле гостиницы, где расположилась его группа, к ним подошел мужчина и представился корреспондентом ИТАР-ТАСС по Нижегородской области. Попросил рассказать, откуда приехали, с какой целью? Как выяснилось позже, это действительно был корреспондент. Увидев приезжих, он решил расспросить их с надеждой выудить что-нибудь-интересное для своего агентства. Однако Ермолину стало не по себе. «Неужто «прокололись?» — с тревогой подумал он, приняв журналиста за оперработника территориального КГБ. Но виду не подал и «выложил» легенду, «прокатав» ее на реальном нижегородце. Легенда не вызвала никаких сомнений, «тассовец» даже посоветовал обратиться в университет, пединститут, в архив. Там, по его мнению, могли помочь с поиском материалов, связанных со св. Серафимом Саровским.

Так и поступили: следующую неделю группа Ермолина работала в Нижнем Новгороде, а в Арзамасе местные комитетчики уже вовсю задерживали «подозреваемых».

Результаты работы «на дальних подступах» оказались более чем плодотворными. Одна из подгрупп разыскала еще дореволюционную карту с обозначением святых мест. Сотрудники «Вымпела» сличили ее со своей топографической картой, и оказалось, что святые места как раз и располагаются по периметру объекта. Это было весьма кстати.

Разведчики познакомились и вошли в доверительные отношения с работниками архива, подружились с несколькими

влиятельными нижегородскими учеными, смогли заручиться их поддержкой. На руках у «вымпеловцев» было даже письмо с ходатайством к властям Арзамаса-16, к директору музея оказать содействие в благородном деле изучения мест, связанных с именем св. Серафима Саровского.

Когда группа была «вооружена» рекомендательными письмами, начались «челночные» выезды в «Арзамас» на рекогносцировку. Каждая из подгрупп выезжала не более чем на сутки.

97

Командир понимал, что его люди неизбежно попадут в поле зрения контрразведки, и поэтому хотелось их максимально обезопасить.

Знание психологии, умение располагать к себе людей помогали «вымпеловцам» в самых, казалось бы, невероятных ситуациях. Волей судьбы один из разведчиков, открывая дверь в кабинет главы дивеевской администрации, столкнулся на пороге с местным комитетским «опером». Тот только что ориентировал главу, что в случае появления любого незнакомого человека, который произнесет слово «Арзамас-16», сообщать об этом незамедлительно. Разведчик тоже назвал сакраментальное слово, но перед этим он передал чиновнику привет от его любимого институтского преподавателя из Нижнего Новгорода. Тот расчувствовался и по-дружески признался: «Знаешь, тут кэгэбэшники продыху не дают. Повремени недельку, потом я тебя сам по местам провезу».

Разумеется, о немедленном звонке не могло быть и речи.

В такое сегодня трудно поверить, но разведчики смогли «очаровать» настоятельницу Дивеевского женского монастыря. И та поселила их на время у себя в монастыре. «Вымпеловцы» вели себя смиренно и даже постились вместе с монахинями.

Контрразведке, перекрывшей все в округе, и во сне не могло присниться, что группа «боевиков» забазировалась в женском монастыре и ведет оттуда свои разведывательные вылазки.

Словом, подгруппы в ходе суточных челночных выездов провели разведку местности, определили наиболее уязвимые места в охране объекта, выявили и изучили подходы к нему.

Доложили командиру и еще одну важную особенность: по территории Арзамаса протекает речка. Глубина ее невелика, но возможность проскочить имелась, тем более что в группе два боевых пловца, прошедших спецподготовку.

Нижний Новгород, как известно, город речной, портовый, не проблема достать водолазный костюм. Словом, вскоре группа владела тремя зимними водолазными костюмами.

О планах прохода по реке было доложено посреднику, руководителю учений, и противной стороне засчитано поражение.

98

Однако на этом учения не закончились. Группа Ермолина получила новую вводную — пройти к объекту на самом укрепленном участке, по существу, штурмуя в лоб.

Решили работать в развитие легенды. Те, кто уже были

«засвечены», идут на этом участке, естественно, попадаются. С другой, не засвеченной частью группы, поступили иначе.

За 26 километров до Арзамаса нашли деревню и двинулись в путь. Шли всю ночь, преодолели невидимыми два рубежа защиты, три секрета. При этом солдаты внутренних войск, находящиеся в секретах, выдавали сами себя: кто разговорами, кто зажженной сигаретой. Всяк считал, что уж на его участок «диверсанты» не сунутся.

На рубеж атаки «вымпеловцы» вышли в 4 часа утра, минута в минуту. Потом посредник рассказывал, что ночью, ближе к назначенному времени, офицеры соединения, охраняющего Арзамас, все более ободрялись и посмеивались: мол, где там разведчики заплутались... И вот 4 часа, стоит тишина, все дремлют, и вдруг докладывают в полный голос: «Посредник, я группа, к выполнению задачи готов!» Этот доклад произвел эффект разорвавшейся бомбы.

«Охранники» вновь проиграли.

И, наконец, третья вводная, уже по просьбе противоположной стороны — преодолеть все электронные средства защиты и попасть в святая святых — на спецплощадку. Ермолин и его ребята согласились. Для выполнения задачи попросили лишь веревку и лестницу. Им дали и то, и другое.

Двадцать три минуты у разведчиков ушло на то, чтобы пройти все рубежи без единого срыва. Не стану раскрывать всех тайн того уникального прохода. Он многому научил «охранников». Скажу только, что это свершившийся факт, какой бы фантастикой он не казался.

Итак, группа Ермолина свою задачу выполнила. Выполнила ее блестяще. Не буду перечислять нюансы профессиональных «плюсов» и «минусов» операции. Специалисты в них давно разобрались. Мне кажется, что первый этап учений «Арзамас-16» убедительно доказал важность и первостепенность интеллектуальной атаки в деятельности спецподразделения. Сдается мне, что эти учения были интеллектуальным поединком, борьбой умов и только потом противостоянием боевых качеств.

Однако был еще второй этап. Не менее трудный и не менее напряженный.

Итак, вновь «Арзамас-16». Накануне второго этапа операции бойцов «Вымпела» приняли директор завода, ведущие ученые. Им показали дом, где жил и работал академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Сотрудники спецподразделения посетили музей ядерной техники.

После всего увиденного было о чем подумать. Созданное умом ученых и инженеров не просто впечатляло, но и поражало своей мощью.

Однако сама мысль о том, что уникальный объект может оказаться в руках террористов, потрясала не меньше. Надо было работать, искать способы противостояния «чуме XX века».

Легко сказать — работать. Уже на этапе рекогносцировки возникло множество проблем, не разрешив которые, нельзя было начинать учения. Все упиралось в жесточайший режим

безопасности: рабочий, пронесший обычную спичку на территорию завода, увольнялся сразу.

Но тогда как быть с учениями? В их основе — использование реальных минно-взрывных и специальных средств, да и просто обычного стрелкового оружия. Если произойдет выстрел и пуля попадет в металлическую опору, возможно возгорание от искры. Это известно даже ребенку.

Ученые внимательно выслушали сомнения сотрудников группы специального назначения и... предложили своего рода помощь. Например, в изготовлении совершенно нового боеприпаса из алюминиевого сплава. То есть у пистолетной или автоматной пули менялась оболочка. При соприкосновении с металлом такая пуля не высекала искру.

Встал вопрос, где проводить операцию? Ведь цех-то реальный, действующий, в котором каждый день занимаются сборкой ядерных боеприпасов. Подчеркиваю, ядерных.

И если сюда десятилетиями нельзя было пронести спичку, то теперь тут собирались закладывать и подрывать реальные боевые заряды. Предложи такое в былые годы, сочли бы безумцем. Однако в былые годы не стоял так остро вопрос защиты от терроризма.

Первоначально ученые предлагали операцию по «освобождению» ядерного боеприпаса провести от греха подальше, то есть в отдалении от цеха сборки.

Но имело ли смысл огород городить, ехать в Арзамас-16, чтобы работать на отвлеченном сарае? «Вымпеловцы» резонно заметили, что подобный сарай они могли бы найти и в родном Подмосковье.

Наконец, после долгих споров удалось убедить руководство завода — «ядерщики» дали добро на проведение операции в цехе сборки.

После рекогносцировки уже непосредственно на объекте возникло еще одно непредвиденное обстоятельство: близость склада ядерных боеприпасов. Какую разрушительную силу заключает в себе этот склад, понимали все. Пришлось и здесь думать, просчитывать, искать наиболее безопасные варианты.

Если же говорить о тактических сложностях, их тоже было достаточно. К примеру, трудные подступы к цеху сборки.

Цех ведь необычный, находится в низине, а вокруг высокий земляной бруствер. Все рассчитывалось таким образом, чтобы в случае аварии взрывная волна не концентрировалась в цехе, а выходила наружу. Цех сделан из стекла, огромные рамы от пола до потолка, метров двадцать в высоту.

В центре цеха и был установлен заряд, только без ядерной боеголовки.

Поскольку в реальной обстановке террористического захвата войти в цех возможности нет, обстановка изучалась скрытно, с применением приборов наблюдения.

Роль «террористов» выполняли сотрудники территориальных органов. Только так можно было наиболее объективно оценить действия группы антитеррора. Ее возглавил начальник

отделения подразделения «Вымпел» Сергей Климентьев.

Вот как он вспоминает о тех днях:

— Ситуация близкая к реальной. Переговоры с «террористами» результатов не дали, было принято решение штурмовать цех с трех направлений.

Одна группа шла через подсобные помещения, к металлической двери, ведущей в цех, две другие — через окна.

Возникла очередная проблема для бойцов, которые должны были действовать через дверь. Они находились в непосредственной близости от боевого взрыва и могли пострадать. Пришлось сварить металлический щит для прикрытия.

Группы выдвинулись по моей команде. Командой для штурма служил взрыв, так как скрытность была полная. Мы не пользовались даже радиосредствами. Связь держали только с подрывниками, которые находились на улице и работали со скрытой фурнитурой.

Дверь оказалась массивной, двойной. Однако взрыв исполнили профессионально: одна дверь упала наружу, другая

внутрь цеха. Сам был приятно удивлен: работа, что называется, ювелирная. Ведь мы рассчитывали, что внутреннюю дверь придется выбивать тараном.

«Террористы» находились в дальнем конце цеха. Местное руководство тоже было в цеху: им хотелось посмотреть ход операции. Весь штурм от подрыва до освобождения заложников занял три секунды. Это нормально.

Цех размером примерно 50 х 30 метров. Боеприпас в середине. Так что пришлось резво бежать.

На этом операция не закончилась: нам следовало локализовать обстановку и выполнять задачи вплоть до конвоирования «террористов».

Итогами учений обе стороны были удовлетворены. Хотя, признаться, нашлось над чем работать.

Какие выводы мы сделали после учений? Знаете, что я подумал после всего произошедшего: не дай Бог такому случиться. Ведь ядерный боеприпас — это тысячи жизней. Тут учения, и то мурашки по коже, а если в реальной боевой обстановке?

Хотя при подведении итогов была отмечена маловероятность такой ситуации. И все-таки кто даст стопроцентную гарантию? Терроризм изощрен, он постоянно совершенствуется.

Следующий объект, по которому пришлось работать группе Климентьева, — спецвагон для перевозки ядерных боеприпасов. Он, по учебному заданию, захвачен «террористами».

Тут свои сложности. Вагон стоит на открытой площадке. Как выдвигаться для выполнения задачи?

Ведь, по условиям учений, «террористы» не должны заметить группу захвата. У них своя линия поведения. И местные комитетчики, играющие эту роль, вели себя вполне натурально: покидали вагон, осматривали пути, на которых он стоял, следили за изменениями обстановки.

Однако пути скрытого подхода, тем не менее, были найдены. Помог железнодорожный подвижной кран: две его базовые площадки соединялись стрелой. Стрела длиной метров сорок. Одна из площадок располагалась рядом с вагоном, другая — в достаточно скрытном месте. Именно отсюда двое сотрудников «Вымпела» и поднялись на стрелу и действовали сверху на подвесной системе «Ролиглисс».

Они влетали в окна вагона неожиданно для «террористов».

102

Боевые минно-взрывные средства в данном случае не применялись: вагон действующий, дорогостоящий. Подрывники-«вымпеловцы» тем не менее были убеждены, что массивные створки вагона не выдержат воздействия их спецсредств. Местные специалисты считали наоборот. Возник спор. Чтобы разрешить его, выехали на полигон. «Вымпеловцам» дали возможность поработать с теми же конструкциями, которые применялись в вагоне.

Арзамасовские спецы были весьма удивлены результатом и признали поражение.

Подразделение Климентьева состояло из нескольких групп: управление, штурмовые группы, снайперы, подрывники.

Штурм вагона начинался с одновременного выдвижения подрывников и снайперов. Иными словами, подрывники действовали под прикрытием снайперов.

После того как старший «подрывной» группы доложил, что минирование проведено, Климентьев отдал команду на выдвижение штурмовых групп. В реальной обстановке это выдвижение длится не один час. В конечном итоге, важно не время, затраченное на выдвижение, а результат— скрытный подход к объекту атаки. Ибо нарушение скрытности ставит всю операцию на грань провала.

В тот день удача сопутствовала штурмующим. Они не были замечены «террористами». Прозвучали условные взрывы, и группы захвата через окна, двери ворвались в вагон и обезвредили «бандитов».

На этом, собственно, и закончились эти уникальные и до сих пор единственные в своем роде учения. Были подведены итоги. Каждая из сторон накопила опыт, столь необходимый в наше неспокойное время.

Учения «Арзамас-16» показали высокое профессиональное мастерство и оперативный опыт сотрудников «Вымпела».

ЗАХВАТИТЬ ЛЕДОКОЛ «СИБИРЬ»

Эти учения носили кодовое название «Блокада». Они были и остаются до сих пор единственными на планете Земля. Никто и никогда не пытался сделать даже нечто подобное. Только в голливудских фильмах террористы захватывают корабли с

103

ядерным оружием на борту и, разумеется, очередной «Рембо» почти в одиночестве освобождает судно.

В жизни захват такого корабля группой безумцев способен

поставить мир на грань ядерной катастрофы. Однако, если военное судно захватить крайне проблематично, там десятки, а порою сотни вооруженных людей, то, к примеру, атомный ледокол — весьма уязвимая мишень.

Опыта освобождения подобного корабля даже теоретически в мире не существует, так как атомным ледокольным флотом обладал, Советский Союз. И тем не менее проблема эта выходит далеко за рамки одной страны. Террористы, захватившие атомный ледокол, способны будут подогнать его к берегам любой страны. И что же тогда?..

На этот вопрос и старались ответить аналитики и боевики спецподразделения «Вымпел» в ходе учений на базе атомного ледокольного флота России в Мурманске.

По плану учений «Блокада» перед бойцами группы была поставлена задача освобождения захваченного террористами атомного ледокола.

Как это происходило?

От себя скажу только, что штурм атомохода осуществлялся с трех направлений — с земли, с воздуха и из-под воды. Действия береговой группы являлись, разумеется, вспомогательными. Просто на момент учений ледокол «Сибирь» стоял у пирса.

Основные группы-парашютисты и боевые пловцы. Как они действовали? Думаю, лучше них об этом никто не расскажет.

Слово — боевому пловцу и парашютисту:

— Учения происходили в 1993 году. Когда мы приехали в Мурманск, нас, группу боевых пловцов, поселили в одной из кают легендарного ледокола «Ленин». Он теперь стоит у стенки и используется в качестве гостиницы.

Приехали, попрыгали с парашютом все вместе и пловцы, и летчики — парашютисты. Сделали по 7 прыжков и поняли: задача архисложная.

На морской акватории очень сильные ветра, а площадки на корабле, предназначенные для приземления, очень ограниченные. Кроме того, возникают зоны пониженного давления и парашют попадает в «свал». Им управлять очень сложно.

Поэтому десантирование мы решили поручить самым лучшим — мастеру спорта, призеру чемпионата Союза по парашютному спорту Константину Устюжанину и кандидату в мастера Павлу Рогову.

Парашютист:

— Моряки встретили нас очень хорошо. В баньке попарили. Жили мы рядом с аэродромом, в одном из поселков. Знаете, там у них «Мурмаши — один», «Мурмаши — два»... В одном из таких Мурмашей мы и обитали.

Хорошо, что прилетели заранее, недели за две до учений. Ибо условия там были не совсем обычные. Рядом суровое море, ветра. В общем, поработали мы, пообвыклись к ветрам. Выделили нам вертолет морской авиации.

Боевой пловец:

— С подводным плаванием возникли немалые проблемы. И в

первую очередь, — радиация. Нас сразу предупредили: ребята, водичка-то тут плохая. Взяли пробы. Фон повышенный — 25 миллирентген. А норма —. 12—14.

После купания в такой водице надо делать дегазацию, то есть наши резиновые костюмы резать и сжигать. А кто же нам новые купит, да и вообще, как их списывать? Словом, масса проблем.

Парашютист:

— «Сибирь» стояла у пирса, и поначалу казалось, это нам облегчит работу. Но не тут-то было. Наоборот, такое расположение корабля внесло немалые сложности. Дело в том, что у них пирс своеобразный. Сама причальная стенка достаточно широкая, там идет погрузка, разгрузка, а дальше какие-то контейнеры стоят, бухты, катушки, проволока. Много чего наворочено.

У пирса — ледокол. И практически рядом с ним — отвесная стена. Видимо, была сопка, при строительстве ее обтесали. Таким образом, с одной стороны, места много, а с другой — обрыв, уходящая вверх стена. Перевалив через гребень, сопка плавно, медленно опускается в долину.

Боевой пловец:

— Но что делать, вода плохая, радиация высокая, а учения приближаются. Стали мы уходить подальше от стоянки кораблей по берегу залива и в составе группы тренироваться. Своими заплывами, признаться, сильно удивляли водолазную братию. Работали без связок, по парам.

Пришли к этому опытным путем. Поняли: физиология сильнее нас. Кто-то плавает быстрее, кто-то медленнее, так

вот веревкой не вязались. Идем вдвоем, страхуя друг друга. Ну а для водолазов-профессионалов это было чудно, в нарушение всех инструкций.

В итоге пришло время принятия решения: идем или не идем? Но если не идем — теряется смысл учений.

А тут еще на наше несчастье к «Сибири» подогнали грузовой корабль «Серебрянка». Он ядерные отходы увозит на Новую Землю. Фон у этой «Серебрянки» 145 миллирентген в час. И все-таки мы пошли.

Парашютист:

— **В** день учений погода была сложная. А мы еще взяли с собой портативные радиостанции, решили связаться с вертолетом и наземной группой. Но оказалось, десантирование настолько тяжелое, что было уже не до радиосвязи.

Прыгнули с вертолета, вышли в район стоянки захваченного «террористами» корабля. А корабль за сопкой. И вот летишь из распадка к вершине сопки. Все ниже, ниже, ниже и кажется вот-вот зацепишься ногами за гребень, земля совсем рядом, ветер крепкий, дует так, что переворачивает спиной и вдруг... Перевалил вершину и полный штиль. Под тобой обрыв, глубина, где-то далеко внизу корабль, парашют попадает в зону затенения и начинается самое неприятное, на языке парашютистов это называется режимом «свала». Парашют «сыплет»...

Боевой пловец:

— С собой у нас была 8-метровая дюралевая лестница, изготовленная собственными руками. Ведь высота борта атомного ледокола больше восьми метров. Только авианосец выше.

Конечно, я читал, видел в кино фантастические способы подъема на борт корабля — какие-то магнитные, вакуумные присоски. Но все это далеко от реальности.

Словом, вышли мы под «Серебрянку», опустились под воду и стали двигаться к ледоколу. Казалось бы, задача простая, как в школьном учебнике, выйти из пункта «А» в пункт «Б». Но это только в учебнике просто. А тут огромное количество металла вокруг, стрелка как бешенная крутится по кругу. Куда плыть?

Парашютист:

— Идем в режиме «свала». Только чувствую, что купол падает назад, добавляю ему скорости, только пошел вперед — осаживаешь как горячего коня. И вот так, как на лезвие ножа, балансируешь.

«Свалиться» нельзя. Иначе скорость возрастет, и при приземлении неизбежно поломаешь себе руки — ноги. В этом случае какой же ты боец с «террористами»?

В общем, несмотря на все сложности, приземлились, соединились с наземной группой и стали действовать по плану учений: освобождали каюты от «террористов».

Боевой пловец:

— Хорошо, у нас был еще один компас, с пластмассовым корпусом. Он и помог. Сориентировались.

Проходим под днищем корабля, я даже не выдержал, погладил ледокол снизу, под брюхом.

Всплыли. С первого раза лестницу навесить не удалось. Не так-то просто. Капитан потом долго удивлялся, как нам вообще удалось взобраться на борт.

Взобрались. Накопились.' Ведь если я один поднимусь, какой из меня толк. Поэтому есть секреты «накопления», чтобы потом ударить всей группой одновременно. Ударили. Вместе с наземной командой и парашютистами освободили заложников и корабль от «террористов».

Вот такие необычные учения, в которых были задействованы различные специалисты подразделения «Вымпел».

Кроме «боевиков» работали и оперативники. Они с помощью своих методов проникли на базу атомного ледокольного флота.

«ОПЕРОМ» НАДО РОДИТЬСЯ?

Как-то известный советский разведчик Рудольф Абель в беседе с журналистами сказал: «Разведка— это работа. Очень трудная и опасная. Это постоянная импровизация ума... Главное в работе разведчика — та пора, когда вокруг него тихо и спокойно, а он, внешне никому неприметно, делает свое государственное дело, живя одновременно двумя жизнями — своей собственной и той, что дана ему легендой, — имея для двух этих жизней одно сердце, одну нервную систему, один запас

жизненных сил, и когда главным и грозным его оружием является ум. Прежде всего, ум».

В коротком признании о том, что же главное в работе разведчика, Абель говорит о сердце, нервах, запасе жизненных сил и трижды при этом упоминает ум.

107

Да, в основе успеха любого разведчика лежит работа ума. На нем, как на фундаменте, зиждется точный расчет, умение переиграть противника в соединении с оперативным опытом.

Так уж вышло, что первоначально крен в подготовке бойцов «Вымпела» был сделан в сторону боевой подготовки. Наверное, тут наложил свой отпечаток Афганистан, да и объективно не каждый сотрудник спецслужб может стать оперативником.

Освоить любую воинскую профессию, тем более как требуют того законы специального разведывательно-диверсионного подразделения, не просто. На это уходят годы, а порою и вся жизнь.

Но чтобы стать классным «опером», надо нечто большее, чем желание, знание законов оперативной деятельности, обладание опытом этой работы.

Что это такое — «нечто большее»? Говорят — талант. «Опером» надо родиться — считают одни. «Операми» не рождаются, а становятся — утверждают другие.

Сдается мне, что оба мнения имеют право на жизнь. Ведь из тысяч людей, посвятивших себя делу защиты безопасности Отечества, каким-то неведомым образом выкристаллизовываются эти единицы, носящие весьма почетное в среде профессионалов звание — оперативные работники. И туг дело не в специфике базового обучения (хотя оно никогда не было лишним), ведь можно припомнить немало примеров, когда «опера» по образованию оказывались в хозяйственниках или кадровиках. При этом не хочу обидеть ни тыловых, ни штабных работников. У них свои очень важные и нужные заботы. Но речь сейчас не о них. Казалось бы, Рудольф Абель (в молодости Фишер), прекрасный мастер радиоигры, начальник радиослужбы 4-го разведывательно-диверсионного управления, имеет иную специализацию, нежели глава резидентуры. Однако Абель прославился как крупный разведчик-нелегал, руководитель нашей агентурной сети в странах Западной Европы.

А поразительное перевоплощение легендарного Николая Кузнецова, исконно русского, уральца, в немецкого обер-лейтенанта Пауля Зиберта, его фантастически дерзкие и, в то же время, точно просчитанные акции возмездия говорят об уникальном слиянии в одном человеке таланта оперативника и боевика.

Как-то я рассказал своему товарищу, профессионалу-переводчику с немецкого, о Юрии Ивановиче Дроздове, разведчике-нелегале, работавшем под маской богатого германского

108

барона. Переводчик, хорошо знавший Германию, прослуживший там добрый десяток лет, несказанно удивлялся, вопрошая: «Как

это может быть? Я знаю немцев. Германский барон и русский парень из обычной семьи… Фантастика!»

Наверное, фантастика и в то же время — реальность. Это они, генерал Дроздов, впоследствии начальник нашей нелегальной разведки, полковник Савинцев, заместитель командира группы «Вымпел», учили бойцов подразделения тонкостям оперативной работы.

В соответствии со своей должностью Евгений Александрович Савинцев занимался этими «премудростями» каждый день.

Он успел «захватить» Великую Отечественную, навоевался вдоволь после мая 1945 года с бандами фашистских подручных, а через сорок лет попал еще на одну войну — афганскую, сменил Лазаренко на «Каскаде». Так что Савинцев имел колоссальный опыт оперативной работы.

До сих пор «вымпеловцы» помнят его уроки.

«В «Вымпеле», — сказал как-то Евгений Александрович, — крепко работали с офицерами. Это была настоящая учеба. Мы все время экспериментировали. Искали. Важно, чтобы не погас огонек интереса. И кажется, нам это удалось».

Адмирал Хмелев, полковник Савинцев учили: впереди должна идти мысль. Так, собственно, и было.

Недавно в разговоре с начальником штаба «Вымпела», другими сотрудниками мы обсуждали проблему соотношения мысли и действия. Иными словами, долю оперативной и боевой работы в проведении специальной операции. Спорили долго. Кто-то говорил, что расклад тут 60 процентов на 40, кто-то считал, что оперработа занимает все 90 процентов, боевая лишь 10.

К общему мнению так и не пришли. Мне кажется, это не столь важно — 60 процентов или все 90 отдано оперативной проработке операции. Радует другое — само понимание проблемы и приоритеты.

Хотя справедливости ради следует отметить: пик «оперативной формы» «Вымпела» позади, в прошлом, лучшие «опера» — на гражданке. И это, увы, не мое мнение. Это мнение большинства как действующих, так и уволенных в запас сотрудников.

Нынешнее руководство во главе с генералом Владимиром Егоровичем Проничевым делает очень многое, чтобы вернуть

подразделению высокий уровень профессионализма. Однако сделать это не просто.

«Потери» группы в ходе бездумных пертурбаций, реорганизаций, переподчинений — велики. А специфика подразделения такова, что воспитать новое поколение профессионалов помогут только годы.

Помнится, ветеран «Вымпела» Сергей Проценко рассказал мне интересный случай.

Спустя несколько месяцев после октябрьских событий 1993 года власти, скрепя сердце, наградили несколько сотрудников группы медалями. В Кремле, после вручения у Проценко состоялся примечательный разговор с одним из высокопоставленных генералов Главного управления охраны.

Генерал, хоть и вручил медали, однако не скрывал своего недовольства действиями группы в Белом доме.

— Да вас шашками всех надо порубать, а не награждать, — якобы пошутил генерал.

— Ну, порубаете, а где других возьмете, чтоб под пули шли?

— А... — махнул рукой генерал, — Россия велика, найдем. Россия и вправду велика, да вот, оказывается, не просто
найти, вырастить, обучить, воспитать профессионала для «Вымпела». И в особенности профессионала-оперативника.

Сегодня, вспоминая о старых добрых временах, «вымпеловцы» подчеркивают одну мысль: интересно было работать.

«А в чем этот интерес?» — спросил я однажды начальника отдела подразделения. Знал: он прекрасный боевик, много и умело прыгает с парашютом, освоил альпинистское мастерство. Казалось бы, о том и речь, но подполковник Николай Леонидов (фамилия изменена) заговорил совсем о другом.

«А разве не интересно под легендой, тобой разработанной, обкатанной, проникнуть на режимное предприятие? Ну, например, на самолетостроительный завод?»

Да, сколько изобретательности, точного расчета, актерского мастерства, если хотите, надо иметь, чтобы под видом научного работника из Москвы пройти на секретный завод. Учитывая, конечно, что там тоже работают не дураки и есть своя охрана, свой режим пропуска. Нелегко пришлось Николаю, ведь по легенде он был ученым по самолетному радиооборудованию. Попробуйте вести на профессиональном уровне беседу с людьми, которые это оборудование знают с закрыты-

ми глазами. И тем не менее «вымпеловец» не сплоховал, он сумел выведать секреты, не раскрыв себя.

Эти учения с удовольствием вспоминал Николай Леонидов. Сделана трудная, но творческая работа.

Другой сотрудник подразделения Игорь Баюков рассказал об учениях, в ходе которых разведывательно-диверсионной группе предстояло захватить секретоносителя. В роли секретоносителя выступал опытный работник местного КГБ. Заранее предупрежденный о захвате, он предпринимал усиленные меры предосторожности, пытался заранее просчитать действия диверсантов. Не удалось. Захват был столь неожиданным, что секретоноситель сдался сразу, признав профессионализм «вымпеловцев».

Таких учений проходило много. Не ошибусь, если скажу, что в «архиве» каждого сотрудника есть свои «любимые» учения. И чаще всего они связаны с работой ума, с поиском, с интересным делом.

Есть, конечно, и классика. Хотя знаю, многие «вымпеловцы» так не считают. Тут, может быть, впервые смею с ними не согласиться. Разве проникновение в сверхзакрытый Арзамас-16 оперативным путем — это не вершина оперативного творчества? А выход на базу ледокольного флота в Мурманске под видом высоких и состоятельных иностранных гостей в ходе учений

«Блокада-93»?

Представители «арабских шейхов» прибыли к руководству базы и предложили фантастический проект — фрахт атомного ледокола для похода к Северному полюсу. Вспомните 1993 год, стремительная инфляция, рост цен, ледокольный флот брошен государством, по сути, на произвол судьбы, а тут «шейхи», которые готовы платить умопомрачительные суммы в твердой валюте. Как тут не поверишь?..

Да и представители солидные... Как вы догадываетесь, в роли личных представителей «шейхов» выступали оперативники «Вымпела».

Мне поведал один из участников этих учений, как «посланники Арабских Эмиратов» из Балашихи забили холодильник фруктами, угощали гостей рюмочкой изысканного коньяка, а вечером доставали кашку... Но это уже были рабочие моменты, о которых не догадывался никто.

Главное, «посланникам» поверили, и руководство базы готово было заключить контракт. Жаль, что он не состоялся.

111

Прекрасный был бы поход на Северный полюс. Можно сказать, исторический. Впрочем, эта операция и так вошла в историю «Вымпела» как прекрасный образец высокого оперативного искусства.

КОЛЬТ ДЛЯ ХОРХЕ

Говорят, всемогущий Председатель КГБ Юрий Андропов, прочитав известный роман Владимира Богомолова «Момент истины», приказал найти документы, а главное — разведчиков-«смершевцев», героев книги. Хотел ли познакомиться шеф КГБ с этими удивительными людьми, наградить ли? Не знаю.

Каково же было удивление Андропова, когда ему доложили: героев как таковых в реальности не существовало, всему виной авторская фантазия.

Что ж, возможно, именно таких, как в романе и не существовало, не было Алехина, Таманцева, Блинова. Однако, несомненно, были другие. И талантливый автор собрал воедино, в этих трех, черты сотен бесстрашных контрразведчиков.

Ибо фронтовики-«смершевцы» рассказывали мне, что знавали они таких чистильщиков, как Таманцев, владевших искусством «стрельбы по-македонски», — на ходу из двух пистолетов — и умевших «качать маятник».

Помните, как у Богомолова, когда рассказ идет от имени Евгения Таманцева, «чистильщика и волкодава», по прозвищу «Скорохват».

«Для острастки, для давления на психику я немедля «пощекотал ему уши»: произвел по одиночному выстрелу из обоих наганов так, что пули прошли впритирку с его головой — это впечатляет.

Чтобы затруднить ему прицеливание, я непрерывно «качал маятник»: пританцовывал левым плечом вперед, рывками

перемещая корпус из стороны в сторону и все время передвигаясь и сам — нечто похожее, только проще, проделывает боксер на ринге.

Он выстрелил в меня двумя пулями, не попал, добавил погодя секунды еще одну и снова мимо. Чему-чему, а как «качать маятник», я мог поучить и его, и тех, кто готовил его в Германии, к тому же Пашины выстрелы сбоку, несомненно,

действовали ему на нервы, а подсветка значительно снижала меткость.

Тем не менее, он был опытный, находчивый парень, сразу понявший, что я опаснее других и что в первую очередь надо разделаться со мной...

Ствол браунинга опять следовал за моими движениями — справа налево и обратно, и я чувствовал, знал, что в ближайшую секунду снова раздастся выстрел».

Как известно, «чистильщик» Таманцев и боевые друзья победили в этом трудном поединке, уничтожив матерого фашистского шпиона — легендарного Мищенко, которого за двадцать лет более пятидесяти раз перебрасывали на советскую территорию, и арестовав его подручных.

Это стало возможным и потому, что контрразведчики и, в особенности, Таманцев в совершенстве владели оружием и во время огневого контакта действовали стремительно, четко, умело.

Признаться, не раз перечитывал книгу Богомолова и задавался вопросом: где они, современные таманцевы? Знавал я разведчиков, контрразведчиков и офицеров войскового спецназа. Видел их на учениях, стрельбах.

Какая там «стрельба по-македонски», какое «качание маятника»? Ноги на ширину плеч, монументальная стойка с пистолетом на вытянутой руке, подсчет дырок в мишени и неописуемая радость, если из «тридцати возможных» выбито 23 очка.

Куда все делось? Кто и когда написал эти дикие наставления по стрельбе из пистолета Макарова. Где, в каком бою, какой противник даст тебе возможность выйти в стойку с ногами на ширину плеч?

. Значит, надо было искать что-то другое, иные подходы к обучению стрельбе. Это понимали многие, но... шли годы, десятилетия, а офицер с пистолетом в стойке мог бы стать памятником, как в свое время «девушка с веслом».

Да, боец спецподразделения должен уметь многое. Так сотрудник американской «Дельты», по мнению ее создателя полковника Чарльза Беквита, обязан осуществлять командование и руководить службой безопасности, грамотно передвигаться с одной позиции на другую, используя технику в ходе штурмовых операций, управлять заложниками, быстро устанавливать личность, определять точку своего стояния, двигаться по местности, преодолевать естественные и искусственные препятствия, защищать заложников от угрозы использования

взрывчатых веществ, знать тактику воздушно-десантных войск, управлять гусеничной и колесной техникой.

А так же уметь спускаться со зданий, сооружений, самолетов, проводить эвакуацию раненых., овладевать одиночным лазанием, лазанием в связке, устанавливать и использовать траверсные системы крепления троса.

Это перечисление можно продолжить. Не меньше своего собрата по спецназу знают и умеют наши бойцы группы «А» и подразделения «Вымпел».

Однако во всем многообразии специальностей есть нечто главное, определяющее, без чего немыслимо представить бойца спецназа. И это, в первую очередь, умение владеть оружием, вести огонь.

В любой стране тысячи и тысячи людей имеют дело с оружием: полицейские, армия, силы безопасности, охранники, телохранители, охотники...

Но спецподразделения учатся владению оружием в специфических условиях. В отличие, например, от армии или полиции бойцы спецназа всегда работают в жестком режиме дефицита боеприпасов. Много ли унесешь с собой в условиях глубинной разведки, когда отрыв от своих сил исчисляется сотнями километров.

Поэтому в «Вымпеле» приучали к мысли, что автоматическая стрельба, в принципе, противопоказана спецназу. И в этом есть свое рациональное зерно. Небольшая группа разведчиков не может вести длительный бой. А если уж диверсантов вынудили стрелять, то всякий выстрел должен быть наверняка. Ибо, как говорили мне в «Вымпеле», — промах — это пуля оттуда, пуля в тебя.

Однако требования требованиями, но как научить стрелять бойцов метко, эффективно не на словах, а на деле?

Впервые на практике «настоящую стрельбу» «вымпеловцы» увидели на Кубе. Посоветовал им познакомиться с Хорхе старший тренер российской стрелковой сборной Кудряшов, который был в это время на острове. Ребята долго отнекивались, они уже видели стрельбу кубинцев и она, откровенно говоря, казалась вершиной стрелкового искусства. А теперь вдруг какой-то Хорхе, никарагуанец, чему он может научить российских спецназовцев, да еще прошедших стажировку у кубинцев?

Однако тренер настоял. Поехали. Познакомились с двумя никарагуанцами — Хорхе и Луисоим.

О своих впечатлениях рассказывает бывший сотрудник «Вымпела» Валерий Киселев:

— Хорхе маленький, а кольт — большой. Он достает оружие, начинает стрелять и все... у нас челюсть отпала.

Ну что тут сказать, он выхватывает кольт, мгновенно взводит, поражает все цели, дырки при этом в куче, перезаряжает оружие и при этом постоянно движется... Укладывается в 2 — 3 секунды. Фантастика.

Мы говорим: «Все, все, нам ничего не надо, учимся только стрелять! Показывайте!»

Это иной принцип, другой подход к обучению стрельбе и вообще к стрельбе. Когда мы освоили его, словно из школы сразу на пятый курс института шагнули.

Дело в том, что американцы провели анализ десяти тысяч случаев применения оружия ФБР, полицией, спецназом. Учли здесь и опыт бандитских, мафиозных разборок. И оказалось, что чаще всего противники вели огонь на расстоянии от 3 до 7 метров. Всего лишь. Значит надо учиться стрелять с такого расстояния. Кому нужна эта стандартная стойка и положенные по нашим наставлениям 25 метров?

Но при стрельбе на этих коротких дистанциях все происходит иначе.

Помнится, мы вернулись домой, научились стрелять, запомнили, зарисовали. Начинаем показывать: ребята понимают, руководство не понимает. Вы, мол, друг друга перестреляете. Возможно.

А если нас перестреляют в боевой обстановке?

Ладно. Провел я занятия показательные. Пришел из «девятки» какой-то начальник, из группы «А», из «семерки». Давай, мол, показывай.

А я уже и до этого понял, что-либо объяснять бесполезно, не поймут и не поверят. Да и как тут поверишь. Если все, что знал, чему учился, летит в тартарары. Расстояние-то всего 5 метров. Не то, что выстрелишь, бросишь пистолет по мишени — не промахнешься.

Что ж, доказывать не стал — устроили соревнование. Договорились так: эти три мишени мои, а эта одна ваша. Стало быть, я поражаю троих, вы меня втроем одного.

По команде должны достать пистолеты и поразить мишени.

Начинаем. Полковник из «девятки» сам командует. Когда сам командуешь, вроде как быстрее получается. Ладно, знаем мы эти штучки, командуйте, полковник.

115

Скомандовал. Я уже все три мишени положил, а они только руки с оружием подняли для стрельбы. Что ж, и у них челюсти, как у нас в свое время на Кубе, отпали.

— Если интересно, буду учить, — сказал им. — Интересно. Что ж, сели, стали беседовать».

В своем рассказе сотрудник «Вымпела» забыл уточнить весьма интересную деталь: он успел поразить каждую мишень двумя выстрелами. Подчеркиваю: двумя! В этом ведь секрет стрельбы «бам-бам», как называют ее спецназовцы.

В подразделении успешно освоили эту уникальную стрельбу. Да и как ее иначе назовешь, если худшие сотрудники за 7 секунд, лучшие за 4 секунды по команде успевали достать оружие, зарядить его и поразить 12 мишеней. Но поскольку в магазине 8 патронов, стало быть за это время еще и меняли магазин.

Словом, в считанные секунды, выхватив оружие, перебили 12 человек. При этом все время двигались...

Надо сказать, что творческая мысль бойцов спецподразделения «Вымпел» во многих видах стрельбы искала

нечто свое, только присущее им.

Это ведь они изобрели по сути новый способ стрельбы из гранатомета. Авторство приписывается нескольким бойцам, поэтому не стану называть никого конкретно, но лишь поведаю о самом главном.

Судя по всему, это «рацпредложение» заставила внести сама война. Война в Афганистане. Первый же из наставников-«вымпеловцев» столкнулся с неразрешимой проблемой: с безграмотностью и невежеством своих подопечных афганцев.

Эту историю мне рассказывали примерно так. «Прибыл я в Афган. Провожу занятия. Вот миномет. «Север предназначен», — говорю. А что такое Север? У них же образования ноль.

Ладно, ты из ружья стрелял? Стрелял. Вот труба миномета — ружье. Делаю шаг вперед и на вытянутую руку опускаю трубу гранатомета.

Длина руки неизменна. Помощник опускает мину. Видишь, куда упала? А если изменить угол? Ага, ясно...»

Этот способ часто применялся потом в Афганистане. Он прижился и был распространен среди афганцев. «Голь на выдумку хитра», — смеялись «вымпеловцы».

А уж они-то знали цену этой древней народной мудрости.

116

ПОЛИГЛОТЫ ИЗ «ВЫМПЕЛА»

В каждой профессии есть свои секреты. На взгляд человека непосвященного, тонкости мастерства могут показаться мелочами.

Однако нередко профессионал судит о себе подобном именно по «мелочам». И сразу становится ясно, кто чего стоит.

На пресс-конференции по итогам антитеррористической операции в Первомайском выступали два министра: внутренних дел — Куликов и Федеральной службы безопасности — Барсуков. Один из генералов тогда посетовал: мол, чеченские террористы ушли по грязному, вязкому полю босиком, сбросив сапоги. Чувствовалось по всему, для генерала такой прием передвижения был в новинку.

«Мелочь», — подумает кто-то. Возможно, но террористы, на совести которых не один десяток невинно погубленных душ, ушли. Не все, конечно. К счастью, на одном из участков их встретила небольшая группа армейских спецназовцев. И многих навсегда уложила в эту сырую землю.

В спецназовском деле нет мелочей. Этому правилу в разведывательно-диверсионных подразделениях учат, что называется, с младых ногтей. Не там поставленная точка в документах может стать причиной провала агента, неосторожно сломанная ветка выведет преследователей на дневку разведгруппы.

Помнится, один из генералов КГБ рассказывал мне, как перед вводом наших войск в Чехословакию увидел он сотрудников органов безопасности, одетых словно с иголочки в новую военную форму. И это на фоне обношенных, застиранных

гимнастерок солдат и армейских офицеров. Кто-то допустил явный просчет. «Вас же сразу вычислят...» — обратил генерал внимание подчиненных.

Что же касается бегства террористов босиком, то полковник Евгений Савинцев, опытный разведчик, бывший заместитель командира «Вымпела», лишь усмехнулся: «Я этому учил своих солдат еще в сорок пятом. По команде одним взмахом ноги они должны были сбросить сапоги. Иначе не убежишь и никого не догонишь, сапоги на вязкой целине моментально становятся пудовыми от налипшей грязи. Эту премудрость знали у меня еще бойцы-первогодки».

Умение заранее просчитать ситуацию, предусмотреть все Жизненно важные мелочи — неизменная черта профессионального разведчика-диверсанта.

117

Вспомните 24 апреля 1980 года. Американское диверсионное подразделение «Дельта» занимает места в самолетах. Оружие пристреляно, вычищено, ножи заточены.

Бойцы одеты в джинсы, высокие армейские ботинки и бронежилеты черного цвета. На правом рукаве каждого бойца пришит нарукавный знак с изображением американского флага. Пока он заклеен лентой. На голове — темно-синяя шапочка ВМС. И никаких знаков различия.

В 18 часов первый самолет с группой сотрудников «Дельты» стартует с египетского аэродрома. Их путь лежит над Оманским заливом в Иран. Там террористами захвачено американское посольство, и «Дельте» поставлена задача освободить заложников.

«Мысли роились в моей голове, — пишет в своих воспоминаниях командир «Дельты» полковник Чарльз Беквит. — Что ожидает нас впереди, с чем мы столкнемся на улицах Тегерана? Возможно, с каким-то новым препятствием, не учтенным нами.

Все ли заложники будут находиться в канцелярии? Смогут ли советские ЗСУ с их губительными 23-миллиметровыми пушками достать команду «Дельта», пока она останется на стадионе? Сколько вертолетов выйдет из строя завтра ночью?

На полпути к пустыне мне доложили, что все восемь вертолетов взлетели. Операция началась. Я сиял. Многие ли сумеют сделать то, что удалось мне? Подобрать команду, начав практически с нуля, создать подразделение, лучшее в американской армии, а затем поднять его и повести в бой».

Гордость Беквита вполне объяснима. Действительно, это он стоял у истоков «Дельты», он преодолел все чиновничьи барьеры и собрал, выпестовал совершенно новое для армии США подразделение. Теперь полковник вел их в первый бой.

Бой предстоял трудный, рискованный. Как известно, американцы его проиграли. Операция «Орлиный коготь» закончилась провалом.

Я не раз задавал себе вопрос, почему это случилось? Официальная версия, кстати, высказанная самим Беквитом, такова: виноваты во всем вертолеты, вышедшие из строя на пути

в Тегеран.

Да, это так. По расчетам специалистов, разработавших операцию, для ее успешного проведения надо было иметь восемь исправных вертолетов. А у Беквита в пункте «Пустыня-1» их

оказалось только пять. И тогда он принял решение: «Операцию отменить. «Дельта» летит домой».

Но ведь главная трагедия произошла после этой команды.

Вот как описывает ее сам Беквит.

«Команда «Дельты» начала погрузку в самолеты. Я шел от одного самолета к другому, отмечая в уме количество людей, которые поднимались на борт каждого из них.

Я быстро направился к головному самолету. Времени было 2.40. Некоторые пилоты запустили двигатели своих машин, чтобы их подогреть.

Всюду кружились пыльные вихри, видимость практически была нулевой».

Хочу заострить внимание именно на этих словах полковника Беквита. Здесь кроется разгадка всей трагедии. «Из-за нулевой видимости» один из вертолетов, выруливавший на заправку, столкнулся с крайним самолетом ЕС-130. К счастью, бойцы группы «Голубая» (подразделение «Дельты») успели спастись, выбежав из охваченного пламенем самолета.

Тайну трагедии раскрыл мне тот же полковник Савинцев. Ведь вряд ли кого-то стоит убеждать, что американцы не понимали, куда летели. В пустыню. Более того, они упорно тренировались в песчаных районах страны, во Флориде. Тренировки в общей сложности занимали несколько месяцев. Казалось бы, просчитали все. Упустили одну «мелочь»: песок в иранской пустыне был совсем иным по составу, чем на пляжах Флориды. Там вертолеты взлетали, не поднимая облака пыли.

В Иране было иначе: неисправные вертолеты и песчаная буря, поднятая лопастями машин, похоронили надежды на успех операции. Сгорело несколько вертолетов, самолет заправщик, погибло 8 человек.

«Было почти три часа утра, — напишет потом Беквит. — Пробыв на земле 3 часа 46 минут, «Дельта» покинула пункт «Пустыня-1».

С первыми лучами солнца мы летели над Оманским заливом. Операция закончилась полным провалом. После колоссальных затрат времени и нервов, труда и пота — все оказалось напрасным».

В этой истории подкупает лишь одно: Беквит не побоялся взять на себя ответственность и отменить операцию. Хотя знал,

что за ее ходом следит сам президент. Да, погибло 8 человек, но могло погибнуть больше, дрогни командир «Дельты», не прояви твердости, смалодушничай.

Позже Бжезинский признался Беквиту, что во время их перелета в Иран был постоянно рядом с президентом, и когда командир «Дельты» попросил разрешения на прекращение операции, почти убедил Картера продолжить ее.

— Как вы думаете, каковы были бы последствия, если бы такое решение было принято? — спросил Бжезинский Беквита.

— Случилась бы катастрофа, — ответил полковник. — И наша беседа не состоялась бы.

«Я неоднократно задумывался над этим вопросом, — скажет потом Беквит, — и в глубине души знал, что если бы получил приказ о продолжении операции, то не выполнил бы его, сославшись на радиопомехи и плохой прием».

Увы, у нас накануне чеченской бойни никто не сослался на радиопомехи и плохой прием.

Погибли тысячи необученных мальчишек в солдатских шинелях, тысячи мирных жителей.

Но это уже тема другого разговора.

Возвращаясь к проблеме профессионализма и тонкостям в работе диверсанта, нельзя не заметить, сколь продуманно в свое время подходили к этому делу в органах госбезопасности.

Так, к примеру, группу сотрудников «Зенита», которая штурмовала кабульское радио и телевидение в декабре 1979 года, возглавил Анатолий Рябинин, инженер-телевизионщик. Его задачей было не только взять под контроль информационные службы столицы, но и обеспечить дальнейшую бесперебойную их работу. Что, собственно, и было сделано. Из одной из студий, захваченной группой Рябинина, и прозвучало известное обращение Бабрака Кармаля к народу Афганистана.

Боец «Вымпела» подполковник Эркебек Абдулаев в ходе учений работал под видом специалиста-зоотехника, приехавшего из другого региона. Для сбора разведданных он посещал местное управление сельского хозяйства, вел с коллегами заинтересованную беседу по проблемам зоотехники. Это не вызывало ни у кого подозрений, потому что до прихода в органы госбезопасности Абдулаев закончил сельхозинститут.

Вообще образование по первой специальности, как говорят в «Вымпеле», дело весьма интересное. Такое разнообразие

профессий вряд ли где-либо встретишь под одной крышей. Есть тут телевизионщики и атомщики, педагоги и танкисты, пограничники и зоотехники, юристы и тренеры.

А уж вузы, в которых обучались будущие «вымпеловцы», и перечислить трудно. Диапазон велик. От провинциального пединститута до элитной Академии Генерального штаба и до всемирно известной Сорбонны.

Когда после событий августа 1991 года «Вымпел» перенацелили с разведывательно-диверсионной деятельности на борьбу с ядерным терроризмом, в составе подразделения появились инженеры-атомщики.

Серьезно относились в «Вымпеле» к освоению иностранных языков. Конечно, в семье не без урода, были и такие, кто так и не освоил «иняз». И уроки по языку были для них пуще наказания. Но большинство использовали эту возможность, которая, кстати, помогает им успешнее адаптироваться в новой, гражданской жизни.

Так, бывший боец спецподразделения Анатолий Ермолин

руководит ныне колледжем. Когда я поинтересовался, где он освоил второй язык— испанский, Анатолий Александрович добрым словом вспомнил своих «вымпеловских» учителей иностранного языка.

Были в подразделении и свои полиглоты, овладевшие четырьмя, пятью языками, а порою и очень редкими наречиями. Не знаю, так ли, но говорят, служил в «Вымпеле» сотрудник, бывший чуть ли не единственным в стране знатоком языка маленького вымирающего африканского племени.

Вот такими уникальными профессионалами владело спецподразделение. Сплоченное единой целью в крепкую боевую семью, оно и само стало уникальным, единственным в своем роде. Однако теперь это уже история.

История, которой можно гордиться.

«ССЫЛКА» В... МВД

Октябрьские события 1993 года в Москве — трагедия нашего народа. Для «Вымпела» это свои страшные дни. Не будь их, судьба уникального подразделения сложилась бы совсем иначе.

121

«Альфа» была более известной, ее побоялись тронуть. Хотя говорят, что президент всякий раз даже при случайном упоминании группы «А» впадал в дурное настроение.

Уже 6 октября он подписал указ об увольнении в запас командира группы «А» генерала Геннадия Зайцева. Однако указ этот не увидел свет, говорят, нашелся в президентском окружении неглупый советчик, который подсказал, мол, не время сейчас лишний шум поднимать. И генерала оставили в покое.

Правда, опальную «Альфу» отстранили от охраны президента, а на двадцатилетний юбилей в списках награжденных отсутствовала фамилия ее начальника, того же Зайцева, отдавшего группе ни много ни мало полтора десятка лет.

С «Вымпелом» поступили просто. Чудовищно просто. Элитное подразделение госбезопасности, которое двенадцать лет готовили для работы за рубежом, куда были собраны лучшие силы оперативников и боевиков страны, передали в милицию.

Хочу быть правильно понятым: не смею противопоставлять систему МВД и органы государственной безопасности. Обе службы крайне нужны, необходимы и достойны уважения и поддержки.

Однако это разные системы. У каждой из них свои специфические задачи, и элитный боец спецназа, владеющий иностранными языками и оперативным мастерством, не должен выполнять обязанности омоновца.

Подобного этому еще не бывало в мире. Да только что нам мир, мы сами с усами.

Решение высшего руководства страны «сдать» элиту разведки в МВД вызвало в подразделении бурю возмущения. Бойцы уходили десятками.

Военные эксперты считают, если подразделение покинуло по

каким-то причинам 30 процентов личного состава, — оно на грани утраты боеспособности, если 40 процентов, — практически небоеспособно. Но это в обычном воинском подразделении, а что говорить о спецназе, где каждый боец стоит взвода. И чтобы его подготовить, нужны не месяцы — годы, десятилетия. «Вымпел» готовили 12 лет и погубили в одночасье.

Командир «Вымпела» генерал Дмитрий Герасимов тоже отказался служить под милицейскими знаменами. Министр внутренних дел Ерин обиделся: «Конечно, вы белые воротнички, а мы чернорабочие».

122

За что же так жестоко расправились с «Вымпелом»? Правды до сих пор не сказано миру.

Без сомнения, группа «А» и «Вымпел» совершили гражданский подвиг. Они прекратили кровопролитие, спасли людей.

Однако не такого подвига, по всей видимости, ждали от них власти.

Встречаясь с непосредственными участниками тех событий, я часто задаю себе вопрос: как рождается историческая ложь? Как защитить историческую правду?

Мне приходилось это делать в 1991 году. Помните страшные статьи, заголовки газет тех дней и среди них целую серию сообщений о боевой машине пехоты номер 536. Самый распространенный из них — «БМП № 536 — убийца».

Сразу же после тех событий я побывал в прокуратуре, в подмосковной дивизии, откуда была эта злополучная «бээмпэшка». С офицерами дивизии мы еще и еще раз прочерчивали маршрут движения БМП, просчитывали по минутам движение колонны. Выехали еще раз на место, провели своего рода собственный следственный эксперимент.

Не стану заново описывать те события и выводы по ним, тем более, что по горячим следам я все уже описал в статье под заголовкам «Была ли БМП-536 убийцей?» Считаю, что в своем расследовании доказал: БМП-536, как и другие машины этой колонны, шла не к Белому дому. По этой дороге они попросту не могли туда попасть.

Но самое страшное, что меня поразило, так это встреча с «экипажем-убийцей» БМП-536. Измученные разборками, напуганные допросами, задерганные встречами с высокими «демократическими чиновниками», со страхом в глазах смотрели они на мои подполковничьи погоны.

Долго пришлось убеждать этих ни в чем не повинных ребят, что я не из Белого дома, не из КГБ, контрразведки и прокуратуры. И все-таки, когда удалось их хоть как-то разговорить, механик-водитель БМП со слезами на глазах протянул ко мне обгоревшие, иссиня-красные руки. Его вытащили из БМП, облили бензином и подожгли.

Вот какой оказалась эта правда.

Но самое поразительное, что эти ребята, которых обозвали «душителями демократии», ни разу до этой злополучной ночи не были в Москве, а что существует такой Белый дом, Узнали на

следующий день из уст следователя.
123

Возмущенный всем этим, я написал статью и попытался защитить историческую правду. Статья резко контрастировала с диким газетным воем. Я обошел добрый десяток уважаемых центральных газет — никто не взялся опубликовать ее. Нашелся единственный смельчак, — Николай Модестов из «Подмосковных известий». Он напечатал. Спасибо ему, конечно. Хотя я прекрасно осознаю никчемность своих потуг. Моя статья — тонкий писк, не замеченный никем.

Вот и вся правда. Низкий поклон следователю, которая не побоялась провести непредвзятое расследование. Иначе солдаты, не знавшие и названия Белого дома, гнили бы до сих пор в тюрьме как «убийцы» и «душители демократии».

Однако и следователь, посмевшая сказать истинную правду, а не выгодную в ту минуту так называемым «демократам» ложь, была облита в прессе грязью с ног до головы.

Вот почему хочу лишь одного — чтобы действия подразделения «Вымпел» в октябре 1993 года были освещены правдиво и честно. И остались в истории нашего Отечества таковыми.

Ибо уверен, звания Героев России достойны именно они — бойцы группы «А» и «Вымпела». И пусть эти звезды украшают сегодня иные мундиры — народ должен знать своих истинных героев.

Дабы самому не показаться предвзятым, слово им — бойцам подразделения «Вымпел», непосредственным участникам тех событий.

Сергей Проценко, бывший начальник отдела подразделения «Вымпел»:

— Начало было таким. В 3.15 утра 4 октября руководство подразделений «Вымпела» и «Альфы» пригласили в кабинет президента.

Тут же и Барсуков с Коржаковым. Сели вдоль стены, напротив стол Ельцина. Он выступил перед нами. По всему чувствовалось, Борис Николаевич сильно взволнован, находится в нервном напряжении.

Помню, он сказал: «Надо покончить с красно-коричневыми, иначе этот бандитский разгул приобретет необратимые для страны последствия».

Может, в каком-то слове я слегка и ошибся, но за всю фразу точно ручаюсь.

Мы все молчали, понимали, что от нас хотят. Ельцин спросил, есть ли вопросы. Стараясь как-то спасти ситуацию, Дмитрий Михайлович Герасимов сказал что-то о малых силах.
124

Ельцин уже стоя отрезал: «Хватит сил». На этом наше общение с президентом закончилось. Дальше общались с Коржаковым.

А теперь представим состояние командиров — того же Герасимова, Зайцева, да и тех, что рангом пониже. Приказ получен от первого лица государства. Он должен быть выполнен,

как записано в уставах (читай: законах для людей военных) «точно и в срок». Иначе? Иначе в зависимости от обстановки... — Если по законам военного времени — расстрел. Если по законам мирного — трибунал.

Часто люди штатские, особенно журналисты, особенно женщины, никогда в армии не служившие и воспринимающие слово «приказ» примерно так же, как просьбу завотделом, от которой можно запросто отмахнуться, отшутиться, берутся судить людей в погонах. И судят, не осуждают, а по-настоящему судят, не понимая, перед каким страшным выбором стоят эти люди.

А ведь, если поразмыслить объективно, непредвзято, у бойцов «Вымпела» и «Альфы» и выбора не было в ту поистине трагичную ночь.

Не выполнить приказ — это пролить море крови. Что означает это в реальности — «покончить с красно-коричневыми»? А то и означает — «покончить». Представим себе на минуту ужас того боя и состояние после него. Кто они теперь, эти «профи» антитеррора? Разве в Белом доме засели террористы?

Вот какие вопросы стояли перед каждым из них. Страшные вопросы, на которые не найти ответа.

Поначалу они пытались найти ответы на них у непосредственных начальников — генералов Барсукова и Коржакова. Однако вскоре поняли, они тоже не знают ответов. Знают одно: президент приказал. Что ж, приказ они слышали своими ушами. Хотя порой казалось, лучше бы оглохнуть в ту минуту.

Рассказывает Сергей Проценко:

— Пришли мы в зал, здесь же в Кремле, где в эту ночь располагались, стали думать: что делать? На памяти девяносто первый... Вильнюс, Тбилиси...

И вот тогда, в ходе этих тяжких раздумий, я понял: очень трудно найти и подготовить Александра Матросова. Ведь думали мы не о себе, нет. А как же будем стрелять в своих людей? Неужели нельзя найти другое решение?

С «Альфой» были вместе, не делились. Мы, старики, знали друг друга с 1979 года. Те, кто помоложе — с конца

80-х. В Афганистане вместе, по «горячим точкам», считай, заодно метались, учения совместные. Так что скрывать было нечего.

Словом, собрались, давайте искать варианты. Не идти нельзя, идти — тоже нельзя. Раздавались, конечно, и резкие заявления более молодых ребят, мол, выходим, садимся в автобусы и уезжаем на места дислокации.

Все-таки каким-то образом мы смогли убедить большинство, что время есть, надо думать, искать. И главное, убеждать руководство в принятии другого, бескровного решения.

Погрузились в автобусы, выехали из Кремля, остановились в улочке рядом с Генштабом. Подъехал к нам Барсуков. Стали предлагать свои варианты.

Ну, например, стрельба раздается с двух сторон. Окружаем

Белый дом, прочесываем все чердаки, крыши, помещения и уже оттуда нет ни одного выстрела. А отсюда, со своей стороны, легче остановить огонь.

Увы, предложения отвергались. Было одно: надо идти, выдвигаться и все. Тогда прямо в лицо Барсукову говорили: стрелять не будем.

Очень тяжелое впечатление произвели действия ОМОНа в районе зоопарка. Они жестоко били людей... Это не ожесточило нас, произвело обратный эффект.

Вот чем отличается боец элитного подразделения от обычного омоновца.

В своей книге о группе «А» я привожу диктофонные записи радиопереговоров милиции и Белого дома. Они были напечатаны в свое время в «Комсомольской правде».

Там один милиционер грозит в эфир с тех, кто в Белом доме, «шкуру содрать», «перевешать всех на флагштоках», обещает «живыми не брать». И все почему? На этот вопрос отвечает другой милиционер: «Там одни урки собрались, там людей нет нормальных».

Вот так. Он не видел в глаза тех людей, но ему сказали: там «скоты» и «урки», и он поверил.

Теперь можно представить, что бы произошло, не войди «Вымпел» и «Альфа» до темноты в Белый дом и не выведи оттуда депутатов и их сторонников. Ночью туда бы вошли омоновцы. Те самые, которые обещали содрать шкуру.

Думаю, это поняли и бойцы спецподразделений, глядя на омоновскую расправу у зоопарка.

126

Слово Сергею Проценко:

— Часов в 15 стали выдвигаться к Белому дому. Гремели выстрелы, падали люди. Мы видели: по мере затягивания конфликта жертвы будут расти.

Я со своим отделом выдвинулся вдоль здания к центральному входу.

У Белого дома стояло тысяч пять человек. Никто не мог объяснить, что это за люди — сторонники парламента или наоборот.

Подошли ближе, присмотрелись. Стало ясно — это не сторонники Белого дома. По взглядам, возгласам можно было понять: они рвутся туда не с благими намерениями. Конечно, толпились и журналисты, фотокорреспонденты.

Пришлось вытащить милицию с задних рядов, поставить вперед и с их помощью начали потихоньку, культурно теснить толпу. Уговаривали, мол, пули летят не резиновые.

Поставили свое оцепление. Я поднялся с центрального входа на второй этаж. В зал, где сидели депутаты, не входил, стал на входе их просить, уговаривать покинуть Белый дом.

Потом пошли на четвертый этаж к Руцкому. Навстречу нам вышли офицеры с оружием, с автоматами. Приперли к стенке вначале. Минут семь объяснял. Тут же депутат Тараненко был. Он меня проводил к Руцкому.

Долго мы говорили с Руцким в окружении депутатов.

Обстановка напряженная. Они нервничают, я нервничаю.

Как мог убеждал: чем раньше выйдем, тем раньше все закончится. Главное, вывести людей, чтобы никто не погиб.

Было много вопросов, заявлений, мол, мы не вели огонь, нас хотят расстрелять. Словом, мне не доверяли.

Мне кажется, перелом произошел после того, как Сажи Умалатова сказала: «Я верю этому полковнику».

Вижу, и Руцкой к моему предложению склоняется.

Вот так работали бойцы «Вымпела» и «Альфы» в Белом доме: уговаривали, убеждали, давали гарантии, на которые не были уполномочены.

Случалось всякое: порой в висок упирался ствол пистолета, и тогда вновь начиналась беседа. Спокойно, собрав в комок нервы.

Один из бойцов «Вымпела», Сергей Климентьев, рассказывал мне: когда они вышли из Белого дома, он проверил у своих подчиненных оружие. За целый день его люди не сделали ни единого выстрела.

127

Однако, как показало время, уговорить защитников Белого дома было полдела. Уговорили, спустились на первый этаж, а что дальше? Как теперь обеспечить людям обещанную безопасность?

Вспоминает Сергей Проценко:

— Руцкой, Хасбулатов и еще человек сорок спустились вместе с нами в фойе первого этажа. И вот тут начались проблемы.

Пытаюсь связаться по рации — не удается. Спустился по лестнице вниз к бронетранспортерам, вышел на связь с командиром группы «А» генералом Зайцевым. Представился: «Я такой-то, вышел в фойе с Руцким, Хасбулатовым, другими депутатами. Дал гарантии безопасности».

Зайцев попросил меня подождать. Ждем, ответа нет. Снова непонятные вопросы, дело к вечеру.

Пытаюсь шутить, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. Но меня начинают спрашивать: где автобусы?

То и дело, словно костры, шли вспышки напряженности, выкрики: «Не пойдем! Будем стоять до последнего!»

Спустился второй раз, попросил автобусы, БТРы сопровождения.

Вскоре к нам поднялся с группой людей Коржаков. Когда он представился, толпа закричала, взволновалась. А тут еще его охрана бросилась обыскивать. Пришлось этот обыск резко пресечь, иначе не знаю, чем бы все кончилось.

Коржаков спросил: «Где Баранников, Макашов?» Я ответил, что со мной только Хасбулатов и Руцкой. Он дал команду доставить их в Лефортово.

В это время подошел транспорт. Подвели Макашова. Его, Хасбулатова и Руцкого я посадил в автобус, туда же вошел Коржаков с охраной.

Когда отъезжали от Белого дома, Хасбулатов в окно увидел пляшущих людей. Они прыгали, смеялись. Спросил: «Что за люди, почему себя так ведут?»

Я ответил: «Наверное, радуются».

«Они еще горько об этом пожалеют», — сказал Хасбулатов.

Это были его единственные слова.

Руцкой говорил много. Что военные обещали поддержать, звонили, выражали поддержку, называл фамилии... И вот предали...

128

В конце сказал: «Передай привет Герасимову. Я его выручал в Афганистане».

В Лефортово их встретили тоже «вымпеловцы», приняли.

Валерию Киселеву так запомнился тот вечер:

— Макашов отказался есть, объявил голодовку, Хасбулатов психанул, ночью не спал, трясся, кричал: «Почему так холодно? Почему одеяло такое не теплое?»

«А вы, собственно, где находитесь? В тюрьме». Так мы опустились до тюремщиков.

Последняя горькая фраза, брошенная сотрудником «Вымпела», у меня до сих пор не выходит из головы.

КАК РОДИЛАСЬ «ВЕГА»?

У одного из сотрудников «Вымпела» была излюбленная шутка. Приходя в подразделение ранним утром, он приветствовал коллег: «Добрый вечер!» «Ну, какой же вечер?» — изумлялись сослуживцы. «А я как захожу в ОУЦ (отдельный учебный центр — под таким названием легендировалось подразделение), так в глазах темным-темно».

Весьма символичная шутка. Когда узнаешь, каким перетрубациям и реформированиям подверглась в свое время группа «Вымпел», понимаешь: есть от чего потемнеть в глазах.

Сначала из внешней разведки «Вымпел» передали в состав Министерства безопасности, позже вывели и оттуда и «прикомандировали» к Главному управлению охраны. И наконец, в январе 1994 года вообще передали в МВД.

Новый милицейский шеф приказал переименовать группу. Так родилась «Вега».

Сегодня, казалось бы, все возвратилось на круги своя, «Вымпел» вновь на Лубянке. Теперь это управление «В» Центра специального назначения Федеральной Службы Безопасности.

Встречаясь с бойцами спецподразделения — бывшими и нынешними — убедился в правильности древней истины: сколько людей — столько мнений. Одни считают, что и нынешний состав подразделения — это тот же «Вымпел», иные говорят, что от прежней группы не осталось и следа.

Не знаю, кто тут прав. Сдается мне, что названия менялись неспроста. Командиром «Вымпела» был Дмитрий Герасимов.

129

«Вегой» руководил Валерий Круглов, а Владимир Проничев возглавил Управление «В». Теперь Проничев уже зам. начальника ФСБ, а подразделением командует Сергей Уколов.

Признаемся себе: одно дело разведка и диверсии, другое — заботы милицейские, борьба с преступностью.

Можно было понять руководство МВД, кто же откажется от высокопрофессионального, слаженного, мобильного

подразделения. И надо отдать должное, новое начальство отнеслось к «Веге» с вниманием и заботой.

Однако совсем иная реакция была в подразделении. Сотрудники, по существу, взбунтовались.

Большинство не хотели переходить под знамена генерала Ерина. Что ж, и это вполне объяснимо. Ведь осенью 1993 года «Вымпел» во многом оставался тем, первозданным ОУЦем, который создавался как элитное подразделение Комитета Безопасности. На его боевом знамени так и было начертано: Группа специального назначения КГБ СССР.

«Вымпел» превратился в аукцион. Уволенных в запас офицеров «разбирали» фирмы, тех, кто не хотел снимать погоны, «сватали» в разведку, в Службу Безопасности, в Главное управление охраны, в Министерство по чрезвычайным ситуациям. Случалось, уходили целыми отделениями.

Когда одного из парашютистов, тех кто десантировался на крышу атомного реактора, я спросил, сколько бойцов осталось в «Веге» от их «летного» отделения, он со вздохом ответил: никого.

Думаю, даже далекий от военного дела человек поймет, что значит для коллектива, когда уходят все. В особенности, для воинского. Ведь мало собрать мастеров-профессионалов, из них еще надо выпестовать, взрастить, сплотить боевое подразделение.

Если уходят все — умирает подразделение. К счастью, «Вымпел» не умер. Разумеется, он немало потерял. Но важно, что не умер.

Справедливости ради надо признать, что выжить помогло и новое министерство. Оно не оставило «Бегу» в безденежье, отнеслось с пониманием к проблемам группы. Ее обеспечили автотранспортом, боеприпасами, оружием.

Самым больным для «Вымпела» был вопрос о строящемся уже многие годы «объекте». Этот комплекс зданий и помещений сегодня построен, в нем есть все для жизни и боевой деятельности.

Признаюсь: побывав на «объекте», я был потрясен. На фоне всеобщего развала «объект» оставался оазисом созидания. Прекрасный бассейн, где тренируются боевые пловцы, просторный тир для стрельбы из разных систем оружия, уютная библиотека, музей, столовая, жилые помещения, классы для обучения сотрудников.

Заместитель начальника Управления «В», ветеран «Вымпела» Владимир Владимиров (фамилия изменена) рассказывал, сколько сил пришлось вложить, чтобы довести до ума «объект». Многое сделано своими руками, усилиями энергичного заместителя командира по тылу Александра Васильевича Копчика.

Но самое главное — сделано. И за это спасибо руководству МВД — оно нашло деньги, когда «Вымпел» вошел в состав министерства.

Интересно, что даже место для строительства «объекта» было выбрано не случайно. Прежде здесь был лес и большая поляна, на которой любили отдыхать, возвращаясь с занятий, бойцы

«Вымпела». Так сказать, последний привал перед домом. Все знали: оставалось ровно 3 кэмэ, а там родные стены, горячая банька, отдых.

Словом, поляна эта с годами стала своего рода талисманом на трудном пути «Вымпела». Потому, когда встал вопрос, где развернуть новый объект, выбрали именно это место. И, думаю, не просчитались.

По существу «Вымпел» — «Вега» находилась в штате МВД полтора года. А если быть совершенно точным, то в августе 1995-го указом Президента подразделение вновь возвращалось в ФСБ. Что ж, никто не сомневается сегодня — это было правильное решение. Каждый должен заниматься своим делом.

Эти полтора года, когда группа ходила под милицейскими погонами, оказались на редкость напряженными.

Декабрь 1993 года — захват четырьмя вооруженными преступниками 14 школьников 9 класса 25-ой школы города Ростов-на-Дону.

Июль 1994 года. Трагедия разыгралась в Минводах. А начиналось это на трассе Пятигорск — Ставрополь. Бандиты захватили автобус и выдвинули требования: оружие, доллары, самолет, готовый к вылету. Под дулами пистолетов оказалось 40 заложников, среди которых были и дети.

«Вега» вылетела в Минводы, где уже находился автобус, захваченный террористами. Из-за ведомственной неразберихи группе «Альфа» не удалось вовремя вылететь на самолете ТУ-134. Руководитель полетов так и не разыскал командира экипажа.

Командир авиационной дивизии выделил в распоряжение группы дежурный АН-27. Когда на борт были загружены боеприпасы, спецсредства, поступила новая команда — самолет ВВС АН-27 заменили на самолет ТУ-134.

«Альфовцам» вновь пришлось перегружаться.

Таким образом, когда группа «А» опоздала к началу проведения операции, руководитель оперативного штаба генерал-полковник А. Куликов принял решение ее не задействовать.

Вся тяжесть выполнения боевой задачи легла на «Вегу» и милицейский отряд быстрого реагирования.

В ходе проведения операции были погибшие среди заложников, раненые сотрудники МВД.

Страна еще не знала Буденновска и Первомайского, чеченской войны, и реакция на жертвы штурма вертолета была весьма негативной.

Об этом много писали в прессе, сотрудники подразделения вдоволь наслушались горьких упреков. Однако, как ни прискорбно говорить, мои коллеги, да и я сам, были далеки от истины. Тому много причин. В их числе и пресловутая сверхсекретность. И тем не менее наша пишущая братия в пылких обвинительных статьях крепко обидела ребят, подставивших себя под пули террористов.

Потому с опозданием, но хочу извиниться. Перед майором

милиции Дмитрием Ковалевым, который до сих пор носит под сердцем осколок, перед сотрудником группы «Вега» Алексеем Орловым и другими бойцами той штурмовой команды.

Но что же на самом деле случилось тогда, в июле 1994 года, на летном поле аэропорта Минводы?

Рассказывает участник штурма, сотрудник Управления «В» Александр Евгеньев (фамилия изменена):

— В этот раз все обстояло иначе, чем прежде. Ведь мы уже не впервые выезжали в Минводы. Обычно на месте захвата уже работает милиция, войска Министерства обороны, оцеплен аэропорт. А тут не успели приехать, выгрузиться, кругом неразбериха, беготня. Команды: бегом туда, бегом сюда, ложись, чтобы не заметили.

Автобус с террористами стал неожиданно перемешаться по аэродрому. Вообщем, нервозная обстановка, четкости в действиях не было.

Нас из «Веги» всего тринадцать человек. Командир, зам. начштаба, доктор и десять бойцов.

Прошла информация: террористы требуют вертолет. Мы потренировались на вертолете, подготовили его.

В ходе тренировки обменялись мнениями и сошлись в одном — входить через рампу сзади нельзя. Такой путь проникновения обречен на неудачу.

Понимало это и руководство операцией и поэтому была поставлена задача: «работать по террористам» в момент их перехода из автобуса в вертолет.

Тремя группами, с помощью тягачей, на высокой скорости мы должны были таранить автобус и идти на штурм.

Нас запросили о готовности, мы подтвердили — готовы! После этого — непонятная пауза. Вдруг запустились двигатели вертолета и слышу разговор по радиостанции: «Что случилось? Почему террористы в вертолете?»

У нас тоже некоторое замешательство, ведь планировали работать по одному сценарию, а выходит совсем другой.

Однако размышлять времени особо не было. Прозвучала команда: «К машине!», спешились и вдоль забора бегом к вертолету. По ходу передвижения провели расчет. Было ясно — выпадает нам худший вариант. О том, что на штурм идти придется, никто не сомневался. Знали, Дудаев предупредил: любой вертолет, который залетит в воздушное пространство Чечни, будет сбит.

Вы спросите, как оказались террористы в вертолете? Вмешался начальник, совершенно не причастный к операции. Зато ему подчинялись экипажи вертолетов. Таким образом, он, по существу, сорвал операцию. Но людей, заложников, надо было спасать.

И мы пошли. Сигналом послужил взрыв светозвуковой гранаты.

Информация по террористам на борту была очень скудная. Назывались цифры, то ли три, то ли четыре человека. Как одеты, как выглядят, тоже не ясно. Помню, сказали, мол, один в белой

рубахе. Вот и все приметы.

Словом, вскрыли рампу, с криками бросились вперед. А навстречу — обезумевшие заложники, вал людей.

133

Представляете, вертолет МИ-8 и четырнадцать заложников. Крики, визг, плач. Меня сбивают с ног. Впереди идущий Сергей Карпов тоже падает.

Вижу внутри вертолета оранжевые вспышки. Это я позже понял, что в нас стреляли.

В общем, стремительность, которая необходима при проведении спецоперации, была утеряна.

Первое, что я увидел, заскочив в вертолет, вытянутую руку с пистолетом. Террорист сидел на полу, боком ко мне. Успел отбить его руку и дернул: пистолет оказался у меня.

Вдруг вижу в левой ладони бандита — граната. Стрелять не могу: убью, а он разожмет руку. А это взрыв, убитые, раненые.

Перехватываю своими руками его ладони и прижимаю к полу. Он вырывается. И тут я был ранен в ногу, потерял сознание. Когда очнулся, вновь попытался схватить террориста за руки и дожать. Но силы не те, плыву, кружится голова...

Он вырвался и бросил гранату в сторону. Сработал взрыватель.

В это время открылась боковая дверь, террорист стал падать из вертолета и я за ним. На землю посыпались гранаты.

А та граната, которую бросил бандит, взорвалась под баком машины. Нас из штурмующей группы в вертолете находилось четыре человека и все оказались тяжело раненными.

Дима Ковалев из СОБРа стал инвалидом, рука до сих пор не работает, осколок под сердцем. Мне перебило две кости в ноге, с аппаратом Елизарова лежал. Ранение у Алексея Орлова, мы вместе с ним из академии пришли, и у Саши Аничкова.

Писали потом про пули 5.45 из автоматического оружия, а у нас и автоматов-то не было, одни пистолеты.

Террористов приговорили к высшей мере, но они и до сих пор живы. Дело отправили на доследование.

Такова та страшная правда о нашумевшей некогда операции в Минводах.

Однако сколько их было потом — и Буденновск, и Кизляр с Первомайским.

В тихом Буденновске старики-фронтовики подумали, что в город ворвались фашисты. Тот же оскал, та же кровожадность — стреляли «от живота», взрывали дома, убивали, сгоняли мирных жителей в больницу.

134

Район действий блокировали части МВД и Министерства обороны. На штурм больницы пошли два спецподразделения — «Альфа» и «Вега». Атака «Веги»захлебнулась, однако в том не ее вина.

Вот мнение бойца группы «А» снайпера Василия Денисова:

— У «Беги» была практически невыполнимая задача. Если бы они пошли до конца, то такого подразделения больше не существовало бы.

Им надо было пройти по совершенно открытому пространству метров сто пятьдесят. Место полностью простреливалось ДШК (крупнокалиберный пулемет), автоматчиками, гранатометчиками.

Там танк пусти, и его бы подбили. А они ведь живые люди, не в броне.

Как завершилась операция в Буденновске известно всей стране. Об этом много писали и повторяться, думаю, нет смысла. Хочется лишь добавить, что бойцы спецподразделений сделали в этой ситуации все, что могли. Остальной спрос с политиков. Но как известно, с них взятки гладки.

Была «Вега» и у Первомайского. Вместе с «Альфой», «Витязем», милицейскими спецподразделениями.

Словом, в последние годы, свою военную чашу «Вымпел» — «Вега» испила до дна. Хотя почему только в последние годы? Точнее будет сказать в последнее десятилетие. Ведь все «горячие точки» Советского Союза, а потом и России прошли бойцы «Вымпела». Были в Армении, в Азербайджане, в Прибалтике... Легче перечислить, где не были.

В числе первых «вымпеловцы» входили и в Чечню. Однако Чечня — это особый разговор.

КТО ВЫ, ПРОФИ ДИВЕРСИЙ?

Писать о людях разведывательно-диверсионной службы все равно, что подниматься на вершину. Каждый из них — скала, монолит, большая нравственная высота.

За долгие годы работы в прессе жизнь сводила меня с разными людьми. Но нигде и никогда прежде я не встречал столько талантов, самородков, как здесь.

135

Да, без сомнения, в Советском Союзе был «крепкий» отбор в эту службу. Но дело, думается, не только в нем. Судьба сама ведет таких людей в лоно разведки, а служба, опаснейшая, всегда на острие ножа, всегда между жизнью и смертью, гранит их характеры.

ДЕДУШКА РОССИЙСКОГО СПЕЦНАЗА

Илья Старинов перед войной, в сорок первом, был уже полковником, опытным минером, диверсантом. Преподавал диверсионное дело в партизанских школах НКВД и ГРУ, в том числе и в школе К. Сверчевского в Москве, где обучался руководящий состав Коминтерна.

В 1936 году он уехал в Испанию. Там за девять месяцев диверсионная группа бойцов-интернационалистов выросла в партизанский отряд численностью в 5 тысяч человек.

Через год он вернулся в Москву и оказался словно в пустыне. Его командиры, боевые соратники, ученики сидели в тюрьмах по страшным обвинениям — в измене Родине, в подготовке покушений на руководителей партии, государства.

Новый начальник разведки представил его Ворошилову.

Нарком хвалил, обещал награды, но вместо этого — четыре месяца безделья и ожидания ареста. В квартиру не пускали. Словно прокаженного. Он жил в гостинице и каждый день ждал вызова на Лубянку.

Помог сын Цурюпы, с которым Илья Старинов воевал в Испании. Познакомил с сыном Ворошилова. Так он второй раз попал на прием к наркому.

Маршал в присутствии Старинова поговорил по телефону с Ежовым, попросил: оставьте полковника в покое. На следующий день Илья Григорьевич получил назначение — начальником научно-испытательного железнодорожного полигона в Гороховце.

Как говорят, и на том спасибо. Руководи себе, работай, испытывай новую железнодорожную технику. Однако Старинову этого было мало. Его потаенная любовь — минно-взрывное дело. Ведь это он в 1932 году на учениях с помощью мин остановил движение всех поездов, напрочь отсек

войска «противника» от источников его снабжения. Начальник разведки Красной Армии Ян Берзин не скрывал своего восхищения. Илья Старинов был повышен в должности сразу на три степени. Вместо трех кубиков в петлицах он носил теперь две шпалы.

Однако Ян Берзин как враг народа сидел в тюрьме. И маршал Ворошилов с трибуны кричал, что они будут бить врага малой кровью и на чужой территории. А значит, партизаны и диверсанты совсем ни к чему. И потому уничтожен диверсионно-партизанский резерв, разгромлены базы и партизанские склады в лесах Украины, Белоруссии, России, создававшиеся на случай войны.

Потом, когда наступит этот случай, и не мы, а враг окажется на нашей территории, в Киеве будут судорожно искать специалистов партизанской борьбы и не найдут никого. Все они будут уничтожены в застенках НКВД.

Илья Старинов никогда и предположить не мог, что его увлечение минами (а он сам их конструировал и испытывал на полигоне) поставят ему же в вину. Мины оказались тоже не нужны в новой войне. Не подходили они под новую доктрину, и потому увлечения Старинова были объявлены не иначе как пораженческими. На сей раз Илья Григорьевич едва уцелел. За подобное в те годы запросто пустили бы «в расход». Но судьба хранила Старинова. Возможно, для будущей войны.

Он войдет в историю Великой Отечественной своими уникальными минами, постановкой инженерных заграждений, дерзкими диверсионными актами. Такими, например, как организация взрыва в Харькове, когда радиоуправляемые мины будут заложены в основание самого шикарного особняка в городе, где в свое время жили Косиор, Постышев, позже — Хрущев.

Немцы найдут ложную мину в куче угля в подвале особняка и даже выпустят листовку: не бойтесь русских мин, взрывники они плохие, их электрика никуда не годится.

Эта листовка попадет к нашим. И полковника Старинова вновь объявят вредителем. За него вступится Хрущев, в ту пору член Военного совета фронта. А в ноябре 1941 года в Харькове прозвучит огромной силы взрыв — рухнет особняк, в который поспешил поселиться начальник гарнизона, немецкий генерал-лейтенант Георг фон Браун со своей многочисленной челядью.

137

Вторым взрывом, который тоже произойдет по команде Старинова, снесет целое крыло здания, где некогда размещался штаб нашего военного округа. По самым скромным данным, под обломками погибло 60 эсэсовцев.

Однако мало кто знает, что ничего этого могло не быть. Как впрочем, и самого Ильи Григорьевича. И именно этот поступок, на первый взгляд, негромкий, бытовой, мне наиболее дорог из всех его подвигов, потому что тот поход на прием к Сталину в первые месяцы войны, по собственной инициативе, иначе как подвигом не назовешь.

А случилось вот что. Как известно, 3 июля 1941 года И. Сталин в своем обращении к советскому народу призвал в занятых врагом районах взрывать дороги, портить телефонную и телеграфную связь, поджигать леса, уничтожать склады.

Старинов как профессиональный партизан-диверсант расценил этот призыв не иначе как безумие. Руководитель страны звал к партизанщине, а не к серьезной партизанской войне. Поджоги лесов были выгодны фашистам, а не партизанам. А уничтожение складов с продовольствием опять же ударило, в первую очередь, по отрядам, действующим в тылу врага. Конечно, свои профессиональные оценки сталинского обращения Илья Григорьевич держал при себе, но тем не менее на встречу с вождем решился. И добивался ее весьма упорно.

К счастью, Сталин не смог принять полковника, хотя Старинов уже был вызван для аудиенции и находился в кремлевской приемной.

Теперь с высоты своего возраста Илья Григорьевич признался, что скорее всего он не вышел бы из сталинского кабинета. Ведь о чем собирался сказать вождю партизан уже, право, неважно. О чем бы он ни говорил, все шло вразрез с тем, к чему призывал Сталин.

Понимал ли сам Старинов, на какой шаг он шел тогда? Понимал. Однако чувство долга было превыше страха за собственную жизнь. Как бы ни странно это звучало сегодня, Илья Григорьевич шел, возможно, на смерть ради будущего партизанского движения.

Кстати говоря, он потратил много сил, чтобы убедить начальников разного ранга и звания в необходимости и важности развертывания партизанской и диверсионной работы в тылу врага.

Встречался с Ворошиловым, Мехлисом, Хрущевым, убеждал Первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Понома-

138

ренко. Именно он, Старинов, возглавил первый диверсионный учебный центр Западного фронта. В ноябре 1941 года на стол

Сталину наконец попала докладная записка «К вопросу о постановке диверсионной работы» за подписью Пономаренко. Однако написал ее Илья Старинов. Это в ней он высказал мысль, ставшую впоследствии академической: танковый батальон — грозная сила на поле сражения. В эшелоне батальон беззащитен, и его легко ликвидировать двум-трем партизанам-диверсантам.

Так боролся за свою идею полковник Илья Старинов. Ровесник века, он и теперь считает, что немецкая армия была бы разбита на год раньше, с меньшими потерями, если бы в нашей стране вовремя и правильно организовали партизанское движение.

Помниться, несколько лет назад, еще до первой чеченской войны, когда мы беседовали со Стариновым, он сказал: «Если будете писать, напишите для наших руководителей, что «Вымпел» в тысячу раз дешевле, чем Чечня. Авось, они поймут».

Увы, ничего не поняли.

«СДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ...»

У генерала Юрия Ивановича Дроздова есть диплом. Шуточный, но такой дорогой сердцу разведчика. Выдали его, когда начальник Управления «С» уходил на пенсию. В нем сказано, что Дроздову присвоено звание «почетного магистра Союза неформалов». Что ж, высокое звание вполне соответствует заслугам.

Признаться, жизнь Юрия Дроздова достойна романа. Возможно, он когда-нибудь сам напишет этот роман. Для этого у него есть все: поистине удивительная судьба боевого офицера-артиллериста, разведчика-нелегала, руководителя нелегальной разведки. Есть талант мемуариста. Юрий Иванович издал две книги, в которых рассказал о своей прежней работе. Рассказал интересно, но скупо. Причину указал сам: «Пусть читатель меня не ругает за недосказанность. Интересы Родины превыше всего...»

Это стало правилом его жизни давно. Он еще мальчишкой, курсантом артиллерийской спецшколы в 1942 году вместе со своими товарищами хотел бежать в Сталинград, в танко-

139

вое училище. Побег не удался. Было строгое, с угрозой исключения из комсомола, общее собрание.

Через два года, в 1944 году, ему будет всего 19 лет. Как лучшего из курсантов в 1-м Ленинградском артиллерийском училище, что стояло тогда в городе Энгельсе, Дроздова оставят в училище командиром учебного взвода. Он откажется. И теперь уже легально «сбежит» на фронт.

Со временем о своей фронтовой жизни Юрий Иванович скажет так: «Никаких геройских подвигов в ходе боевых действий мне совершить не пришлось. Война — это страшная, кровавая работа, тяжелая и безжалостная. Чтобы выжить самому и другим, я просто старался делать ее добросовестно, насколько это возможно младшему лейтенанту в неполные девятнадцать лет».

Войну артиллерист Дроздов закончил в Берлине, потом служил в Германии и Прибалтике.

В 1952 году он — слушатель Военного института иностранных языков в Москве. Через четыре года его пригласили на службу в КГБ, в нелегальную разведку рядовым оперативником.

Юрий Иванович рассказывал мне: первое, что спросили, когда он приехал в Берлин в аппарат Уполномоченного КГБ СССР при МГБ ГДР, сможет ли он «сделать жизнь» с другого человека.

«Сделать жизнь...» 35 лет он будет заниматься этим, чтобы, уйдя в отставку, однажды сказать: «Сделать жизнь можно, но как же это трудно, каких требует знаний, сколько разных особенностей нужно предусмотреть, чтобы ожила, заговорила и принесла пользу придуманная и отдокументированная тобою жизнь иностранца, в которого превращается советский разведчик».

Советский разведчик Юрий Дроздов превращался в иностранцев много раз. Сегодня можно сказать лишь о нескольких, наиболее известных его «превращениях». Например, о роли Юргена Дривса в оперативной игре с американцами по освобождению Рудольфа Ивановича Абеля.

Как известно, Абеля, работавшего в США под именами Мартина Коллинза и Эмиля Голдфуса, выдал его радист Рейно Хейханен.

В ночь на 22 июня 1957 года Рудольф Абель после сеанса связи с Центром заночевал в гостинице «Латам». Здесь его и арестовали агенты ФБР.

140

В книге «Как работает американская секретная служба» публицист И. Естен напишет: «В течение трех недель Абеля пытались перевербовать, обещая ему все блага жизни... Когда это не случилось, его начали пугать электрическим стулом... Но и это не сделало русского более податливым. На вопрос судьи, признает ли Абель себя виновным, он, не колеблясь, ответил: «Нет». От дачи показаний Абель отказался».

Рудольфа Ивановича приговорили к тридцати годам тюрьмы. К тому времени ему было 55 лет.

Уже весной 1958 года паша разведка стала заниматься освобождением Абеля. Был «сделан» родственник Абеля — Дривс, мелкий служащий, проживающий в ГДР. Им стал Юрий Дроздов. Тонкая, кропотливая работа шла несколько лет.

А 1 мая 1960 года в двадцати милях к юго-востоку от Свердловска советской зенитной ракетой был сбит самолет-шпион У-2, пилотируемый американским летчиком Фрэнсисом Гарри Пауэрсом.

Пилот выбросился с парашютом, после приземления был арестован и доставлен в Москву. Советский Союз и США обменялись взаимными обвинениями. Мы указали на Пауэрса, нам напомнили про Абеля. И тем не менее, как скажет сам Дроздов, удар нашей ракеты по У-2 заметно повысил заинтересованность американской стороны в деле Абеля.

В феврале 1962 года на мосту Альт-Глинике состоялся обмен

Абеля на Пауэрса. При этом обмене присутствовал и родственник Абеля — Дривс. Последнее, что он сделал для знаменитого разведчика, — провез его по берлинским магазинам, чтобы сменить тюремный американский балахон на приличный костюм и пальто.

Абель улетел в Москву. Перестал существовать и Дривс. Он выполнил свою миссию.

Однако была уже подготовлена замена Рудольфу Ивановичу, и разведчик, который известен теперь под кличкой «Георгий», уехал в США. Он проработал там долгих 15 лет и благополучно возвратился на родину.

Первые шаги успешной работы «Георгия» обеспечивал Юрий Дроздов. Так, он стал «инспектором Клейнертом» — напишет позже в своих воспоминаниях Юрий Иванович.

Я пошел и выдержал, завел друзей, знакомых, выполнил свою инспекторскую миссию, памятуя о том, что «страшней начальства немцев нет» (как говорили у нас в дивизио-

не на фронте)... Перехватив документы проверки и направив необходимые для внедрения «Георгия» на Запад подтверждения, инспектор Клейнерт возвратился в Восточный Берлин».

Была и еще одна роль в жизни Юрия Ивановича Дроздова — роль «барона фон Фоэнштайна» — руководителя фиктивной неонацистской организации. С помощью этой «организации» удалось провести операцию по проникновению в БНД. В нелегальной разведке СССР эту операцию назвали «Скорпион», а агент работал под кодовым именем «Д-104». Он находился, по выражению Дроздова, «в самом чувствительном для нас подразделении БНД».

Через 20 с лишним лет публикация в германском «Фокусе» взбудоражит всю Германию. На страницах журнала появится статья со ссылкой на книгу Дроздова, в которой говорилось о «Д-104».

Корреспонденты Хуфильшульте и Лудвиг так представят нашего разведчика немецкому читателю: «Юрий Иванович Дроздов, который для подготовки своей разведывательной деятельности даже учился на актерских курсах Макса Рейнхардта и бегло говорил по-немецки, выбрал одну из своих любимых ролей: из умного сотрудника КГБ он превращается в офицера вермахта барона фон Фоэнштайна, который только что вернулся в Германию из своей южноамериканской ссылки».

Думаю, что в этом представлении они попали в точку. Так оно, в сущности, и было. Что же касается шума и заявлений журналистов, что «в Пулохе теперь начинается поиск крота», то и я не сдержался. С замиранием сердца при очередной встрече спросил Дроздова: «Юрий Иванович, не найдут?» Генерал улыбнулся своей обаятельной улыбкой и ответил: «Не найдут...»

Иного ответа, признаться, не ждал. Поверьте мне как журналисту и писателю: из многих встреч с Дроздовым вынес одно — Юрий Иванович человек мудрый, не скажет лишнее не только слово, но полслова, если оно нанесет вред разведке. Иногда по-журналистски это бывает досадно, но по-

государственному — очень верно.

После Германии Дроздов работал в Китае в 1964—1968 годах. Это были, без сомнения, самые острые, критические годы в советско-китайских отношениях.

Работалось тяжело. Ведь с 1949 года сотрудники китайских спецслужб проходили подготовку в Союзе. Как говорит
142
сам Дроздов, «мы широко распахнули им свою душу и раскрыли сокровенные секреты...» За что потом и поплатились.

В 1975 году — командировка в Нью-Йорк. Там, в напряженной агентурно-оперативной обстановке пришлось провести четыре года. Уже в это время, задолго до ухода дипломата Шевченко к американцам, наши разведчики очертили узкий круг людей советской колонии в Нью-Йорке, среди которых был предатель.

Годы упорной работы, и в Центр пошла информация о возникших подозрениях. А также просьба отозвать Шевченко в Москву. Вместо поддержки — раздражение представителя СССР в ООН О. Трояновского и обвинения в клевете. Однако случилось то, о чем предупреждали Дроздов и его сотрудники.

Осенью 1979 года Юрия Ивановича отозвали в Москву. Кто-то из своих дал ему в дорогу листочек. Он развернул его уже в самолете. Прочел. И защемило сердце.

Где-то в небе возникли высокие звуки, Будто тихо и нежно кто-то тронул струну, О великое счастье после долгой разлуки Возвратиться обратно в родную страну.

Возвратиться не кем-то, не вчерашним талантом, Осознавшим ошибки парижской зимой, Не прошенным за старость седым эмигрантом, А вернуться с работы. С работы — домой.

Ни дожди, ни метели. Ни жаркое пламя Не сломили, Россия, твои рубежи, И высокие звезды встают над лесами. И серебряный месяц в овраге лежит.

В шереметьевской роще — березы, березы. Молча девочка держит цветок полевой. Ты прости мне, Россия, невольные слезы, Просто долго мечталось о встрече с тобой.

Он возвращался с работы домой. Стоял октябрь. Золотая осень. Генерал Дроздов был назначен начальником Управления «С» (нелегальная разведка).

Осенью и зимой 1979-го бросят его в пекло войны. Афганистан. Штурм дворца Амина. И эта задача была выполнена.
143
31 декабря 1979 гола на докладе у Председателя КГБ Дроздов впервые заговорил о формировании специального подразделения, а через месяц пришел с бумагой, в которой была изложена идея создания «Вымпела».

19 августа 1981 года на закрытом совместном заседании Совета Министров СССР и Политбюро ЦК КПСС было принято решение о создании в системе Комитета госбезопасности секретного отряда специального назначения для проведения операций за пределами страны «в особый период».

Так Юрий Иванович Дроздов стал отцом «Вымпела». Он не только создал его, но растил, пестовал, воспитывал...

Вот какой он — генерал Дроздов. В.А. Крючков в своих

мемуарах так сказал о нем: «Длительное время возглавлял эту службу (нелегальную разведку. — *М. Б.)* опытный, влюбленный в свою профессию генерал-майор Дроздов. В прошлом сам был на нелегальной работе, однажды сыграл роль фашистского офицера. Знал каждого сотрудника лично, гордился ими, их успехами, переживал неудачи, когда попадали в беду, делал все, чтобы выручить. У него никогда не сдавали нервы...»

Что ж, хорошо сказал, на этом я с легким сердцем ставлю точку. Хотя и остаюсь в полной уверенности, что жизнь Юрия Ивановича Дроздова достойна романа. Как жаль, что не имею возможности написать этот прекрасный роман.

АЛЕКСАНДР ЛАЗАРЕНКО - КОМАНДИР «КАСКАДА»

Здорово, когда о человеке пишут стихи. Когда-то от офицеров-афганцев я услышал четверостишие:

Не надо высоких наград. Ни к чему нам парадный мундир. Да здравствует славный «Каскад» И его боевой командир!

О «Каскаде» я кое-что слышал, а с его командиром удалось познакомиться недавно.

Думаю, неспроста товарищи по афганской войне назвали «боевым» генерала Александра Ивановича Лазаренко.

Вот лишь один случай из его биографии, совершенно не характерный для руководителя крупного подразделения Комитета государственной безопасности.

В Афганистане, в Чаквардаке, располагалась небольшая команда из состава «Каскада» под руководством подполковника Табакова. Участок был, надо прямо сказать, не простой.

И вот однажды в Кабуле Лазаренко получает тревожную телеграмму. Табаков взывает о помощи: на него наступает банда в 300 моджахедов. Идет бой. Как ему помочь? У Лазаренко в подчинении нет войск, только офицеры-оперативники и солдаты-водители БТР, да и те разбросаны по всему Афганистану.

Лазаренко — в штаб к армейцам, к маршалу Соколову, который возглавлял оперативную группу: помогите. «Батальон дадим, а вот комбата нет, не обессудь. С офицерами туго». Таков был ответ.

«Ладно, — согласился Александр Иванович, — давайте людей. Поведу сам». И повел. Танки с тралами, артиллерия в поддержку.

Десантный батальон под командованием Лазаренко совершил 80-километровый марш ночью, по незнакомой местности, и утром вступил в бой.

Банду разгромили. Боевые товарищи были спасены.

Как же удалось офицеру госбезопасности столь умело и грамотно провести ночной марш, выйти в район боевых действий, организовать общевойсковой бой и победить? Ведь это искусство иного рода, нежели то, которому учат в учебных заведениях органов госбезопасности.

Действительно, трудно ответить на подобные вопросы, если речь идет об офицере КГБ в классическом понимании. Лазаренко не был таким. Он ушел в органы из армии, точнее из воздушно-

десантных войск.

Еще на Калининском фронте командовал он взводом, ротой, батальоном. А под Курском стал начальником разведки дивизии. Там, в ходе страшных боев на Огненной дуге, от их соединения в 17 тысяч штыков осталось 144 человека. И среди них — капитан Александр Лазаренко.

Его направили в Высшую разведшколу Генерального штаба Красной Армии в Москве. После учебы — заграница, Аргентина, должность помощника военного атташе советского посольства.

145

Однако порою жизнь делает странные кульбиты. По возвращении из Аргентины Лазаренко попадает на Дальний Восток заместителем начальника разведки воздушно-десантного корпуса. Солдат службу не выбирает. Так и Лазаренко. Служил, осваивал десантное мастерство, совершил более ста прыжков с парашютом. И все бы ничего, да грянуло «хрущевское» сокращение армии.

Разогнали управление корпуса, из трех дивизий осталась одна. Угодил Александр Иванович заместителем начальника оперативного отделения дивизии.

Казалось, жизнь, карьера катится под гору. Но фронтовой комбат, разведчик Лазаренко не унывал. Знал себе цену, верил, его знания и опыт будут востребованы.

Так оно и вышло. Вызвал его к себе комдив генерал Сорокин: «Вот что, Лазаренко, принимай 217-й полк. Вытаскивай».

217-й полк — притча во языцах в дивизии. Развал полный. Два года на проверке твердую «двойку» получают. Вот и вытаскивай.

Что поделаешь, впрягся, потянул, как умел. Вышло, что умел неплохо. Вывел полк в лучшие. Но люди — не роботы. И в лучшем полку случаются ЧП. Не обошло оно и 217-й. Обокрали полковой магазин. Взяли сотню золотых часов. По тем временам сумма немалая. А полк-то не шутка — две тысячи душ, как тут найдешь?

И все-таки вычислил Александр Иванович, что вор из третьей роты. Она в ту ночь по столовой дежурила. А столовая рядом с магазином.

Выстроил комполка роту и заявил: «Кто украл часы — знаю. Даю три дня сроку. Если сам явится с повинной — под суд не отдам. Слово командира».

К исходу третьего дня вор сдался. Часы вернули в магазин, а Лазаренко взяли в оборот: вора под суд. Комполка уперся. Солдата не выдам, поскольку слово дал перед строем.

«Какое слово, — морщилось начальство, — кому слово? Преступника укрываешь». Дело дошло до скандала, тут уж самому Александру Ивановичу несдобровать. Ему уголовное дело шьют за укрывательство.

А тут в полк командующий округом генерал Пеньковский приехал. Спрашивает, как дела. «Да плохи дела», — отвечает Лазаренко. И рассказал все как было.

146

«Придется тебя спасать, а то и вправду засудят. За то, что честь свою офицерскую отстаиваешь», — усмехнулся

командующий и предложил Лазаренко повышение — начальником разведки округа. Должность солидная, генеральская, Александр Иванович согласился.

Повезло. Да, определенно повезло. Ведь могло быть иначе. Не окажись в тот момент в полку Пеньковского или вместо него подвернись другой генерал, засудить, может, и не засудили бы, но службу испортили.

Некоторые тогда смотрели с искренним недоумением, сочувствовали, мол, за кого голову на плаху кладешь, за вора? А ведь и вправду, смешной поступок, по нынешним-то, «продажным», временам. Полковник чуть погон не лишается, а слово держит. Эх, Александр Иванович, измельчали ныне люди, не понять им многим, что такое командирское слово, офицерская честь.

Так и пронес полковник Лазаренко незапятнанной эту честь через годы. И когда уже в Москве служил, начальником разведки в ВДВ у Маргелова, и когда его в КГБ забрали.

Это тоже, кстати говоря, был мужской поступок. После 20 лет службы в десанте, где его, образно говоря, каждая собака в любом гарнизоне знала и за своего принимала, так круто изменить судьбу.

Изменил. Стал заместителем начальника 13 отдела разведывательно-диверсионной работы при Первом главном управлении КГБ. Возглавил научно-техническое направление.

Особое внимание уделялось созданию спецоружия. Это под его руководством был пущен в серию уникальный бесшумный пистолет. Именно бесшумный, а не «Макаров» с глушителем. Такого еще и у американцев не было. Им удалось раздобыть его через афганцев, которым, в свое время, наши сотрудники доверили оружие.

За создание пистолета Лазаренко удостоили высокого звания лауреата Государственной премии СССР.

Долго полковник Лазаренко «ходил» на генеральских должностях, но стал генералом только на войне. На афганской войне.

Накануне вызвал его Юрий Владимирович Андропов. Прилетел Лазаренко из Кабула и к председателю КГБ. Полтора часа тот задавал вопросы. Кто готовит пишу? Кто стирает? Вши есть? Говори честно. Что ж тут скрывать, бывали и вши. На войне, как на войне.

Когда улетал назад, в самолет вместе с ним погрузили 20 стиральных машин. Ох, как пригодились они там. А вскоре и радостная весть пришла: Лазаренко присвоено генеральское звание.

Погоны вручал сам начальник ПГУ Крючков. В Ясенево стол накрыли. Тогда и сказал Лазаренко свой тост: плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Но еще хуже, если, став генералом, он перестает быть солдатом.

Какие аплодисменты сорвал тогда Александр Иванович! Какие аплодисменты!.. А ведь тост вроде как родился экспромтом. Может быть, и вправду, экспромтом. Только за ним

— целая жизнь.

ПРИКАЗ: УНИЧТОЖИТЬ ГАНСА ФРАНКА

Было время, когда каждый мальчишка в нашей стране знал: Краков от уничтожения спас советский разведчик майор Вихрь со своими боевыми друзьями. И действительно, в основу любимого художественного фильма советских мальчишек были положены реальные факты.

Майора Вихря знала и любила вся страна. Однако до сего дня мало кому известно, что славу спасителя Кракова вместе с Вихрем по праву должен разделить чекист-диверсант, партизан, полковник в отставке Алексей Николаевич Ботян.

Дело в том, что немцы имели запасной, резервный вариант уничтожения древнего польского города. Они планировали использовать боеприпасы со складов Новы-Сонч, что в Краковском воеводстве, и, нет сомнения, претворили бы этот план в жизнь. Если бы... Впрочем, все по порядку.

Весной 1944 года, когда фронт стремительно продвигался на Запад, было решено несколько советских партизанских соединений, отрядов, перебросить на территорию Польши.

Вскоре отряд под командованием Героя Советского Союза Виктора Карасева перешел государственную границу. В его составе действовала разведывательно-диверсионная группа Алексея Ботяна.

В конце апреля Карасев вызвал к себе Ботяна.

— Алексей, — улыбнулся командир, — ты же вроде у нас поляк?

— Да как сказать? Мать — украинка, а отец — поляк...

— Вот я и говорю... — подмигнул Карасев. — А если серьезно, Центр отдал приказ нашему отряду перебазироваться на юг Краковского воеводства. Всем отрядом идти опасно, так что первым пойдешь ты со своей группой...

Приказ есть приказ. Двадцать восемь диверсантов во главе с Ботяном двинулись в путь. На одной из дневок остановились в заброшенном хуторе, выставили посты. И вдруг в небе над головой что-то пронеслось. Большой сигароподобный снаряд. Да еще с диким гулом.

Уже тогда Ботян кое-что слышал о фашистских ракетах «фау» — новом оружии возмездия, с помощью которого Гитлер хвалился сокрушить своих врагов.

Однако «фау» ли это, еще предстояло выяснить.

Прикинув примерно траекторию полета ракеты, партизаны пошли на поиск и вскоре уткнулись в колючку. Несколько рядов проволоки преграждали им путь. Установили наблюдение и убедились: перед ними гитлеровский испытательный полигон ракет «фау».

Остальное было делом техники: нанесли полигон на карту, координаты передали в центр. Вскоре наша авиация нанесла по указанному квадрату бомбовый удар.

А группа Ботяна была уже далеко от этого места.

У города Илжи встретили небольшой отряд Армии Людовой под командованием поручика Вислича. Появление советских партизан у поляков вызвало большую радость. Тут же командир польского отряда обратился с просьбой к «Алеше», как они называли Ботяна, помочь им уничтожить немецкий гарнизон в Илжи.

Ввязываться в бой группе Ботяна было не с руки, ведь Карасев поставил иную задачу: провести разведку. Но в то же время Ботян понимал: отказываться от совместной операции нельзя. Она будет иметь большое моральное и политическое значение. Ведь поляки видели в советских партизанах своих освободителей. Уйти, не оказав помощи Армии Людовой, — означало подорвать веру в нашу страну. И Ботян согласился. Вместе с Висличем они разработали совместную боевую операцию.

Ночью усадьба, где располагались немцы, была окружена партизанами, дом забросали гранатами и вступили в бой. Немцы вскоре сдались. Город был взят без потерь.

Поляки освободили из тюрем своих товарищей, уничтожили документы местной жандармерии, захватили оружие, бо-
149
еприпасы, продовольствие. И двинулись вновь в глубь Стараховицкого леса.

Здесь и расстались. У каждого была своя дорога. Группа Ботяна продолжила рейд в район Кракова.

В середине июня Ботян передал в отряд Карасева радиограмму, которой подтверждал свое прибытие на место. Предстояла большая работа по изучению обстановки, выбору места базирования соединения, укреплению связей с местными польскими партизанами.

В конце 1944 года лейтенант Ботян со своей группой готовил покушение на генерал-губернатора Кракова, палача поляков Ганса Франка. Уже были проработаны детали операции, запросили Центр выслать бесшумный пистолет и английские магнитные мины, как вдруг определилась новая задача. Ее решение никак нельзя было откладывать.

А дело в том, что партизаны узнали о существовании крупного склада боеприпасов. Размещался он в замке города Новы-Сонч и насчитывал десятки тонн взрывчатки. Запасы его гитлеровцы спешно пополняли. А поскольку фронт приближался, по всему чувствовалось, гитлеровцы готовят какую-то акцию. Как выяснилось, этой взрывчаткой фашисты и хотели взорвать Краков.

Теперь был дорог каждый час. Но как подступиться к складу? Помог случай. Партизанам удалось захватить в плен инженера-картографа Зигмунда Огарека из штаба тыла. В обмен на жизнь он согласился сотрудничать. И вот как-то Огарек передал: на складе необходим рабочий для переноски снарядов. Вскоре там появился трудолюбивый грузчик Витольд Млынц.

После того, как он разведал и доложил о тоннах взрывчатки в подвалах замка, Ботян снабдил его магнитной миной, искусно замаскированной под кусок обычной подошвы.

Вечером, оставшись один, Млынц затолкал «подошву» в глубь минных штабелей. Взрыв прогремел под утро 18 января 1945 года. По данным хирурга местного госпиталя, от взрыва склада погибло 400 фашистов.

Правда, палачу Гансу Франку чудом удалось спастись. Когда в его спальне в Кракове уже была заложена мина, он спешно покинул город. Но возмездие настигло фашиста: 1 октября 1946 по приговору Международного военного трибунала он был казнен.

А Ботян получил свой второй орден Красного Знамени. Только вот прикрепить его к гимнастерке не удалось и после

войны. По заданию разведывательно-диверсионной службы Алексей Николаевич «осел» в одной из европейских стран, закончил там учебное заведение, стал ведущим инженером шахты. Трудился.

Через несколько лет после выполнения задания Ботян вернется в Москву, станет сотрудником 13-го отдела. Вот тогда он впервые примерит свои ордена.

ПРИГОВОР «ОТЦОВ» НАРКОБИЗНЕСА

Промолчи в тот раз полковник Дмитрий Герасимов, точно стал бы Героем Советского Союза.

Известный на всю 40-ю армию командир бригады спецназа был приговорен «отцами» афганского наркобизнеса к смертной казни. Да и было за что. Этот спецназовец со своими ребятами много крови попортил «духам». А в последнее время стал совсем невыносим: на заветной тропе наркодельцов взял караван, следующий из Пакистана. Караван тот не просто золотой — бесценный. На восьми грузовиках 14 тонн опиума-сырца. Невиданные потери!

«Паханы» за голову полковника Герасимова назначили самую щедрую за всю афганскую войну премию. Только вот выплатить ее так и не удалось.

Может быть, авторитет в глазах сослуживцев и подтолкнул тогда Дмитрия Михайловича к выступлению на заседании Военного Совета 40-й армии.

Заявление комбрига, с точки зрения главного политработника армии, присутствовавшего там, было крайне дерзким. Герасимов заявил с трибуны, что его офицеры, которые не вылезают из рейдов, уезжают в Союз так и не получив порою даже скромной медали, а политработники де в орденах. Более того, комбриг предложил обратить внимание на политработников в зале — кто из них не имеет ордена?

Такого генерал стерпеть не мог:

— Вы хотите сказать, что политработники не воюют?..

— Воюют...

Не о тех говорил Герасимов, кто плечом к плечу с ними идет на «духов», а о тех, кто в больших и малых штабах штаны протирает, зато грудь вовремя под орден успевает подставить.

Запомнил тот спор генерал политработник. Ох, как запомнил. Одно представление на Героя Советского Союза зарубил еще в Кабуле, другое — уже в Москве. По закону подлости оно опять попало к тому же генералу. Он и здесь, в столице, «сидел» на орденах, решал, чья грудь достойна Золотой Звезды, а чья нет. Конечно же, несмотря на все подвиги, грудь комбрига Герасимова никак не вписывалась в геройскую шеренгу. Так что орден Красной Звезды есть, Красного Знамени есть, и даже самый высший орден советской страны — Ленина — тоже присутствует, а вот Героя — нет.

Хотя, откровенно говоря, жизнь Дмитрия Герасимова вместила столько героического, что некоторому на две, а то и на три жизни хватило бы. Есть люди, которые всегда в тылу, в обозе. Им хорошо там, тепло и уютно. А такие, как Герасимов, всегда на острие. Ладно уж, когда он стал спецназовцем, тут сама профессия, как говорят, обязывает. Но и до этого, еще мальчишкой, он любил рисковые дела: летал в Витебском аэроклубе, учился в Армавирском училище летчиков. А когда был отчислен из училища, пошел в шахту проходчиком.

В 1964-м призвался в армию солдатом. В 1967-м поступил в Ташкентское танковое и через год его закончил. Все экзамены сдал экстерном, получил звание лейтенанта. Но в танкистах долго не задержался, попал в спецназ командиром группы. С тех пор прошел все ступеньки — от комгруппы до комбрига.

И в мирное, застойное, как принято теперь называть, время находил «горячие точки». В 1967 году крымские татары в Чимкенте захватили милицейский арсенал. В те годы о таких инцидентах не принято было писать, но от этого не менялась суть и степень опасности; Приходилось рисковать, но выполнять задачу.

А Ташкентское землетрясение? Все знают, как самоотверженно отстраивал город весь Советский Союз. А вот как самоотверженно спасали банки и сберкассы Ташкента от грабителей и мародеров советские спецназовцы, об этом почти никто не знает.

Там тоже был Дмитрий Герасимов.

Потом — Афганистан. По возвращении — Академия Генерального штаба. Там он, кстати, учился вместе с будущим вице-президентом Александром Руцким, министрами Павлом Грачевым и Анатолием Куликовым.

По окончании академии служил в ГРУ.

В июле 1992 года его назначили командиром специального подразделения «Вымпел». А через год с небольшим грянул октябрь 1993 года.

Задумывается ли кто-нибудь, что вся история сегодняшней России могла бы пойти совсем по-иному? Ночью 4 октября в Кремле было две вооруженные профессионально подготовленные группы — «Альфа» и «Вымпел». Там, в Кремле, в ту ночь им никто не мог противостоять. Они решали, кому быть у власти утром 4-го.

...Утром у власти был Ельцин.

А вскоре пришла «благодарность» от власти. «Вымпел» передавали в МВД, что было равносильно уничтожению уникального подразделения.

Дмитрий Михайлович Герасимов от милицейских погон отказался. Позже он стал начальником штаба единого Антитеррористического центра ФСБ России. В подчинении у него наряду с другими подразделениями было и Управление «В», а иначе говоря, родной «Вымпел».

ТРЕБУЕТСЯ НОВАЯ СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

В 1962 году американский президент Джон Кеннеди сказал: «Война с повстанцами, партизанами, бандформированиями — это другой тип войны, новый по интенсивности и старый по происхождению. Война, где вместо наступления используется просачивание, где победа достигается распылением и истощением сил противника, а не его уничтожением, она требует новой стратегии и тактики, специальных сил и новых форм боевых действий».

Увы, ни новой стратегии и тактики, ни новых форм боевых действий Россия не имела. Не говоря уже о каких-то специальных контрпартизанских силах.

А события в Чечне развивались, кстати говоря, классически, в точном соответствии с уставом США FM 100—20.

Первая фаза — скрытое зарождение и укрепление сепаратистского, повстанческого движения. Здесь повстанцы еще слабы и стремятся консолидировать свои силы. И это, пожалуй, единственный шанс пресечь их деятельность методами работы спецслужб. Надо отдать должное Дудаеву. Он быстро

консолидировал повстанческие силы. Разогнал Верховный Совет республики. Заклеймил позором председателя Верховного Совета Доку Завгаева как коммуниста. Депутаты, попытавшиеся возражать, были жестоко избиты. Железными прутьями им переломали ноги, руки, пробили головы. Трагически погиб председатель горсовета Грозного.

Дальнейший шаг советский генерал Дудаев тоже просчитан. Он понимал: воевать со старыми ружьями невозможно и поэтому начался грабеж военных складов и нападения на воинские части.

Еще у армии было достаточно сил. Руководство и офицеры 173-го учебного центра (а иными словами — дивизии) обращались в Кремль. Они готовы выйти с техникой и оружием. Если понадобится, выйти с боями. Центр был глух к обращениям военных.

Так Дудаев вооружил свою бандармию.

Второй этап (по американскому уставу) — это когда бандиты, набрав силу и вооружившись, способны перехватить инициативу у правительства. Они ведут нестандартные боевые действия, преследуя в первую очередь достижение психологических целей.

Бандиты ставят армию в непривычные условия, к которым военные не готовы. Сюда остается лишь добавить — на чеченской войне с первых дней фактически вся российская

пресса оказалась на стороне боевиков.

И, наконец, — третий этап. Гражданская война. В боевых действиях с обеих сторон принимают участие крупные воинские формирования. Казалось бы, обстановка становится более привычной для войск, но возникают сложности политического характера.

Ангажированная пресса, повстанческое лобби в правительстве и в органах государственной власти поднимает шум по поводу применения авиации и тяжелых систем оружия.

Есть непростые моральные аспекты, которые не в силах разрешить армия — война ведется на своей территории, растут потери среди мирного населения. Федеральные власти попадают в трудное положение.

Анализ чеченских событий показывает, что, развиваясь по классической схеме гражданской войны, они несли в себе и ее характерные черты. А именно: бандиты упорно создают видимость своей непобедимости; федеральные власти постоянно показывают свою некомпетентность и неумение действовать

эффективно; боевики делают максимум возможного, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнение. И как результат всего этого — инициатива переходит к бандформированиям, а федеральные силы ослабевают..

Таким образом, мнение о некой «особенности», своеобразии чеченской войны не имеет под собой почвы. Равно как и заявления, что, мол, партизанскую войну федеральным силам не выиграть. В пример приводится привычная «обойма» национально-освободительных партизанских войн, где победу одержали повстанцы — Мозамбик, Ангола, Алжир...

Но есть и другие примеры. За ними не надо ходить за три моря. Речь идет о подавлении националистических повстанческих движений в послевоенные годы в Западной Украине и Прибалтике. Как известно, разведывательно-диверсионная служба страны с этой задачей справилась успешно.

Однако уроки контрпартизанской борьбы 50-х годов были прочно забыты. Упущено время первого этапа, когда эффективно воздействие полицейскими методами.

На более поздних этапах ключ к успеху — умелая разработка контртактики на основе изучения деятельности бандформирований; организованная на высоком уровне разведка, дающая максимум информации для антипартизанской борьбы; изоляция руководителей повстанческого движения; выявление и уничтожение скрытых баз отдыха, подготовки кадров, пополнения запасов; применение против бандитов специально подготовленных, мобильных, автономных, не зависимых от тыла подразделений.

Следует с горечью признать, ничего этого не было сделано. Да и не могло быть сделано объективно. Ко времени вступления в первую чеченскую войну Россия по существу лишилась армии, лучших офицерских кадров, были значительно ослаблены органы МВД и госбезопасности.

Так что же это была за война? Позорная и бездумная, кровавая и трагическая, страшная по своим потерям и попранным целям. Сдается мне, что сегодня многие хотели бы поскорее забыть ее, вычеркнуть из памяти.

Но забывать ее нельзя. Забвение этой войны не меньшее преступление, чем ее развязывание. И потому мы должны помнить о ней, как бы это ни было больно, думать о ней, анализировать, препарировать причины и тайные рычаги ее и учиться. Учиться воевать. Поскольку старая истина, увы, жива: хочешь мира — готовься к войне.

У КАЖДОГО СВОЯ ВОЙНА...

Кто бывал на войне хоть самую малость, знает: у каждого своя война. У генерала и солдата.

Спустя годы и тот, и другой будут рассказывать о своей войне. Совсем не похожей на войну фронтового друга.

Наверное, поэтому так трудно писать о войне. Все написанное фронтовики «пробуют на зуб», сравнивая со своими впечатлениями, переживаниями, мыслями.

Такова уж судьбы нашего Отечества — по злому ли року, по бездарности ли политиков — мы не живем без войны. И вот уже к фронтовикам Великой Отечественной прибавились ветераны-афганцы, а теперь и «чеченцы».

«Вымпел» тоже прошел дорогами той первой чеченской войны. Они входили в Чечню в авангарде. Только одни в составе милицейской «Беги», другие — будучи сотрудниками Управления специальных операций ФСБ (сначала отдел спецопераций, позже — управление).

Доля бойца спецподразделений такова, что война не обходит никого. Все «вымпеловцы», до единого, прошли в свое время Афганистан, теперь Чечню.

И у каждого на этой общей войне была своя война, своя беда...

Война подполковника Владимира Гришина:

— У нас от «Беги» была пробная группа в десять человек. В Грозный мы входили в числе первых в новогоднюю ночь.

Однако Чечня для нас началась раньше. 12 декабря прибыли в Моздок. Цели и задачи не ясны. Вроде как отслеживание банд. Определенную работу делали, пару раз выходили на операции. Под Новый год поступило указание: выходим на операцию в Грозный на два-три дня.

30 декабря большой колонной двинулись. В колонне тысячи полторы машин.

До Грозного шли часов двенадцать-тринадцать. Остановились на окраине, перевели дыхание и пошли в Грозный... «на чистку».

Информации ноль. Что там творится, кто чем занимается — непонятно. По карте город разбили по секторам, вроде пришло сообщение: столица пуста, все ее покинули.

На двух штабных бронетранспортерах, один наш, другой Андрея Крестьянинова, будущего Героя России, прошлись по

Грозному, считай, торжественным маршем и выехали на окраину в полной уверенности, что город взят.

Никакого сопротивления не встретили.

Отпраздновали Новый год, насколько это возможно было в тех условиях, а 1 января утром опять на зачистку.

Опять же на бэтээрах, метров четыреста не дошли до дудаевского дворца, и нас с обеих сторон как «припечатали» свои и чужие. И трудно сказать, кто больше.

Чтобы понять интенсивность боя, приведу пример. С четырех постов вернулось только два наших бронетранспортера. Насчитали до пяти разрывов РПГ по бортам.

Наш бэтээр только отъехал, на его место встала армейская бээмпэшка. И тут же удар, и боевая машина — в клочья.

Нас здорово выручил Крестьянинов. Он вышел метров на двести вперед, развернул бронетранспортер и с места не двинулся, пока мы не вылезли оттуда.

Вот так мы оказались в жестоком бою, в незнакомом городе. Куда пробиваться — неясно. Пока собирали колонну, начало смеркаться. Выходить из города нельзя — в темноте свои перебьют. А везде стрельба, трассера, пули летят.

Кто-то добыл информацию, что наши есть на консервном заводе. Стали пробиваться к заводу. Пробились. Действительно, там уже был генерал Воробьев, омоновцы, внутренние войска.

На мой взгляд, консервный завод был не лучшим местом для расположения войск. Укрытий нет, бандиты быстро вычислили скопление бронетехники и стали вести интенсивный минометный огонь.

От мин научились прятаться. В боевых условиях опыт быстро приходит. Хотя гибли и здесь. В первый день мы потеряли первого человека, бойца краснодарского СОБРа.

До 4 января продержались на «консервке». Ходили на чистки, патрулирование. Потом перебрались на молокозавод. Там позиция была уже на порядок лучше: бетонные перекрытия, есть куда технику загнать, самим укрыться, есть где посты выставить. В общем, жить можно. Обустроились.

И началась у нас эпопея с «домом Павлова». Так прозвали этот дом по аналогии со Сталинградом. Было это 6 января, накануне Рождества.

У нас группа вошла в этот дом. Здание тактически важное, высотное. Когда мы вошли, там уже сидели армейцы.

157

Ночь ребята провели нормально, обстрел был плотный, но обошлось без потерь. А утром, когда стали их менять, вместо собровцев пошли омоновцы. Погибли три ярославца и Саша Карагодин, проводник.

Это был безотказный парень, единственный, кто знал Грозный. Он все колонны водил сам, на броне. А тут нарвался на снайпера. Не на боевика с винтовкой Драгунова, а на профессионала, который бьет не в бронежилет, а между, под руку.

А тут еще генерала Воробьева накрыло, и с ним погибли четверо человек.

Вот такие были будни. А обстановка тем временем стала нагнетаться. Чувствовалось растущее напряжение. Еще бы, вроде приехали обеспечивать безопасность следственных действий, а какое там следствие — война...

В это время очень к месту на молокозаводе появился генерал Михаил Константинович Егоров. Надо отдать должное, он сумел найти общий язык с офицерами. Успокоил, сказал, что замена готовится. И, действительно, после 10 января мы свои силы стали оттягивать, через неделю группу вытащили в Моздок.

Война подполковника Николая Путника (фамилия изменена):

— Эта война не принесла никому ничего, кроме страдания, жертв, разрушений, нищеты.

Она вскрыла много проблем и показала отношение государства к людям в погонах. Мое мнение, если уж что-то делать, то надо доводить до конца, а не останавливаться на полпути.

Помнится, в мае 1995 года одна из наших комендатур обратилась к руководству. Чеченский снайпер не давал житья. Были потери, постоянно подстерегал бойцов и вел огонь.

«Комендачи» пытались своими силами его выследить и уничтожить. Проводили рейды в том направлении, откуда он стрелял. Находили лежки, устраивали ловушки, подкладывая гранаты с выдернутой чекой.

Все тщетно. Снайпер приходил, обезвреживал гранату... Словом, опытный был человек.

Сложность была еще в том, что комендатуру и снайперские лежки разделяла река. То есть место для ведения огня

выбиралось тщательно, хитро. Быстро подойти к нему невозможно, препятствует река, провод к взрывному устройству протянуть тоже сложно.

Мы выехали с группой сотрудников, осмотрели лежки. Просчитали действия бандита и... провели операцию. Это для неопытных «комендачей» боевик казался экстрапрофессионалом. Но с нами ему трудновато было тягаться.

В следующий раз, как только заговорила его бандитская винтовка, раздался взрыв. Как раз под той лежкой, где он находился. Больше снайпер в этих местах не появлялся.

Война Героя России Сергея Шаврина:

— Первую группу бойцов Управления специальных операций в составе 22 человек возглавлял генерал Дмитрий Михайлович Герасимов.

Мы вошли совместно с 45-м полком спецназначения ВДВ и поступили в распоряжение командира корпуса генерал-лейтенанта Льва Рохлина. Это был первый день Нового года.

Откровенно сказать, судьба нас хранила. 31 декабря мы должны были вылететь в Грозный и высадиться на одном из стадионов, на котором в этот день раздавали оружие всем желающим защищать свободную Ичкерию. Представляете наше положение: три вертолета садятся на футбольное поле, а вокруг сотни людей с оружием...

И тем не менее в новогоднюю ночь на бронетранспортерах мы

совершили марш в район Толстого-Юрта и вошли в Грозный. Помню, наша колонна двинулась в 0.10 минут первого января.

Выезд был неудачным. Проводник из корпуса по непонятным причинам нажал на газ и скрылся за углом, а мы прошли по улице Хмельницкого, по Первомайской и выкатили почти к центру города.

Поняли, что заехали не туда, стали разворачиваться и на площади Хмельницкого были обстреляны с девятиэтажного здания. Граната попала в последний бэтээр, несколько человек ранено. Но группу вывели без потерь.

С утра пошли снова. Нас — 16 человек, во главе с начальником разведки ВДВ. Вскоре предстали перед генералом Рохлиным, доложили. Мне потом приходилось встречаться с ним не раз, отличный командир, грамотный, боевой.

159

Задачу комкор на нас возложил непростую: обеспечить безопасность колонных путей, по которым выдвигалась боевая техника и войска.

Это улица Лермонтовская. Там с одной стороны стоят домики, частный сектор, а с другой — высотные здания. Боевики группами по 5—6 человек пробирались в дома и обстреливали колонны.

А улица сплошь забита боевыми машинами, заправщиками, автомобилями с боеприпасами. В общем, что ни выстрел — то попадание и большой ущерб, потери.

Из нашей совместной с десантниками-спецназовцами команды мы сформировали четыре группы и по кварталу очищали от бандитов. Устраивали засады, при обнаружении боевиков вступали в бой.

Открытого боя бандиты боятся, избегают. У них тактика одна: укусить-убежать, укусить-убежать... Скоро они поняли, что там засады, там спецподразделения, там небезопасно. И бандитские набеги прекратились. Несколько кварталов вдоль дороги были свободны.

Таковы первые январские дни. Войска уже измотаны боями, острая нехватка офицерского состава. Были как-то в одном из батальонов: комбата — нет, руководит один из офицеров штаба, ротами командуют взводные, взводами — сержанты.

В этой тяжелой ситуации генерал Рохлин отдает приказ: группе совместно с десантниками захватить высотное здание нефтехимического института.

Это здание господствовало над всем институтским городком, который никак не удавалось взять нашим войскам.

Утром мы осуществили захват. И надо сказать, очень вовремя. Там уже были подготовлены бойницы, заготовлены боеприпасы, даже открыты цинки с патронами. Снайпер заходит, все готово. Он заряжается, работает, уходит в крыло здания, которое не простреливается, вновь снаряжается и к окну...

Захватив здание, мы установили пулеметы, армейцы поднесли свое тяжелое вооружение, ПТУРСы, и начался штурм. Практически за день боев очистили весь институтский городок, перед которым стояли не один день.

Этот успех понравился командованию, и в следующий раз мы должны были идти на штурм здания Совмина. Это большое четырехугольное строение с внутренним колодцем.
160
Отработали план операции, но в последний момент произошел срыв. Все взаимодействие организовывалось с командиром танковой бригады, а комбриг был ранен на КП и отправлен в госпиталь. Его зам не в курсе операции, организовать взаимодействие не может.

Словом, пошел сбой. Все вернулись на исходные позиции. Наша группа уехала на ночевку на консервный завод, а утром десантники решили, что справятся сами. Но не справились.

Две группы перебежали в здание Совмина, а третья, которая должна была нести тяжелое вооружение, огнеметы, взрывчатку, попала под минометный обстрел чеченцев. Им оставалось преодолеть площадь, и в это время прилетела первая пробная мина, потом серия из четырех...

Одна попала в нашу зенитную установку «Тунгуска», боеприпасы сдетонировали, погибли сразу три офицера, обслуживающие установку.

За «Тунгуской» пряталось полтора десятка солдат с полным вооружением. Начали рваться пластит, огнеметы. Сразу погибло 8 человек, остальные умерли от ран.

С нами командиром бронетранспортера выезжал десантник старший лейтенант Игорь Чеботарев. В тот день он оказался в этой группе. Ему оторвало обе ноги, и офицер скончался от потери крови. Молоденький парень, у него должен был родиться ребенок.

За несколько дней боев в одной из рот 45-го полка ВДВ осталось три человека из двадцати семи, которые вошли в Грозный.

Потом мы работали вместе с военной контрразведкой, обеспечивали безопасность войск. Руководство, наконец, поняло, что чеченцы, переодевшись в камуфляж, беспрепятственно бродят по нашим позициям, расположению частей, а потом туда неожиданно прилетают мины.

Были и другие хитрые уловки бандитов. Они воюют ночью, а утром приходят к консервному заводу и отсыпаются рядом, в соседних домах. Расчет прост: кто же под носом у себя боевиков искать будет?

Мы предприняли контрмеры, провели несколько рейдов и, действительно, находили боевиков.

Наши выходы в глубь обороны бандитов были достаточно обширные. Обнаружили машину для зарядки зенитных самоходных установок и два обугленных трупа российских
161
офицеров. Сообщили своим. Оказывается, их искали с Нового года. Что ж, хоть вычеркнули из списка без вести пропавших...

Местное население относилось очень хорошо: давали проводников, рассказывали, где появляются боевики, в какое время, бандиты ночевали только в русских домах, чеченцев не подставляли. Оставались на ночевку один раз и больше уже не

возвращались.

С нами работал офицер Владимир Иванов. Родом из Чечни, русский. Он очень переживал, здесь в Грозном остались его отец и брат.

Генерал Герасимов дал добро, и мы вышли в рейд на поиск родственников. Нашли отца, брата, его жену, детей, Володиных племянников, тетку и вывезли всех.

Но в разрушенном доме, который находился на передовой, было много мирных граждан. На это было страшно смотреть. А ведь нам говорили, город пуст, все уехали.

Плачут, просят, суют записки, умоляют позвонить родственникам. Мы вывезли Володиных родных и возвращались еще шесть раз, пока не забрали всех. Жуткая картина. В подвале одного дома, откуда, кстати, стреляли боевики, увидели беременную женщину, которая собиралась рожать, рядом раненого осколками мужчину. Тут же испуганные дети, здесь же пекут лепешки.

Нашли полковника, заслуженного военного летчика СССР, парализованный лежал. Как же мы могли их бросить?

Вот такая она, чеченская война...

...Военный корреспондент, писатель Константин Симонов как-то сказал: «Про всю войну сразу не расскажешь». Право, я и не старался сразу. Однако эти несколько признаний — тоже рассказ о войне «Вымпела». Точнее, о «Вымпеле» на войне.

На ней «Вымпел» познал горечь первой потери — погиб боец спецподразделения майор Сергей Ромашин. Посмертно ему присвоено звание Героя России.

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА В СУДЬБЕ «ВЫМПЕЛА»

В начале августа 1996 года в Чечне установилось хрупкое перемирие. Обстановка была сложная. Боевики зализывали раны, копили силы. Все понимали: перемирие ненадолго. Однако самый худой мир, как известно, лучше самой хорошей

войны. И потому люди, уставшие от войны, хотели хоть на день, хоть на час продлить этот худой мир.

Боевики вошли в Грозный 6 августа. Война вспыхнула с новой силой. По существу, федеральные части после стольких месяцев войны, потерь, крови оставили боевикам столицу Чечни. Вот как об этом сказал Герой России, боец «Вымпела» майор Сергей Шаврин: «Техники, войск в Грозном было более чем достаточно. Когда мы выходили из города, то ехали в броневом коридоре. Танки, БМП стояли через пять метров. Если бы вся эта техника дала залп, от Грозного ничего бы не осталось. А мы попросту подарили Грозный боевикам после двух лет войны».

В те дни в городе оставалось несколько очагов обороны федеральных войск. Один из них, известный своим противостоянием — общежитие Управления федеральной службы безопасности по Чечне.

Что это за общежитие — ни для кого не было секретом. С первых дней войны бандиты проявляли к общежитию особый

интерес. Мне рассказывали «вымпеловцы», что у входа в здание боевики «выставили» бессменный пост. Когда бы ни выходили сотрудники ФСБ из подъезда, через дорогу напротив их встречала бандитская «наружка» — сидящий на корточках чеченец. Один агент сменял другого, но пост оставался всегда. Так что численность сотрудников, проживающих в общежитии, для боевиков не была секретом.

Знали они и окна комнат, где жили «вымпеловцы». До них в этих же комнатах размещались бойцы подразделения «А». Так вот в первый же день, когда группа под командованием Сергея Шаврина устанавливала связь и тянула антенну к себе в окно, снизу им крикнул строитель: «Альфа! Мужики, не туда тянете. Рядом окно».

Вот и маскировка. Это говорит лишь о том, что спецподразделению не место среди всех. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: спецназ — это и спецоружие, и спецсвязь, и спецсредства. Все это весьма лакомый кусочек для бандитов.

И потому с началом обстрела первая же граната, выпущенная чеченцами по общежитию ФСБ, прилетела в окно, где жили «вымпеловцы».

Сотрудники службы безопасности приняли бой. Среди них было 9 бойцов подразделения «Вымпел».

Накануне в Грозный на переговоры прибыла правительственная делегация из Москвы. В ее составе — Михайлов,

Степашин, другие высокие столичные чиновники. Майор Шаврин с двумя сотрудниками выехал на охрану и обеспечение безопасности делегации. Оставшуюся девятку бойцов возглавил майор Сергей Ромашин.

Удар боевиков по общежитию был мощным и яростным, нападение организовано с разных направлений.

Несколько дней, стянув свои лучшие силы, бандиты штурмовали общежитие ФСБ. Но безуспешно.

Они хвастливо заявили, что обязательно возьмут общежитие, но прошли сутки, вторые, третьи... Костью в горле у чеченцев стало это общежитие.

С первых же минут боя майор Сергей Ромашин умело руководил своим подразделением. Отдав необходимые распоряжения, он поднялся на чердак со снайперской винтовкой и вел огонь по противнику.

Чеченцы сосредоточили удар по верхним этажам, чердаку здания. Им очень хотелось уничтожить спецназ. Ромашин был ранен: проникающее ранение легкого.

Боевые товарищи перенесли его с чердака, перевязали, и он продолжал руководить боем. «Вымпеловцы» встречали бандитов огнем пулеметов, подствольных гранатометов, спецоружия, при подходе их на близкое расстояние забрасывали гранатами.

Общежитие превратилось в крепость. Боевики порой боялись высунуться из-за угла, столь метко вели огонь сотрудники ФСБ. И сейчас в подразделении хранится кассета с записью боя у

общежития. Оператор был среди боевиков. На пленке ярко запечатлен «героизм и бесстрашие» бандитов, когда они, не показываясь из-за угла дома, вслепую, наугад ведут огонь.

Чеченцы подогнали танк, несколько бронетранспортеров и почти в упор расстреливали здание. Обрушилось перекрытие четвертого этажа, верхние пролеты были охвачены пламенем. Защитники общежития спустились ниже и продолжали вести бой.

На третий день было принято решение об эвакуации. Раненые нуждались в квалифицированной медицинской помощи.

Две группы, в состав которых входили водители, «комендачи», некоторые оперативные работники, покинули общежитие и благополучно вышли к своим.

С третьей группой отправляли раненых. Среди них были и майор Ромашин. Группа, оказавшись на открытой местности, попала под минометный обстрел, со всех сторон заговорили

огневые средства боевиков. Многие сотрудники ФСБ погибли в этом бою.

Сергей Ромашин получил еще одно ранение — в ногу. Теперь майор не мог идти. Опытный офицер, он верно оценил обстановку. Под огнем, когда вокруг гибли товарищи, попытка вынести его из боя могла закончиться трагически. Погиб бы и он, и его сослуживец.

Дважды раненный, истекающий кровью, Сергей Ромашин, сражался до конца.

В этом бою погибло 15 сотрудников Федеральной службы безопасности России.

Остальные сотрудники «Вымпела» оставались в общежитии до конца. Они покинули пылающее здание последними.

Трое бойцов во главе с майором Сергеем Шавриным пытались пробиться в Грозный. В составе 205 бригады они предприняли попытку пройти в город со стороны Ханкалы. У моста через Сунжу колонна бригады была обстреляна и отошла.

Позже майор Сергей Шаврин будет в числе тех, кто возглавит работу по поиску тела погибшего товарища — Сергея Ромашина. После договоренности с боевиками о выдаче тел наших погибших Шаврин дважды выезжает в Грозный, в общежитие ФСБ. Ведь первоначально точных данных, где погиб Ромашин, не было. Один из водителей сказал, что, якобы, в подвале общежития находился убитый офицер, которого называли то ли Сергеем, то ли Сергеевичем. Действительно, труп офицера нашли, однако это был другой сотрудник.

Ромашина удалось отыскать среди 15 погибших. Несколько трупов оказались сожженными, других закопали наши русские жители Грозного.

Два дня провел Шаврин с боевиками в поисках тела Ромашина. Были моменты, когда сам едва не попадая под чеченскую пулю. В то время, когда выносили труп, на чеченские позиции прилетел танковый снаряд. Кто, откуда выстрелил, попробуй разберись. Боевик с упреком, мол, договорились не стрелять, а ваши стреляют. Пойдем смотреть, если кто убит — и

вам конец. Пришли. К счастью, от взрыва снаряда никто не пострадал. Так остался жить майор Шаврин и вывез тело боевого товарища.

...Два Героя России — Сергей Шаврин и удостоенный этого звания посмертно Сергей Ромашин — тоже память о той страшной недавней войне.

165

* * *

Вот, пожалуй, и все. Пока все, на сегодня. Такова новейшая история Группы специального назначения «Вымпел». Она продолжается, эта история. Разумеется, и вторая чеченская не обходится без профессионалов «Вымпела». Там, в Чечне, погибло двое прекрасных ребят — Валерий Александров и Михаил Серегин. Очень хочется рассказать об их подвиге и подвигах бойцов подразделения. Но пока не время.

Зато время для другого. Ибо наши разведывательно-диверсионные подразделения корнями своими уходят в глубь веков, когда еще только зарождалось наше государство, а вместе с ним разведка и диверсионная служба.

История эта велика и доблестна и, право же, достойна того, чтобы о ней вспомнить. Тем более, что многое будет рассказано впервые.

166

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ДИВЕРСИЯ - ИСКУССТВО ДРЕВНИХ

В 512 году до нашей эры хитрый и могущественный царь персов Дарий I, создавший гигантскую империю от границ Индии до Греции, предпринял поход на скифов — наших предков. Переправившись через Босфор с семисоттысячным войском, Дарий покорил Македонию и Фракию, перешел Дунай и вступил в скифские степи Причерноморья.

Скифы умели воевать, но они не владели секретом железа. Их деревянные стрелы были с костяными наконечниками. Да и силы оказались не равны. У персов — огромное войско.

Воины скифов метко бросали дротики, ловко стреляли из лука, их конница могла делать длительные и быстрые переходы.

Силу своего небольшого войска и решили использовать скифы в войне с Дарием.

Узнав о численности и вооружении персидской армии, скифы вместе с семьями, походным скарбом, стадами скота стали отступать, уходя в глубь бескрайней степи.

Дарий, утомленный долгим преследованием, направил своего посла к скифскому царю.

Как повествует историк древней Греции Геродот, посол держал такую речь от имени могущественного персидского владыки: «Зачем ты убегаешь? Если ты считаешь себя сильнее меня, то сражайся со мной. А если ты считаешь себя слабее, покорись и приходи ко мне, твоему владыке, с землей и водой в руках».

На что скифский царь отвечал: «Из страха я не убегал

никогда и ни от кого. Я и теперь веду такую же самую жизнь, какую и всегда вел, и от тебя вовсе не убегаю. В нашей стране нет ни городов, ни садов, ни полей. Нам нечего поэтому опасаться, что наше достояние будет покорено или опустошено кем-нибудь. Нам защищать-то нечего. Мы ведь в любом месте живем одним и тем же способом. Где мы, там наша родина».
167

Дарий, властелин мира, покоривший Египет и Вавилон, отступил. С остатками своего войска он двинулся в обратный путь к Дунаю по безжизненной степи.

Полудиким скифам, не владевшим железом, не знавшим грамоты, удалось совершить то, что оказалось не под силу значительно более цивилизованным народам древнего мира.

Что лежало в основе их успеха? Военная доблесть, мужество в сочетании с хитростью и умом. А ум, информация, знание о противнике — это и есть разведка. Возьмите словари русского языка: «ведать» — знать, «разведывать» — распознавать, накапливать информацию.

Стало быть, скифам в первую очередь помогла разведка.

Повествования «отца истории» Геродота о походе Дария примечательны еще и тем, что рассказывают, как скифские воины по приказу своего царя, удаляясь в степь, по дороге засыпали колодцы, жгли траву. Иными словами, переводя на современный язык войны, «совершали диверсионные акты на путях отступления войск».

Это свидетельство доказывает, что диверсионное ремесло имеет столь же глубокие исторические корни, как и военное искусство вообще. А профессия разведчика-диверсанта стара как мир, который не перестает воевать с первых дней своего существования.

Еще в 882 году вещий Олег, спускаясь по Днепру к «граду Киеву», чтобы завоевать его, послал вперед корабль с разведчиками. Посланники выдавали себя за греческих купцов. Они-то и сообщили князьям Аскольду и Диру о посольстве, которое следует в Киев, чтобы подписать договор.

Киевские князья, ничего не подозревавшие, вышли на пристань для встречи послов. Олег сошел на берег, окруженный «купцами». На руках у него был малолетний Игорь. После обмена приветствиями «купцы» Олега внезапно набросились на хозяев и зарубили их, а дружинники захватили Киев.

К сожалению, в древней русской истории не так уж много подобных упоминаний. Ибо само это понятие «разведка», в своем исконном, изначальном смысле, как проведение тайного исследования со специальной целью, складывалось веками.

То же можно сказать и о диверсионной деятельности.

Бесспорно лишь одно: разведывательное и диверсионное искусство развивалось издревле как единое целое, как две фазы общего процесса.
168

Это сегодня наши «резиденты в отставке» могут посетовать с экранов телевизоров, что, мол, писатели и кинорежиссеры явно грешат перед истиной, перегружая свои произведения

излишними погонями, драками, стрельбой.

Что ж, наверное, резиденты правы, многим из них, проработавшим не один год за границей, так и не пришлось обнажить свое оружие. Мир немало изменился. И оружием разведки стал, в первую очередь, не пистолет, а холодный ум, тонкий расчет и высокий профессионализм:

Даже сегодня любой разведчик не застрахован от острых, «активных» моментов, но разведчик-диверсант всегда в эпицентре этих мероприятий. Ибо в начале он оперативник, аналитик, в конце — он всегда боевик. Это неизмеримо труднее. Даже в «Вымпеле», единственном нашем высокопрофессиональном подразделении, сотрудники негласно делились на оперативников и боевиков. Хотя лучшие были, безусловно, «профи» и в том, и *в* другом.

Что ж, наша история в прошлом знавала подобные примеры. В лето 1380 года на Руси «хитрый муж» боярин Захария Тютчев был послан великим князем Московским Дмитрием Ивановичем в Золотую Орду.

По дороге к Мамаю, в земле Рязанской, проведал Захария об измене местного князя Олега и о союзе литовского князя Ягайлы с Мамаем. Он-то и собрал войско в Коломне, чтобы нанести упреждающий удар и не дать соединиться полкам Мамая с дружинами Олега и Ягайлы.

А боярина Тютчева ждала нелегкая судьба в стане Мамая. Как повествует древняя Никоновская летопись, хан сбросил с ноги башмак и сказал: «Се ти дарую... от ноги моея отпадшее».

Захарий на выпады Мамая отвечал смело, держался с достоинством, за то и чуть не лишился жизни. Свирепые мурзы из окружения хана хотели расправиться с ним, но Мамай не дал. Он пригласил Захария на службу к себе. Боярин согласился, но попросил прежде отправить Дмитриеве посольство.

Мамай написал грамоту князю Московскому: «Приди ко мне, да помилую тя». И Тютчев в сопровождении татарских мурз был отправлен к Дмитрию с посланием.

На Оке татарское посольство повстречалось с русским отрядом, и Захария изорвал ханскую грамоту, связал мурз и возвратился в Москву.

169

Кто он, по нынешним меркам, Захария Тютчев? Дипломат, разведчик, не уклонившийся от «активных мероприятий», диверсант? Он добыл секретную информацию, передал ее, что позволило нанести упреждающий удар, ввел противника в заблуждение. Его деятельность имела решающее значение для судеб государства.

И хоть нынче принято считать, что исторические параллели опасны, порою связь прошлого и настоящего столь крепка и зрима, что диву даешься. А в сущности, стоит ли удивляться?

Наш великий историк Н.М. Карамзин в одной из своих работ, посвященной исследованию похода киевского князя Владимира на греческий город Херсонес в 988 году, писал: «Владимир, остановясь в гавани, или в заливе Херсонесском, высадил на берег войско и со всех сторон окружил город. Издревле

привязанные к вольности херсонесцы оборонялись мужественно.

Великий князь грозил им стоять три года под стенами, ежели они не сдадутся, но горожане отвергли его предложение, в надежде, может быть, иметь скорую помощь от греков.

К счастью, нашелся в городе доброжелатель Владимиру по имени Анастас. Сей человек пустил к россиянам стрелу с надписью: «За вами, к востоку, находятся колодези, дающие воду херсонесцам через подземные трубы: вы можете отнять ее».

Великий князь поспешил воспользоваться советом и велел перекопать водопроводы (коих следы еще заметны близ нынешних развалин херсонесских). Тогда граждане, изнуренные жаждой, сдались россиянам».

Это карамзинское исследование я вспомнил недавно, когда услышал рассказ об учениях «Вымпела», в ходе которых бойцы подразделения отключили электроэнергию одного из военных заводов, совершив диверсию далеко за пределами города. Местная охрана в это время, переодетая дворниками с метлами и лопатами, оцепила городок по всему периметру, терпеливо ожидая «террористов».

Охрана так ничего и не дождалась, а завод, подобно древнему Херсонесу, пал, лишившись электричества. История разведки, а вместе с ней и диверсионной службы, складывалась, на Руси медленно. Тому было немало причин: тут и многолетняя зависимость государства от Золотой Орды. Ведь со времен Куликовской битвы минуло сто лет, прежде чем Русь окончательно освободилась от татаро-монгольского ига.

Тут раздробленность, бесконечные распри князей, их борьба за власть. В этот период главным врагом чаще был не хан татарский, а родственник из соседнего или своего княжества — дядя, брат, племянник.

И только при Иване III Россия, как сказал Н.М. Карамзин, вышла из «сумрака теней», началось объединение разрозненных княжеств в единое государство.

А государство, как известно, не может жить без... дипломатии. Да, да, без «посольского дела». Ибо в то время, при Иване III, да и позже при Иване IV Грозном, никто не говорил о разведке. Она, безусловно, существует. Но входит в состав «посольского дела».

Есть ли свидетельства тому? Есть. И довольно любопытные. Некто Литвин, судя по всему, житель Литвы, писал: «У нас большое число московских перебежчиков, которые, разузнав наши дела, средства и обычаи, свободно возвращаются к своим, пока они у нас, тайно передают своим наши планы...

Хитрый этот человек (Иван IV) назначил награду возвращающимся перебежчикам, даже пустым и бесполезным: рабу — свободу, простолюдину — дворянство, должнику — прощение долгов, злодею— отпущение вины...»

Судя по всему, Иван Грозный ценил перебежчиков и награждал их по-царски. Он знал толк в разведывательной информации, коли жаловал даже «пустых и бесполезных».

Кстати говоря, уже тогда зарождается традиция близости

разведки к первому лицу государства. Вот как об этом пишет В.О. Ключевский. «Оно (речь идет о Посольском приказе. — М.Б.) остается очень близким к государю учреждением, как бы его собственной канцелярией по иностранным делам: выезжая из Москвы, царь берет с собой его или, скорее, его отделение вместе с управляющим им дьяком».

Выйти в дипломаты и разведчики (те и другие поручения зачастую выполнялись одними людьми) можно было лишь став близким к царю человеком. Только ему государь мог доверить главные тайны страны.

Эта традиция оставалась у нас вплоть до хрущевских времен, то есть до середины нынешнего столетия.

Сталин, посылая разведчиков на ответственные задания, лично наставлял их, сам отдавал приказы. Так, в 1939 году Сталин вызвал к себе в Кремль Берию и Судоплатова и поручил в течение года ликвидировать Троцкого, а в октябре 1941-го

171

сам инструктировал будущего резидента в Вашингтоне — Зарубина перед его отправкой в США.

Сталин порой вникал в мельчайшие подробности проводимых операций. Так, в целях опорочить видного деятеля большевистской партии Юрия Пятакова, он давал указания непосредственно начальнику ИНО Слуцкому.

Вот как об этом случае рассказывает в своей книге разведчик Александр Орлов, бежавший на Запад.

«Слушая на совещании в Кремле доклад о признаниях, сделанных Пятаковым, Сталин спросил: не лучше ли написать в обвинительном заключении, что Пятаков получил директивы Троцкого не по почте, а во время личной встречи с ним? Так родилась легенда о том, что Пятаков летал в Норвегию на свидание с Троцким. Чтобы версия была более убедительной, Сталин распорядился: пусть начальник Иностранного управления НКВД Слуцкий разработает схему путешествия Пятакова из Берлина в Норвегию с учетом расписания поездов Берлин-Осло.

Когда мы со Слуцким встретились в Париже, в санатории профессора Бержере (это произошло в феврале 1937 года), он рассказал мне, что случилось на следующем кремлевском совещании по делу Пятакова.

Слуцкий доложил Сталину, что собранные им данные не позволяют принять версию о личной поездке Пятакова в Норвегию. Дело в том, что по действующему расписанию путешествие Пятакова в Осло, учитывая время, необходимое, чтобы добраться из Осло в Вексаль, где жил Троцкий, и побеседовать с ним, займет минимум двое суток. Было бы очень опасно утверждать, что Пятаков исчезал из Берлина на столь продолжительное время: по данным советского торгпредства в Берлине, он ежедневно проводил там совещания с представителями различных немецких фирм и чуть ли не каждый день подписывал с ними контракты.

Сталин был недоволен докладом Слуцкого и, не дождавшись изложения всех минусов обсуждаемой легенды, возразил:

«Может быть, то, что вы говорите насчет расписания поездов, действительно верно. Однако Пятаков мог ведь слетать в Осло и на самолете? Полет туда и обратно, наверное, можно совершить за одну ночь?»

Слуцкий заметил, что самолет (не забудем, что полет должен был относиться к 1935 году) берет очень мало пассажиров

172

и фамилия каждого из них записывается в журнал авиакомпании. Но Сталин уже принял решение: «Надо указать, что Пятаков летал на специальном самолете. Для такого дела германские власти охотно дали бы самолет!»

Как известно, сталинская версия лопнула словно мыльный пузырь. 25 января 1937 года, через два дня после того, как изложили суду эту историю, в норвежской газете «Афтенпостен» появилась заметка под заголовком: «Совещание Пятакова с Троцким в Осло выглядит совершенно неправдоподобным». Далее в заметке говорилось о том, что Пятаков якобы прибыл на самолете на аэродром Хеллер. Однако персонал аэродрома утверждает, что никакие гражданские самолеты в декабре 1935 года там не приземлялись. Однако это не смутило Сталина. Пятаков был казнен.

Такова современная история. Но возвратимся к истокам нашей разведки. Действительно, стать близким к царю в ту пору было не просто, если ты не богат, не родовит.

Вот почему в плеяде первых русских профессионалов — люди, без сомнения, выдающиеся, талантливые, разносторонние, крупные фигуры своего времени.

В их числе первый руководитель дипломатической службы Ивана Грозного — дьяк Посольского приказа Иван Висковатый. Историк А. Гваньини назвал его «превосходным мужем, выдающимся по уму и многим добродетелям канцлером».

Это Афанасий Ордин-Нащокин, мелкий дворянин из провинциального города Опочка — знавший языки, математику, механику. Его заметил царь Михаил Федорович. И вот Афанасий в Молдавии, а в Москву идут доклады об антирусских выступлениях в Сейме Польши, о намерении крымских ханов совершить поход на Москву, о коварстве литовских князей.

По возвращении из Молдавии он занимается Польшей и Данией, а позже работает в Прибалтике уже как настоящий военный разведчик.

Звездным часом его дипломатического и разведывательного искусства становится заключение Андрусовского договора 1667 года между Россией и Польшей, по которому России возвращены ее исконные территории — Смоленское и Черниговское воеводства, Северская земля. Россия получила тринадцать лет перемирия с Польшей и право управлять Киевом.

173

После этого успеха специальным указом царя Ордин-Нащокин назначается главой Посольского приказа.

Из «худородных», сыном дьяка был и Артамон Матвеев — государственный деятель, крупный дипломат, талантливый разведчик, военачальник, писатель, историк, основатель

русского придворного театра.

Сегодня имя этого, несомненно, великого человека почти забыто, а ведь именно он стоял у истоков исторического события — воссоединения Украины и России.

Теперь, спустя столетия, все кажется ясным и очевидным. Однако Украина XVII века являла собой сложнейшее переплетение самых противоречивых общественных сил и течений. На украинские земли вожделенно поглядывали турки, поляки, молдаване.

В эти годы и появился Богдан Хмельницкий, объявивший себя гетманом Украины. Он вступил в борьбу с Речью Посполитой и обратился к Москве с просьбой принять его под российское крыло.

У московского царя возникало немало вопросов и в первую очередь, кто этот новый гетман — авантюрист или яркая историческая личность.

Слухи о Хмельницком доходили самые разноречивые, и царь московитов никак не хотел ошибиться. И тогда на Украину во главе российского посольства выезжает Артамон Матвеев. Именно ему предстояло прояснить обстановку и доложить свои соображения царю.

Работу, проделанную Матвеевым, трудно уложить лишь в рамки дипломатии или разведки. Он проявил себя талантливым и мудрым государственным деятелем — посольство российское поддержало желание украинцев воссоединиться с россиянами.

8—9 января 1654 года в Переславле состоялась казацкая Рада, на которой было торжественно провозглашено воссоединение. Артамон Матвеев был гостем Рады.

В ряду величайших российских дипломатов и разведчиков нельзя не назвать имя князя Андрея Хилкова, чья судьба — пример беззаветного служения родине.

Князь Андрей получил образование в Италии, изучил навигацию, кораблестроение, языки. В Россию он вернулся в 1700 году, накануне войны со Швецией, и вскоре убыл за границу с особым поручением царя.

Петр готовился к войне и всячески старался усыпить бдительность Карла XII. С труднейшим заданием уехал в Стокгольм Хилков — он должен был убедить шведского монарха в миролюбии российского царя.

Но Карла в столице не оказалось, он отбыл в Данию. Хилков бросился вдогонку. За две недели он преодолел почти 600 верст, догнал короля в дороге и был удостоен аудиенции.

На прекрасном латинском языке, который в ту пору в Европе был в особом почете, он произнес страстную речь, заставив Карла поверить в миролюбие России.

Вскоре Хилков вручил Карлу XII верительные грамоты. Волей судьбы случилось так, что в этот же день Петр I принял решение об объявлении войны.

Король шведский был потрясен «коварством московитов». Гнев монарха пал на голову Хилкова — имущество его было опечатано, а его самого посадили под арест в доме, который он

снимал под посольство. Князь еще не знал своей судьбы, которая распорядится так, что он не увидит родных берегов.

Почти два десятилетия под неусыпным контролем шведов он будет находить возможность передавать разведывательные сведения в Москву, помогая русским пленным.

Князь Хилков не доживет всего полгода до того дня, когда по Аландскому перемирию России будут возвращены все пленные. Его тело доставят на родину в свинцовом гробу и похоронят с высшими офицерскими почестями в новой столице России — Санкт-Петербурге.

Эпоха Петра Великого характеризуется не только традиционным использованием в разведывательных целях официальных дипломатических представителей, какими были князь Андрей Хилков или Артамон Матвеев, но и тем, что разведывательная работа обрела правовой статус. Этот статус закреплен в новом воинском уставе царя Петра. Разведка отныне входит в состав генерал-квартирмейстерской службы.

Важным этапом в развитии и становлении российской разведывательно-диверсионной службы становятся реформы военного министра М.Б. Барклая де Толли. Он направляет первых так называемых «военных агентов» в российские диппредставительства за рубежом.

Впервые добывание военно-политической секретной информации ставится на твердую, профессиональную основу.
175

Сотрудники «Особенной канцелярии» выполняют теперь разведывательную работу как основную, а не попутно с дипломатической, как прежде было в России.

Возглавляет «канцелярию» близкий друг Барклая де Толли флигель-адъютант А. Воейков. Это он подбирает для посылки в Европу «военных агентов»: в Мадрид — поручика П. Брозина, в Мюнхен — поручика П. Граббе, в Дрезден — майора В. Прендля, поручика Г. Орлова — в Вену.

А в Париж с письмом Александра I к Наполеону едет боевой офицер, будущий военный министр России Александр Чернышев.

Он — личный представитель российского императора в военной ставке Наполеона в период боевых действий французов против Пруссии и Австрии.

С 1810 года Чернышев постоянно при дворе Наполеона. О его храбрости и мужестве узнал весь Париж, когда Александр Иванович во время страшного пожара в доме австрийского посла вынес из огня несколько человек.

Информация, которую поставлял Чернышев из наполеоновской столицы накануне войны России с Францией, была очень ценной. В короткий срок наш «военный агент» создал сеть осведомителей, среди которых был сотрудник военного ведомства Наполеона некто Мишель. «Человек Чернышева», как называли разоблаченного позже Мишеля, два раза в месяц передавал ему копии документов о численности и дислокации армии. К ним полковник Чернышев добавлял свои соображения, наблюдения.

С началом войны 1812 года Александр Иванович Чернышев —

в действующей русской армии. Надо особо подчеркнуть, что Чернышев был в числе тех, кто стоял у истоков развертывания партизанского и диверсионного движения в тылу врага.

Профессиональные знания и опыт разведчика помогли ему стать одним из лучших партизанских командиров. За заслуги перед Отечеством Чернышев получает титул князя и звание генерала от кавалерии.

В 1832 году бывший разведчик, партизан, диверсант Александр Чернышев становится военным министром и находится на этом посту два десятка лет.

Война 1812 года выдвинула плеяду славных разведчиков. К сожалению, многие из них забыты нашими историками.

176

Достаточно назвать близкого друга партизанского командира Дениса Давыдова — Александра Фигнера.

Давыдову повезло больше, его знает нынешнее поколение. А ведь Фигнер был не кем иным, как разведчиком-нелегалом. Он прекрасно владел французским языком и выдавал себя то за офицера-француза, то за негоцианта-итальянца. Это помогало ему многое узнавать и видеть. Фигнер нередко попадал в сложнейшие, рискованные, поистине драматические ситуации и всегда выходил из них с честью.

Однако и послевоенное время прошлого века богато на крупных разведчиков. Взять хотя бы жену военного министра России, любимца императора Павла, графа Христофора Ливена — Дарью Ливен. Она же в девичестве Дарья Бенкендорф, сестра знаменитого шефа жандармов.

Она воспитывалась в Смольном институте, после окончания которого было пожалована во фрейлины императрицы Марии Федоровны. И хотя Даша не отличалась красотой, она была умна, наблюдательна, общительна. С детства находясь рядом с царствующими особами, знала нравы двора, была в курсе всех интриг и сплетен.

В 1812 году граф Ливен отправляется послом в Великобританию. В Лондоне его супруга создает ставший вскоре известным салон. Сюда с удовольствием приезжают политические деятели, дипломаты. Теперь Дарья Христофоровна в курсе всех политических новостей.

О нюансах этих новостей она сообщает министру иностранных дел Нессельроде. Особый интерес министра вызывает переписка Дарьи Ливен и австрийского канцлера Меттерниха, которые находились в близких отношениях. Этот секретный канал информации вскоре берет под контроль сам император Александр I. В 1825 году Александр I вынашивает тайные планы резкого поворота во внешней политике — отхода от Австрии и сближения с Англией. Прежде чем сделать этот шаг, император приглашает в Петербург Дарью Ливен и ведет с ней долгую конфиденциальную беседу.

Вскоре Дарья Христофоровна получает приказ: порвать с Меттернихом и сблизиться с министром иностранных дел Англии, ставшим впоследствии премьер-министром, Джорджем Каннингом. Вновь ей предстоит стать тайным агентом России…

Наша страна, будучи страной евроазиатской, наряду с Западом всегда уделяла большое внимание в своей внешней по-

177

литике Азии. После трагической гибели А. Грибоедова в Тегеране представитель Николая I генерал-майор Долгоруков, приехавший в Персию для улаживания инцидента с разгромом российской миссии, напишет: «В Азии не так, как в Европе. Здесь каждый день является перемена в мыслях и весьма часто в действиях. Чтобы не дать дурного хода делам и чтобы иногда успеть предупредить какие-либо действия, нужно быть скоро и верно извещену.

...Необходимо... назначить сумму, чтобы отыскать одного или двух чиновников персидских, которые бы доставляли верные известия...»

Сумма такая была назначена, и агентурная сеть развернута. Наши разведчики вскоре укрепят свои позиции не только в Персии, Афганистане, но и в Китае, Индии.

Примером тому деятельность есаула Уральского казачьего войска Давида Ливкина. Он был весьма образованным человеком: владел английским, татарским, киргизским языками, изучал международное и мусульманское право.

Ливкин с паспортом на имя купца Магомета Гасанова выехал в Индию. Но ехать через Афганистан было нельзя, это привлекло бы внимание английской разведки, и поэтому путь его лежал в Вену, оттуда в Египет и в Индию.

Задание у Ливкина было непростое. Дело в том, что в Индии разразилась эпидемия чумы, и это вызвало серьезное беспокойство российского правительства. Создается специальная комиссия, на границе с Афганистаном разворачиваются карантинные отряды. Однако на их обустройство в глухих, труднодоступных районах требовались огромные суммы из казны.

В свою очередь точной информации об эпидемиологической обстановке в Индии и в приграничных районах Афганистана не было. А это значит, невозможно определить объем затрат и провести противочумные мероприятия.

Давиду Ливкину предстояло выяснить истинное положение вещей и доложить об этом в Петербург. Чтобы выполнить это своеобразное задание, разведчику пришлось провести большой комплекс сложных оперативных мероприятий: найти соответствующих помощников, обследовать районы, подверженные распространению чумы, изучить потоки населения, которые перемещаются из Индии в Афганистан, Персию и Среднюю Азию. Наконец сделать вывод и дать грамотные рекомендации специальной комиссии в Петербурге.

178

За время пребывания «в командировке» Давид Ливкин побывал в Порт-Саиде, на Цейлоне. В Индии он посетил город Карачи, где находился самый опасный очаг эпидемии. Здесь смертность достигала более трех десятков случаев в день. После этого разведчик едет в Бомбей, тоже крупный очаг эпидемии.

На основании собранных данных он делает вывод, что

англичане и индийские власти умело и квалифицированно борются с эпидемией и это дает свои результаты. В то же время он находит единственный канал, по которому чума может попасть из Индии в Среднюю Азию — это Кашмир и верхняя долина Инда. Но этот канал уже перекрыт усиленным пограничным контролем.

Возвратившись в Петербург, он предлагает комиссии приостановить формирование карантинных отрядов вдоль афганской границы в связи с отсутствием реальной опасности распространения чумы на территорию Средней Азии. Таким образом, благодаря самоотверженной работе разведчика Ливкина Россия сэкономила крупные финансовые средства.

Это лишь несколько имен, несколько судеб первых российских разведчиков и дипломатов. Кстати говоря, большинство из этих судеб глубоко трагичны.

Иван Висковатый был казнен по навету врагов как «заговорщик», Ордин-Нащокин отстранен от руководства приказа и сослан во Псков, Артамон Матвеев кончил жизнь на пиках стрельцов, защищая молодого царя Петра, князь Андрей Хилков умер от туберкулеза вдали от Родины.

Давид Ливкин получил под Мукденом тяжелую контузию, потерял речь, был долго прикован к кровати. Его уволили в отставку в чине полковника.

В последние годы жизни он находился в бедственном положении. Маленькую пенсию из-за бюрократических проволочек получал не всегда. Ливкин не раз обращался с просьбой установить полагающуюся ему по заслугам и чину пенсию, но услышан не был.

В 1912 году он писал государю: «...В настоящее время я приехал в Санкт-Петербург вновь посоветоваться с врачами. Денег на обратный выезд у меня нет... Находясь в критическом положении, снова и снова позволю себе прибегнуть к Вашему, Великий Государь, милосердию...»

Неизвестно, дождался ли государева милосердия разведчик Ливкин. Вскоре он скончался.

179

Выпадает из этого списка разве что Александр Иванович Чернышев. Он заканчивает карьеру председателем Государственного совета.

За ними в разведку пришли другие, не менее яркие фигуры — Яков Толстой, Николай Игнатьев, Альфред Редель.

Разведка всегда была сильна личностями.

«ЗАГОВОР ПОСЛОВ»

XX век предъявил новые требования к разведке. И разведка к тому времени во многом соответствовала этим требованиям. Особое значение придается военным вопросам. Потому вся информация стекается в Статистическое отделение генерал-квартирмейстерской части Главного штаба. Разумеется, «статисты» выполняют сугубо разведывательные функции — от контроля за вербовкой агентуры до сбора и обработки военно-

стратегических материалов по армиям потенциальных противников.

В 1903 году этот разведывательный центр получает новую «крышу». Теперь он именуется 7-м отделением военно-стратегического отдела. По штату также замыкается на генерал-квартирмейстера.

Канун русско-японской войны — нелегкое время для разведки, и, в первую очередь, из-за скудного финансирования. Назову лишь несколько цифр. Главному штабу по 6-й смете («негласные» расходы по разведке) ежегодно выделяется 56 000 рублей. Эти деньги скудно распределялись по военным округам. «Счастливчикам» перепадало по 10 000—12 000 рублей, остальным и того меньше.

Для сравнения скажу, что Япония, готовясь к войне с Россией, затратила на свою агентуру 12 миллионов рублей золотом.

Отсюда и плачевные итоги. Полковник Главного штаба Гурко так охарактеризовал наши разведданные по Японии накануне войны: «Наша информация о военных приготовлениях Японии против России была просто безобразной».

Справедливости ради надо сказать, что не вся разведка работала столь слабо, как на японском направлении. Так, предвидя войну с Германией, Главный штаб направляет туда самых способных, наиболее опытных своих профессионалов.

Успешно работала в Берлине группа полковника А. Михельсона. Она занялась вербовкой агентуры среди сотрудни-

180

ков и технического персонала ряда ведущих фирм Германии, которые выполняли армейские заказы.

Михельсон сумел организовать «стажировку» артиллерийский специалистов и электротехников инженерного управления российской армии в таких крупнейших центрах германской военной индустрии, как фабрика «Карл Цейс Йена», заводы Круппа «Рейнметалл».

Достаточно привести классический пример с агентом нашего разведчика капитаном М. Костевичем, когда немецкий специалист секретного КБ передал чертежи новейших гаубиц, забыв предупредить, что передает не копии, а оригиналы.

Агент был арестован. Костевич на время тоже оказался в тюрьме, а Михельсона объявили «персоной нон грата» и выдворили из Германии.

Накануне войны и вплоть до 1917 года наша разведка запустила свои щупальца даже на африканский континент. Война в Африке давала серьезную пищу для размышлений и анализа. Там англичане впервые применили автоматическое оружие, новые взрывчатые вещества. Поэтому в России живо интересовались событиями на далеком «черном» континенте. Имена некоторых из тех, кто поставлял объективную информацию, известны — это А Гучков, будущий председатель Государственной думы, известный русский поэт Н. Гумилев.

Революция 1917 года перевернула судьбы многих русских разведчиков, как, впрочем, и судьбу самой разведки.

Долгие годы в нашей прессе, литературе, научных исследованиях утверждалось, что большевистская разведка ничего общего с разведкой царской, буржуазной не имела. Мол, выросла она сама по себе, исключительно благодаря таланту ее создателей Дзержинского, Менжинского, Трилиссера, Артузова, опираясь на богатый опыт нелегальной работы партии большевиков. Это, конечно, неправда.

Да, судьба той, «царской», разведки трагична, многие сотрудники генерал-квартирмейстерской службы, агенты-нелегалы не приняли большевизм, более того, боролись с ним. Но были и другие.

Так, начальник отдела внешней разведки генерал-лейтенант Николай Потапов перешел на сторону большевиков и уже в ноябре 1917 года стал начальником Генерального штаба. Были и те, кто передавал свой опыт «новым коммунистичес-

ким» разведчикам. И среди них сотрудник царской разведки А. Луцкий. До 1917 года он успешно работал в Японии, а с созданием ВЧК обучал премудростям агентурного дела молодых сотрудников. Кстати, будущий начальник ИНО М. Трилиссер набирался опыта и знаний именно у Луцкого.

В 1920 году Луцкий был направлен на Дальний Восток. Он руководил контрразведкой Приморья, был схвачен белогвардейцами и казнен. Луцкого вместе с С. Лазо сожгли в топке паровоза.

Выходит, не на пустом месте поднялся так называемый Иностранный отдел (ИНО) ВЧК. А именно он являлся одним из двух центров, которые занимались разведкой и диверсиями за рубежом.

Отдел собирал разведданные через своих агентов, имевших дипломатическое прикрытие или работавших в торговых представительствах. Существовали у ИНО и нелегальные каналы.

Особое внимание, разумеется, уделялось добыванию сведений о деятельности правительств, отдельных граждан, общественных организаций, частных корпораций, финансирующих деятельность эмигрантов, белогвардейцев в Европе, на Дальнем Востоке, в Китае.

Отдел состоял из отделений, которые курировали определенные страны или группы стран. Кроме того, в ИНО были специалисты по научно-техническим и экономическим проблемам.

Все эти подразделения занимались обобщением и анализом данных, поступающих из заграничных резидентур.

Ведущим направлением считалась нелегальная разведка, ведь количество наших дипломатических и торговых представительств в ту пору было весьма невелико.

Руководили ИНО разные люди. Опытные, способные, энергичные, много сделавшие для становления отдела, — Артузов, Слуцкий. Это Слуцкий, талантливый руководитель разведки, разработал и провел в жизнь операцию по вербовке «кембриджской пятерки», создал крупный «агентурный куст» на Дальнем Востоке.

Но были и такие, как Деканозов, возглавивший центр с приходом в НКВД Берии. Он мало что понимал в тонкостях внешней разведки, ведь до своего назначения в ИНО Деканозов работал снабженцем в бакинском ГПУ, позже в Грузии «комиссарил» в Наркомате пищевой промышленности. Любил красивую жизнь, роскошь.

Судьба многих руководителей и сотрудников отдела завершилась в подвалах Лубянки. Под колесо репрессий попали

Артузов, Пассов, Шпигельглас, в разное время стоявшие во главе ИНО.

На раннем этапе своей деятельности ИНО проводит несколько достаточно «громких» и хорошо подготовленных операций, и в первую очередь раскрывает «заговор послов».

Уже 1 сентября 1918 года на своей квартире в Хлебном переулке арестован глава британской миссии в России Роберт Брюс Локкарт. Суд приговаривает его к высшей мере наказания. Британскому дипломату предъявлено обвинение в организации заговора с целью свержения Советской власти, убийства ее руководителей.

Однако Локкарта не казнили. Вскоре он был обменян на М. Литвинова, будущего главу МИДа Советского Союза, арестованного в Англии.

В 30-е годы Локкарт напишет мемуары, в которых будет полностью отрицать свою вину.

Позже сын Роберта Локкарта Робин выпустит книгу об известном английском разведчике Сиднее Рейли и, конечно же, немало страниц посвятит в ней отцу.

Они действительно работали вместе — опытный шпион Рейли и его более молодой коллега Локкарт. На этом Локкарт-младший и построит свои рассуждения: мол, неопытный дипломат, к тому же очень любивший Россию, попадает в сети, расставленные зловещими английскими спецслужбами. Тем более, что сети эти расставлял не кто-нибудь, а сам «король шпионов».

В начале 80-х годов будут наконец изданы дневники Роберта Локкарта, но и они не внесут ясности, тем более, что в них отсутствуют записи самого важного месяца — августа 1918 года. Словно вовсе и не было его в жизни английского дипломата.

Все эти загадки времени дали пищу некоторым недобросовестным, скорым на руку историкам и публицистам для домыслов и утверждений: невинный Локкарт едва не стал жертвой преступного большевистского режима.

Выводы делались прямо-таки исторические: мол, корни будущих сталинских репрессий растут именно отсюда, из 1918 года, из горячего желания погубить истинного друга России.

Что ж, цинизм тех, кто перекраивает историю нашей страны, не может не поражать. И потому обойти этот спорный исторический факт — значит оставить в силе обвинения в адрес российских спецслужб. Тем более, что доказа-

тельства прямой причастности господина Локкарта к готовившемуся антигосударственному перевороту в России есть в

архивах.

Вообще говоря, для наших чекистов с самого начала 1918 года в «заговоре послов» не было ничего неясного. Ведь всю операцию по разоблачению преступной деятельности иностранных дипломатов — посланника Англии Локкарта, генконсула Франции Гренара и генконсула США Пуля — готовили сотрудники, составлявшие впоследствии основу Иностранного отдела.

А начиналась эта операция с первых тревожных сигналов о противоправных действиях дипломатов.

По заданию Ф. Дзержинского и Я. Петерса агент ВЧК Яков Буйкис, оперативный псевдоним «Шмидхен», входит в доверие к Локкарту. Он же знакомит английского посланника с ключевой фигурой будущей операции, командиром артиллерийского дивизиона латышских стрелков Эдуардом Берзинем.

Позже в своем отчете Э. Берзинь напишет: «Шмидхен познакомил меня с Локкартом. Сущность вопросов Локкарта сводилась к тому, чтобы узнать, каково настроение латышских частей и можно ли рассчитывать на них при перевороте. Затем он говорил, что надо работать в том направлении, чтобы латышские стрелки восстали против Советского правительства и низвергли его. Локкарт при этом сильно и неоднократно подчеркивал, что за деньгами дело не станет.

В конце нашей беседы он сказал, что наших стрелков можно было бы настроить против Советской власти, если им не выдавать продуктов, в которых мы сейчас сильно нуждаемся.

При прощании он велел зайти на следующий день вечером, тогда он меня познакомит со своим французским коллегой и агентом, который постоянно в Москве, тогда как он часто уезжает».

Эта беседа состоялась 13 августа. А через два дня Берзинь был вновь на квартире у Локкарта в Хлебном переулке.

«Он встретил меня очень любезно, — докладывал латышский стрелок, — и познакомил с французским генеральным консулом и своим агентом Рейли. Фамилии консула я не знаю. Локкарт представил мне Рейли как «Константина»; что он Рейли, это он мне сказал позже. Французский консул обратился ко мне через Локкарта со следующими словами: судя по вашему вчерашнему разговору с господином послом, вас очень интересует судьба Латвии. Если нам — союзникам — удастся

ее отобрать у немцев, мы, хотя и не имеем специальных полномочий от наших правительств, все же можем вам обещать вознаграждение за ваше содействие самоопределению в полном смысле этого слова... Они сказали, что надо было бы немедленно приступить к организации национальной партии, которая стала бы нашим руководящим центром. Потом они меня спросили, сколько в Москве латышских сил, и сказали, что надо было бы устроить так, чтобы из Москвы больше не отправляли латышских стрелков на фронт.

Как и в прошлый раз, они завели разговор о деньгах и спросили, сколько надо для подкупа командиров латышских

частей».

Далее события развивались так. Следующая встреча Берзиня с Рейли состоялась 17 августа. Вечером они посидели в кафе, потом вышли прогуляться по Цветному бульвару.

Теперь уже от командира артдивизиона требовали конкретных действий: устроить так, чтобы два латышских полка были направлены в Вологду и там перешли на сторону союзников.

В то же время остальные подкупленные стрелки должны были арестовать Ленина, Троцкого и других большевистских вождей прямо на заседании ЦИК и препроводить в тюрьму. Наряду с этим следует произвести захват Государственного банка, центральной телефонной станции и телеграфа.

А дальше — поддерживать в городе порядок до прибытия английских военных властей.

«Потом он предложил мне снять конспиративную квартиру и передал пакет, сказав, что в нем находится 700 000 рублей. Затем мы условились, что 19 августа он зайдет ко мне...

...Он рассказал мне, что хорошо знаком с патриархом Тихоном, при этом заметил, что это очень большой секрет, и кроме того, он сказал, что п. Тихон обещал на другой день после переворота устроить во всех церквах богослужение, где будет объяснять народу, что настал долгожданный мир и что некому опасаться за свою жизнь, как было до сих пор».

Планы заговорщиков не останавливались только на подготовке мятежа. Рейли повел разговор о том, как после ареста главарей большевиков следует собрать отряды офицеров, которые будут нести комендантскую службу в городе, поддерживать порядок, дисциплину.

Английский агент посоветовался с Берзинем, не лучше ли в день переворота застрелить Ленина и Троцкого. Рейли опасался, что они могут уговорить стражу, которая их будет охранять.
185

Думаю, отчет командира артдивизиона Эдуарда Берзиня красноречиво свидетельствует о бурной деятельности иностранных дипломатов и их подручного Рейли.

И если Берзинь покажется кому-то лицом слишком заинтересованным и необъективным, то есть и другие документы, доказывающие крайне большую заинтересованность Локкарта в свержении большевистского правительства. Документы эти из Государственного архива Великобритании.

Вот лишь один фрагмент из анализа положения в Советской России, предоставленного в ноябре 1918 года министру иностранных дел Д. Бальфуру:

«Немедленно широко развернуть интервенцию, усилить наши войска в Сибири и на Севере. Одновременно, обеспечив выход Турции из войны, послать экспедиционные войска по Черному морю, присоединиться к генералу Алексееву и прямо промаршировать на Москву, нанести удар по самому сердцу большевизма».

Автор этого весьма однозначного предложения не кто иной, как господин Локкарт. Не прошло и месяца после его обмена на

Литвинова и возвращения в Англию, а он уже настоятельно советует британскому кабинету «промаршировать на Москву и нанести удар...»

«Восстановив порядок в России, — продолжает Локкарт, — мы сразу же не только воспрепятствуем распространению большевизма как политической опасности, но и спасем для Европы богатые плодоносные районы Украины, которые, в случае принятия полумер или в случае бездействия, будут преданы анархии и революции... Успешная интервенция даст союзникам господствующие позиции в России... Союзническая интервенция является гарантией этого порядка. Никакая другая политика не даст ни таких результатов, ни их обеспечения».

Есть и другие данные, дающие полное основание заявить, что «заговор послов» — не провокация ЧК, а Роберт Локкарт — не наивный молодой посланник, приверженец России.

Этими данными может служить, например, развернутое исследование российских контрреволюционных организаций, с которыми послы поддерживали связь. Кстати говоря, исследование достаточно глубокое и объективное. В нем дается описание «добровольческой армии» генерала Алексеева, «правого центра», ориентированного на кадетов, «левого центра», объединяющего правых эсеров и меньшевиков.

186

Особое место Локкарт отводит Борису Савинкову и его «Союзу зашиты Родины и Свободы».

Интересно, что английский посланник знает как «плюсы», так и «минусы» каждой организации и предупреждает о них свое правительство.

Что ж, в заключение хочется добавить: несмотря на опыт Рейли и горячее желание иностранных дипломатов устроить переворот, в Москве это им не удалось.

Большой победой ЧК стала и операция «Синдикат», в результате которой удалось выманить из-за границы «великого террориста» Бориса Савинкова.

21 августа 1924 года в своих письменных показаниях следствию Савинков писал: «Я, Борис Савинков, бывший член боевой организации ПСР (партия социалистов-революционеров (эсеров. — *М.Б.)),* друг и товарищ Егора Созонова и Ивана Каляева, участник убийства Плеве, великого князя Сергея Александровича, участник многих других террористических актов».

Многие другие — это карательные отряды, банды разбойников, подонков, наймитов, которыми командовал Савинков. Его путь чадил пожарищами, был залит кровью казненных. Он метался от англичан к французам, от них к белочехам и белополякам.

Стенограмма савинковского судебного процесса занимает сто пятьдесят страниц. Почти каждый пункт обвинительного заключения заслуживает высшей меры наказания.

В первые годы «перестройки» в горячем желании обязательно перевернуть все с ног на голову литературоведы и историки любили покопаться «в душе» Савинкова, создавая

кровавому террористу ореол романтика. Тогда в этих статьях и появилось мнение, мол, не чекисты выманили Савинкова из-за границы, он сам шел на глас некоего «манка». Как утверждал один из авторов, этим «манком» стала новая экономическая политика большевистской России. Выходит, Савинков вернулся на родину, чтобы выразить почтение большевикам за НЭП?

Постараемся разобраться, что стало действительным «манком» для «великого террориста».

После Октябрьской революции Савинков живет в Париже. Центры его «Союза защиты Родины и Свободы» действуют в Варшаве, Вильно и, конечно же, во Франции.

Под непосредственным руководством Дзержинского и Менжинского разрабатывается операция «Синдикат», целью которой

187

становится проникновение в савинковские центры агентов ЧК под видом членов нелегальной антисоветской организации.

В начале 1922 года на советско-польской границе схвачен видный деятель «Союза», личный адъютант Савинкова — Шешеня. Он выдает ценные сведения об организации Савинкова, указывает явки в Москве, Смоленске.

На основании данных Шешени чекисты арестовывают еще двух эмиссаров «Союза» — Зекунова и Герасимова. Шешеня и Зекунов дают согласие работать на ЧК.

Вскоре в Варшаву вместе с Зекуновым выезжает сотрудник Иностранного отдела Федоров. Он выдает себя за активного деятеля антисоветской организации.

В Варшаве Федоров передает руководителям регионального центра отчет Шешени о проделанной работе. Центр охотно идет на сотрудничество.

Вскоре представитель варшавского центра Фомичев и Федоров выезжают в Париж. Здесь их радушно принимает Савинков. В последующем Савинков знакомит Федорова со своими друзьями и ближайшими сподвижниками: полковником Павловским и разведчиком Сиднеем Рейли.

Однако «великий террорист» был не столь прост, чтобы поверить на слово. В Россию забрасывается Павловский. Осенью 1923 года он появляется на квартире Шешени. Его недоверие, расспросы насторожили чекистов. Начальник ИНО Артузов предлагает арестовать Павловского. Что и было сделано.

Савинков ни о чем не подозревает. В это время он занят переговорами с «Интелледженс сервис» — английской разведкой.

Однако не дремлет друг Савинкова — Рейли. Он встречается с Федоровым и долго расспрашивает о московской организации, вообще о положении в России и даже намекает, что не прочь побывать в Москве.

После долгих бесед с Федоровым и Фомичевым Савинков сам решается выехать в Россию.

В августе 1924 года Савинков с фальшивым паспортом вместе с супругами Деренталь и Фомичевым переходит советско-польскую границу.

На границе их встречают Федоров, выехавший несколько раньше, сотрудники ОГПУ Пиляр, Пузицкий, Грикман.

Пиляр представлен Савинкову как командир погранзаставы, «сочувствующий организации», остальные как члены московского центра.

188

В дороге было решено разделиться: Савинкова и Деренталь сопровождал Пузицкий.

Прибыли в Минск, и Пузицкий проводил их на квартиру. Рассказывают, что в Минске настроение Савинкова резко изменилось. Он стал замкнутым, настороженным. Однако вслед за Пузицким вошел в дом, где и был арестован.

Меньше чем через две недели Савинков предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР.

Все, что он сказал в зале заседания, потрясло мировую общественность. «Великий террорист» признал большевиков.

— После тяжелой и долгой кровавой борьбы с вами, борьбы, в которой я сделал, может быть, больше, чем многие и многие другие, я вам говорю: я прихожу сюда и заявляю без принуждения, свободно, не потому, что стоят с винтовками за спиной: я признаю безоговорочно Советскую власть и никакую другую, — произнес он.

Его осудили на расстрел с конфискацией. Позже «вышку» заменили десятью годами тюрьмы.

В 1925 году Савинков напишет Дзержинскому:

«Я помню ваш разговор в августе. Вы были правы: недостаточно разочароваться в белых или зеленых, надо еще понять и оценить красных. С тех пор прошло немало времени. Я многое передумал в тюрьме, и мне стыдно сказать — многому научился.

Я обращаюсь к Вам, гражданин Дзержинский, — если Вы верите мне, освободите меня и дайте работу, все равно какую, пусть самую подчиненную...»

Существует версия, что это письмо так и не было передано Дзержинскому. А вскоре газеты сообщили о самоубийстве Савинкова.

На этот счет тоже есть разночтения. По официальной версии, Борис Савинков выбросился из тюремного окна и разбился насмерть.

Но есть свидетельства, что сын Савинкова Виктор Успенский, приезжавший на свидания, однажды услышал от отца: скажут, что я наложил на себя руки — не верь.

Кто знает, как было на самом деле?

На сей раз совсем еще юные спецслужбы Советской России переиграли своих многоопытных соперников. Как развивались события дальше? Об этом в следующей главе.

189

ЯКОВ СЕРЕБРЯНСКИИ И «ОСОБАЯ ГРУППА»

Вторым центром разведки и диверсий стала Особая группа при председателе ОГПУ, прозванная по имени ее руководителя в чекистских кругах «группой Яши».

Она была совершенно самостоятельна и независима от ИНО в своей деятельности. Ее создал в 1926 году Вячеслав Менжинский, преемник Дзержинского. Главные задачи Особой группы — глубокое агентурное внедрение на военно-стратегические объекты противника и подготовка диверсионных операций в Европе и Японии на случай войны.

На протяжении десяти лет группу возглавлял майор госбезопасности Яков Серебрянский. Это он с минимальным количеством оперативных работников (а их в группе насчитывалось не более двух десятков) создал разветвленную сеть нелегалов, готовых для проведения диверсий в тылу противника в Западной Европе, в Китае, США, Палестине...

«Группа Яши» полагалась только на агентов-нелегалов. Она не имела своих сотрудников в дипломатических миссиях и торгпредствах.

Опытный и, безусловно, талантливый разведчик-организатор Яков Серебрянский прожил полную тревог и опасностей, трагическую жизнь.

Все, что случилось с ним, — будто фантастический боевик.

Итак, десять лет майор госбезопасности Серебрянский лепил и создавал, по существу, с нуля разведывательно-диверсионную службу.

Это его люди похитили в Париже в 1930 году генерала Кутепова. Трое агентов, переодетых в форму сотрудников французской жандармерии, остановили генерала якобы для проверки документов и насильно посадили в машину.

Кутепов оказал сопротивление, и во время борьбы у него случился сердечный приступ, он умер. Такова одна из версий. Есть и другие. Где, правда, где ложь, до сих пор выяснить не удалось никому.

В 1937 году Серебрянский разработал и провел операцию по захвату архивов Льва Троцкого, которые были спрятаны в Париже. На их след навел агент Зборовский, по кличке «Тюльпан», а другой агент «Гарри» захватил их и вывез в Москву.

Вообще жизнь Якова Серебрянского, как и всякого, кто служил в ту пору в органах безопасности, — это переплетение грешного и праведного, трагического и жестокого, светлого и темного. Да, было похищение и смерть генерала Кутепова, но был и агент «глубокого оседания», которого лично готовил и вел Серебрянский. Агент жил в Сан-Франциско. В свое время он получал от нас деньги для окончания медицинского колледжа во Франции. Необходимость в нем возникла в 1942 году, когда агент как врач-стоматолог оказался близок к семье Оппенгеймера — «отца» американской атомной бомбы.

Как положить на чаши весов эти две разведывательные операции, какими нравственными мерками мерить их, что поставить во главу угла? Тогда, в 20-е — 30-е годы, все, что делала Особая группа, казалось благом для Отечества, сегодня — иной взгляд, иные оценки, иные ориентиры.

Вправе ли мы судить нынче Серебрянского и его

сотрудников? Сложный вопрос. На который, пожалуй, нет однозначного ответа. Тем более, что эта нравственная проблема будет постоянно возникать и в ходе дальнейшего повествования. Как уйти от того исторического факта, что, по существу, рука, готовившая убийство Троцкого, казнила кровавого фашистского палача Кубы, что из единого центра, одни и те же люди руководили арестом и доставкой в Москву министра иностранных дел Латвии Мунтерса в 1940 году и направляли деятельность «Красной капеллы», Кима Филби, Рихарда Зорге, Эрнста Воллвебера, Николая Кузнецова.

Можно, конечно, умолчать о трагическом и рассказать только о героическом, как делали в свое время коммунистические газеты, или, наоборот, выпятить только темное и жестокое, не обмолвившись даже словом о подвиге чекистов, как поступает сегодня так называемая демократическая пресса.

Однако, сдается мне, ущербно и то, и другое. Ибо одно без другого — ложь. Стало быть, пусть идет рука об руку высокое и низменное, честное и подлое, героическое и трусливое. Так было.. И мы не в праве отступать от истины.

Но вернемся к Якову Серебрянскому. Его изломанная, исковерканная жизнь и трагическая смерть стоят того, чтобы рассказать о них подробнее.

После стольких лет успешной работы в ноябре 1938 года Серебрянский арестован и приговорен к смертной казни. Его зверски пытали.

191

Разгромлены основные зарубежные центры советской разведки, арестованы и брошены в бериевские застенки лучшие разведчики, руководители резидентур. Практически уничтожена вся Особая группа.

Однако сам Серебрянский расстрелян не был.

В 1941 году с началом войны руководство страны почувствовало необходимость укрепления разведывательно-диверсионной службы.

5 июля в НКВД формируется специальное подразделение — Особая группа при наркоме внутренних дел. Но где брать кадры? И тогда начальник вновь созданной группы Павел Судоплатов идет к Берии.

Вот как он пишет об этом в своих воспоминаниях: «В начале войны мы испытывали острую нехватку в квалифицированных кадрах. Я и Эйтингон предложили, чтобы из тюрем были освобождены бывшие сотрудники разведки и госбезопасности. Циничность Берии и простота в решений людских судеб ясно проявились в его реакции на наше предложение. Берию совершенно не интересовало, виноваты или не виноваты те, кого мы рекомендовали для работы. Он задал один-единственный вопрос:

— Вы уверены, что они нам нужны?

— Совершенно уверен, — ответил я

— Тогда свяжитесь с Кобуловым, пусть освободит. И немедленно их используйте.

Я получил для просмотра дела запрошенных мною людей. Из

них следовало, что все были арестованы по инициативе и прямом приказу высшего руководства — Сталина и Молотова. К несчастью, Шпигельглас, Карин, Мали и другие разведчики к этому времени были уже расстреляны».

Так среди других на свободе оказался и Яков Серебрянский. Он, а также Маклярский, Гудимович, Орлов, Лебедев и другие возглавили отделения в составе Особой группы.

Всю войну отработал во благо советской разведки Яков Серебрянский, а в 1946 году ему пришлось уйти. Министром госбезопасности был назначен Абакумов. Тот самый Абакумов, который вел дело «врага народа» Серебрянского в 1938 году и зверски пытал арестованного, выбивая из него ложные показания.

Горько было уходить, но полковник Серебрянский тогда не мог представить себе, какой это счастливый случай. После смер-

ти Сталина его снова вернут на службу, назначат заместителем начальника разведывательно-диверсионной службы. Но буквально через несколько месяцев после казни Берии вновь арестуют вместе с женой, теперь уже как бериевского пособника.

Полковник Яков Серебрянский, создатель разведывательно-диверсионной службы нашей страны, скончается на допросе в 1956 году, так и не выйдя из тюрьмы. Он будет посмертно реабилитирован в 1971 году.

История обоих разведывательно-диверсионных центров в 20-е — 30-е годы насыщена большим количеством сложнейших операций, проведенных за рубежом.

Среди наиболее известных — похищение белогвардейских генералов Кутепова и Миллера, убийство руководителя ОУН, ставленника Гитлера и Канареса полковника Коновальца, расправа над Троцким, доставка испанского золота в Москву.

Жестоко и беспощадно Сталин расправлялся с предателями и перебежчиками. Эту страшную работу приходилось выполнять агентам ИНО и Особой группы.

В 1937 году разведчик-нелегал Рейсс был приговорен советским судом заочно к смертной казни. Он не вернулся на родину по весьма прозаической причине: промотал деньги, выделенные для нелегальной работы, и, боясь расправы, остался на Западе.

Рейсс написал письмо в советское полпредство во Франции, в котором выступил против Сталина. Это письмо появилось позже в одном и троцкистских изданий.

Агенты ИНО выследили Рейсса в Париже и привели смертный приговор в исполнение.

То же случилось и с перебежчиком Агабековым, некогда нашим резидентом в Турции. Он погряз в контрабанде и махинациях. Его ликвидировали в Париже.

Автора книги «Я был агентом Сталина», военного разведчика Кривицкого, бежавшего в 1937 году, через четыре года нашли мертвым в одной из гостиниц Вашингтона. Есть основания предполагать, что он стал жертвой преследования агентов НКВД.

Из всех предателей смертной казни удалось избежать, пожалуй, только двум — секретарю Сталина Борису Бажанову и кавалеру ордена Ленина, майору госбезопасности Александру Орлову.

Оба они, без сомнения, были людьми талантливыми. Так, Бажанов в 20 лет стал секретарем уездного комитета партии, а

193

в 23 — помощником и секретарем Сталина. Одновременно он утвержден и секретарем Политбюро.

Бажанов умен и независим, и не будь он на таком высоком посту, рядом со Сталиным, ему бы не сносить головы. Ягода даже написал письмо Сталину, что секретарь Политбюро — скрытый контрреволюционер. Правда, ГПУ не могло предоставить никаких доказательств, но Ягода ссылался на свою интуицию и опыт.

Кстати, Сталин показал письмо Бажанову. Судя по всему, такой оборот дела, при котором секретарь Политбюро и начальник ГПУ враждовали, ему нравился.

В ночь на 1 января 1928 года Борис Бажанов вместе с сотрудником ГПУ Аркадием Максимовым бежал из страны, перейдя советско-персидскую границу на юге Туркмении. В своей книге «Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Кремль, 20-е годы», которую Бажанов выпустил за рубежом, он рассказывает:

«Вечером 31 декабря мы с Максимовым отправляемся на охоту. Максимов, собственно, предпочел бы остаться и встретить Новый год в какой-либо веселой компании, но он боится, что его начальство (ГПУ) будет очень недовольно, что он не следует за мной по пятам.

Мы приезжаем по железной дороге на станцию Лютфабад и сразу являемся к начальнику пограничной заставы. Показываю документы, пропуск на право охоты в пограничной полосе. Начальник заставы приглашает меня принять участие в товарищеской встрече Нового года. Это приглашение из вежливости. Я отвечаю, что, во-первых, я приехал на охоту, предпочитаю выспаться и рано утром отправиться на охоту в свежем виде; во-вторых, они, конечно, хотят выпить в товарищеском кругу, я же ничего не пью и для пьющих компаний совершенно не подхожу. Мы отправляемся спать.

На другой день, 1 января, рано утром мы выходим и идем прямо на персидскую деревню. Через один километр в чистом поле и прямо на виду у пограничной заставы я вижу ветхий столб: это столб пограничный, дальше — Персия. Пограничная застава не подает никаких признаков жизни — она вся мертвецки пьяна. Мой Максимов в топографии мест совершенно не разбирается и не подозревает, что мы одной ногой в Персии. Мы присаживаемся и завтракаем.

Позавтракав, я встаю: у нас по карабину, но патроны еще все у меня. Я говорю: «Аркадий Романович, это — погранич-

194

ный столб и это — Персия. Вы — как хотите. А я — в Персию и навсегда оставляю социалистический рай — пусть советское

строительство коммунизма продолжается без меня».

Максимов потерян: «Я же не могу обратно — меня же расстреляют за то, что я вас упустил». Я предлагаю: «Хотите, я Вас возьму и довезу до Европы; но предупреждаю, что с этого момента на Вас будет такая же охота, как и на меня». Максимов считает, что у него нет другого выхода — он со мной в Персию.

Мы приходим в деревню и пытаемся найти местные власти. Наконец, это нам удается...»

Так начинается долгое, опасное путешествие сталинского секретаря в Европу.

Уже 2 января извещена застава, но погони нет, пограничники пьяны. Тем временем беглецы прибывают в центр дистрикта, оттуда путь в столицу провинции — Мешед. Но автомобильная дорога на Мешед уже перекрыта чекистами, и Бажанов с Максимовым отправляются через горы. Там нет дороги, все тропы занесены снегом. Но в этом единственное спасение: чекисты в горы не пойдут.

На пятый день пути беглецы спускаются в долину Мешеда и пересаживаются в автобус. Их уже «ведут» агенты ГПУ.

Автобус их довозит до гостиницы. Объясняют, что европейцы живут здесь, туземцы останавливаются в караван-сараях.

Вечером в ресторане Бажанову и Максимову подают кофе. Он отдает горьким запахом миндаля — запахом цианистого калия.

Губернатор Хорасана утром принимает у себя Бажанова и селит их в кабинет начальника полиции. Местная полиция располагается в средневековой крепости. Так что это самое безопасное место.

Целый день у ворот крепости дежурит племя всадников-курдов. Они наняты агентами ГПУ и поджидают беглецов. В то же время переговоры в Тегеране затягиваются, СССР готов пойти на любые уступки, лишь бы схватить перебежчиков.

В Мешед прибывает резидент ГПУ в Персии Агабеков и лично организует поимку предателей. Не ожидая развития дальнейших событий, которые вполне возможно, могли закончиться трагически, Бажанов договаривается с индусским коммерсантом, и тот через границу Персии с Индией доставляет их в руки вождя сторожевого белуджского племени.

195

Вскоре на верблюдах перебежчики пересекают Белуджскую пустыню и сдаются в руки английского резидента в Индии. Их встречают достаточно радушно.

В середине августа 1928 года Бажанов и Максимов садятся в Бомбее на пароход и через две недели вступают на землю Франции.

Однако и здесь «сталинские посланники» не оставляют в покое Бажанова. Они «организуют» автомобильную аварию, натравливают ревнивого мужа некой француженки, якобы любовницы Бажанова.

Наконец Сталин посылает в Париж известного чекиста-убийцу, сотрудника ИНО Якова Блюмкина. Его отзывают из Закавказья, где он подавлял восстание грузин, и направляют резидентом ГПУ во Францию. Блюмкин должен уничтожить

Бажанова. Однако Блюмкин вернулся в Москву ни с чем, правда, доложил: с бывшим сталинским секретарем покончено.

Действительно, чекисты выбросили на ходу с поезда человека, но им оказался не Бажанов.

Однако «утка» эта прижилась, тем более что ИНО не хотело признавать свой просчет.

«1930 год, — как пишет сам Бажанов, — заканчивает самую опасную для меня полосу...

Около 1930 года в ГПУ произошли большие перемены. В частности, место заведующего Иностранного отдела Трилиссера занял Мессинг. В связи с этим резко изменился и состав персонала, и характер работы заграничной резидентуры ГПУ».

Судьба распорядилась так, что сталинский секретарь пережил всех гонителей — и Агабекова, и Блюмкина, расстрелянного в 1929 году, и самого Сталина. Он умер в Париже в 1982 году.

Что же касается Орлова, то он был достаточно крупным и удачливым разведчиком. Казнь руководителя испанских троцкистов, доставка золота Испанской Республики в Советский Союз — это дело рук Орлова.

Его хорошо знал заместитель начальника Иностранного отдела Шпигельглас, он был близким другом начальника ИНО Слуцкого, который, кстати, сам выдвинул Орлова на должность нашего резидента в Испании.

«В октябре 1937 года, — напишет позже Орлов в своих воспоминаниях, — в Испанию прибыл Шнигельгляс (написа-

ние авторское), заместитель Слуцкого. Не кто иной, как он за три месяца организовал в Швейцарии убийство Игнатия Рейсса — резидента НКВД, отказавшегося вернуться в Москву. Шнигельгляс, у которого жена и дочь оставались в Советском Союзе фактически в роли заложников, не был уверен в своей собственной участи и, вероятно, сам подумывал, как выйти из игры. Но это, отнюдь, не делало его менее опасным.

У него не было в Испании никаких явных дел, и его приезд только укреплял мои подозрения, особенно когда я узнал, что он встречался в Мадриде с неким Болдиным, который, как выяснилось, был послан в Испанию Ежовым в качестве руководителя террористической «подвижной группы».

Я выжидал, откладывая свой разрыв с Москвой... Меня все еще не оставляла наивная надежда, что возможны какие-то перемены, что в Москве случится что-то такое, что положит конец кошмару бесконечного террора.

Наконец Москва сама решила за меня. 9 июля 1938 года я получил телеграмму Ежова — в то время второго человека в стране после Сталина. Мне предписывалось выехать в Бельгию, в Антверпен, и 14 июля подняться на борт стоящего там советского судна «Свирь» для совещания с товарищем, «известным вам лично».

Было ясно, что «Свирь» станет моей плавучей тюрьмой. Я телеграфировал ответ: прибуду в Антверпен в назначенный день.

Однако Орлов на встречу не прибыл. Из Испании вместе в

женой и дочерью он пересек границу Франции. Приехал в Париж, оттуда на канадском теплоходе «Монклэр» покинул Европу.

По прибытии в Канаду Орлов написал письмо Сталину, а копию отправил Ежову. В послании он предупреждал: в случае слежки и организации покушения он обнародует документы, хранящиеся в швейцарском банке. Орлов просил оставить в покое мать его жены.

Кроме того, Сталин и руководство НКВД знали — «беглец» хорошо знаком с нашей агентурной сетью в Англии, Франции, Германии, не говоря о самой Испании.

Орлов грозил также, если не выполнят его условия, придать огласке документы, касающиеся испанского золота.

Сталин, разумеется, не желал огласки «золотого дела». Ведь наша военная поддержка республиканцев в гражданской войне подавалась миру как сугубо бескорыстная.

197

Поступил приказ о прекращении розыска Орлова. Об этом эпизоде пишет в своих мемуарах «Разведка и Кремль» Павел Судоплатов. Сам же Орлов утверждает, что «охота за мной началась тотчас же и продолжалась четырнадцать лет». Хотя и не приводит никаких фактов этой «охоты».

Так решалась в 20-е — 30-е годы проблема предателей и перебежчиков. Сегодня как-то не поднимается рука бросить камень в тех, кто бежал за границу от кошмара сталинских репрессий.

Ведь в кровавой мясорубке репрессивных компаний погибли такие известные чекисты, как М. Лацис, Я. Петерс, Г. Бокий, С. Мессинг, А. Артузов, В. Домбровский, Л. Миронов, Я. Агранов, А. Пилляр, Г. Прокофьев, Г. Благонравов.

По некоторым данным, был отравлен начальник ИНО А. Слуцкий.

Все эти сотрудники в большинстве своем не желали участвовать в уничтожении ни в чем не повинных людей.

Так, старейший чекист А. Артузов в 1937 году, выступая на партактиве НКВД, заявил: «При установившемся после смерти Менжинского фельдфебельском стиле руководства отдельные чекисты и даже целые звенья нашей организации вступили на опаснейший путь превращения в простых техников аппарата внутреннего ведомства со всеми недостатками, ставящими нас на одну доску с презренными охранками капиталистов».

Вскоре после этого выступления Артузова арестовали и расстреляли. Отказались применять «новые методы» следствия нарком внутренних дел Белоруссии И. Леплевский, почетный чекист Ф. Фомин, организатор и создатель детских коммун чекист М. Погребинский.

В 1937 году был отозван из Испании и расстрелян основатель советской военной разведки Я. Берзин.

Однако актуальность этой проблемы в том, что бежали и после Сталина, когда репрессии остались далеко позади. Правда, ссылались уже на Хрущева или тоталитаризм Брежнева. Ну что ж, теперь нет ни того, ни другого. Интересно, что будут говорить

на своих пресс-конференциях будущие предатели? От чего бежали они?

Оставим в покое «сталинских беглецов». Действительно, страшное было время. Но последующим предателям, будем объективны, мало что грозило. Во всяком случае, несмотря на
198
их «байки» о преследовании КГБ, никто из них не умер насильственной смертью.

Правда, некоторые средства массовой информации до сих пор упорно перекрашивают махровых предателей в «розовых» «Дон-Кихотов», яростно и бескорыстно противостоящих тоталитаризму.

Трагедия лишь в том, что светлый образ «рыцарей от КГБ», сдавшихся на милость врагу, оказывается изрядно подмоченным их жадностью к деньгам и иным материальным ценностям. Если не ошибаюсь, кто-то из руководителей ЦРУ признался, что не помнит ни одного советского разведчика, оставшегося за рубежом из чисто патриотических побуждений. Увы, но всегда в основе предательства лежит жажда наживы. Во всяком случае, в основе предательства нашего. Так-то.

Есть и еще одна весьма солидная ложка дегтя в бочонке меда борцов за демократию на шпионской ниве. Разведчик-предатель, как известно, не уходит один. Ведь ему надо чем-то расплачиваться с новыми хозяевами. Но чем? В первую очередь, судьбами своих бывших товарищей, сослуживцев. Потому за перебежчиками всегда тянется шлейф провалов и арестов.

После ухода Олега Лялина из лондонской резидентуры в сентябре 1971 года правительство Хита распорядилось о высылке 90 дипломатов Советского Союза. 15 человек, находившиеся в отпуске на родине, получили уведомление о запрещении обратного въезда в Англию. В общей сложности количество высланных достигло 105 человек. Многие из них были сотрудниками КГБ и ГРУ.

Но дело не только в том, что на достаточно длительный период оказалась парализованной работа советской резидентуры в Лондоне. Главное, разгорелся крупный политический скандал, пострадали люди, наши разведчики.

По свидетельству заместителя начальника Разведывательно-диверсионного отдела генерала Александра Лазаренко, в подчинении которого работал Лялин, предатель сдал четырех агентов. Их бросили в тюрьму на десять лет.

Как поступать с предателями? Все их бывшие коллеги, с кем мне приходилось встречаться, считают, что ни один из случаев предательства не должен оставаться безнаказанным. Предателей надо судить очно или заочно и приговор приво-
199
дить в исполнение, где бы ни находился перебежчик. Однако при этом большинство подчеркивали: все должно быть по закону, в соответствии с решением суда. Думаю, с этим нельзя не согласиться.

Не следует забывать, что кроме предателей и перебежчиков существуют уголовные преступники, террористы, убийцы,

которые скрываются от справедливого возмездия за рубежом. Примером тому безнаказанность убийцы талантливого русского певца Игоря Талькова. Тот, кто зверски расстрелял певца, находится в Израиле, однако «достать» его оттуда некому. Какая же мы после этого великая страна?
А ведь вся история ИНО и Особой группы показывает, как высока была эффективность работы наших спецслужб. Для них не существовало невозможного. В любом уголке мира они исполняли приказы руководства Советского Союза. Только вот многие из приказов были преступными. Но в этом не вина разведчиков и диверсантов, а их беда. Беда того времени, страны, поколения. И об этом мы тоже обязаны помнить. Поэтому я и включил в повествование следующую главу. Пусть она
не даст «забыться» нашей памяти.

КАРАЮЩАЯ ДЕСНИЦА

21 августа 1940 года президент Мексики Ласаро Карденас запишет в своем дневнике: «Сегодня умер гр-н Троцкий в результате нападения на него, совершенного вчера Жаком Морнаром, по национальности бельгийцем, посещавшим его дом в качестве друга. Нападение было совершено при помощи ледоруба во время беседы наедине в кабинете Троцкого, в Кайоакане.

Морнар — фанатик на службе врагов Троцкого, он приехал из-за границы шесть месяцев назад. Ему 28 лет. Гр-н Ривера ходатайствовал о разрешении на проживание Троцкого в Мексике, поскольку другие страны отказали Троцкому в убежище.

Дела и идеи народов не исчезают со смертью своих лидеров, наоборот — утверждаются еще больше кровью жертв святого дела. Кровь Троцкого станет удобрением в сердцах людей его родины».

Президент Карденас ошибся. Дело Троцкого не было святым. Как впрочем, и дело его главного врага и убийцы.

Троцкого убил Сталин. Сегодня вряд ли кого можно убедить, что Троцкий и его сторонники могли стать реальной угрозой для Советского Союза даже накануне войны.

К 1940 году из вождей революции в живых остались только двое — сам Сталин и ненавистный ему Лев Троцкий. «Коба» уничтожил всех. Только в далекой Мексике жил еще его злейший враг, пописывающий гнусные статейки. И даже замахнувшийся написать о нем книгу. «Коба» представлял, что это будет за книга.

Сталин пытался уничтожить Троцкого не раз. Он знал почти каждый его шаг. Но хитрый Лейба ускользал. В 1937 году устранение Троцкого поручалось одному из опытнейших работников разведывательно-диверсионной службы Шпигельгласу. Но Троцкий уцелел.

В марте 1939-го, когда уже была разгромлена Особая группа

Серебрянского и пересажали в тюрьму почти весь Иностранный отдел, Сталин вызвал в Кремль Берию и Судоплатова. Пожалуй, Судоплатов оставался одним из опытнейших боевиков диверсионной службы, которому удалось избежать ареста.

Почти год назад он подарил в Роттердаме главе ОУН полковнику Коновальцу коробку его любимых шоколадных конфет. Эта коробочка была изготовлена руками умельцев-чекистов из отдела оперативно-технических средств, куда они вмонтировали взрывное устройство.

Коновалец погиб. Судоплатову удалось скрыться, через Францию и Испанию он возвратился на родину.

В Москве его ждала торжественная встреча. Судоплатова принял сам Лаврентий Берия, недавно назначенный первым заместителем Ежова, начальником Главного управления госбезопасности НКВД. Он беседовал с прибывшим агентом почти четыре часа. Его интересовали все детали операции, которая получила кодовое название «Ставка». Словом, руководство было в восторге от проведенной операции: Судоплатову дали отпуск, обещали повышение по службе.

Однако, к счастью, назначение не состоялось. Пассов и Шпигельглас были арестованы, сам Судоплатов обвинен в том, что он поддерживал дружеские отношения с разоблаченными врагами народа.

Партбюро исключило его из партии. Он приходил на работу и ждал ареста. Так продолжалось до марта 1939 года. И вдруг в один из мартовских дней его вызвал к себе Берия. Их ждал в Кремле Сталин.

Приказ на проведение акции отдавал сам Сталин. Вспоминая о том дне, Судоплатов писал: «Затем Сталин посуровел и чеканя слова проговорил: "Троцкий должен быть устранен в течение года..."

В этой же беседе Сталин заверил Судоплатова: «Вам будет оказана любая поддержка и помощь». Из сталинского кабинета Павел Анатольевич вышел уже заместителем начальника разведки. Партийное собрание, которое должно было утвердить решение партбюро о его исключении из ВКП(б), не состоялось.

Началась подготовка к операции по ликвидации Троцкого.

К этому времени вернулся из Франции Эйтингон, и Судоплатов привлек его к разработке операции. Эйтингону отводилась главная роль. Решили, что подобраться к Троцкому можно только через нашу агентуру, которая осела в Мексике после окончания гражданской войны в Испании.

Первым стремлением было использовать старого «агента глубокого внедрения» Марию да Лас Эрас. Ее внедрили в секретариат Троцкого, когда тот находился в Норвегии. Однако здесь существовала реальная опасность провала. Ведь «Патрию» (кодовая кличка Марии) хотел использовать еще Шпигельглас в 1937 году. И потому ее хорошо знал предатель и перебежчик Орлов. Кто знает, как он себя поведет, несмотря на обещание молчать?

Проанализировав ситуацию, решили не только не

использовать «Патрию», но срочно отозвать ее из Мексики.

Следующий шаг — желание привлечь к делу агентов-троцкистов, таких как, например, братья Руаны. Однако и от этой идеи отказались.

За основу взяли агентов, которые никогда не использовались ни в каких операциях против Троцкого. Их было две группы. Одна под руководством лидера компартии Мексики, ветерана войны в Испании Давида Сикейроса, другую возглавляла Каридад Меркадер.

В последние годы, благодаря публикациям в российской прессе, фамилия Меркадер стала известна в нашей стране. Но больше знают Рамона Меркадера — убийцу Троцкого.

202

Меньше известна вся семья Меркадер. Хотя о ней следует сказать несколько слов. Не будь этой семьи, возможно, не было бы и Рамона.

Это тот случай, когда мать Каридад Меркадер привлекла к диверсионной работе среднего сына. Старший из сыновей Каридад погиб в Испании на гражданской войне. Он бросился под танк с гранатами.

В 1938 году мать и сын переехали из Барселоны в Париж.

Рамон здесь играл роль этакого молодого повесы, удачливого бизнесмена, который щедро помогал друзьям, но был человеком далеким от политики.

В ту пору он носил имя Жака Морнара, позже, якобы желая избежать призыва на военную службу в Бельгии, сменил паспорт и стал Фрэнком Джексоном. Во всяком случае, так он объяснил свое «переименование» невесте — Сильвии Агелофф. И та, влюбленная в него по уши, поверила.

Однако суть не в этом. Сильвия была близка к Троцкому, являясь активным членом его североамериканской секции, готовила учредительную конференцию ГУ Интернационала в Париже. Как раз в эти дни ее и представили молодому красавцу Жаку Морнару. Он, оказывается, обучался в Сорбонне журналистике, к удивлению своей невесты, совсем не интересовался политикой.

Однажды она попыталась пригласить его в дом своих друзей Альфредо и Маргерит Розмеров, где и должна была проходить конференция, но Фрэнк любезно отказался.

В то же время он придумывал для нее разные увеселительные мероприятия: прогулки, дружеские пирушки. Деньги текли рекой.

Он объяснялся в любви, говорил о предстоящей женитьбе. Сильвия вновь пыталась вовлечь его в политику, но он и думать об этом не хотел. Фрэнка занимала лишь коммерция.

В январе 1940 года Агелофф возвратилась в Мехико после поездки в Нью-Йорк и вскоре стала работать у Троцкого. Фрэнк теперь каждый день отвозил ее на своем автомобиле к дому Троцкого, но войти внутрь никогда не пытался.

Тем временем он познакомился с охранниками дома. Им понравился симпатичный, общительный жених Сильвии. С ним было приятно поболтать. Фрэнк оказался щедрым малым —

угощал сигаретами, шоколадом.

Вскоре он познакомился и с Розмерами. Вышло это как бы само собой. Сильвия покинула дом Троцкого вместе с Аль-
203
фредо и Маргерит. А Фрэнк предложил их подвезти. В дороге разговорились, теперь на дружеские пирушки вместе с Сильвией приглашались и Розмеры.

В конце марта и Троцкий, уже наслышанный о женихе Сильвии, впервые пригласил его в дом.

Так был преодолен первый трудный барьер на дистанции, финишем которой должно было стать убийство Троцкого.

А начиналось все летом 1939 года, когда Судоплатов и Эйтингон по фальшивым документам отбыли в Париж. Здесь они встретились с группой Сикейроса и Рамоном и Каридад Меркадерами. Обе группы действовали автономно и не были знакомы друг с другом.

Опыт диверсионной работы у них уже был, а основам агентурной деятельности взялся обучить их Эйтингон.

Через месяц Судоплатов возвратился в Москву. Здесь он получил известие, что Каридад и Рамон отбыли в Нью-Йорк. По плану операции Эйтингон должен был последовать за ними, но неожиданно возникли затруднения.

Фашисты оккупировали Францию, и фальшивые польские документы стали весьма опасными — Эйтингона могли в любой момент интернировать или призвать в армию.

Наш резидент в Париже упрятал Эйтингона в психушку, где главврачом работал агент НКВД. Тем временем ему раздобыли новые фальшивые документы. Теперь он был евреем, приехавшим из Сирии и имевшим вид на жительство во Франции. Главврач поставил Эйтингону диагноз «психическое расстройство», освобождавший от службы в армии.

Вскоре Эйтингон также оказался в Америке, где основал коммерческую фирму. Она служила «крышей» для Меркадера.

Тем временем Фрэнк ухаживал за Сильвией, по-прежнему держась независимо и гордо.

В свою очередь, группа Сикейроса, имевшая подробный план виллы Троцкого в предместье Мехико, готовилась к штурму.

В конце 1939 года Берия, лично контролировавший ход подготовки операции, ввел в игру опытного разведчика-нелегала Григулевича. Тот прибыл в Мексику, чтобы создать третью, резервную сеть боевиков.

Григулевичу удалось сойтись с телохранителем Троцкого — Робертом Шелдоном Хартом.

Именно Харт открыл ворота Григулевичу ранним утром 23 мая 1940 года.
204

Вот как сцену нападения описывает Юрий Папоров, работавший в 50-е годы атташе по культуре советского посольства в Мехико и собравший интересные материалы о покушении на Троцкого.

«Была ночь... дождь низвергался водопадом. Ближе к четырем часам утра совершенно высветило.

Она шла, покачивая бедрами. Жаркие объятия и поцелуи слышали и видели те, чьи руки тут же оторвали его от тела женщины, зажали рот, перехватили веревкой локти, завели их за спину.

Остальные полицейские, находившиеся в будке на углу улиц Вена и Морелос, откуда осуществлялась наружная охрана обнесенного высокой стеной дома напротив, увидев людей, которыми командовал лейтенант-пехотинец и услышав приказ: «Руки вверх, сучьи дети!», не успели оказать сопротивление, быстро были обезоружены, связаны и оставлены под охраной двух вооруженных в штатском.

Военные и полицейские — группа около двадцати человек под командой пехотного майора, он нажал кнопку звонка. Почти тут же за воротами послышался голос: «Кто там?» один из пришедших ответил, и дверь в воротах отворилась. Расположение дома им было известно до мельчайших подробностей, хотя никто из них прежде в нем не бывал, каждый знал, что ему следовало делать.

Спальня... Там, на широкой кровати, укрывшись с головой легкими одеялами, лежали два разбуженных выстрелами человека. Появившиеся у открытого окна снаружи и в дверях, ведущих в спальню и детскую, чужие люди принялись стрелять по укрывшимся под одеялами из автоматического оружия. Было выпущено множество пуль. Этот поток свинцового дождя не вызвал у пришельцев ни малейшего сомнения — те, кто до их прихода спал сном праведников, теперь уже спят вечным сном.

Можно и надо было уходить, и майор — плотный, умевший носить форму и командовать твердым голосом, в котором ликование било через край, — отдал короткий приказ.

Стрельба прекратилась. Нападавшие заспешили оставить двор. Ворота распахнулись, и две автомашины — старый «форд» и новый «додж», стоявшие внутри двора и теперь битком набитые нападавшими, вместе с охранником, впустившим их в дом, помчались прочь, обдавая тротуары брызгами и жидкой грязью.

205

За рулем «доджа» сидел Роберт Шелдон Харт — охранник дома, в котором летом 1940 года проживал Л.Д.Троцкий, один из вождей Октябрьской революции, Председатель РВС РСФСР, организатор Красной Армии, ближайший соратник Ленина».

Однако Троцкому и его жене Наталье Седовой удалось спрятаться за кровать в дальний угол спальни. И на сей раз враг Сталина остался жив.

По факту нападения на квартиру Троцкого Сикейрос был арестован. Григулевичу удалось уйти, Харт найден убитым.

В Москву агенты Эйтингона передали сообщение о провале операции. Как известно, по ряду причин оно поступило с опозданием, и Сталин узнал о неудаче из сообщения ТАСС.

Вряд ли мы узнаем когда-либо, как на самом деле отреагировал на это «вождь народов».

Руководитель операции Судоплатов через много лет напишет, что Сталин «вовсе не был в ярости». Наоборот, он выглядел

спокойно.

Теперь надежда возлагалась на Рамона, он же Жак, он же Фрэнк. Эйтингон и Меркадер, начав непосредственную подготовку к покушению, искали, в первую очередь, убедительный мотив убийства. Придумали некий конгломерат из личных и общественных причин.

С одной стороны, Меркадер убивает Троцкого за то, что тот якобы отговаривал Сильвию Агелофф выйти за него замуж. С другой стороны, если убийцу схватят, он должен также признаться, что троцкисты втягивали его в некую террористическую группу.

Надо сказать, что легенда была слабая, плохо продуманная. В первые минуты испуга Меркадер будет кричать, что Троцкого ему приказал убить некто Перес. Он познакомился с ним в Париже.

Потом в карете «скорой помощи» он передаст письмо, в котором будет писать, что разочаровался в Троцком. Но, как подсчитает тайная полиция, он в обшей сложности общался с Троцким всего четыре часа. О каком разочаровании может идти речь, они были едва знакомы.

Меркадер утверждал, что Троцкий предложил ему поехать в Россию, чтобы организовать там несколько терактов и убить руководителей партии во главе со Сталиным.

Это утверждение тоже было весьма наивным — опытный Троцкий доверяет такое задание малознакомому человеку? Да

и когда он успел? В последнюю встречу они общались около четверти часа.

Судя по всему, ни Эйтингон, ни Каридад не рассчитывали на такой исход дела. Они верили, что бежать Меркадеру поможет машина «бьюик», которая ждала его рядом с домом.

Но случилось иначе. Однако обо всем по порядку.

Разработав кое-какую легенду, Эйтингон и его группа взялись за непосредственную подготовку операции.

Первоначальный план был таков: Эйтингон, Каридад во главе группы боевиков врываются на виллу, Завязывают перестрелку с охранниками, и в это время Рамон убивает Троцкого. Этот план отверг Меркадер. Он взялся все выполнить сам.

Но Троцкий был убит не сразу. После удара ледорубом он закричал, Меркадер растерялся, не успел вытащить нож. Его сбили с ног.

Когда в доме поднялся переполох, Эйтингон и Каридад скрылись с места происшествия. Они ждали Рамона на улице, в машине.

Им пришлось срочно уехать на Кубу, а Григулевич бежал в США.

Все, что случилось дальше с убийцей Троцкого, даже сегодня, после многих публикаций, не до конца раскрыто и известно.

Меркадер отсидел в тюрьме двадцать лет. Первые шесть лет мексиканские власти так и не узнали истинного имени Рамона. Когда его схватили, по документам он был Фрэнком Джексоном, канадским бизнесменом. Сам Меркадер твердо придерживался

оговоренной прежде версии: он убил Троцкого по личной злобе.

Меркадер проводил длительную голодовку, его кормили искусственно. Следствие затягивалось. Как узнали истинное имя Джексона? На этот счет существуют две версии. Первую высказал руководитель операции Павел Судоплатов.

Он считает, что во многом в разглашении тайны имени убийцы Троцкого виновата сама Каридад Меркадер. С началом войны она эвакуировалась в Ташкент и там однажды рассказала своему знакомому, одному из руководителей Испанской компартии, о Рамоне. Он после войны сбежал на Запад и там выдал тайну.

В Мексику привезли дело Меркадера из архивов испанской полиции. Его личность была установлена. Он признался,

207

что происходит из богатой испанской семьи, однако по-прежнему настаивал на личном характере убийства. Никогда ни словом Рамон не обмолвился, что он советский агент.

Совсем иное рассказал тому же Юрию Папорову мексиканский художник Диего Ривера:

«Доктор Кирос Куарон проводил исследование перед судом, не является ли убийца умалишенным. Меркадер, то есть Морнар, так заинтересовал доктора, что уже много лет спустя по собственной инициативе он отправился в Испанию. Там доктор обнаружил в архиве полицейского управления Мадрида фотографии Рамона Меркадера дель Рио в профиль и анфас. Рамон был арестован и посажен в тюрьму как коммунист и просидел до победы народного фронта. Полиция предоставила доктору и отпечаток указательного пальца правой руки. Фото и дактилоскопический отпечаток лишили кого-либо сомнений».

В этой истории есть и еще одна любопытная деталь. В главной тюрьме страны — Лекумбери Рамон Меркадер пользовался особыми поблажками. Он сидел в камере-«люксе» с двуспальной кроватью, своей библиотекой, радиоприемником, особой кухней. Два раза в неделю его посещала женщина, позже ставшая женой узника. В диковинку был в те годы и телевизор, установленный в камере.

Кто оплачивал всю эту «тюремную роскошь»? Может быть, «благодарное» НКВД не забывало своего агента? А может, помогала богатая семья? Кто знает? И тем не менее Меркадер отбыл свой срок в тюрьме, что называется, от «звонка до звонка».

Он вышел из тюрьмы в 1960 году. Эти два десятилетия — целая эпоха в жизни страны. Умер Сталин, был расстрелян Берия, у власти стоял Хрущев. Менялся политический климат. Менялось отношение и к нему — убийце Троцкого.

После приезда Меркадера в Москву Золотую Звезду Героя ему вручил лично шеф КГБ Шелепин. Но вскоре вновь назначенный председатель Комитета Госбезопасности Семичастный отказал своему бывшему агенту во встрече.

По советским меркам Рамон жил неплохо: он получал генеральскую пенсию, имел госдачу, спокойную работу в Институте марксизма-ленинизма.

Те, кто знал его, говорят о том, что Меркадер не раскаивался

в содеянном. Да, он понимал: наступило другое время.
208
С высот «хрущевской оттепели» многое виделось в ином свете. Но он убивал не в 60-х, а в 1940 году. Что поделаешь, мы все живем в реальном мире, и никому не дано заглянуть в будущее.

Если говорить о сегодняшней аргументации тех, кто подготовил и совершил убийство Троцкого, то, пожалуй, точнее, чем генерал Павел Судоплатов не скажешь. Ибо ему судьба предоставила уникальную возможность пережить несколько эпох — сталинский тоталитаризм, хрущевскую оттепель, брежневский застой, перестройку Горбачева и даже нынешнее смутное время, не получившее еще яркого образного названия.

«Мне совершенно ясно, — напишет в своих воспоминаниях Судоплатов, — что сегодняшние моральные принципы не совместимы с жестокостью, характерной и для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом, и для гражданской войны. Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к преступным методам для достижения своих целей, но разница заключается в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому.

Эта конфронтация была войной на уничтожение».

Да, Сталин уничтожил Троцкого. Как, впрочем, и всех остальных вождей Октябрьской революции. Троцкий стал последним в этой плеяде. Разумеется, не считая самого Сталина.

Рамон Меркадер, который волей судьбы был «сталинской карающей десницей», умер на Кубе в 1978 году. Тело его тайно перевезли в Москву и похоронили на Кунцевском кладбище.

На надгробной плите надпись: Рамон Иванович Лопес, Герой Советского Союза.
209

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПРЕДСКАЗАНИЕ ГРАФА НЕЛИДОВА

Одна из самых горьких и трагических страниц нашей истории — канун Великой Отечественной войны. Сегодня мы уже не столь наивны, чтобы в единый голос требовать точного ответа на вопрос: где была разведка?

Многие документы рассекречены, раскрыты тайные рычаги переговоров, сговоров, пактов, однако и теперь нет достаточной ясности — как все это совершилось? Почему агрессия Гитлера стала для нас «вероломной и неожиданной» и за победу пришлось заплатить неизмеримо дорогую цену?

Предвоенные просчеты оплачены миллионами жизней. Какова же тут роль разведки, и сколь велика ее доля в общенациональной трагедии?

Трудно выделить роль собственно разведки из общего контекста политической обстановки того времени. Ибо предвоенное состояние Европы характеризуется крайней нестабильностью, столкновением геополитических интересов

различных стран, фашистской агрессией.

Однако, несмотря на это, из создавшегося трудного положения можно было выйти со значительно меньшими потерями. Тогда почему не вышли? Увы, до сих пор нам не хватает смелости признать: предвоенная политика Сталина — цепь ошибок и просчетов, приведших к тяжелейшим последствиям и поставивших страну на грань катастрофы.

Сегодня доподлинно известно: визит Молотова в Берлин и тайное предложение Гитлера по разделу мира между Германией, Японией и Советским Союзом создали у Сталина устойчивый стереотип, он решил — с Гитлером можно договориться. Почему бы и нет, Германия и СССР — две мощные мировые державы.

Сталинская убежденность зиждилась еще и на том, что фашистская Германия не начнет войну с Советским Союзом до победы над Англией.

210

И вот тут надо сказать о крупнейшем просчете нашей разведки. Гитлер сделал ставку на блицкриг, а это означало, что немцы планировали свое нападение на Советский Союз еще до завершения войны с Англией.

Самое досадное в этой ситуации, что данными по блицкригу НКВД обладало, но, как нередко бывает, подвели аналитики.

В 1939 году, когда Красная Армия заняла Западную Украину, во львовской тюрьме обнаружили крупного шпиона, двойного агента абвера и английской разведки, бывшего белогвардейского офицера графа Нелидова.

Без сомнения, это была большая удача. С Нелидовым работали лучшие сотрудники советской разведки: начальник немецкого направления Журавлев, опытный Зарубин, который являлся создателем нашей агентурной сети в Германии.

Нелидов многое знал. В свое время он участвовал в стратегических «играх» германского Генерального штаба. Кроме того, находясь в тюремной камере, он не был подвержен сталинской идеологии, не знал многих нюансов предвоенной обстановки в стране.

Словом, он был свободен от довлеющих стереотипов тех лет, в плену которых находились наши разведчики..

Он-то впервые и высказал мысль о возможности молниеносной войны. Во всяком случае все, что рассказывал граф Нелидов о тех задачах, которые ставил абвер перед своими диверсионными службами, говорило об одном: гитлеровцы решились на блицкриг.

Увы, ни Судоплатов, ни Журавлев, ни Зарубин не обратили на это внимания.

Оказались забытыми и материалы, добытые агентами заместителя начальника Иностранного отдела Шпигельгласа, к тому времени уже казненного.

Документы как раз и касались военно-стратегических «игр» немцев.

О показаниях Нелидова и агентурных материалах Шпигельгласа вспомнили лишь в 1941 году, в первые, особенно тяжелые месяцы войны.

Доложили Сталину. Для допроса графа Нелидова и ознакомления с документацией в НКВД срочно прибыли начальник Оперативного управления Красной Армии, будущий Мар-

211

шал Советского Союза Василевский и глава разведуправления Голиков.

Всем стало ясна ставка немцев на блицкриг.

Прозрение пришло поздно. Фашисты уже захватили огромные территории страны и стремительно двигались к Москве. Это был, несомненно, тяжкий просчет разведки. Однако справедливости ради следует сказать — это был просчет в ряду других многочисленных просчетов.

Гитлер обхитрил Сталина своими посулами о разделе мира. Однако и здесь не все так однозначно. Ведь в руководстве фашистской Германии до принятия окончательного решения не было единства во взглядах на войну с СССР.

Достаточно привести в пример письмо посла Германии в Советском Союзе Шуленбурга своему шефу в Берлине Риббентропу, перехваченное нашей разведкой. Посол предлагал свои услуги в посреднической деятельности по урегулированию советско-германских отношений. И в то же время, в этом же послании Шуленбург докладывал: инструкции по сокращению посольского персонала выполнены и немецкие дипломаты срочно покидают Москву.

Даже по одному дипломатическому документу можно судить о той сложной, запутанной, противоречивой политической обстановке.

Противоречивы были и донесения агентов, как военной, так и политической разведок. Они сообщали, что удар фашистов намечен на весну. Но прошла весна, а Германия не начинала. На столе у Сталина лежали сообщения о начале войны и первого июня, и пятнадцатого июня.

Это не могло не раздражать Сталина, тем более, что его стратегические взгляды никак не совпадали с донесениями агентуры.

Раздражение вождя чувствовали и руководители разведки. Они помнили трагические судьбы своих предшественников и не желали их повторять.

Боязнь германского вооруженного нападения, стремление уйти от конфликта, состояние политического цейтнота заставляли Сталина ошибаться.

Ныне об этом факте предвоенной историй помнят разве что специалисты. А ведь он сыграл немалую роль в осложнении наших отношений с Гитлером. Речь идет о свержении югославского руководства, подписавшего договор о сотрудничестве с Германией.

212

К заговору приложили руку и НКВД, и наша военная разведка. В результате в Белграде появилось просоветское правительство, с которым мы немедля подписали договор о взаимопомощи. Таким образом, Сталин желал укрепиться на

Балканах.

Гитлер, разумеется, узнал о происках Кремля. Реакция его была очень быстрой. Не успели высохнуть чернила на советско-югославском договоре, он двинул свои дивизии, и через две недели югославские войска капитулировали.

Вдобавок к этому Болгария, через которую прошли немецкие армии, поддержала Гитлера.

Немецкое руководство дало ясный ответ, что ему плевать на секретные протоколы Молотова-Риббентропа, в которых черным по белому было записано об обязательствах сторон проводить предварительные консультации накануне каких-либо военных действий.

Сталин не ожидал такого легкого и быстрого разгрома Югославии, но даже эти события не отрезвили «вождя народов». Он верил в свою удачу.

Последнее предупреждение Гитлер сделал Сталину в мае 1941 года. Немецкий самолет «юнкерс», нарушив наши воздушные границы, незамеченным пролетел над советской территорией и приземлился в Москве на одном из аэродромов. Так что Руст был далеко не оригинален. В ответ на полет «юнкерса» — волна арестов, расстрелов, но не более того. Гитлер еще раз убедился, сколь слаба Красная Армия.

А мы еще жили ворошиловской теорией о том, что «будем бить врага малой кровью и на чужой территории».

«16 июня... Берия вызвал меня к себе, — пишет в своих воспоминаниях Судоплатов, к тому времени заместитель начальника нашей разведки, — отдал приказ об организации особой группы из числа сотрудников разведки в его непосредственном подчинении...

В данный момент нашим первым заданием было создание ударной группы из числа опытных диверсантов, способных противостоять любой попытке использовать провокационные инциденты на границе как предлог для начала войны. Берия подчеркнул, что наша задача — не дать немецким провокаторам возможности провести акции, подобные той, что была организована против Польши в 1939 году, когда они захватили радиостанцию в Гляйвице на территории Германии. Не-

мецкие провокаторы вышли в эфир с антигерманскими заявлениями, а затем расстреляли своих же уголовников, переодетых в польскую форму...»

Что и говорить, яркое свидетельство. До войны оставалась всего неделя, а Берия заботится о создании особой группы для противостояния провокациям. На сей раз немцы не искали провокаций. Они просто нанесли мощный удар, к которому мы не были готовы.

Где была в этот момент разведка? Там же, где и вся страна. Оправившись от шока, «вставала на смертный бой».

Великая Отечественная война стала великой и для разведывательно-диверсионной службы нашей страны.

ГИТЛЕР НУЖЕН ЖИВЫМ

В войну наша разведка и в частности диверсионная служба, вступила крайне ослабленной после сталинских репрессий. К счастью, некоторым ценным агентам, их налаженным связям удалось уцелеть. Это относилось, в первую очередь, к Германии.

В штабе ВВС вермахта «осела» группа Шульце-Бойзена, в министерстве экономики действовал агент Харнак, в гестапо (единственный, кого удалось завербовать НКВД в этой службе) — агент Леман.

В 1940 году в активе разведки оказались известная в ту пору актриса Ольга Чехова и князь Януш Радзивилл.

Некоторые агентурные позиции сохранились также в Польше, в Италии, в Скандинавии.

За два года до начала войны была восстановлена связь с агентом «Друг». Некогда этот человек был крупной фигурой в Германии. Он являлся правой рукой Рема — шефа фашистских штурмовиков.

После расстрела Рема его бросили в тюрьму, но со временем освободили и даже предложили должность генерального консула. Правда, подальше от Германии, — в Шанхае. С «Другом» работали сотрудники внешней разведки на Дальнем Востоке.

Не лучшим образом обстояло дело с разведывательно-диверсионными кадрами внутри страны. Уже первые недели, месяцы войны показали: воевать придется на своей террито-

рии, немалой кровью. Значит, возникает острая необходимость в специалистах партизанской войны.

Увы, к тому времени сеть диверсионных школ была разрушена, лучшие партизанские кадры «гнили» в бериевских подвалах. И среди них будущие Герои Советского Союза — Медведев, Ваупшасов, Карасев.

Однако фронтовая обстановка, стремительное продвижение немцев в глубь страны заставляли предпринимать срочные меры.

Уже через две недели после начала войны в НКВД создано специальное подразделение — Особая группа при Наркоме .внутренних дел. На группу возлагались задачи по организации партизанских действий, созданию эффективной агентурной сети на оккупированных врагом территориях и, разумеется, проведение диверсионных актов в тылу фашистов.

Сразу же после создания Особой группы было развернуто боевое соединение. Поначалу оно носило наименование войск Особой группы, потом переименовано в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН НКВД СССР).

Бригада формировалась из спортсменов, а также добровольцев-иностранцев, интернационалистов. Достаточно сказать, что ОМСБОН была последним резервом руководства страны на случай прорыва немцев в Москву. В 1941 году бойцы этого соединения занимали оборону в центре столицы, на подступах к Кремлю. Но об этом в отдельной главе нашего повествования.

Тем временем война катилась на восток, и вскоре стало ясно: малая по своему составу Особая группа не в силах справиться с возрастающим объемом задач.

В октябре 1941 года группа разворачивается в отдел, который по-прежнему замыкается на Берию.

А в 1942 году отдел реорганизован в 4-е управление.

Надо сказать, что война заставила Сталина несколько иначе взглянуть на разведку и диверсионную службу. Реорганизации и усилению подверглись практически все разведорганы страны — разведуправление Генштаба Красной Армии (теперь здесь было два управления), разведка НКВД (1-е и 4-е управления), а в 1943 году свой диверсионный отдел создал и СМЕРШ (военная контрразведка). Подобный орган действовал и при Центральном штабе партизанского движения.

215

Что же сделано нашей разведывательно-диверсионной службой за годы войны?

Рассказать хотя бы о самых известных, громких делах специалистов этой службы означало бы написать многотомную историю. Однако то, что сегодня известно (как считают ветераны-диверсанты), это лишь вершина айсберга.

И все-таки несколько слов о главном, наиболее ярком, героическом...

Прежде всего, о подготовке покушения на Гитлера. Сегодня уже не секрет, что с началом войны как советские, так и германские спецслужбы готовили «покушение века».

...Сентябрь 1944 года. У поселка Карманово, что на Смоленщине, дождливой ночью старший лейтенант милиции Ветров останавливает мотоцикл, на котором едут двое — майор со звездой Героя Советского Союза и женщина, младший лейтенант.

Все документы безупречны. Более того, майор П.Таврин из СМЕРШа. В войну офицерам-смершевцам такого ранга не принято задавать вопросы. И все-таки Ветров поинтересовался: «Из Прибалтики едете?»

Это вызвало крайнее недовольство майора, но милиционер спросил неспроста. Ему показался подозрительным вид майора и его спутницы. Они были слишком... сухими. Всю ночь лил дождь, военные в дороге и тем не менее совсем не промокли.

Старший лейтенант решил проверить эту парочку еще и потому, что пришло сообщение: над линией фронта обстрелян немецкий самолет. Кто знает, не десант ли? ,

И милиционер, приложив ладонь к козырьку, вежливо попросил майора заехать в поселок, сославшись на то, что надо сделать на документах служебную отметку.

Заехали. В райотделе майор показал телеграмму из Москвы. В ней действительно было написано, что Таврина вызывали в центр.

Пока проверяли документы, удалось связаться с Москвой. Майора с такой фамилией в СМЕРШе 39-й армии не существовало.

Так в руках советских контрразведчиков оказался

фашистский агент, которого долго и тщательно готовили в Берлине немецкие спецслужбы. Легенда Таврина была продумана до мелочей.

216

В Москву въезжал не только майор-смершевец, что само по себе достаточно весомо, но и Герой, кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды.

В кармане майор хранил стершуюся на сгибах газету «Правда», в которой был очерк о геройстве Таврина.

Все это: и ордена, и документы на них, и номер газеты — подготовила немецкая разведка.

Были у майора и фронтовые ранения. На случай проверки фашисты сделали Таврину операцию: глубокие надрезы, швы должны были подтвердить истинность ранений.

«Боезапас» майора и его спутницы удивил даже видавших виды контрразведчиков. Кроме семи пистолетов, гранат, Таврина снабдили новейшим сверхсекретным фаустпатроном, который был разработан по спецзаказу. Немцы назвали его «панкеркнаке». Оружие стреляло бронебойно-зажигательными снарядами, пробивающими броню в 4,5 мм.

Портативный фаустпатрон маскировался в рукаве пальто.

«Панкеркнаке» планировалось применить в момент прохождения сталинского кортежа машин по улицам Москвы.

Продумали фашисты и запасной вариант. Таврин проникает на торжественное заседание в Большой театр и закладывает мощную мину. В результате взрыва гибнет руководство СССР, военачальники.

С Тавриным работал сам Отто Скорцени, любимец Гитлера, террорист номер один Германии.

Он учил агента действовать смело, решительно, без колебаний. Говорил, что минутное замешательство, трусость могут погубить все.

Петр Таврин (настоящая фамилия Шило) так и старался действовать, однако ему не повезло. На первом же милицейском посту он встретился с бдительным Ветровым и оказался в подвалах Лубянки.

А в Берлине хозяева Таврина будут время от времени получать радиограммы, что он внедряется то в среду врачей Кремлевской больницы, то в «обслугу» Большого театра.

Но «покушения века» немецкая разведка так и не дождется.

Советская диверсионная служба пошла иным путем. Она не готовила «адский гранатомет», вмонтированный в рукав одежды боевика. Наши диверсанты искали подходы к Гитлеру через свою агентуру. Фигурой номер один в этой смертельной

217

игре стал известный советский боксер, чемпион страны Игорь Миклашевский.

В 1941 году он якобы бежал в Германию, к своему дяде. Ярый враг Советского Союза, один из руководителей немецкого антибольшевистского комитета дядя Миклашевского тепло принял племенника и оказал ему всяческую поддержку.

Миклашевский и сам не оплошал. Он вскоре стал популярен в

Берлине, особенно после известной встречи на ринге с чемпионом Германии Максом Шмелингом. Тем более что Игорю удалось победить в этом нелегком поединке.

Благодаря дружбе со Шмелингом Миклашевский вскоре стал своим человеком в высшем столичном обществе. Он бывал на светских раутах, высоких приемах. Все это приближало нашего агента к заветной цели — покушению на Гитлера.

Такое же задание имела и актриса Ольга Чехова, работавшая по заданию НКВД в Берлине. До сих пор не ясны подробности этой, несомненно, исторической операции советской диверсионной службы. Однако известно, что Игорь Миклашевский передал в Центр сообщение: готов к покушению на Геринга.

Но Сталину не нужна была жизнь гитлеровского подручного. Миклашевский так и не дождался команды на ликвидацию шефа германского воздушного флота.

Более того, уже в 1943 году Сталин отказался от идеи покушения на Гитлера. Теперь, когда Красная Армия наступала, фюрер нужен был живым, а не мертвым.

Устранение Гитлера могло сыграть на руку тем кругам, которые пытались заключить сепаратный мир с нашими тогдашними союзниками — США и Великобританией. Такое соглашение было крайне не выгодно Сталину. Ведь в этом случае Советский Союз оказывался вне европейского альянса победителей и терял свое влияние в Европе.

Сталин отдает приказ прекратить разработку операции по покушению на Гитлера. Советского руководителя теперь больше волнует, на первый взгляд, второстепенная фигура в германской политической элите — посол в Анкаре фон Папен.

По данным нашей разведки, немецкий дипломат фон Папен разворачивает активную деятельность, направленную на заключение сепаратного соглашения.

Он встречается с представителем Ватикана в Анкаре. Сталину становится известна суть переговоров. Представитель папы римского подталкивает немецкого посла к подписанию сепаратного мира.

Из Москвы поступает команда: фон Папена — уничтожить. В ходе проведения операции немецкий посол был только ранен, а не убит. Это тем не менее дало положительный результат. Папен напуган, он прекращает свои контакты.

Особое место в истории Нашей разведки принадлежит группе Рихарда Зорге. Вряд ли стоит подробно рассказывать о «Рамзае» и его работе. О нем написаны книги. Хочу лишь привести несколько фактов.

Сталин, как известно, почему-то считал Зорге двойным агентом. Подтверждением могут служить воспоминания Маршала Советского Союза Г. Жукова. Когда перед войной Жуков был на докладе у Сталина, тот сказал: «Один человек передает нам очень важные сведения о замыслах гитлеровского правительства, однако на этот счет у нас имеются некоторые сомнения.

Мы ему не доверяем, потому что, по нашим данным, это двойник».

Жуков сделал вывод: «Вероятно, он имел в виду Рихарда Зорге, о котором я узнал после войны. Его фактически обвинили в том, что он работает и на нас, и на Гитлера...»

Говорят, однажды Сталин воскликнул: «Нашелся один наш, который в Японии обзавелся публичными домами и сообщает даже дату германского нападения — 22 июня. Прикажете ему верить?»

И он не верил. Однако война началась. Зорге оказался прав. Материалы, которые он передавал после 22 июня, были поистине бесценны. Вот лишь один пример.

2 июля император Хирохито провел заседание Тронного совета. Решения совета были совершенно секретны. Но уже через несколько дней Зорге узнает о них и передаст в Москву: Япония сохранит нейтралитет по отношению к СССР, нападет на Индокитай.

В конце сентября Зорге вновь подтверждает: «Советский Дальний Восток можно считать гарантированным от нападения Японии».

Думаю, что ценность этой развединформации понимал и Сталин, но тогда почему он не обменял Зорге, который после

вынесения смертного приговора еще два года находился в тюрьме? Почему Берия подверг допросу жену разведчика — Екатерину Максимову и сослал ее в Сибирь? Там, под Красноярском, в 1943 году она трагически погибла.

7 ноября 1944 года был казнен и великий разведчик современности Рихард Зорге.

На эти трудные вопросы еще предстоит найти ответы. Но это трагедия не только Зорге. Это трагедия нашей разведки. Сколько их, великих и простых сынов нашего Отечества, рыцарей «незримого фронта» не были услышаны, поняты? Сколько их сообщений, радиограмм, ценнейших материалов, оплаченных жизнью, ушли в небытие?..

Примером тому судьба агента «Корсиканца» — Арвида Харнака, казненного гестапо.

Антифашист Харнак, сын ученого, получил образование в Германии и США. Был женат на американке немецкого происхождения Милдред. Она увлекалась трудами Маркса и Ленина, возглавляла колонию женщин-американок в Берлине. Милред известна как доктор филологии, переводчица немецкой литературы.

Связи Арвида Харнака с советской разведкой восходят еще к началу 30-х годов, когда наш консул в Кенигсберге, а позже сотрудник диппредставительства в столице Германии Александр Гиршфельд познакомил его с известным чекистом Артузовым, главой ИНО, разработчиком операции «Трест».

Позже, в 1935 году, к «разработке Харнака» подключается Борис Гордон, наш резидент в Берлине. Они быстро сошлись, так как Харнаку уже к тому времени стали ясны авантюрные планы Гитлера.

С тех пор доцент Гессенского университета, советник Министерства экономики Германии Харнак стал нашим ценнейшим агентом.

Есть поразительные свидетельства величайшего мужества двух агентов — Харнака («Корсиканец») и Шульце-Бойзена Харро («Старшина»), которые с упорством обреченных передавали и передавали радиограммы, наполненные сведениями о подготовке Германии к войне. Читаешь эти трагические сообщения, и в душе звучит вопрос: как можно было не поверить?

Проделан титанический труд, а Сталин на документе от 16 июня 1941 года, написанном поистине кровью сердца друзей нашей страны, нацарапал брань и нецензурщину.

220

Более того, документ с сообщениями агентов берлинской резидентуры, а также доклад о нависшей угрозе, переданный руководством разведки за четыре дня до начала войны министру госбезопасности Меркулову, так и не дошли до Сталина.

Меркулов попросту оказался трусом и не подписал доклад.

И после этого мы удивляемся страшным поражениям Красной Армии в 1941 году, миллионам погибших и плененных.

Однако ничего этого не знал мужественный доктор юриспруденции Арвид Харнак. Он сделал все, что мог, для спасения Советского Союза. 3 сентября 1942 года его арестовало гестапо. В декабре он был казнен по приговору имперского военного суда Германии.

Думаю, что вряд ли Сталин потом вспоминал его, ибо сообщения «Корсиканца» стали лишь свидетельством недоверия и преступного бездействия «вождя народов» накануне войны.

И тем не менее. При всех сложностях и издержках разведывательно-диверсионной деятельности руководство страны нуждалось в свежих и надежных разведданных. И оно их получало.

Из гестапо важную информацию поставлял один из самых ценных агентов берлинской резидентуры за всю историю ее существования — Вилли Леман. Он работал на Советский Союз с 1935 года.

Сегодня известно, что Леман был вторым источником вслед за Рихардом Зорге, сообщившим точную дату нападения фашистской Германии на СССР.

После отпуска выйдя на службу, 19 июня 1941 года он узнал страшную новость, которая заставила его, пренебрегая мерами предосторожности, срочно встретиться со своим связником — оперативным работником резидентуры Б.Журавлевым. Леман сообщил, что в гестапо поступил приказ Гитлера: немецкие войска перейдут советскую границу в ночь на 22 июня.

Однако сколько сведений было передано Леманом еще до этой трагической даты! Это благодаря ему НКВД прекрасно знало структуру и кадры гестапо и абвера. Наш агент оперативно предупреждал советскую разведку о сотрудниках,

221

«разрабатываемых» гестапо, о готовящихся арестах и провокациях.

Леман спас советского нелегала Стефана Ланга, он же Арнольд Дейч, который в свое время завербовал нескольких ценных агентов из так называемой кембриджской пятерки — К. Филби, Г. Берджеса, Д. Маклина. Именно Стефан обучал этих молодых людей азам разведывательной деятельности.

Вилли умело информировал Центр о внутренней борьбе в политическом руководстве гитлеровской Германии. Портрет фюрера и его подручных Леман писал с первых дней прихода к власти Гитлера. И если обстоятельства «ночи длинных ножей», когда Гитлер разделался с руководителями штурмовых отрядов (СА), стали известны мировой общественности почти четверть века спустя после Мюнхенского процесса 1957 года, то в Кремле знали правду в том же 1934 году. Детали разгрома отрядов Рема передал в Москву Леман.

В 1935 году этот агент направит телеграмму об активной работе немецких ученых над созданием боевых ракет, которые впоследствии получат наименование «фау».

Через два года начальник конструкторского бюро № 7 Артиллерийского управления Красной Армии Л. Корнеев напишет в письме Сталину: «Многие страны, как то: Америка, Япония, Франция и особенно Германия — много и упорно работают над ракетной проблемой.

В Америке известный профессор Годдард призван в армию, наделен чином генерала, и ему построена крупная реактивная лаборатория... В Германии проф. Оберт— большой авторитет в ракетной технике, работающий над ракетами в течение десятка лет, также призван в германскую армию».

Нет сомнения, что эти данные были получены с помощью разведки.

В своих шифротелеграммах Вилли Леман уделяет внимание не только передовой ракетной технике. Он докладывает о новом бронетранспортере, поступившем на вооружение вермахта, об истребителе с цельнометаллическим фюзеляжем, о подводных лодках, заложенных на верфях Германии, о строительстве секретного завода по производству боевых отравляющих веществ.

Самое прискорбное, что в результате сталинских чисток и репрессий наша разведка едва не потеряла этого ценней-

222

шего агента. В 1937 году из Берлина отозван В. Зарубин, с которым Леман был на связи. Его обвиняют в предательстве. По счастливой случайности Зарубин остался жив и вскоре получает сообщение из Германии. Леман встревожен, он не имеет инструкций, действует на свой страх и риск. Создается впечатление, что его работа Советскому Союзу не очень-то и нужна.

«Как раз тогда, когда я мог бы заключить хорошие сделки, — пишет он Зарубину, — тамошняя фирма совершенно непонятным для меня образом перестала интересоваться деловой связью со мной».

Зарубин, сам оказавшись в тяжелейшей ситуации, как может, успокаивает Лемана.

Только в июне 1940 года, за год до войны, в Берлин едет опытный разведчик А. Короткое, который возобновляет сотрудничество с агентом.

Вилли Леман погиб в декабре 1942 года. Произошла трагическая случайность. Выброшенные на парашютах антифашисты А. Хесслер и Р. Барт попали в лапы гестапо. Они передали закодированный сигнал о том, что работают под контролем. Но дежурный радист не придал значения сигналу. Центр, в свою очередь, посылает агентам адреса явок в Берлине, в том числе и явку Лемана.

Зимним вечером Вилли вызвали на службу, и он больше домой не вернулся.

Были у нас агенты и в Англии. В лондонскую резидентуру поставлял ценные расшифрованные материалы Джон Кэрнкросс, шифровальщик центра «Блечи парк».

Кстати, именно из Лондона пришло сообщение, полученное от кембриджской группы, которое впоследствии сыграло свою роль в стратегическом противостоянии Советского Союза и Германии на Курской дуге. По данным агентов, главный удар немцев направлялся на Курск, мы же первоначально прогнозировали его в направлении Великих Лук. К счастью, в данном случае сообщению разведки поверили. Джон Кэрнкросс передал и еще одну важную информацию. С получением ее наша авиация накануне Курской битвы нанесла несколько мощных авиационных ударов по немецким аэродромам.

В ходе налетов советских штурмовиков было уничтожено около пятисот фашистских самолетов. Германским войскам перед сражением был нанесен невосполнимый урон.

223

Нельзя не сказать об уникальной судьбе сотрудника 4-го управления Квашнина. Вместе с сыном Уинстона Черчилля — Рандольфом он оказался в ставке Тито. Когда в 1944 году немцы предприняли крупную карательную операцию против штаба югославских партизан, многих удалось вывезти на самолетах. Но группе Рандольфа Черчилля и сотрудникам советской разведки во главе с Квашниным пришлось самим выходить из окружения.

Можно с полным основанием признать, что английский премьер спасением сына во многом обязан нашему чекисту. Квашнин имел большой опыт партизанской войны, был первоклассным мастером подрывного дела. Он вел обе группы. С боями англичане и русские успешно вышли из немецкого кольца.

Сближение с Рандольфом дало Квашнину возможность получить информацию об английской правящей элите как бы изнутри. И пусть эти оценки, суждения, высказывания Черчилля-младшего не имели разведывательной ценности, дипломатический, политический интерес к ним был несомненным.

Особая гордость советской разведывательно-диверсионной службы — легендарный боевик Николай Кузнецов. О нем, как и о Зорге, написано много, и повторяться нет смысла. Хочу сказать лишь о малоизвестных или спорных страницах жизни Кузнецова.

Как и всякая легендарная личность, после гибели образ

Кузнецова «оброс» мифами, выдумками, домыслами. О нем писали как о немце Поволжья, якобы высланном в Казахстан, а то и вовсе Кузнецов представал перед читателями перевербованным немецким агентом. А Николай Иванович был истинным русаком из Сибири, в совершенстве знавшим немецкий язык. За два года до войны местное НКВД направило его на учебу в Москву. Готовился он по индивидуальной программе как спецагент, в первую очередь, для работы по немецкому посольству.

Для этой роли Кузнецов подходил почти идеально — красавец-мужчина, блондин, знакомый с литературой, культурой Германии. Он любил и хорошо знал балет, имел друзей среди артистов и поэтов. Говорят, в нем не чаяли души многие балетные звезды той поры.

Уже в довоенное время Кузнецов участвовал в перехвате немецкой дипломатической почты. Это бы человек редкого

таланта. Все, кто с ним работал, отмечают его удивительное хладнокровие и спокойствие в ходе боевых операций в сочетании с изобретательностью и молниеносной реакцией.

Обер-лейтенант Пауль Зиберт-Кузнецов совершил немало в фашистских тылах. Все эти годы немецкие спецслужбы безуспешно пытались вычислить советского агента.

Николай Кузнецов геройски погиб в бою с бандеровцами в 1944 году под Львовом. Он взорвал себя гранатой. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Интересно, что с именем Николая Кузнецова вот уже несколько десятилетий связывают самую, пожалуй, загадочную страницу истории противостояния диверсионных служб Германии и Советского Союза.

Речь идет о встрече «большой тройки» в Тегеране в 1943 году и готовившемся теракте против руководителей Англии, США и СССР. Главным исполнителем диверсии должен был стать руководитель спецопераций гитлеровской службы безопасности Отто Скорцени.

Заговор раскрыл Николай Кузнецов, узнав от офицера немецкой спецслужбы Остера о подготовке операции. Были, оказывается, и другие источники информации.

В середине 60-х годов в «Правде» промелькнуло сообщение со ссылкой на интервью в парижском «Экспрессе». Корреспондент приводит слова эсэсовца Отто Скорцени, проживавшего в ту пору в Мадриде.

«Из всех забавных историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные — это те, что написаны историками. Они утверждают, что я должен был со своей командой похитить Рузвельта во время Ялтинской конференции. Это глупость: никогда мне Гитлер не приказывал этого.

Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории: в действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции — той, что проходила в Тегеране... Но, бац! (смеется)... из-за различных причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом...»

Сегодня появляются иные версии на сей счет. Считают, что у немцев попросту не было сил и возможностей организовать столь крупный теракт в Тегеране. И якобы угроза, нависшая над «большой тройкой», — не более чем сталинский политический маневр. Разумеется, умело проведенный с помощью советских разведчиков.

225

Главная задача маневра — заманить Рузвельта в резиденцию советского посла в Тегеране, где остановился Сталин. Что, собственно, и было сделано. Американский президент на несколько дней стал гостем советского руководителя.

Пока ни ту, ни другую версию не удается подтвердить документально, но в любом случае проведенной операцией можно гордиться. Ведь это и есть своего рода классический пример воздействия агентурной разведки на политические решения. О чем еще может мечтать разведчик!

За годы войны разведывательно-диверсионная служба направила в тыл врага более двух тысяч оперативных групп обшей численностью около 15 тысяч человек. Это они создавали партизанские отряды, работали в глубоком тылу, в отрыве от своих войск, разоблачали немецких агентов, совершали диверсионные акты, ликвидировали фашистских чиновников.

Их имена помнит благодарная Россия. Это Кузнецов, Медведев, Прокопюк, Ваупшасов, Карасев, Мирковский, Прудников.

Нельзя сказать, что диверсионная война всюду заканчивалась нашей победой. Гестапо и абвер тоже не дремали. Разведчик Иван Кудря, проникший в агентурную сеть абвера, был предан и схвачен фашистами. Виктор Лягин геройски погиб в Херсоне, он, несмотря на пытки, никого не выдал.

Виктора Молодцова расстреляли румыны. Известный советский разведчик Каминский, один из создателей «Красной капеллы», застрелился сам, когда его пытались схватить.

В годы Великой Отечественной войны в Афганистане погиб легендарный агент Фридгуд. Он стоял у истоков создания нашей разведки. Право же, это был удивительный человек. Фридгуд создал и укрепил наши агентурные позиции на Ближнем Востоке, первым проник в Йемен и в Саудовскую Аравию.

До сих пор среди ветеранов разведки ходят легенды о том, как арабские шейхи в знак уважения и признательности подарили Фридгуду несколько львов, а когда тот отказался, презентовали целый гарем. Пожалуй, подобные подарки вряд ли еще когда-нибудь получала советская разведка.

В ряду уникальных в истории мировой разведки стоят операции «Монастырь» и «Березино».

226

По планам «Монастыря», в абвер удалось внедрить талантливого советского агента Александра Демьянова. Впоследствии и Гелен, и Шелленберг признают, что немецкое руководство долгое время находилось в плену иллюзии, что оно имеет доступ к планам и замыслам советского Верховного командования.

Операция «Березино» имела целью убедить Гитлера в том, что в тылах Красной Армии действует крупное соединение вермахта. Немцы настолько были уверены в его существовании, что помогали материально, забрасывая оружие, продовольствие и вещевое обмундирование в наш тыл. Достаточно сказать, что сам Отто Скорцени собирался выехать в войска соединения.

Мифическое командование было награждено Гитлером и повышено в званиях.

Прошли десятилетия, но до сих пор американские спецслужбы используют материалы операций «Монастырь» и «Березино» в обучении молодых разведчиков.

ПОРАЖЕНИЕ «ВОЛШЕБНОГО СТРЕЛКА»

В своих воспоминаниях известные руководители немецкой разведки Гелен и Вальтер Шелленберг с гордостью говорят об агенте «Максе» — главном источнике стратегической военной информации в Генеральном штабе Красной Армии.

А крупнейший диверсант второй мировой, прославившийся похищением Муссолини, штурмбанфюрер СС Отто Скорцени в мемуарных записках с интересом рассказывает о секретной операции, которой присвоили романтическое название: «Волшебный стрелок».

Видимо, это наименование было навеяно мотивами так любимой в Германии оперы Карла фон Вебера.

Но столпы фашистской разведывательно-диверсионной службы просчитались. Все, чем гордились они: и агент «Макс», и секретная игра «Волшебного стрелка» — были разработаны в кабинетах Лубянки. Практически всю войну наши разведчики вели опасную и по-своему уникальную игру с фашистским абвером.

227

...В августе 1944 года командира 502 егерского батальона — специального диверсионного подразделения вермахта — Отто Скорцени вызвали в ставку верховного главнокомандования.

Дело касалось группировки немецких войск под командованием подполковника Шерхорна.

Генерал Йодль сообщил, что, по данным разведки, в советских тылах после разгрома немецких войск группы армий «Центр», в так называемом «Бобруйском котле», осталась крупная группировка численностью до двух тысяч человек.

Ее возглавил командир 36-го охранного полка 286 охранной дивизии подполковник Шерхорн.

Йодль прямо спросил Скорцени: есть ли возможность вывести «часть Шерхорна» из окружения? Диверсант ответил положительно.

Возвратившись в штаб 502 батальона, Скорцени засел за разработку операции. Надо отдать должное — любимец фюрера разработал и продумал операцию тонко и расчетливо. Известно, что диверсантам, переодетым в форму военнослужащих Красной Армии, запрещали курить немецкий табак, сигареты. Их повседневным куревом стала русская махорка.

К выполнению задания планировалось привлечение авиации — для выброски десанта, засылки в тыл диверсионных групп для связи с Шерхорном.

В августе была выброшена первая группа. Ответа не последовало. В середине сентября — вторая высадка и радостное сообщение: группировка Шерхорна обнаружена. Заканчивалась радиограмма секретным сигналом, который знал только радист, десантированный в район расположения «части Шерхорна».

«Волшебный стрелок» начинал действовать...

Наша разведывательно-диверсионная служба была не столь изобретательна на романтические названия, и потому «стрелок» Скорцени в архивах НКВД навсегда остался под кодовым названием «Березино».

Почему «Березино»? Да потому, что, по легенде, группировка Шерхорна была блокирована у реки Березина в Белоруссии.

228

Первое сообщение о «части Шерхорна» в абвер передал агент «Макс». Тот самый, о котором восторженно пишет в своих мемуарах Гелен.

Наши разведчики называли его «Гейне».

История агента «Гейне» начиналась задолго до войны. Еще в далеком 1929 году по доносу его друга ГПУ арестовало бывшего студента Петроградского политехнического института Александра Демьянова. Весь арест был провокацией ГПУ. Демьянову подбросили пистолет и вскоре арестовали за незаконное хранение оружия. Акция удалась, Александр пошел на негласное сотрудничество с органами.

Он вскоре переехал в Москву, устроился на работу инженером-электриком на Мосфильм.

Александр Демьянов был весьма выгодной фигурой для разведки. Он принадлежал к знатному роду: прадед — атаман кубанского казачества; отец — царский офицер, геройски погибший на фронте; мать — аристократка, выпускница Бестужевских курсов, близко знакомая с одним из лидеров белой эмиграции генералом Улагаем.

Сам Демьянов дружил с режиссером Михаилом Роммом, близко сошелся с многими актерами, драматургами, стал завсегдатаем ипподрома и театральных премьер.

НКВД активно помогало своему агенту поддерживать соответствующий имидж. Сотрудники разведки Ильин и Маклярский сделали по тем временам редкий «подарок» Демьянову. Теперь у него на ипподроме была своя лошадь. Она довольно успешно участвовала в бегах. Накануне войны, когда Демьянов-«Гейне» был уже опытным агентом, им заинтересовались дипломаты из германского посольства, торгового представительства.

Чувствовалось по всему — абвер «подбирал ключи» к Демьянову. Следовало ожидать, что с началом войны немцы не забудут Александра.

Однако первые неудачи Красной Армии торопили разведчиков. Надо было проникнуть в абверовскую сеть и таким образом получить надежный источник, способный выявлять

немецких агентов.

Уже в июле 1941 года получено разрешение на проведение в тылу врага операции «Монастырь». В ходе этой операции прорабатывалась легенда о создании активной прогерманской
229
подпольной организации «Престол». А в декабре Демьянов-«Гейне» перешел линию фронта и сдался немцам. Он представился абверовцам как эмиссар антисоветской организации «Престол».

Перебежчику не поверили. Демьянову была устроена изощренная проверка. Фашисты, чтобы добиться признания, даже инсценировали расстрел нашего разведчика.

Однако Александр держался. Тем временем абвер навел справки. Многое из того, что говорил Демьянов, подтвердилось. Стало известно, что накануне войны немецкая разведка действительно вступала с ним в контакт.

«Гейне» был помещен в школу абвера и прошел тщательную подготовку. Теперь перед ним поставили задачу: возвратиться в Москву, создать агентурную сеть с целью проникновения в штабы Красной Армии.

В феврале 1944-го «Макс»-«Гейне» вернулся на советскую территорию.

Все складывалось весьма удачно. Семья поддерживала Александра в борьбе с фашистами. Активно помогала жена, а тесть — известный в столице профессор-медик, являлся надежным прикрытием. Их квартира использовалась в качестве явки для членов организации «Престол».

Демьянова устроили на службу в Генеральный штаб в качестве офицера связи. Через него в абвер шел поток дезинформации. Радиоигра разворачивалась все шире. В тот период все радиотехническое обеспечение игры было поручено сотруднику разведывательно-диверсионной службы Фишеру, впоследствии более известному как Рудольф Абель.

За успешную работу немцы наградили Демьянова «Железным крестом с мечами».

Следует отметить, что авторитет «Макса» в абвере был очень высок. Его дезинформация, предварительно подготовленная «операторами» Генштаба и заверенная разведуправлением, нередко подвигала немцев к принятию важный стратегических решений. Вот лишь один пример.

В ноябре 1942 года «Гейне» сообщил абверу: советские войска готовятся нанести мощный удар под Ржевом. Немцы стянули свои дивизии к Ржеву и отразили наступление, но упустили стратегическую инициативу в боях под Сталинградом.
230

Как признается Гелен, информация «Макса» заставляла немцев несколько раз корректировать сроки наступления под Курском. Это было выгодно нашим войскам.

В сущности, операция «Монастырь» задумывалась советской разведкой как контрразведывательная. И она удалась. С помощью Демьянова обезвредили несколько десятков немецких агентов.

Но жизнь уготовила счастливое продолжение «Монастырю». В 1944 году эта операция приняла характер стратегической дезинформационной игры.

Вообще наша разведка уделяла радиоиграм особое внимание на протяжении всей войны и уже к 1943 году полностью взяла инициативу в свои руки. Однако «Березино» — это классика разведигры, вершина дезинформации, и поэтому о ней особый разговор.

Трудно сегодня сказать, кто был автором идеи «Березино». Да дело, собственно, и не в авторстве. Важно, что наша разведка смогла умело использовать ситуацию на фронте для развертывания широкомасштабной игры.

А ситуация складывалась так. Летом 1944 года после разгрома фашистских войск в «бобруйском котле» в лесах Белоруссии скрывались группы уцелевших немецких солдат, «полицаев». Большого урона нашим войскам они не могли нанести, но частям НКВД по охране тыла доставляли немало хлопот.

Немецкое командование почему-то считало, что в белорусских лесах сохранились крупные группы офицеров и солдат, способные прорваться через линию фронта. Вообще руководство Германии придавало особое значение мужеству солдат вермахта, вырвавшихся из окружения. О них писали в газетах, их награждали, поощряли отпусками на родину.

Был тут, по всей видимости, и чисто прагматический расчет — боевой полк в глубине обороны врага способен нанести немалый вред тыловым коммуникациям, аэродромам, частям.

Стремление немецкого командования поверить в существование такого полка вовремя поддержала советская разведка. Демьянов информировал абвер о том, что в лесах у Березины скрывается немецкая часть примерно в две тысячи человек. В ее составе более двухсот человек — больные и раненые.

231

Солдаты и офицеры испытывают крайнюю нужду в оружии, боеприпасах, медикаментах, продовольствии.

«Гейне» в своей радиограмме добавил, что, несмотря на лишения, дух солдат вермахта высок и они с боями готовы прорываться к своим.

Легенду продумывали до мелочей. Подполковник Генрих Шерхорн неспроста был назван командиром группировки. В Берлине плохо знали заштатный 36-й охранный полк. «Больные и раненые», да еще такое количество, естественно, стесняли передвижение, сковывали действия.

Немцы «клюнули» сразу. Через неделю после радиограммы «Гейне» пришел положительный ответ. Фашисты готовы были поддержать «героев» продовольствием, лекарствами, боеприпасами.

Для приема грузов пришлось сообщить координаты «части Шерхорна» и расположения посадочных площадок. Полтора десятка опытных оперативников выехали на место выброски груза и десанта. Среди них были подполковник Исидор

Маклярский и майор Вильям Фишер.

В лесу создали ложный лагерь, вырыли землянки, разбили палатки. Все было готово к приему «гостей».

Первая высадка диверсантов и... первый «прокол». Из двух парашютистов удалось захватить лишь одного. Радист бежал.

На допросе арестованный немецкий агент подтвердил, что задачей группы было установление связи с окруженной немецкой частью. Назвал он и пароль. Все сходилось.

Однако игру мог сорвать бежавший радист. К счастью, сбежал он без рации.

Чекисты искали выход, перебирали варианты развития событий. Немцы также просчитывали ситуацию.

В октябре на «базе Шерхорна» приняли нового радиста — Дельникова. Тот согласился работать на нас, передал сотрудникам разведки шифр, график сеансов связи. Ему дали возможность выйти в эфир. Он передал две радиограммы: о своем удачном прибытии и благодарность от Шерхорна.

Вскоре в район проведения операции «Березино» был направлен перевербованный нами Шерхорн. Туда же выехал и Демьянов.

Немцы торопились. 9 октября «на базу» высадился десант: унтер-офицер СС Пандерс и рядовые Мурадян, Бушаев. Все они служили в 502-м егерском батальоне под командой Отто

Скорцени. Радист Веденин был курсантом Кенигсбергской разведшколы, и его передали в батальон незадолго до выброски в Белоруссии.

Веденин на отдыхе в одной из деревень, выбрав удобный момент, открыл огонь по егерям-диверсантам. Бушаев был убит, Пандерс и Мурадян ранены и схвачены советскими солдатами.

К тому времени чекисты захватили еще одну группу во главе с фельдфебелем СС Шифером. Диверсанты также служили в 502-м егерском батальоне.

Высадка двух групп «птенцов гнезда Скорцени» могла означать лишь то, что фашисты продолжают проверку существования «части Шерхорна».

Правда, то, что сообщили захваченные парашютисты, не могло не радовать. О группировке Шерхорна было доложено Гитлеру. Важно и другое — выброска диверсантов из специального батальона означала то, что к операции подключился Отто Скорцени — опытный, хитрый враг.

Как выяснилось позже, Скорцени имел свой план вывода группировки Шерхорна через линию фронта. Он предлагал использовать легенду «рабочих батальонов»: выходить под видом немецких военнопленных, которые работают во фронтовой полосе по восстановлению фортификационных сооружений. Идея была дерзкая, но не лишенная здравого смысла.

О том, что свою задумку Скорцени начал воплощать в жизнь, говорили и документы парашютистов. Пандерс и Шифер были снабжены удостоверениями сержантов Красной Армии, а их подчиненные — документами солдат военно-строительных частей.

23 октября «база» приняла еще одну группу диверсантов. На допросе те рассказали, что Гитлер обещал не пожалеть сил и средств для спасения группировки Шерхорна.

Геринг лично приказал выделить несколько самолетов для вывоза бойцов. Через несколько дней должны высадиться врач и пилот для выбора площадок посадки.

Спираль радиоигры стремительно раскручивалась. Штабс-врач Ешке и Хенрих Вильд десантировались 27 октября 1944 года. Они вручили Шерхорну директиву командующего группой армий «Центр» генерал-полковника Рейнхарда.

233

Действительно, четыре самолета, обещанные Герингом, были наготове и ждали команды. Был порыв принять самолеты с грузом и захватить их вместе с экипажами, но это означало завершение операции. И тогда руководство разведки решило продолжить игру. Но для этого следовало убедить немцев не присылать самолеты.

Стали убеждать, мол, Шерхорн находится в кольце войск Красной Армии, ведет тяжелые бои по прорыву блокады.

Несколько позже с «базы» ушло новое сообщение: кольцо прорвано, быстро движемся на запад. Самолеты высылать нецелесообразно.

В целях дезинформации и создания видимости движения «части Шерхорна», ее боевых действий Ставка Верховного Главнокомандования дала добро на легендирование захвата штабной машины с секретными документами.

В середине декабря радисты Шерхорна передали немецкому командованию, что силы для решающего броска собраны и 20-го начинается переход.

В радиограмме был расписан план движения группировки. Все в соответствии с военной наукой: авангард, основные силы, которые возглавлял сам командир, и арьергард под командой подполковника Михаэлиса.

Командира 52-го егерского полка Михаэлиса, кавалера немецкого креста в золоте, чекисты доставили на «базу» незадолго до выступления.

Разведкой было сформировано пять оперативных групп. Они двигались по маршруту Шерхорна. Действуя по обстановке, оперативники выдавали себя то за отряды Красной Армии, то за отдельные группы немецких солдат, то за отряды власовцев.

Казалось бы, советские разведчики все просчитали, но фашисты не уставали устраивать проверки по пути следования «части Шерхорна».

На следующий день после выступления в расположении «части» была принята группа из шести парашютистов. Все шестеро — уроженцы Белоруссии, прошедшие диверсионную подготовку. Они в прошлом были местными полицаями. Фашисты предлагали «гостей» в качестве проводников.

После беседы с командованием группировки «проводники» передали радиограммы о благополучном прибытии.

234

Операция «Березино» проходила столь успешно, что

Шерхорна решил посетить сам начальник «Абверкоманды» обер-лейтенант фон Барфельд.

Опять, как и в прошлый раз в случае с самолетами, руководство НКВД стало перед дилеммой — либо захватить начальника «Абверкоманды», что означало несомненный успех, и завершить операцию, либо продолжить игру.

В дело вмешался его величество случай. Фон Барфельд трагически погиб после посадки самолета на глазах у пилотов. Тело начальника «Абверкоманды» отправилось назад этим же бортом.

Солдат и офицеров группировки Шерхорна поздравили с Рождеством и прислали «подарочки». Один из них — радиомаяк. Немцы то и дело требовали включать радиомаяк. Это означало, что следует ждать новых «гостей».

В первые дни нового 1945 года пришла команда — разведать и подготовить площадку для посадки самолетов. Хотим забрать раненых.

Опять пришлось убеждать немцев, что достигнут высокий темп передвижения, группировка быстро перемещается к линии фронта. В который раз просили продовольствия и доложили, что идет поиск площадок для приземления.

В эти дни чекисты, увлеченные радиоигрой, стали «передвигать» «часть Шерхорна» ускоренными темпами — километров по двадцать в сутки. И это с ранеными, с боями, по лесам и болотам. Не слишком ли велик темп и гладко проходит движение Шерхорна по тылам? Вопрос был не праздный.

Решено было снизить темп, участить «столкновения» с тыловыми подразделениями Красной Армии, чаще сообщать о тяжести и сложности боев.

Так имитировались долгие и тяжелые переходы, «встречи» с врагом, потери. Однако, несмотря ни на что, «часть Шерхорна» двигалась к границам Восточной Пруссии.

В марте 1945 года на «базу» пришла радостная весть: фюрер произвел Шерхорна и Михаэлиса в полковники. Награды и более высокие звания получили и их подчиненные.

Гитлер планировал для поддержания духа прислать в «часть Шерхорна» самого Отто Скорцени, но ухудшение обстановки на советско-германском фронте не предоставило такой возможности.

235

Накануне окончания войны на «базе» приняли радиограмму. Обер-лейтенант Рислер, офицер разведслужбы группы армий «Центр», благодарил солдат и офицеров группировки Шерхорна за мужество и верность Германии и предлагал действовать по обстоятельствам.

Рислер передавал: «Что бы ни принесло нам будущее, наши мысли всегда будут с вами».

Будущее оказалось очень разным у всех участников операции «Березино». Шерхорна наша разведка попыталась использовать еще раз. Теперь для вербовки немецкого адмирала Редера. Однако попытка была неудачной.

После войны задействовали и «Гейне»-«Макса», но

эмигрантские круги не проявили к нему интереса. Демьянов вернулся в Москву.

Шерхорн, Михаэлис и еще два немецких радиста были репатриированы в Германию. Остальные агенты-диверсанты, как немцы, так и русские — расстреляны.

В ходе операции «Березино» с сентября 1944 по май 1945 года немцы совершили в советский тыл четыре десятка самолетовылетов, десантировали 22 агента. Все они были арестованы.

В расположение «базы Шерхорна» доставлено более 250 мест груза с оружием, боеприпасами, продовольствием, обмундированием, медикаментами.

Завершилась война... Обе разведки — советская и германская — записали в свой актив проведение беспрецедентной в мировой разведывательной практике операции. Отто Скорцени назвал ее «Волшебный стрелок». На самом деле она носила более прозаичное наименование «Березино». Однако суть не в названии, а в том, что немецкий «Волшебный стрелок» потерпел сокрушительное поражение у берегов белорусской реки Березины.

БОЛЬШИЕ МИФЫ «МАЛОЙ ВОЙНЫ»

Партизанская, или «малая война», как назвал ее Михаил Васильевич Фрунзе, — особая глава в деятельности разведывательно-диверсионной службы. Особая не только потому, что это было время яростной и смертельной схватки с врагом, но и время стратегических провалов и ошибок.

236

Сегодня, десятилетия спустя, многие самые невероятные мифы канонизированы и обрели моральную и научную базу. Вернее сказать — лженаучную. Услужливые историки и литераторы, журналисты умело тасовали события и факты, искажая действительность.

Так что же правда, а что ложь в истории о «малой войне»?

Не претендуя на глубочайшее научное исследование (хотя уверен: время такового придет), обозначу лишь главные спорные проблемы.

Итак, партизанская война. Человечество накопило достаточно опыта в теории и практике ведения этой войны.

На мой взгляд, классическое определение партизанской войны дал наш соотечественник, известный поэт и партизанский командир Денис Давыдов:

«Партизанская война состоит ни из весьма дробных, ни первостепенных предприятий, ибо занимается не сожжением одного или двух амбаров, не сорванием пикетов и не нанесением прямых ударов главным силам неприятеля.

Она объемлет и пересекает все протяжение путей от тыла противной армии до того пространства земли, которое определено на снабжение ее войсками, пропитанием и зарядами, через что, заграждая течение источника ее силы и существования, она подвергает ее ударам своей армии, делает

обессиленною, голодною, обезоруженною и лишенною спасительных уз подчиненности. Вот партизанская война в полном смысле слова».

Иначе говоря, если сформулировать мысль Д. Давыдова короче и по-современному, основная задача партизан — отрезать вражеские войска на фронте от источников тылового снабжения.

Забегая вперед, скажу: главную задачу войны партизанам Великой Отечественной так и не удалось выполнить. Почему? Об этом позже, а сейчас вернемся в начало девятнадцатого века.

Одним из первых, кто понял стратегическое значение партизанского движения, был главнокомандующий русской армией полководец М.И. Кутузов. Несмотря на явное сопротивление некоторых представителей высшего класса, Кутузов поддержал народное партизанское движение и направил в тыл коммуникаций Наполеона партизанские отряды, состоящие, чаще всего, из казаков. Вскоре в составе партизанской труп-

237

пировки действовало 30 казачьих, 7 кавалерийских и 5 пехотных полков, а также несколько отдельных эскадронов и батальонов регулярной армии.

Вот лишь один из примеров боевых действий партизан в тылу врага. В сентябре 1812 года отряд под командованием Дениса Давыдова, в котором было немногим более сотни штыков, стремительным ударом разгромил французский транспорт с провиантом и боеприпасами. Интересно, что транспорт охраняла достаточно многочисленная команда. Но Давыдов умело организовал нападение своего отряда, состоящего из казаков-донцов и гусар Ахтырского полка. Они устроили засаду, совершили налет и победили.

Именно после этого успеха фельдмаршал Кутузов принимает решение о посылке партизанских частей в тыл врага. Хотелось бы назвать несколько имен первых партизан. Это майор Волынского уланского полка Храповицкий, штаб-ротмистр Ахтырского гусарского полка Бердяка, поручик того же полка Макаров.

Главнокомандующий объединил в общий кулак силы армии и народа ради достижения победы над врагом.

Это был успешный опыт совместных боевых действий войсковых и крестьянских партизанских формирований.

После бегства французов из Москвы партизанская война развернулась на коммуникациях, по которым отступали наполеоновские войска. И если в период наступления на Москву партизаны вынуждали Наполеона оставлять на своих коммуникациях крупные гарнизоны, расходовать силы на сопровождение и охрану обозов, то теперь все обстояло иначе.

Удары партизан приобретают стратегическое значение. Главная их цель — срыв планомерного отхода неприятельских войск, лишение продовольствия, фуража и «спасительных уз подчиненности».

Это во многом удалось, несмотря на тщательную организацию тыла и выделение достаточно большого количества сил для его

охраны.

Наполеон так и не смог защитить свои тыловые коммуникации от воздействия партизан.

С появлением железных дорог во второй половине XIX века действенность партизанской борьбы резко возросла.

В период гражданской войны в Америке основными объектами диверсионных ударов служили железные дороги. Тогда

238

разрушение мостов, железнодорожных путей было крайне болезненным для противника.

С ростом численности армий росла зависимость от тылового снабжения. В свою очередь, развитие сети железных дорог повышало их уязвимость от ударов партизан. К тому же совершенствование взрывных устройств значительно увеличивало боевые возможности даже малых диверсионных групп.

Теперь партизаны могли наносить серьезный урон врагу, не вступая с ним в боевое соприкосновение.

Истории военного искусства известен пример, когда французские франтиреры (партизаны) в 1871 году остановили железнодорожное движение немцев, осаждавших Париж, на пятнадцать дней. Немецкому командованию ничего не оставалось, как бросить почти четверть своей армии на охрану тыла. Представьте себе, четверть действующей армии!

Следует отметить, что и у нас был накоплен достаточный опыт ведения партизанской войны. Сами немцы подсчитали, что в 1918 году на Украине действовало около 200 тысяч партизан. В Сибири против Колчака и белочехов, поднявших мятеж, воевали целые партизанские фронты: Щиткинский, Северо-Канский; действовали партизанские республики — Алтайская, Уссурийская, Забайкальская.

В тылу деникинских войск в 1919 году сражалось свыше 100 тысяч повстанцев. Партизаны были столь сильны и активны, что противнику приходилось снимать с фронта и вводить в Донбасс отборные части генералов Слащева и Шкуро.

Партизанская война 1918—1921 годов на территории нашей страны против белогвардейцев и интервентов являлась частью системы боевых действий, подчиненных стратегическим планам командования Красной Армии. Она велась в сочетании с фронтовыми методами борьбы, в оперативном и даже тактическом взаимодействии с боевыми частями.

Надо подчеркнуть и то обстоятельство, что партизанская война нередко была основной, главенствующей формой противодействия противнику. Так развивались события и на оккупированной врагом территории после заключения Брестского мира, и в период гражданской войны на Дальнем Востоке.

Перед Второй мировой войной партизанская борьба развернулась в Абиссинии и в Испании.

239

Практически за полгода ожесточенных боев итальянские

вооруженные силы сломили сопротивление небольшой абиссинской армии. И когда война была официально завершена, абиссинский народ поднялся на освободительную борьбу.

Муссолини пришлось держать в Абиссинии до 200 тысяч регулярных войск и более 300 самолетов. Эти части при поддержке авиации регулярно проводили карательные операции против местных повстанцев, однако им так и не удалось до конца разгромить абиссинских партизан.

В годы второй мировой войны партизанская война развернулась с новой силой и завершилась восстановлением суверенитета и независимости страны.

Наиболее известна нам борьба испанского республиканского правительства против испанских фашистов, поднявших мятеж. Фашисты действовали в сговоре с Гитлером и Муссолини. На помощь республиканцам пришли советские добровольцы и воины-интернационалисты из 56 стран мира.

Испанцы к тому времени растеряли навыки партизанской борьбы. Прошло более 120 лет после того, как гверильясы Испании вели партизанскую войну против Наполеона. И потому воевать в тылу врага испанцев учили советские диверсанты, имевшие опыт гражданской войны.

Так, маленькая диверсионная группа в полтора десятка человек за десять месяцев выросла в Испании в 14-й партизанский корпус. Командовал им Доминго Унгрия, а Илья Старинов был советником и инструктором.

На счету испанских диверсантов много славных дел. Они, будучи еще в составе группы, пустили под откос поезд со штабом авиационной итальянской дивизии. После этого Генштаб узаконил их подразделение, установил бойцам полуторный оклад и летный паек.

Фашисты знали о существовании в республиканской армии специальных диверсионных частей, однако надежно прикрыть свои коммуникации так и не смогли.

Летом 1937 года в результате диверсий партизан связь Мадридского и Южного фронтов мятежников была прервана на неделю.

Бойцы-интернационалисты, специалисты диверсионной борьбы сыграют свою важнейшую роль в будущей войне. Так,

начштаба 14-го партизанского испанского корпуса Л. Илич станет начальником оперативного отдела главного штаба французских франтиреров.

Партизан Иван Хариш участвовал в диверсиях и освободительной борьбе против фашистов на территориях Венгрии, Греции, Югославии. Он стал Народным героем Югославии.

Немало интербригадовцев воевало в Советском Союзе, в Польше, Албании, Франции.

После Второй мировой войны ветераны-партизаны боролись за свободу Алжира, воевали в Латинской Америке.

Особая роль принадлежит повстанческому партизанскому движению в деле освобождения Китая от контрреволюционного

гоминдана и японских агрессоров.

Что же касается Советского Союза, то надо с прискорбием признать: с началом войны мы оказались не готовы к ведению партизанской борьбы.

Сегодня этот вывод кажется невероятным. Ведь еще в 20— 30-е годы мы имели хорошо отработанную, налаженную систему обучения и подготовки партизанских, диверсионных кадров.

В 1921 году Михаил Васильевич Фрунзе в своей известной статье «Единая военная доктрина и Красная Армия» заявлял: «Если государство уделит этому (т.е. подготовке партизанской войны. — *М.Б.)* достаточно серьезное внимание, если подготовка этой «малой войны» будет производиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армий противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах, они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником».

Повторим еще раз тезисы «отца» партизанской школы — серьезное внимание государства, систематическая и планомерная подготовка. Все это было. Партизанские школы НКВД и ГРУ, которые готовили командиров диверсионных подразделений, а также рейдовые диверсионные и парашютные отряды. Только на Украине действовало пять таких школ.

В Москве работала центральная школа, начальником которой был К. Сверчевский. В ней готовились в основном иностранцы.
241

Курс диверсионной и партизанской деятельности читался в военных училищах и академиях Красной Армии. Командиры частей обладали знаниями и умением перехода к партизанской войне на территориях, занятых противником.

Используя опыт испанских и особенно китайских партизан, в лесах, в отдаленной местности, руководство НКВД, разведуправления Красной Армии скрытно создавало базы для развертывания в будущем партизанского движения. В базовые склады закладывались боеприпасы, оружие, продовольствие. То, чего как раз и не хватало партизанам в начале войны.

Партизанские формирования функционировали в общей системе подготовки Вооруженных Сил. Примером тому — регулярное привлечение партизанских частей к участию в общевойсковых учениях. А в 1932 году в Подмосковье прошли специальные маневры партизанских бригад.

В эти годы мы были способны развернуть в Белоруссии несколько партизанских отрядов численностью до 3 тысяч человек. На Украине, в Ленинградском регионе проводилась такая же интенсивная работа. Кроме того, в приграничных городах, на железнодорожных станциях НКВД внедряло своих тайных агентов, диверсантов-подпольщиков.

Но тогда как могло случиться, что в июне 1941 года в Киеве, когда бросились создавать партизанские отряды, не нашли ни одного более-менее подготовленного специалиста партизанской войны?

Не лучше дело обстояло и в других местах.

Илья Григорьевич Старинов, легендарный партизан-диверсант, вспоминает, как в июле 1941 года в пяти километрах от Рославля, среди болот и тощего редколесья разыскал он постройки Управления торфоразработок. Здесь размещались работники аппарата ЦК Компартии Белоруссии, которые занимались формированием партизанских отрядов.

«Выехал в Рославль, — рассказывает Старинов. — По дороге Эйдинов (секретарь ЦК партии Белоруссии) ввел в курс дела: специалистов по партизанской тактике и технике на пункте нет, техники тоже нет, но отряды формируются, людям ставятся конкретные задачи — уничтожать фашистских солдат и офицеров, разрушать различные военные объекты и железные дороги, мешать работе связи.

— А как это делать — учат?

Эйдинов пожал плечами:

— Ну, сами сообразят».

Страна оказалась совершенно не готовой к борьбе с немцами в тылу.

А началось это с перехода к новой военной доктрине. Помните, взгляды советского руководства ярко сформулировал тогдашний нарком обороны Климент Ворошилов: бить врага малой кровью и на чужой территории. Ну а коли на чужой территории, зачем партизанские базы, склады с оружием, боеприпасами? Базы ликвидировали.

Но даже если бы пришлось воевать на земле противника, то все равно кто-то должен был исполнять сталинско-ворошиловский завет: бить врага. В том числе и в его тылу.

Только кто ж тогда, в 1937-м, об этом думал. Стали думать в сорок первом, да поздно. В застенках НКВД погибли как «враги народа» тысячи командиров и бойцов-диверсантов, спецов партизанской войны.

Тот же Илья Старинов так вспоминает 1937 год.

«Я вернулся в Москву (из Испании. — *М.Б.)* в начале ноября 1937 года и был ошеломлен, когда узнал, что все мои начальники по всем линиям, где я служил и учился, подверглись репрессиям.

Меня вызвали в НКВД и на допросе заявили, что заблаговременная подготовка к партизанской войне на случай агрессии — затея врагов народа Якира, Уборевича и других. Готовить «банды» было признано неверным.

Я видел, как мы катимся к катастрофе».

Для многих выживших профессионалов катастрофа была очевидной. Ликвидирована база партизанского движения, уничтожены кадры специалистов-партизан.

Необъяснимо и то, что перед войной мы усиленно увеличивали пропускную способность железных дорог на Западном направлении.

У наших железнодорожных путей была в три раза ниже немецких пропускная способность. Вместо того, чтобы оставить ее на прежнем уровне, Советский Союз строил новые подъезды. Рельсы нам услужливо поставляла Германия. Разумеется, в обмен на зерно.

Первые шаги Сталина и правительства страны по руководству партизанским движением с началом войны оказались крайне не профессиональными.

243

3 июля 1941 года в обращении к советскому народу Сталин заявил: «В занятых врагом районах надо создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов и обозов».

Все, что сказал Сталин, было безумием. Если бы кто-нибудь другой, а не Сталин призвал жечь леса, его бы сразу заклеймили как врага народа и бросили в тюрьму. Поджог лесов был выгоден немцам, а не партизанам.

В призыве Сталина отсутствовала главная задача партизанских сил — отрезать вражеские войска от источников тылового снабжения, зато звучал приказ уничтожать продовольствие.

У немцев было свое снабжение, а вот партизанам без продовольствия, уничтоженного по призыву «отца народов», приходилось туго.

Выступление Сталина толкнуло центральные и местные органы на необдуманное, неподготовленное, спешное формирование партизанских отрядов и заброску их на оккупированную территорию.

Обучали диверсионные группы не более чем неделю, а по опыту предыдущей подготовки 20—30-х годов на это уходило до полугода.

18 июля 1941 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». Самое поразительное, что оно нацеливало на партизанщину, а не на серьезное ведение боевых действий за линией фронта. Постановление предписывало развернуть сеть подпольных большевистских организаций, которые возглавят борьбу в тылу врага.

Но подполье, как известно, было крайне уязвимым. Против подполья действовали опытные германские спецслужбы, и участь подпольщиков, как правило, оказывалась весьма печальной. Какое уж тут руководство партизанами, самим бы уцелеть.

Однако после войны миф о руководящей роли большевиков-подпольщиков усиленно насаждался советской пропагандой.

Итак, к чему же привела непродуманная переброска в тыл наспех сформированных, неподготовленных партизанских отрядов?

244

К марту 1942 года на территорию Украины было заброшено около 2 тысяч партизанских отрядов и диверсионных групп, но данные о боевой активности у Москвы имелись лишь на 240 из них. А к лету того же года на Украине числилось 778 отрядов, но реально действовало только 22.

Вот отчет радиста-партизана Сергея Мельниченко,

заброшенного в тыл врага в 1941 году. Его удалось разыскать в архивах. Это, несомненно, уникальное свидетельство преступных просчетов нашего руководства в деле развертывания партизанской войны.

«8 сентября 1941 года, — докладывает Мельниченко, — с группой 39 человек, по заданию 4-го управления НКВД мы выехали по направлению к фронту в район Ворожбы для перехода линии фронта. Попытки связаться со штабом фронта и получить у него топокарты и место перехода линии фронта не увенчались успехом.

Встречали бегущих бойцов, но они не знали, где фронт.

Не имея топокарт, не зная местности, 11-го днем отыскали на станции Ворожба оставленный при эвакуации паровозик и поломанный вагон, мы погрузились и поехали по направлению к фронту...

Остановились мы на станции Немиловке — это был уже тыл противника.

Поздно вечером мы попытались установить радиосвязь, но нам это не удалось, так как аппаратура для нас была совершенно незнакомой и нам пришлось осваивать ее уже в тылу противника.

12 сентября на рассвете мы выступили в поход, сами не зная в каком направлении, так как не было ни карты, ни компаса. Командование, неграмотное в военно-тактическом отношении, вело нас куда выйдем.

Путь был невероятно тяжел, так как люди были перегружены — несли тол, боеприпасы и запасы продуктов.

В этот же день мы встретили первую партизанскую группу из сельского актива села Казачье, оставленную для работы в тылу. На вооружении у них был станковый пулемет, из которого они нас чуть не перебили.

С нами был командир отряда Волошин (на редкость бездарный человек).

На рассвете 13 сентября мы достигли долгожданного Беляевского леса... Командир Волошин лег спать, не выслав ни разведки, ни отправив на поиски людей.

245

Вечером мы должны были переправиться через реку.

Переправу пошел организовать командир отряда Волошин с тремя командирами диверсионных групп, и оттуда они все дезертировали.

В этот день выбираем другого командира т. Горбушко. Связь все дни отличная, конкретных заданий не получаем, ежедневно слушаем положение на фронте.

Вечером 18 сентября выступили. Шли через села Веселое, Погаричи, Будище. Шли всю ночь, вел комиссар отряда т. Коротун, не знавший местности и без карты. Блудили по болотам и лугам, залитым водой. Все мокрые, измученные, замерзшие».

Однако время шло, и заброшенные в тыл отряды, группы, освоившись, ознакомившись с обстановкой, начали действовать. Пусть их было немного, но возникла необходимость координации боевой работы партизан. И в декабре 1941 года Сталин приказывает создать Центральный штаб партизанского

движения (ЦШПД). Вместо того, чтобы назначить начальником штаба опытного партизана-диверсанта, Верховный поручил руководство кадровому партийному работнику, секретарю ЦК Компартии Белоруссии Пономаренко.

Правда, штаб просуществовал недолго. Уже в январе 1942-го его ликвидировали. А в мае вновь создали.

В сентябре была утверждена должность Главнокомандующего партизанским движением. Этот пост занял К. Ворошилов. В ноябре пост Главнокомандующего упразднили.

7 марта 1943 года ЦШПД в очередной раз разогнали. В апреле опять восстановили.

И тем не менее, несмотря на активную штабную «свистопляску», партизанское движение крепло, набирало силу. Партизаны учились воевать.

К лету 1943 года советские партизанские формирования насчитывали 120 тысяч человек.

Прошло два невероятно трудных года войны. Путем провалов и ошибок, ценой сотен смертей, потерь, крови приходил опыт партизанской войны, осознание своей роли в обшей борьбе, приходили знания, умения.

Партизанское движение превращалось в мощную силу. Сегодня специалистами и аналитиками разведывательно-диверсионной службы подсчитано, что при правильном планировании и умелой доставке боеприпасов и минно-взрывных средств

партизаны способны были в течение 3—4 месяцев произвести крушения 10—12 тысяч поездов. Однако тут Центр навязал им ошибочную тактику.

И это еще один миф партизанской войны. Десяток-другой лет тому назад его знал каждый школьник. Речь идет о так называемой «рельсовой войне» советских партизан.

В 1943 году прошли две операции «рельсовой войны». Первую начали брянские партизаны в ночь на 22 июля, а вторая, под названием «Концерт», проводилась в сентябре-ноябре.

К сожалению, ожидаемых результатов эти операции не дали. Москва почему-то рассчитывала на нехватку рельсов у фашистов. Но рельсов было достаточно, да и противник научился их сваривать или применял металлический мостик, который закрывал место разрыва рельса.

Было еще одно обстоятельство, которое не учли в Центральном штабе: раз приказано взрывать рельсы, а не поезда, то взрывы легче и безопаснее осуществлять, например, на запасных путях, подальше от немецкой охраны. Поступали и так.

За август 1943 года партизаны подорвали 200 тысяч рельсов, а у фашистов было 11 млн. рельсов. Так что эффективность рельсовой войны оказалась небольшой. Это был очередной просчет руководства страны.

Но несмотря на явные ошибки и просчеты верховной власти, партизаны на местах все-таки делали свое главное дело. Они боролись с врагом.

К весне 1944 года численность партизанских сил и созданных

на их базе национально-освободительных армий в тылу фашистов составляла миллион триста тысяч человек. К тому времени это были хорошо организованные и обученные отряды, соединения и даже партизанские армии. У них отсутствовала авиация, танки, большое количество артиллерии, но моральный дух был необычайно высок. Они умело использовали преимущество диверсионной тактики и минно-взрывной техники.

За годы войны советские партизаны уничтожили, ранили, взяли в плен около полутора миллионов вражеских солдат и офицеров, пустили под откос 18 тысяч поездов.

Наши диверсанты оказали помощь в развертывании партизанской войны народам Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Франции и других стран Европы.

247

«История войн, — признался бывший генерал-полковник вермахта Лотар Рендулич, — не знает ни одного примера, когда партизанское движение играло бы такую роль, какую оно сыграло в последней мировой войне.

По своим размерам оно представляет собой нечто новое в военном искусстве. По тому колоссальному воздействию, которое оно оказало на фронтовые войска и на проблемы снабжения, работы тыла и управления в оккупированных районах, оно стало частью понятия тотальной войны».

А если бы умелое руководство да резерв опытных партизан, которые погибли в бериевских тюрьмах, да регулярная помощь с Большой земли... Что бы тогда сказали гитлеровские генералы? Право, не знаю.

Зато знаю, что сказал старейший партизан-диверсант, полковник, профессор Илья Старинов, перечислив эти «если»... Если бы все это состоялось, немецкая армия была бы разбита на год раньше, со значительно меньшими для нас потерями.

Но судьба не предоставила нам такого шанса.

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ У КРЕМЛЯ

Этот факт из истории Великой Отечественной войны достаточно известен сегодня. Маршал Георгий Константинович Жуков так описывает его в своей книге «Воспоминания и размышления».

«Бои, проходившие 16—18 ноября, для нас были очень тяжелыми. Враг, не считаясь с потерями, лез напролом, стремясь любой ценой прорваться к Москве своими танковыми клиньями. Не помню точно какого числа — это было вскоре после тактического прорыва немцев на участке 30-й армии Калининского фронта— мне позвонил И.В. Сталин и спросил:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю Вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист».

Эти вопросы Верховного говорят о многом. А если бы враг прорвался в столицу?.. История не знает сослагательного наклонения, и все-таки меня всегда интересовало это «если». Кто бы встретил врага? Кто был бы на том последнем рубеже к Кремлю?

Оказалось, были такие люди и соединение такое существовало. Их район обороны располагался по улице Горького от Белорусского вокзала до Кремля. Передний край проходил вдоль Московско-Белорусской железной дороги. На правом фланге — до Бутырской заставы, на левом — до Ваганьковского кладбища.

Как написал историк Александр Зевелев: «Если эти приказы перевести с лаконичного военного языка на «гражданский», то можно сказать: ОМСБОНу приказывалось закрыть подступы к центру Москвы и Кремлю».

ОМСБОН — это Отдельная мотострелковая бригада особого назначения. Надо сразу сказать — уникальное воинское подразделение.

Первый полк этой бригады формировали Георгий Димитров, Вильгельм Пик, Морис Торез, Пальмиро Тольятти, Хосе Диас, Долорес Ибаррури, Клемент Готвальд, Иоганн Коплениг, Гарри Поллит. Думаю, эти люди в представлении не нуждаются. Они делали все возможное, чтобы собрать разбросанных по всему Советскому Союзу своих соотечественников-политэмигрантов и переправить их в ОМСБОН.

Интернациональный полк насчитывал около тысячи бойцов. Примерно треть — испанские коммунисты, покинувшие родину после поражения Испанской республики.

Другая часть — болгары, чехи, словаки, поляки, австрийцы, венгры, югославы, румыны, греки, итальянцы, немцы, вьетнамцы, французы, финны. Было и несколько англичан.

Второй полк не уступал первому. В него вошли прославленные советские спортсмены: боксеры Николай Королев и Сергей Щербаков, легкоатлеты братья Георгий и Серафим Знаменские, Григорий Ермолаев, борцы Григорий Пыльнов, Леонид Егоров, Шалва Чихладзе, тяжелоатлеты Николай Шатов, Владимир Крылов, гребцы Александр Долгушин, Алексей Смирнов, конькобежцы Константин Кудрявцев, Анатолий Капчинский, лыжница Любовь Кулакова.

Всего в ОМСБОНе насчитывалось около 800 спортсменов.

В полк зачислялись и добровольцы — студенты московских вузов. Как писал командир бригады полковник Михаил Орлов, здесь «были и пухлогубые первокурсники, и лысеющие аспиранты».

Многие бойцы были вчерашними студентами и аспирантами МГУ, историко-архивного, строительного, горного, станкоинструментального и других институтов.

Целый взвод — тридцать человек — направил в ОМСБОН известный в ту пору институт истории, философии и литературы. Его неспроста называли «советским лицеем». В нем учились прекрасные поэты — Ю. Левитанский, С. Гудзенко. Они тоже стали бойцами отдельной мотострелковой бригады...

В 1942 году после одного из тяжелейших боев, в котором Семен Гудзенко был ранен в живот, он напишет, на мой взгляд, одно из своих лучших стихотворений о войне.

В нем величайшая глубина осмысления страшных минут перед атакой...

Мне кажется, что я магнит, Что я притягиваю мины. Разрыв — и лейтенант хрипит. И смерть опять проходит мимо. Но мы уже не в силах ждать. И нас ведет через траншеи Окоченевшая вражда, Штыком дырявящая шеи. Бой был коротким. А потом Глушили водку ледяную, И выковыривал ножом Из-под ногтей я кровь чужую.

ОМСБОН возник и первоначально именовался войсками Особой группы при Народном комиссариате внутренних дел СССР.

Начальником Особой группы был комбриг Павел Богданов. Она состояла из двух бригад. Батальоны состояли из отрядов, отряды из спецгрупп.

В октябре 1941 года войска особой группы были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду НКВД СССР в составе двух полков.

В таком виде она действовала до октября 1943 года. Далее меняются ее цели. Она переходит на выполнение спецзаданий высшего командования в тылу врага. Теперь она именуется Отдельным отрядом особого назначения НКГБ СССР.

250

За годы войны это уникальное соединение направило за линию фронта, во вражеский тыл 212 отрядов и групп специального назначения численностью более 7 тысяч человек.

Бригада, по существу, начала свой путь с Красной площади, с ноябрьского парада 1941 года. ОМСБОНовец, болгарин Иван Винаров, в будущем генерал-лейтенант Вооруженных Сил Болгарии, так вспоминал о тех днях:

«...Никто из нас не сомневался в том, что на этот раз парад и демонстрация московских трудящихся не состоится... Гитлеровская авиация могла долететь до Кремля буквально в считанные минуты и превратить праздничный парад в парад смерти.. Так думали мы, и никто из нас не связывал обучение отдельных войсковых соединений и их строевую подготовку с предстоящими праздниками».

Однако парад, который позже назовут историческим, состоялся. Участвовали в нем и бойцы ОМСБОНа. А дальше была зима сорок первого.

К этому времени Гитлер уже считал, что настало время для последнего удара и разгрома Советского Союза. Главным препятствием стратегическим целям фашистов оставалась Москва. Захват столицы Советов должен был устрашить мир.

Операция «Тайфун», итогом которой должен был стать крах Москвы, готовилась скрупулезно, тщательно, с немецкой основательностью. 42 процента личного состава, 33 процента орудий и минометов и 75 процентов танков состава советско-германского фронта были сосредоточены под Москвой.

Мы уступали врагу по всем позициям.

Чтобы лучше понять задачи ОМСБОНа по защите столицы, напомним: именно здесь, на Московском направлении, фашисты сосредоточили большую часть своих лучших разведывательно-

диверсионных сил. В авангарде 4-й немецкой армии следовала спецкоманда «Москва», созданная из сотрудников полиции и частично СД.

Бойцам этой спецкоманды предписывалось на плечах передовых подразделений ворваться в Москву и захватить здания руководящих партийных, советских и правительственных органов, арестовать виднейших деятелей государства и расправиться с ними.

251

Готовилась операция под кодовым названием «Кремль».

Немецкое командование так обращалось к своим войскам: «Солдаты! Перед нами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Вам осталась Москва... Пройдитесь по ее площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых. Вперед!»

5 октября Государственный комитет обороны принял специальное постановление о защите Москвы. Но уже через неделю вышло еще одно постановление ГКО. В нем говорилось о срочном строительстве на подступах к городу и в самой столице московской зоны обороны.

Зона состояла из полосы обеспечения и двух оборонительных рубежей. Первый рубеж проходил по маршруту Хлебникове — Звенигород — Наро-Фоминск и далее по левому берегу реки Пахры. Непосредственно московский рубеж шел по окраинам города. К обороне была подготовлена и сама Москва.

А немцы тем временем рвались вперед.

51 фашистская дивизия была нацелена на Москву. Особенно тяжелое положение сложилось в ноябре в полосе 30-й и 16-й армий, которыми командовали Д. Лелюшенко и К. Рокоссовский.

Здесь немцы устремились по Ленинградскому шоссе к Клину, оттуда к Солнечногорску и вдоль Волоколамского шоссе до Истры.

Позже эти дни советские военачальники и историки назовут «днями наивысшей опасности для столицы».

Где была в это время Отдельная бригада особого назначения? Она оказалась на острие удара главных сил. ОМСБОНовцам было поручено создание зоны заграждений на подмосковных рубежах.

Понятие «заграждение» включает в себя многое. Это не только сооружение противотанковых и противопехотных препятствий, но и минирование дорог, полей, зданий, устройство завалов, рвов, ложных препятствий.

Из состава бригады формировались специальные группы по 4—5 человек. В обязанности такой группы входило саперной лопатой, ломом вырыть в замерзшей земле шурф и заложить туда взрывчатку.

А морозы, как известно, в ту пору стояли лютые. Приходилось работать окоченевшими от холода руками. Сложность

252

была в том, что малейшая неточность, ошибка могла привести к взрыву.

И тогда саперы-ОМСБОНовцы нашли выход: мины снаряжали

в крестьянских домах и переносили в собранном виде к шурфам. К счастью, был изобретен и специальный предохранитель, который спас жизни многим саперам.

В истории ОМСБОНа есть славный боевой эпизод. О нем рассказал в своих воспоминаниях командир роты М. Загородников.

А дело в том, что саперам одного из подразделений бригады было поручено подготовить к взрыву участок Ленинградского шоссе, по которому к Москве прорывались фашисты.

Саперы вручную вырыли несколько десятков шурфов двухметровой глубины, заложили взрывчатку. Шурфы замыкались в цепь и выходили на главную электромагистраль.

Когда работы были практически закончены, немцы прорвались в Солнечногорск. Но приказ взрывать шоссе не поступал. Уже гремели танковые орудия врага, фашисты двигались в сторону саперного подразделения. Завязался бой. Боеприпасы были на исходе. Но саперы не отступили. Наконец пришел приказ. Взрыв! Четыре километра дороги взлетели на воздух.

Кстати говоря, приказ привез бесстрашный мотоциклист испанец Гросс.

Спортсмены-мотоциклисты особенно смело действовали в военной обстановке. Испытатель мотоциклов Эдуард Колошин на полной скорости влетел в город Ямугу. Еще час назад город был нашим, теперь его захватили немцы. Оказавшись в гуще фашистов, Колошин забросал их гранатами и, пользуясь паникой в стане врага, умчался прочь.

Другой кроссмен-мотоциклист, призер первенства страны Равиль Губайдулин, рискуя жизнью, прорвался к саперам, работающим на шоссе у Клина. Саперам срочно понадобились детонаторы, и Равиль их привез, распихав в рукава и полы собственной телогрейки, рискуя взорваться в любую секунду.

Саперы бригады работали в Подмосковье — на Можайском шоссе, по берегу реки Сетунь, на Киевском шоссе у совхоза «Никулино», на Пятницком шоссе, у села Покровское-Стрешнево.

Минировали ОМСБОНовцы различные участки местности и под Тулой. Там действовал крупный отряд саперов.

253

Итогом их деятельности была установка 40 тысяч мин. И это только силами одной бригады. Для сравнения скажу, что весь Калининский фронт установил лишь 4500 мин. Известны и потери немцев от мин ОМСБОНовцев. И они немалые — 30 танков, 20 броневиков, 68 машин с мототехникой, 53 мотоцикла. Кроме того, подразделениями бригады были захвачены десятки автомашин, мотоциклов, пулеметов.

Когда же обстановка вокруг Москвы несколько стабилизировалась, бригада вернулась к исполнению своих непосредственных обязанностей — ведению глубинной разведки, диверсиям, блокированию железнодорожных узлов и линий, формированию отрядов партизан.

Сложность обстановки состояла в том, что разведчикам-

ОМСБОНовцам не приходилось надеяться на мнимое большевистское подполье, которое якобы вело и руководило партизанским движением.

Да, 18 июля 1941 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». Однако ничего толкового в этом постановлении не было.

Оказался напрочь отброшенным опыт Испании, где внедрялась система управления партизанскими отрядами через специальные штабы и предлагалось «развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов».

Однако, как показал опыт, подполье было крайне уязвимым, и ни о каком «развертывании сети» и «руководстве» партизанами не могло быть и речи.

Опытные чекисты-диверсанты, такие как, например, Дмитрий Медведев, хорошо понимали это, и потому ОМСБОН надеялся лишь на собственные силы.

Уже летом 1941 года на территорию Смоленской области были заброшены отряд старшего лейтенанта В. Зуенко и разведгруппа в составе доцента МГУ Я. Кумаченко, преподавательницы Института иностранных языков З. Пивоваровой и радиста Н. Абрамкина.

Разведчики устроились переводчиками в штаб немецкой танковой дивизии и сумели завоевать доверие фашистов. Они двигались вместе со штабом и гитлеровскими танками к Москве, передавая ценную информацию.

В октябре группе удалось благополучно покинуть штаб и соединиться с отрядом Зуенко.

Тем же летом на оккупированную территорию Белоруссии, Украины, Орловской и Курской областей были направлены несколько оперативных групп. Одна из них готовила к переброске в тыл врага отряд «Митя» под руководством Медведева.

Несколько месяцев на Смоленщине действовал отряд под руководством опытного чекиста, партизана-дальневосточника А. Флегонтова.

С июля по октябрь 1941 года особая спецгруппа ОМСБОНа создавала базы для развертывания отрядов на Гомельщине, в Брянской и Орловской областях.

Отряд Медведева будет успешно действовать в тылу вражеских войск. На его счету три взорванных железнодорожных и семь шоссейных мостов, десять уничтоженных вражеских самолетов, три пущенных под откос воинских эшелона, несколько разгромленных немецких гарнизонов, пунктов связи, выведенных из строя заводов.

Партизаны-медведевцы уничтожили двух немецких генералов, 17 офицеров, около полутысячи солдат, казнили 45 предателей Родины.

После возвращения отряда из глубокого тыла стал известен подвиг выдающегося советского боксера, ОМСБОНовца Николая

Королева, который спас от лап фашистов своего раненого командира.

Когда в районе Клетней каратели окружили отряд, в бою был ранен Медведев. Королев выносил командира из-под огня, но неожиданно они столкнулись с немцами, их ждала неминуемая гибель.

Однако Николай пошел на хитрость, он опустил на землю командира и поднял руки вверх. Немцы под охраной проводили Королева к партизанской землянке. Тут Николай неожиданными ударами сбивает трех охранников и бросает в землянку гранату.

Отряд, воспользовавшись замешательством врага, вырвался из кольца. Королев много километров нес Медведева на себе.

14 января 1942 года отряд «Митя», перейдя линию фронта, возвратился в Москву.

Через месяц газета «Правда» напишет: «Из глубокого тыла возвратился партизанский отряд, которым командовал Д. Медведев. Отряд пробыл на территории, занятой гитлеровцами, четыре месяца и совершил за это время немало славных дел».
255

Опыт, накопленный медведевцами, тщательно анализируется в штабе бригады. На его основе разрабатываются будущие разведывательные и диверсионные операции в тылу врага. Тем более, что зима и весна 1942 года — это время интенсивного формирования спецгрупп и их массовой засылки в тыл врага.

В одном из докладов Гитлеру говорилось: «В течение зимы 1941/42 г. через линию фронта были переправлены или сброшены с парашютом в немецкий тыл фанатично настроенные и преданные партии, прошедшие военную подготовку или кадровые офицеры...»

В донесении этот факт рассматривался как стремление обеспечить партизан опытными командирами, а карателям ставилась первоочередная задача — уничтожение десантников.

В докладе Гитлеру не случайно назван один из способов переправки за линию фронта — заброска с помощью парашюта. Такой способ имел немало преимуществ. Ведь «пешая» засылка всегда была связана с большим риском во время пересечения линии фронта, с опасностями на маршруте передвижения, с трудностями дальнего перехода, жестким лимитом продовольствия и боеприпасов.

Для заброски боевых групп в тыл врага уже в декабре 1941 года ОМСБОНу было придано авиазвено. Правда, оно было сравнительно небольшим, со слабой материальной базой, и тем не менее летчики авиаслужбы бригады совершили около 350 боевых вылетов.

Они не только обеспечивали выброску диверсионных групп, но в период нахождения в тылу врага перебрасывали ОМСБОНовцам оружие, боеприпасы, обмундирование, продовольствие.

В архивах сохранился рапорт комбрига полковника М. Орлова командующему западным фронтом Г. Жукову. На рапорте собственноручная резолюция полководца: «Уничтожить железные дороги Смоленск — Орша, Смоленск — Вязьма..,

разведка и точный учет подходов к линиям Западного фронта, вскрывать сосредоточение войск в районе Минск, Бобруйск, Витебск, Гомель».

Эти задачи были поставлены перед отрядами ОМСБОНа, которые одновременно забрасывались в тыл врага, имели общую задачу и действовали на одной территории в так называемом «смоленском треугольнике».

256

Боевой опыт, накопленный в период действий на Смоленщине, имел неоценимое значение. Здесь впервые был осуществлен одновременный выход в тыл врага не отдельных диверсионных групп, а сразу нескольких мощных отрядов. Они наносили массированные удары по стратегически важным магистралям.

Эти удары явились серьезной помощью фронту. Так, с апреля по июнь 1942 года на магистрали Дорогобуж — Смоленск эффективно действовал диверсионный отряд майора П. Коровина.

Единовременный выход нескольких групп П. Коровина на магистраль Смоленск — Вязьма дал существенный результат. Дважды диверсанты выводили ее из строя на достаточно большом протяжении.

В общей сложности усилиями бойцов отряда майора Коровина движение было прервано на 50 суток. Подрывники пустили под откос 11 эшелонов врага, вывели из строя два моста, подорвали несколько десятков машин.

Так же успешно действовали в «смоленском треугольнике» отряды Бажанова, Хвостова, Артамонова.

На исходе 1942 года начальник инженерных войск Западного фронта генерал-майор М. Воробьев напишет в письме на имя руководства НКВД:

«Выделявшиеся из состава Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР по просьбе командования Западным фронтом в марте 1942 года отряды по разрушению коммуникаций в тылу врага с задачей справились и подтвердили целесообразность высылки таковых».

Командование ОМСБОНа для засылки в тыл врага своих групп также широко использовало «Витебские ворота» — лесной коридор на участке армий Калининского фронта, ведущий в лесные массивы Витебщины и северной Смоленщины.

В январе 1942 года в тыл врага ушел отряд «Победа» под командованием И. Кузина. Отряд месяц двигался на лыжах в Борисовский район Минской обрасти. Это был один из первых отрядов «москвичей» в Белоруссии. Солдаты в армейской форме, с автоматами вызывали радость и восхищение у местных жителей. Кузин установил связь с партизанами Константина Заслонова.

В марте линию фронта перешел отряд «Местные» под командованием будущего Героя Советского Союза подполковника С. Ваупшасова.

257

В октябре в Брянскую область была десантирована

спецгруппа «Сокол» под руководством опытного разведчика К. Орловского.

Это он разработал впоследствии операцию под кодовым названием «Кабанья охота» по ликвидации гауляйтера Белоруссии Коха и руководителя окружной фашистской администрации гебитскомиссара Фенса.

Замысел был основан на данных разведки — гитлеровцы хотели развлечь Фенса охотой на кабана. Отряд уже с 6 часов утра находился в засаде, однако Орловский принимает решение напасть на фашистов, когда они будут возвращаться с охоты.

На снегу, на морозе долгих двенадцать часов ждут партизаны, и вот появляется обоз. В санях, в медвежьей дохе лежит Фенс.

Орловский бросает первую шашку. Готовится метнуть вторую, но шальная пуля попадает в детонатор. Шашка взрывается в руке.

Испанец Хусто Лопес вытащил командира из-под огня, сделал перевязку.

Партизанский хирург сделал операцию: он ампутировал правую руку и кисть левой. Не было обезболивающих средств. Единственным инструментом была ножовка. Но Орловский мужественно перенес операцию.

Через три месяца он радировал в Москву: «Выздоровел. Приступил к командованию отрядом». Но Центр настаивал на возвращении Орловского в Москву. Он согласился лишь с третьего вызова, в конце 1943 года.

Летом того же года на базе отряда Орловского формируются еще два партизанских подразделения: отряды имени Кирова и Свердлова.

В августе 1943 года бригада под командованием чекиста С. Ваупшасова (Градова) принимает диверсионную группу капитана А. Миронова и переправляет ее на базу отряда «Сокол».

В Минской области действовала спецгруппа «Юрий» под руководством опытного чекиста Ю. Куцина, в состав которой входили немецкие антифашисты. Разведчик группы Карл Кляйнюнге работал под именем обер-лейтенанта полевой жандармерии Отто Шульца.

В июне 1942 года в район станции Зленка был заброшен разведывательно-диверсионный отряд «Храбрецы». Во главе отряда стоял чекист А. Рабцевич.

24 декабря 1943 года в телеграмме, адресованной в НКВД, командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии К. Ро-

коссовский отметит: «Учитывая успешную работу в тылу врага спецотрядов Вашего наркомата, действовавших под командованием тт. Каминского, Матвеева, Шихова и оказавших существенную помощь в деле разрушения Унечского и Гомельского железнодорожных узлов противника, мы просим оказывать дальнейшую помощь Белорусскому фронту посылкой ваших диверсионно-разведывательных отрядов для воздействия на перевозки и разрушения основных железнодорожных коммуникаций в тылу противника».

В ответ на просьбу К. Рокоссовского командование ОМСБОНа

сформирует еще три диверсионных отряда. В январе 1944 года разведчики простятся с Москвой и двинутся через Брянск и Унечу в город Речицу, в штаб 1-го Белорусского фронта. Наряду с Белоруссией одним из главных направлений заброски отрядов и спецгрупп ОМСБОНа станет Украинское Полесье и Приднепровье.

Ставка Верховного Главнокомандования остро нуждалась в развединформации из районов Ровно, Украины, из Винницы, близ которой располагалась ставка Гитлера, а также из таких крупных городов, как Киев и Львов.

На Украину был направлен отряд «Победитель» во главе с известным партизанским командиром Дмитрием Медведевым. В состав отряда включили и разведчика Николая Кузнецова, чье имя через несколько лет станет легендарным.

Это он разработает смелые операции и вместе со своими боевыми товарищами казнит верховного судью Украины обер-фюрера СС А. Функа, заместителя рейхскомиссара Украины генерала Г. Кнута, министерского советника финансов Г. Геля, гитлеровского палача А. Виннера.

Это Кузнецов осуществит дерзкое похищение из собственной резиденции командующего карательной экспедицией генерал-майора фон Эльгена, убьет вице-губернатора Галиции доктора Бауэра.

Опорой в его героических делах станут бойцы отряда «Победитель» и партизаны-подпольщики Ровно и Львова.

В 1943 — 1944 годах командование ОМСБОНа усилило помощь партизанам Прибалтийских республик и Польши. Здесь действовали отряды «Боевой», «Гвардия», «Дружина».

Особая роль отводилась разведотряду «Гвадалахара». Его разведчики под видом офицеров и солдат испанской «Голубой дивизии» проникали в Вильнюс и Каунас.

Бойцы ОМСБОНа — поляки и немцы — вели разведку в Варшаве, Кракове, городах Восточной Пруссии.

Не обошли своим вниманием разведчики и Кавказ. Только в 1942 году туда было направлено шесть оперативных отрядов численностью 500 человек.

Деятельность разведчиков, в том числе и ОМСБОНа, получили высокую оценку Г. Жукова. «Безусловно, благодаря блестящей работе советской разведки весной 1943 года, — писал он, — мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед летним наступлением... Хорошо работающая разведка... была одним из слагаемых в сумме прочих, обеспечивающих успех этого величайшего сражения».

А вот как оценивали действия разведчиков и партизан уже в 1944 году наши враги. Гитлеровский генерал Г. Гудериан свидетельствовал: «...малая война за линией фронта... оказала решающее влияние на исход целых сражений, например в 1944 году на центральном участке Восточного фронта».

С начала 1944 года радисты спецгрупп и отрядов ОМСБОНа получали из Центра радиограммы, в которых предписывалось: с приближением фронта, не дожидаясь дальнейших

распоряжений, двигаться на запад.

И они двигались. На территорию стран Восточной Европы уходили ОМСБОНовские отряды — Н. Прокопюка, В. Карасева, Е. Мирковского, А. Рабцевича.

На заключительном этапе войны Ставка направила несколько спецгрупп бригады особого назначения в Восточную Пруссию и на территорию Германии, непосредственно в Берлин.

После окончания войны, в 1946 году, бригада, или, как она именовалась к тому времени, Отдельный отряд особого назначения НКГБ СССР, был распущен. По существу, на многие десятилетия страна останется без спецподразделения соответствующего уровня. И только через 33 года афганские события подтолкнут руководителей страны к созданию разведывательно-диверсионного подразделения. Им станет «Зенит», «Каскад» и впоследствии «Вымпел».

Однако не забудем — «Вымпел» вырос не на пустом месте. Предшественником его был славный ОМСБОН.
[260]

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ЖЕРТВЫ «АТОМНОГО ПРОЕКТА»

В конце 1942 года наша разведка получила данные: англичане выбросили в Норвегии десант. Парашютисты действовали неудачно. Из-за сложных метеоусловий самолет и буксируемый планер с бойцами потерпели катастрофу. Другой самолет оборвал буксирный трос, и планер сделал посадку далеко от цели.

В этом районе Норвегии не было немецких объектов, ну разве что завод, производивший… воду. Правда, вода в заводских отстойниках оказалась не простой, а тяжелой. Это сегодня вам каждый школьник скажет, что тяжелая вода — неотъемлемый элемент ядерных исследований, а тогда многое было неизвестным, новым, сверхсекретным.

И, возможно, неудачной диверсионной операции союзников не придали бы особого значения в Москве, если бы не два обстоятельства.

Во-первых, англичане через три месяца повторили свой налет на немецкий завод в Норвегии, во-вторых, настораживал сам подход к организации диверсии. Дело в том, что у нас была договоренность с английскими спецслужбами о совместном использовании агентуры в странах Скандинавии и Европы при проведении диверсионных актов. Но на сей раз англичане не попросили о помощи. Создавалось впечатление, что они, наоборот, старались, чтобы Советы поменьше узнали о парашютном десанте.

Взрыв на заводе все-таки был произведен, и Германия потеряла некоторые запасы тяжелой воды.

По свидетельству тех, кто имел отношение к советской ядерной программе, именно эта диверсия англичан на немецком заводе в Веморке, что в Норвегии, стала поворотным пунктом в

создании нашего ядерного оружия.

Сталин окончательно поверил в реальность создания атомной бомбы.

261

Правда, существует и другое мнение: якобы Сталин дал старт нашим активным ядерным исследованиям под давлением обстоятельств. Уже слишком многое к началу 1943 года говорило о работе немцев, американцев, англичан над собственными атомными проектами.

Достаточно сказать, что слухи о работах над сверхмощным оружием стали просачиваться в Советский Союз еще в 1940 году. Однако наши ведущие ученые высказывали мнение, что такое оружие — дело будущего.

Как известно, Сталин, беседуя с нашим резидентом в Вашингтоне, известным разведчиком Василием Зарубиным, перед его отправкой в Америку в октябре 1941 года и словом не обмолвился о «сверхоружии». Главная задача Зарубина — политическое воздействие на США через агентуру влияния. И это вполне логично. В первые самые трудные месяцы войны для Советского Союза было крайне важно союзническое участие США в войне против Германии.

Однако вскоре сама жизнь изменила приоритеты работы Зарубина. Наша резидентура в Америке активно включилась в деятельность по разработке «атомного проекта».

В сентябре 1941 года британцы приняли свой проект создания урановой бомбы. Проект рассчитывали закончить всего за два года. Комитет начальников штабов Великобритании принял решение о строительстве завода по созданию «сверхмощного оружия».

Хейфец, наш резидент в Сан-Франциско, основные усилия которого были направлены на нейтрализацию деятельности лидеров белой эмиграции в Америке, вдруг сообщил, что правительство США привлекает виднейших ученых, лауреатов Нобелевской премии к созданию урановой бомбы. Более того, известный физик Оппенгеймер, сочувствующий идеям Компартии США, переезжает в новую, засекреченную лабораторию, где и будет заниматься этим оружием.

Тогда же Хейфец, который лично встречался с Оппенгеймером, передал в одной из своих радиограмм суть письма Эйнштейна президенту США, в котором великий ученый, озабоченный угрозой фашизма, призывает Рузвельта начать создание атомной бомбы.

Информация по сверхоружию интересовала и наших ученых. Сегодня хорошо известно письмо, датированное маем

262

1942 года, направленное Сталину ученым-физиком, будущим академиком Флеровым. В нем он поделился своими наблюдениями, что перед войной из открытой зарубежной прессы, научных журналов исчезли публикации по урановой проблеме. «Засекречивание» проблемы могло говорить только о начале работ по созданию ядерного оружия.

В разгадке секретов атомного сверхоружия принимали

участие не только агенты разведывательно-диверсионной службы в США, Англии, Скандинавии, но и наши партизаны. Правда, порою даже не подозревая об этом.

Вот один, по-своему уникальный, случай. Полковник Илья Старинов так вспоминает об этом: «Группа старшины Максима Алексеевича Репина захватила и доставила в штаб спецбатальона большое количество различных документов противника, в частности толстую общую тетрадь погибшего в бою немецкого офицера из инженерных частей. Тетрадь была испещрена графиками и формулами, сопровождавшимися пояснениями.

Не владея немецким языком, я дал почитать тетрадь одному из офицеров. Тот не нашел в ней ничего интересного:

— Все какая-то синтетика, товарищ полковник. Обычные фрицевские «эрзацы». Да еще бред об атомной энергии...

Но тетрадь я не выбросил. Мало ли что! А места не пролежит».

Вскоре Старинов привез и передал тетрадь нашим ученым в Москве.

«Лишь много лет спустя, — напишет он позже, — я узнал, что записи в тетради, добытой на Кривой Косе старшиной Репиным, были расценены как свидетельство начавшейся в фашистской Германии работы по использованию в военных целях атомной энергии, тем более, что Гитлер уже грозил человечеству каким-то «сверхсекретным оружием»...

Словом, привезенная мною в Москву тетрадь оказалась для ученых важным документом. Журнал «Химия и жизнь» опубликовал отрывки из воспоминаний С.В. Кафтанова. Сергей Васильевич пишет, что эта тетрадь наряду с предупреждением Флерова побудила его и академика А.Ф. Иоффе обратиться в ГКО с письмом о необходимости создать научный центр по проблемам ядерного оружия».

Вот так, вдалеке от научных центров; на фронте, в бою было найдено очередное важное подтверждение мысли о необходимости создания собственного ядерного оружия.

263

Остается лишь добавить, что наш разведчик в Лондоне Барковский передал ценный материал: секретные научные разработки западных ученых по атомной программе. После ознакомления с ними специалисты сделали неутешительный вывод: западная наука продвинулась достаточно далеко по пути создания ядерного оружия.

К счастью, это понял и Сталин. И поэтому начало 1943 года ознаменовано выходом правительственного постановления об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях, а вскоре и созданием специальной лаборатории Академии наук СССР.

Возглавил эту лабораторию в ту пору мало кому известный молодой ученый Курчатов. От Политбюро атомным проектом руководил вначале Молотов, потом Берия. В НКВД был создан Отдел «С», который занимался координацией деятельности разведорганов страны по «проблеме № 1».

Разведка всячески помогала нашим ученым в работе над

атомным проектом. Сегодня известны письма Курчатова в Совет народных комиссаров.

«Теперь мы имеем важные ориентиры для последующего научного исследования, — сообщал ученый, — они дают возможность решения всей проблемы в значительно более короткий срок...»

Павел Судоплатов, возглавлявший Отдел «С», называет цифры: наши агенты в Англии и США добыли 286 секретных научных документов и публикаций. Сам Курчатов «в марте-апреле 1943 года... назвал 7 наиболее важных научных центров и 26 специалистов в США, получение информации от которых имело огромное значение.

С точки зрения деятельности разведки, это означало оперативную разработку американских ученых в качестве источников важной информации».

Что это за источники? Это были ученые лаборатории в Лос-Аламосе и Беркли, завода в Окридже. Среди них мировые имена, величайшие физики современности — Эйнштейн, Оппенгеймер, Ферми, Сцилард.

Хочу оговориться сразу, и шеф нашей научно-технической разведки Квасников, и начальник отдела «С» Судоплатов в своих воспоминаниях в единый голос заявляют: ученых, в той или иной мере связанных с советской разведкой, нашими агентами назвать нельзя.

Скорее всего, это было глубокое осознание ответственности перед народами Земли, желание противостоять фашизму, осознание опасности сосредоточения сверхмощного оружия в одних руках.

Иное дело родственники и ближайшее окружение ученых. Так, наши разведчики знали, что жена Оппенгеймера Кэтрин увлечена коммунистическими идеями, симпатизирует Советскому Союзу, борющемуся с фашизмом. Хейфец знакомит известную советскую разведчицу Елизавету Зарубину с Кэтрин.

Надо сказать, что Зарубина была незаурядной личностью. Обаятельная женщина, умна, красива, прекрасно образованна, владела несколькими языками, среди которых — английский, немецкий, французский. К тому же она опытный разведчик-нелегал, начинала службу в ВЧКа еще вместе с Дзержинским, работала в странах Западной Европы. Ко времени подключения Зарубиной к «атомному проекту» за ее плечами была «разработка» и вербовка ценнейшего агента — гестаповца Лемана.

Зарубина быстро сходится с Кэтрин. Вскоре Оппенгеймер делится информацией с учеными антифашистских взглядов, бежавшими от преследования нацистов.

Это лишь один пример успешной работы советской разведки.

Разумеется, нельзя не вспомнить Лону и Мориса Коэнов, наших бессменных курьеров. Именно Лона передала важнейшие документы по конструкции атомной бомбы.

Коэны и после войны долгое время работали за рубежом, в Лондоне, бок о бок с резидентом КГБ Кононом Молодым. Вместе

с ним были арестованы, брошены за решетку. Через шесть лет их обменяют, и они останутся жить в Москве.

Активно помогали Советскому Союзу в «разработке атомного проекта» супруги Юлиус и Этель Розенберги, русский физик, в 30-е годы покинувший СССР Георгий Гамов, ученый-ядерщик Елизавета Мейтнер, бежавшая из фашистской Германии.

Кстати, именно Мейтнер уговорила Нильса Бора поделиться атомными секретами с антифашистами.

Ныне, к счастью, раскрыта совершенно секретная записка Л. Берии к Сталину, датированная ноябрем 1945 года. В ней шеф советских спецслужб сообщает.

«Известный физик, профессор Нильс Бор, имевший отношение к работам по созданию атомной бомбы, вернулся из США в

Данию и приступил к работам в своем институте Теоретической физики в Копенгагене.

Нильс Бор известен как прогрессивно настроенный ученый и убежденный сторонник международного обмена научными достижениями. Исходя из второго, нами была послана в Данию, под видом розыска увезенного немцами оборудования советских научных учреждений группа работников для установления контакта с Нильсом Бором и получения от него информации по проблеме атомной бомбы.

Посланные товарищи: полковник Василевский, кандидат физико-математических наук Терлецкий и переводчик инженер Арутюнов, найдя соответствующие подходы, связались с Бором и организовали с ним две встречи...

Тов. Терлецкий сказал Бору, что, находясь проездом в Копенгагене, счел своим долгом нанести визит известному ученому и что о лекциях Бора до сих пор тепло вспоминают в Московском университете.

В процессе беседы Бору был задан ряд вопросов, заранее подготовленных в Москве академиком Курчатовым и другими научными работниками, занимающимися этой проблемой.

Перечень вопросов, ответы на них Бора, а также оценка этих ответов, данная академиком Курчатовым, прилагается».

Думаю, Нильс Бор не был столь наивным человеком, чтобы не догадываться, с какой целью эти «заезжие» русские задают ему столь специфические вопросы. И тем не менее он ответил на них».

Говоря об участии разведывательной службы в «атомном проекте», нельзя не сказать отдельно об особой роли в этом деле талантливого разведчика Семенова.

Он, еще будучи молодым человеком, пришел в разведку, когда схлынула первая волна репрессий. К тому времени Семенов получил хорошее инженерное образование. Этим и решили воспользоваться руководители разведки. С дальним прицелом его посылают на учебу в США, в Массачусетский технологический институт.

Позже Семенов работает «под крышей» советской внешнеторговой организации «Амторг». Он выходит на

нескольких перспективных ученых-физиков, близких к Оппенгеймеру, убежденных антифашистов. Так создается канал, по которому Москва будет получать секретную информацию научно-технического характера, связанную со строительством ядерной бомбы, атомных реакторов, урановых котлов, установок.
266
Успех Семенова был основан на глубоком знании предмета, реальной оценке обстановки, использовании институтских связей для определения круга американских ученых, участвующих в Манхэттенском проекте.

Описание конструкции первой американской атомной бомбы Москва получила в начале 1945 года. Война подходила к концу, и ученые-ядерщики думали об урановой руде. В ту пору в Советском Союзе эти запасы еще не были разведаны, зато удалось перехватить немецкие материалы, в которых фашисты обращали свои взоры к Родопским горам, что в Болгарии.

Димитров дал добро на разработку уранового рудника. Район Бухово был оцеплен кольцом советских войск.

В 1946-м в Советском Союзе откроют свое урановое месторождение, но добыча в Бухово будет продолжаться.

И хотя об успешном ходе работ в США Сталину докладывали постоянно, атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки подстегнула «вождя народов». Состоялось экстренное заседание Политбюро и ГКО, в результате которого был создан Особый комитет и Технический совет по атомной бомбе (АБ).

Особый комитет возглавил Берия, его заместителем стал Первухин, членами — Маленков, Вознесенский, нарком боеприпасов Ванников, академики Капица и Курчатов, заместитель министра внутренних дел Завенягин.

До испытаний нашей первой атомной бомбы было еще четыре года. Четыре года упорного, изнуряющего труда ученых, инженеров, военных специалистов, разведчиков.

Особый комитет — это особая страница в нашей истории создания советского ядерного оружия. Тут, как правило, помалкивают. Что ж, мол, говорить, — дело сделано. Да какое дело — великое! Создана атомная бомба. Или признают у Берии крупный организаторский талант. Правда, есть и еще одно мнение — весьма авторитетное.

Мнение крупного ученого, члена Особого комитета академика Петра Леонидовича Капицы. Говорят, что Капица соперничал с Курчатовым и не на шутку обиделся, так как претендовал на самостоятельное и руководящее положение в реализации атомного проекта. Отсюда и разлад с Берией.

Возможно, это и так. Даже великие люди остаются людьми со своими недостатками. Но дело, как мне кажется, не в личных обидах академика. В своих письмах к Сталину Капица
267
рассуждает совсем о другом. Увы, ученый так и не был понят «вождями».

«Товарищ Сталин! — писал Капица в ноябре 1945 года — Почти четыре месяца я заседаю и активно принимаю участие в работе Особого комитета и Технического совета по атомной

бомбе (АБ)...

В организации по АБ, мне кажется, есть много ненормального. Во всяком случае, то, что делается сейчас, не есть кратчайший и наиболее дешевый путь к ее созданию...

Правильная организация всех этих вопросов возможна только при одном условии, которого нет, но, не создав его, мы не решим проблемы АБ быстро и вообще самостоятельно, может быть, совсем не решим. Это условие — необходимо больше доверия между учеными и государственными деятелями. Это у нас старая история, пережитки революции. Война в значительной мере сгладила эту ненормальность, и если она осталась сейчас, то только потому, что недостаточно воспитывается чувство уважения к ученому и науке.

Правда, участие ученых в проблемах нашего народного хозяйства, обороны всегда было большим и важным, но ученый мог оказать помощь, оставаясь в стороне, консультациями и решением тех или иных предложенных ему задач. Надо отметить, что, к большому сожалению, это было связано с тем, что наша промышленность и вооружение развивались на основе улучшения существующих конструкций. Например, Яковлев, Туполев, Лавочкин — крупнейшие конструкторы, но они все же совершенствовали уже существующий тип самолетов. Новые типы самолетов, как турборакетные, потребовали бы другой тип конструктора, более творческий и смелый.

Таким людям у нас в Союзе мало раздолья. Поэтому техника, основанная на принципиально новых идеях, как АБ, Фау-2, радиолокация, газовая турбина и пр., у нас в Союзе или слабо, или совсем не двигается...

Жизнь показала, что заставить себя слушаться я мог только как Капица — начальник главка при СНК, а не как Капица — ученый с мировым именем. Наше культурное воспитание еще недостаточно, чтобы поставить Капицу-ученого выше Капицы-начальника... Так происходит и теперь при решениях проблем АБ. Мнения ученых часто принимаются со скептицизмом, и за спиной делают по-своему.

Особый комитет должен научить товарищей верить ученым, а ученых, в свою очередь, это заставит больше чувствовать свою

ответственность, но этого пока еще нет. Это можно только сделать, если возложить ответственность на ученых и товарищей из Особого комитета в одинаковой мере. А это возможно только тогда, когда... наука и ученый будут всеми приниматься как основная сила, а не подсобная, как это теперь.

Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это не плохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый. Ведь скрипка дает тон всему оркестру. У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берии слабо.

Стоит только послушать рассуждения о науке некоторых товарищей на заседаниях Техсовета. Их приходится часто

слушать из вежливости и сдерживать улыбку, так они бывают наивны.

Они воображают, что, познав, что дважды два — четыре, они уже постигли все глубины математики и могут делать авторитетные суждения».

Вскоре после этого письма академик Капица будет выведен из состава Особого комитета, а в 1946 году снят с должности начальника Главкислорода и директора основанного им Института физических проблем.

Лишенный института, учеников, приборов и установок, переданных ему Резерфордом, словом, лишенный любимого дела, Петр Капица надолго заболел. Берия уговаривал Сталина арестовать ученого, но «Коба» не стал этого делать...

Право же, я не просто так привел письмо ученого и коротко рассказал о последствиях его участия в «атомном проекте». Трагедия заключается в том, что большинство разведчиков, которым страна обязана созданием щита, разделили судьбу Петра Капицы.

Только они не были известными учеными, и поэтому советский резидент в Сан-Франциско Хейфец был отозван из США и брошен в тюрьму. Разведчики Горский и Василевский уволены из органов досрочно. После ареста Розенбергов Семенова и Авакимяна обвинили во всех провалах и изгнали из разведки без пенсии и средств к существованию. Так же поступили и с талантливыми разведчиками супругами Зарубиными.

Теперь они были никому не нужны. В августе 1949 года Советский Союз испытал свою первую атомную бомбу.

269

В ПРИЦЕЛЕ - ШТАБ-КВАРТИРА НАТО

Общепринято считать, что старт «холодной войне» дал Уинстон Черчилль в Фултоне 6 марта 1946 года. Это не так. Ветры той будущей «войны» начали дуть еще цветущим, счастливым победным маем 1945 года. Этого не чувствовали и не осознавали рядовые и офицеры различных армий-победительниц, пожимая друг другу руки на Эльбе, но конфликт государственных интересов был. весьма ощутим.

Вскоре одна война сменила другую. Изменились приемы и методы борьбы, вчерашние партнеры по антигитлеровской коалиции теперь стали противниками, врагами.

Жизнь ставила новые задачи. США создает Центральное разведывательное управление (ЦРУ). СССР учреждает свой орган обновленной разведки, так называемый Комитет информации.

В состав Комитета вошли 1-е управление МГБ и Главное разведуправление министерства обороны (ГРУ).

Возглавил Комитет Молотов. Позже его сменил на короткий срок Вышинский, потом Зорин, впоследствии представитель СССР в ООН.

Идея создания Комитета принадлежала Молотову. Дело в том, что огромный опыт, накопленный в период войны, показал: политическая и военная разведка не всегда умело и

квалифицированно справлялась с анализом развединформации, которая стекалась по различным каналам в Центр.

Задумка сама по себе была весьма здравая, если Комитет информации рассматривать как единый аналитический мозг страны. Однако Молотов и его подручные смотрели на Комитет несколько иначе. Вскоре он превратился в придаток МИДа, который, как известно, ведает дипломатическими проблемами, но не разведкой.

Через несколько лет Сталин понял неэффективность работы Комитета информации и приказал возвратиться к прежней, апробированной системе — оперативной развединформацией вновь занялись 1-е Главное управление МГБ (ныне служба внешней разведки) и ГРУ.

Летом 1946 года в рамках реорганизации разведорганов было расформировано 4-е управление разведывательно-диверсионной работы. Через год с небольшим вместо него создана специальная служба разведки и диверсий при Министерстве

270

госбезопасности. В 1950 году службу переименовали в Бюро № 1 МГБ по диверсионной работе за границей.

В Комитете информации начальником Управления по работе с нелегалами был опытный разведчик Коротков. Это он являлся автором плана засылки в США и Западную Европу в качестве резидента советской разведки Рудольфа Абеля.

Главная задача Абеля состояла в активизации нашей агентурной сети в Норвегии, Франции, Соединенных Штатах и Канаде. Надо было проникнуть на военные базы в Бергене, Гавре, Шербуре. Руководство страны требовало от разведки ответа на очень больной для Советского Союза вопрос: сколь быстро и мобильно смогут действовать американцы при переброске в Европу своих сил и средств в случае начала войны?

Абелю не только удалось проверить старые источники информации, но и создать новую агентурную сеть. В нее вошли нелегалы, которые под легендой чешских эмигрантов осели в Бразилии, Мексике, Аргентине.

Как правило, они выдавали себя за бизнесменов, что давало им возможность свободно передвигаться из Латинской Америки в США и обратно.

В группе «латиноамериканцев» успешно работал полковник Филоненко. С женой и тремя детьми он жил то в Аргентине, то в Бразилии как чешский бизнесмен, бежавший из Шанхая от коммунистической диктатуры.

Супруги Филоненко имели своих агентов в среде китайцев, которые в случае необходимости могли доставить взрывчатку на американские суда, перевозившие грузы в Японию.

Абель, безусловно, был талантливым разведчиком и потому не мог полагаться лишь на одну группу агентов. Кроме Филоненко на востоке США проживали немецкие эмигранты, и в частности Курт Визель.

Он прошел школу разведки и диверсий под руководством Эрнста Волльвебера, известного специалиста по диверсиям еще в довоенной Европе.

Визель работал ведущим инженером на судостроительном заводе и, разумеется, имел доступ к секретной информации. Будучи опытным разведчиком, общительным человеком, он собрал из моряков, докеров, судостроительных рабочих группу надежных боевиков, которые готовы были в любую минуту к проведению диверсионных актов.

271

Угроза проведения таких актов возникла в 1950 году, когда корейская война достигла верхней точки напряжения. Именно тогда на помощь боевикам Филоненко и Визеля из Латинской Америки в США были переброшены наши специалисты-подрывники, которые на месте были готовы собрать мины.

К счастью, Центр так и не решился отдать приказ на применение взрывных устройств. Офицеры-специалисты возвратились в Советский Союз.

С приходом на пост министра госбезопасности Игнатьева Бюро № 1 и Главное разведывательное управление занялись разработкой стратегического плана диверсионных операций на американских военных базах в случае возникновения новой войны или локального конфликта вблизи границ СССР.

Было определено несколько десятков наиболее важных целей, и среди них — военные базы стратегических ВВС с ядерным оружием; склады и терминалы с боеприпасами и боевой техникой для американских войск в Европе и на Дальнем Востоке; нефтепроводы и хранилища горюче-смазочных материалов и топлива.

К тому времени советская разведывательно-диверсионная служба располагала сетью агентов в США и Канаде, в Норвегии, Австрии, Франции, Германии, которые держали под постоянным наблюдением и контролем стратегические военные объекты НАТО.

При необходимости наши «латиноамериканские» боевые группы могли быть переброшены через мексиканскую границу в Америку.

Агент НКВД со стажем князь Гагарин, служивший в армии Власова и выдававший себя за ярого антисоветчика, переехал из Германии во Францию. Его главной задачей стало создание базы для развертывания диверсионной работы по выводу из строя системы коммуникаций и связи штаб-квартиры НАТО, которая в ту пору располагалась в пригородах Парижа.

Совместный план разведывательно-диверсионных действий ГРУ и Бюро № 1 был одобрен двумя министрами — обороны и госбезопасности. Как считают военные историки, идея разработки плана принадлежала Берии или даже самому Сталину.

В Кремле под председательством Берии состоялось расширенное совещание. В нем приняли участие представители

272

Министерства госбезопасности, военной разведки, ВМФ, ВВС страны.

Военную разведку представлял генерал Захаров, от авиаторов был маршал Голованов, командующий дальней авиацией, флот

прислал на совещание уже восстановленного в должности Главкома ВМФ и звании легендарного адмирала Кузнецова.

Как выяснилось, у каждого из военачальников был свой вариант стратегического плана. Кузнецов предложил на случай войны нанести несколько превентивных ударов и вывести из строя несколько авианосцев США. Подкрепить эти удары, по мнению Главкома ВМФ, могли бы диверсии на военно-морских базах Европы.

Все согласились, что упреждающий удар по стратегическим объектам противника — новое слово в военном искусстве, но теория этого удара не была до конца отработана. Следовало еще многое продумать и просчитать.

Дальняя авиация имела свое мнение на этот счет. Согласившись с адмиралом Кузнецовым насчет наших ограниченных ресурсов, маршал Голованов заявил, что превентивные удары следует наносить не по кораблям, даже таким, как авианосцы, а по аэродромам, где базируются части ВВС американцев, способные нести ядерное оружие.

У разведчиков были свои резоны. Они считали, что опыт прошедшей войны ясно доказал: диверсионные операции на тыловых путях снабжения и обеспечения противника более эффективны, нежели прямые удары по военным объектам.

Да, прямые удары весьма эффектны, на какое-то время деморализуют противника, но реальный ущерб, как правило, невелик. Ведь все стратегические базы имеют хорошее прикрытие с земли и с воздуха. Что же касается диверсионных операций, то грамотно спланированные и проведенные они могут отрезать противника от баз снабжения на длительное время.

Предложения разведки показались Берии более убедительными. С этим согласились и представители ВМФ и авиации.

Однако как перейти от идеи к ее осуществлению? Нужен был инструмент, с помощью которого станет возможным исполнение этого широкомасштабного плана. Бригада особого назначения, имевшая фронтовой опыт диверсионной деятельности, к тому времени оказалась расформированной. В какой-то мере мы вернулись к ситуации 1941 года. Вновь в стра-

не не было хорошо подготовленного боевого формирования для осуществления диверсий в тылу врага.

Опять приходилось начинать с нуля.

На совещании у Берии начальник военной разведки генерал Захаров высказал здравую мысль: все виды вооруженных сил должны иметь подразделения для проведения диверсионных операций. Сегодня, к примеру, такие подразделения имеются в армии США.

А тогда в числе первых, кто решил воссоздать бригаду специального назначения, было Бюро № 1.

Рассказывая об этом периоде, нельзя не вспомнить о полете нашего самолета-разведчика, организованном разведывательно-диверсионной службой совместно с ВВС страны.

Бомбардировщик стартовал со взлетной полосы одного из

военных аэродромов под Мурманском в мае 1953 года и прошел вдоль северной оконечности Норвегии, затем Великобритании, приблизившись к натовским стратегическим объектам на расстояние бомбового удара.

Это была настоящая победа советской разведки. Средства ПВО НАТО не зафиксировали полет самолета-разведчика. А дело в том, что в наших руках находился прибор («свой-чужой»), который добыл наш агент в штаб-квартире альянса.

Кроме планов действий, направленных против американских и натовский стратегических военных баз, широкого развертывания агентурной сети, подготовки боевиков, ведения разведки и наблюдения, диверсионная служба провела, к счастью, бескровную операцию по передаче власти в Чехословакии от Эдварда Бенеша к Клементу Готвальду. Произошло это в 1948 году. Долгие десятилетия мир ничего не знал об этой секретной акции.

Осуществил эту операцию опытнейший разведчик, наш резидент в Праге в предвоенные годы Зубов.

В 1938 году Зубов по приказу Сталина и Молотова был брошен в тюрьму. Его пытали, избивали. Следователь Родос, имя которого стало скандально известным в годы перестройки, превратил Зубова в инвалида. Он хромал, передвигался с палочкой.

Сталин хотел одного: передачи власти Бенешем — Готвальду. Эта операция первоначально была поручена Судоплатову, но тот предложил кандидатуру Зубова, памятуя о его довоенных связях.[274]

В январе 1948 года Судоплатов и Зубов выехали в Прагу. В своих воспоминаниях Павел Судоплатов пишет о бригаде специального назначения в 400 человек, переодетых в штатское и переброшенных в Прагу для поддержки, в случае необходимости, Готвальда.

Занимаясь историей диверсионных подразделений, я заинтересовался судьбой этой бригады, однако никаких широких сведений найти не удалось. Что это была за бригада? Из кого формировалась, как оказалась на территории Чехословакии? Ведь 400 человек — достаточно крупное подразделение, и перебросить его незамеченным в другое государство нелегко. Кроме того, если она действительно была, то это ломает общепринятую версию о том, что в СССР с 1946 по 1979 годы не существовало разведывательно-диверсионных подразделений органов госбезопасности.

Однако, как я уже сказал, вопрос о спецбригаде еще предстоит прояснить.

Что же касается задачи, поставленной Сталиным перед разведкой, то она была успешно выполнена. Зубову удалось добиться встречи с Бенешем с глазу на глаз в его резиденции в Праге. Он передал президенту Чехословакии, по сути, сталинский ультиматум, главный смысл которого сводился к тому, что в стране произойдут кардинальные изменения вне зависимости от того, сохранится ли нынешнее руководство или нет. Однако, по мнению Сталина, только Бенеш мог обеспечить

мирный путь перехода власти.

Следует отдать должное, Бенеш сделал все, чтобы избежать беспорядков в стране, и уступил пост руководителя государства Клементу Готвальду.

Таков итог пражской акции разведывательно-диверсионной службы.

К сожалению, далеко не все операции заканчивались столь мирно и бескровно. Чаще во главу угла политики ставился девиз великого пролетарского писателя М. Горького: «Если враг не сдается — его уничтожают».

Вряд ли суждено теперь кому-либо узнать, когда в воспаленном мозгу Сталина родилась идея уничтожения маршала Тито. Но она родилась, и незадолго до своей смерти Сталин собрал в Кремле несколько руководителей-чекистов во главе с министром госбезопасности Игнатьевым.

Совершение акта возлагалось на разведывательно-диверсионную службу и, в первую очередь, на агента-нелегала Гри-

гулевича. Такова была инициатива тогдашнего министра госбезопасности и его заместителей.

Григулевич, вне всякого сомнения, был опытным разведчиком. Достаточно сказать, что он сумел стать Чрезвычайным и Полномочным послом Коста-Рики в Италии и Югославии.

Постоянная резиденция посла находилась в Риме, но время от времени Григулевич по дипломатическим делам посещал Югославию. Его хорошо принимали, он сумел наладить добрые отношения с влиятельными людьми, близкими к Тито. Собственно, это и решило судьбу операции.

Новые руководители министерства, зная сталинскую ненависть к Тито, ухватились за Григулевича, как за палочку-выручалочку. Конечно же, никого не интересовало, что Григулевич, несмотря на богатый опыт агентурной работы, никогда не использовался как боевик.

Он участвовал в покушении на Троцкого, в некоторых других акциях, но был «мозгом операции», а не боевиком-исполнителем.

Кроме того, сама разработка покушения на Тито представлялась весьма слабой в оперативном отношении. Самое главное, не был отработан отход агента после совершения диверсионного акта. Григулевича собирались послать на явную смерть, и это в мирном 1952 году.

Представленные Сталину варианты были таковы. Убийство Тито произвести из бесшумного устройства, замаскированного под предмет личного обихода. Сделать это на дипломатическом приеме в Лондоне, куда собирался с официальным визитом Тито, или непосредственно в Белграде.

Однако даже человеку, не посвященному в тонкости дипломатии, известно, что прием с участием глав государств тщательно охраняется, к тому же там всегда много гостей, что явно затрудняет осуществление такого плана, а тем более уход агента.

Что же предлагалось для прикрытия агента в данном случае? Вместе с выстрелом использование слезоточивого газа. Сегодня мы более знакомы со слезоточивыми газами даже на бытовом уровне, и знаем, сколь они неэффективны.

Второй вариант. При личной аудиенции у Тито с помощью замаскированного аппарата выбросить в воздух дозу бактерий легочной чумы и заразить югославского руководителя и всех присутствующих. Григулевичу предполагалось предварительно сделать прививку от чумы.[276]

И наконец, третий вариант — вручить Тито подарок в виде шкатулки с драгоценностями, при открывании которой выбрасывается отравляющее вещество.

Все три варианта были крайне рискованны, с налетом авантюризма и непрофессионализма.

Трудно сказать, чем бы закончилась это так называемая операция по ликвидации Тито. Но судьбе было угодно, чтобы она не состоялась, а маршал Тито прожил еще много лет.

В марте 1953 года Сталин умер, не успев осуществить свой очередной зловещий план. Политическая ситуация во властных верхах советского государства резко изменилась, и о ликвидации Тито уже никто не вспоминал.

«ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ…»

Еще не закончилась война, а Сталин столкнулся с проблемой националистических движений в Прибалтике, в Западных землях Украины и Белоруссии.

Борьбу с «лесными братьями», бандеровцами и другими вооруженными формированиями вели в основном местные органы безопасности.

Однако Центр жестко контролировал ситуацию, всячески помогая местным чекистам оружием, опытными кадрами оперативников и боевиков. Что касается верхушки бандитских вооруженных формирований, главарей националистических движений, то ими занималась непосредственно Москва. Кстати говоря, отобраны были лучшие специалисты по украинскому и прибалтийским регионам.

Здесь впервые в послевоенное время применяются препараты из секретной технической лаборатории, во главе которой стоял Майрановский.

Несколько лет назад раскрытие тайн «секретной лаборатории» наделало много шуму в стране, однако, думается, и до сих пор о делах этого зловещего учреждения известно далеко не все.

Но то, что известно, лишь подтверждает мысль: послевоенная борьба с главарями националистического движения укладывается в рамки традиционной сталинской политики, суть которой все та же: если враг не сдается…

Нет сомнения, методы, которыми боролся со своими оппонентами Сталин — преступны. Об этом никогда нельзя забывать.

277

Однако не следует лидеров украинских и прибалтийских националистов представлять сугубо политическими деятелями. За каждым из них стояли вооруженные банды. Члены этих банд в период немецкой оккупации активно сотрудничали с фашистами, воевали в составе карательных соединений, таких, к примеру, как печально известная дивизия СС «Галичина» или батальон «Nichtigal».

Тот же Шухевич, правая рука Бандеры, координировавший вооруженное сопротивление на Украине с 1943 по 1950 годы, имел звание гауптштурмфюрера и был одним из руководителей батальона «Nichtigal».

Да и сам митрополит униатской церкви Андрей Шептицкий, в прошлом офицер австрийской армии, был в свое время замешан в достаточно скандальной истории. Его арестовала еще царская контрразведка, и Шептицкий оказался в ссылке. Он вернулся во Львов лишь в 1917 году, освобожденный Временным правительством.

В чем же обвинялся граф Шептицкий? В сотрудничестве с австрийской разведкой.

Война обнажила истинную сущность лидера униатов. Не успел первый сапог немецкого солдата вступить на брусчатку львовских улиц, как Шептицкий направил поздравление Гитлеру, в котором восторженно приветствовал приход фашистов.

В 1943 году митрополит благословил только что созданную дивизию СС «Галичина».

Дивизия, как известно, присягнула на верность Гитлеру и была брошена на уничтожение партизан, мирных жителей, евреев. Полки этой дивизии прошлись «огнем и мечом» по городам и селам Украины, Словакии, Югославии.

Кстати говоря, капелланом в дивизии «Галичина» служил не кто иной, как духовный ученик Шептицкого — архиепископ Иосиф Сиплый. Это он благословлял карателей на кровавые дела.

Однако Сиплый не побоялся в составе делегации униатской церкви, посланной по приказу Шептицкого, приехать в Москву. К тому времени НКВД уже располагало точными сведениями о связи руководства униатов с фашистами, о чем и было заявлено делегации.

Правда, Сиплого арестовали позже, после войны.

Террористическое подполье украинских националистов действовало очень активно. Бандеровцы не только запрещали молодежи идти в Красную Армию, убивали, сжигали семьи тех,

278

кто боролся с фашистами, но и решались на достаточно громкие дела. Взять хотя бы убийство архиепископа Г. Костельника на ступенях львовского собора или террористический акт против известного украинского писателя Ярослава Галана.

Помнится, в первые дни своего обучения во Львовском высшем военно-политическом училище мне удалось побывать в музее-квартире Ярослава Галана. Выросший в российской глубинке и, право же, не подозревавший, что такое национализм,

я здесь увидел подлинное лицо этого дикого явления.

Фотографии зарубленного писателя, рукописи, обагренные кровью, поразили своей дикостью. Не верилось, что такое произошло всего двадцать четыре года назад.

Однако сколь наивен я был. Средневековье, замешанное на кровавом национализме, способно возвращаться, казалось бы, из далекого небытия. Не скажу, есть ли ныне во Львове улица Галана, но то, что существует улица Бандеры — знаю точно. Позвонил как-то сокурсник по военному училищу: «Поздравь меня, теперь живу на улице Бандеры. В самом жутком сне такого не могло присниться...»

Нет, это не сон. Фашизм проклят во всем мире, а в братской Украине увековечили память гитлеровского подручного. Что это?

Это — национализм. У него нет разума. У него только ненависть. Он слеп и безумен. Именно такие безумцы подняли в 1949 году руку на публициста Ярослава Галана. Костью в горле украинским националистам стал Галан, и наемный убийца сделал свое дело.

Так что не стоит воинствующих националистов, террористов представлять этакими безмолвными жертвами бесчеловечного сталинского режима. Надо прямо сказать, соперники были достойны друг друга.

С одной стороны, кровавые преступления, служба в фашистских частях СС, подрывная бандитская деятельность, с другой — расправа без суда и следствия.

Майрановский, начальник секретной токсикологической лаборатории МГБ, сделал смертельный укол одному из руководителей украинских националистов Шумскому. Яд подействовал безотказно. Общественности было объявлено, что Шумский скончался от сердечной недостаточности.

Кто знает, как бы сложилась его судьба, если бы не дерзкое, с угрозами письмо, которое он отправил Сталину. Шум-

ский, находившийся в это время в ссылке в Саратове, потребовал вернуть его на родину, угрожал покончить с собой. Сталин такого не прощал. Тем более НКВД стали известны связи Шумского с украинскими эмигрантами за рубежом и националистическим подпольем на Украине.

Так же закончил жизнь и архиепископ униатской церкви Ромжа. Существует версия, что инициатором его убийства был Никита Хрущев, в ту пору первый секретарь ЦК Компартии Украины. Он и обратился к Сталину с настоятельной просьбой: уничтожить террористическое гнезда Ватикана в Ужгороде. Сталин дал добро. Местные органы госбезопасности устроили Ромже автомобильную аварию, в результате которой архиепископ был лишь ранен, но не убит.

В Ужгород выехал Майрановский. Он передал ампулу с ядом агенту МГБ — медсестре больницы, где лечился Ромжа. Она сделала укол.

Особый резонанс на Украине и в Москве получил теракт против Ярослава Галана. Сталин был вне себя. Во Львов вылетела целая группа чекистов во главе с заместителем

министра госбезопасности генерал-лейтенантом Селивановским. Перед ними стояла задача: разыскать и уничтожить главарей бандеровского подполья.

Первым в этом списке стоял гаупштурмфюрер Шухевич, правая рука Бандеры.

Он обладал разветвленной, глубоко законспирированной агентурной сетью. Сам Шухевич — человек, безусловно, неординарный, весьма авторитетный в кругах националистов. Он умен и храбр, имеет большой опыт конспиративной работы.

Достаточно сказать, что в ту пору, когда группа Селивановского уже работала во Львове и на ноги были подняты все местные чекисты, Шухевич делает достаточно дерзкий шаг — посылает на похороны своего знакомого, известного на Западной Украине театрального деятеля, венок. На траурной ленте значится фамилия Шухевича.

Однако агенты разведывательно-диверсионной службы уже шли по его следу.

Сначала известный во Львове адвокат, участник бандеровского движения Гробовой, а потом и академик Крипякевич раскаиваются в своих взглядах и заявляют об этом открыто.

Чекисты выходят на связного Шухевича, футболиста команды «Динамо». Приспешник Бандеры начинает нервничать:

он убивает милиционера, который, ни о чем не подозревая, заходит в дом, где располагается Шухевич.

Вновь на некоторое время матерый бандит исчезает, но вскоре оперативная группа «накрывает» его в одной из деревень под Львовом. Отстреливаясь, Шухевич гибнет.

С уходом лидера оуновское движение угасает.

В то же время бандеровские главари в Германии, Англии, не знавшие о гибели Шухевича, были встревожены его молчанием.

Наконец они решают забросить на Украину группу диверсантов во главе с опытным расчетливым боевиком, начальником службы безопасности ОУН Матвиейко. Он должен связаться с Шухевичем и придать второе дыхание повстанческому движению.

Разведывательно-диверсионная служба вовремя узнает об этом плане. Агент МГБ, засланный в один из отрядов бандеровцев, сообщает о маршруте движения группы Матвиейко и предполагаемом месте ее высадки.

Действительно, вскоре британский самолет вторгся в воздушное пространство Советского Союза. Предупрежденные заранее средства ПВО молчали. В районе Ровно с борта самолета была десантирована группа парашютистов.

Матвиейко и его боевиков тепло встретили оуновцы-подпольщики на явочной квартире. В роли подпольщиков умело выступили советские контрразведчики.

Вскоре начальник оуновской службы безопасности оказался в Москве на допросе. Им лично занимался министр, его заместители или начальник разведывательно-диверсионной службы МГБ.

Шел уже шестой год вооруженной борьбы на Украине. Сталин, руководство страны, органов госбезопасности хотели как можно быстрее завершить эту борьбу. К Матвиейко не применялись меры физического воздействия. Его пытались, если уже не перевербовать, то хотя бы переубедить, заставить обратиться к оуновцам внутри страны и за рубежом с призывом к примирению.

Матвиейко разрешили слушать радио, чекисты посещали с ним театр. Тем более, что для такого «культпохода» время выбрали самое подходящее: в Москве шла декада украинского искусства. И бывший ярый оуновец с нескрываемым удовольствием слушал оперное пение на родном языке. Это произвело на него неизгладимое впечатление.

281

В ходе допросов Матвиейко убедился в том, что советская разведка держит «под колпаком» бандеровское движение: ему назвали вожаков украинских националистов, рассказали об их жизни, взглядах, пристрастиях.

После Москвы Матвиейко отправили в Киев, потом во Львов. Будучи опытным оперативником, начальник службы безопасности ОУН бежал из-под стражи.

Его побег стал настоящим ЧП для Центра. Однако не успели чекисты по-настояшему развернуть поиск, как Матвиейко сам сдался органам безопасности. «Агитпроп» советских разведчиков не пропал даром.

За несколько дней побега оуновец посетил наиболее законспирированные явки и понял: адреса были неверные, агенты вымышленные. По большому счету, той широкой агентурной сети, о которой уверенно докладывали в лондонскую штаб-квартиру ОУН, не существовало. Он осознал тщетность своих усилий.

На устроенной по этому случаю пресс-конференции бывший начальник службы безопасности осудил бандеровское движение и отказался от дальнейшей борьбы, призвав к этому своих прежних соратников. Он остался на родине, мирно жил, работал, растил детей.

Так, собственно, закончилось бандеровское движение. Хотя вряд ли сегодня можно утверждать, что завершение это окончательное. Возникла же, как птица Феникс, улица Бандеры. Кто знает, куда приведет она? Только бы не забыть, что мы проходили по ней однажды.

Есть подобные улицы и в Прибалтике. По ним уверенно маршируют бывшие «лесные братья». Они теперь уравнены в правах и льготах с теми, кто воевал с фашизмом. Говорят, они боролись за свободу своих республик, даже если стояли бок о бок с фашистами.

Поразительное утверждение.

А мне хотелось бы сразу расставить все точки над «и». Сегодня доподлинно ясно одно: хотя националистические движения Литвы, Латвии, Эстонии выдвигали самостоятельные лозунги и проповедовали якобы самостоятельные цели достижения независимости, они никогда не были

самостоятельны. Это были полицейские формирования, созданные фашистами, с фашистским оружием, на фашистские деньги. И, естественно, прогермански ориентированные, они всегда
282
рассматривались как остаточные очаги фашистского сопротивления.

Большую роль в разгроме националистического движения в Прибалтике сыграл Герой Советского Союза, опытный разведчик литовец Ваупшасов. Решалась эта сложнейшая проблема не с помощью массовых переселений и не проведением армейских операций, а путем агентурного проникновения в банды противника.

Надо отметить, что нынешними историками упускается, как правило, одна важная деталь: послевоенная борьба с бандами националистов была крайне напряженной и кровавой.

По самым скромным подсчетам, в этой борьбе погибло свыше 50 тысяч советских партийных активистов, чекистов, воинов внутренних войск, «истребителей». Эти жертвы огромны для небольших по населению Прибалтийских республик.

После разгрома фашистов и окончания войны бандитские формирования Прибалтики пользовались поддержкой английских спецслужб.

Наша диверсионная служба через своих агентов закордонной разведки знала о каналах связи англичан с националистическим подпольем.

На этом, собственно, и удалось сыграть. В качестве представителей английской разведки были посланы опытные чекисты — литовцы и латыши, прошедшие школу партизанской войны. И это предопределило успех операции, в ходе которой удалось обезвредить руководителей повстанческого движения.

Ликвидация главарей бандитских формирований резко снизила активность боевых действий.

В послевоенный период у руководства Советского Союза и его разведки была еще одна проблема, о которой редко вспоминают даже исследователи того периода. Речь идет о курдских отрядах под руководством Мустафы Барзани, которые, прорвав блокаду шахских войск Ирана, перешли на территорию советского Азербайджана.

Сталину было известно, что курды постоянно конфликтовали то с персами, то с иракцами. Выступали и против англичан, и Россия неоднократно поддерживала их.

На сей раз Сталин пообещал поддержку Барзани и даже согласился обучить в наших военных училищах курдских офи-
283
церов. Была задумана широкомасштабная политическая игра, главная роль в которой отводилась курдам.

Москва рассчитывала с помощью Барзани изменить проанглийский режим в Ираке, что, собственно, и произошло в 1958 году. Однако ирония судьбы состояла в том, что вместо правительства Нури Саида, свергнутого в результате военного переворота, к власти в Багдаде пришли наши бывшие союзники.

Ирак, Сирия, а впоследствии и Египет стали играть доминирующую роль во внешнеполитических отношениях Советского Союза. Курды были отодвинуты в тень.

Позже, в начале 60-х годов, мы вновь помогали курдам устоять против карательных операций иракской армии.

Однако время многое меняет. Сегодня нам как-то не до курдов и их проблем. На юге вновь вспыхнула Чечня — вечная боль России.

«ГОЛОЛЕД» В ХРУЩЕВСКУЮ «ОТТЕПЕЛЬ»

Летом 1953 года Лаврентий Берия был арестован маршалом Жуковым и еще несколькими генералами прямо на заседании Президиума ЦК партии.

Он содержался в подвале штаба Московского военного округа и вскоре был казнен. Следом за ним под арест попали многие офицеры и генералы НКВД, кто находился под его руководством, выполнял его поручения.

Аресты прошли и в разведывательно-диверсионной службе. В тюрьме оказались Судоплатов, Эйтингон, Серебрянский. Были уволены в запас супруги Зарубины, Василевский. Разведчик Семенов, внесший неоценимый вклад в так называемое «атомное дело», оказался без работы и пенсии. Уволили из разведки и Зою Рыбкину, направив ее для дальнейшего прохождения службы на север, в систему МВД.

Наступила новая пора в истории разведывательно-диверсионной службы.

Отдел по-прежнему оставался, а с преобразованием Министерства госбезопасности в КГБ в 1954 году был переименован в 13-й отдел Первого главного управления. Направленность работы отдела оставалась той же.

Несмотря на все политические перемены «оттепели», разведывательно-диверсионная служба получила очередную за-

дачу: ликвидировать руководителя русской националистической организации НТС Г. Околовича. НТС в годы войны активно сотрудничал с фашистами.

Проведение операции было поручено опытному разведчику-диверсанту Герою Советского Союза Мирковскому. Тот привлек из резерва Министерства госбезопасности нелегала Н. Хохлова.

В довоенное время Хохлов работал в среде интеллигенции. Весьма образованный, с приятной внешностью, он обладал несомненными артистическими способностями. Одно время выступал на эстраде и, надо сказать, весьма успешно. Был известен как мастер художественного свиста. Кстати, отсюда и его агентурная кличка «Свистун».

В 1943 году его использовали в Минске, в деле по подготовке убийства гауляйтера Кубе. Там он выступал в роли немецкого офицера.

После войны Хохлов, он же Хофбоуэр, выезжал несколько раз в Европу: в Германию, Швейцарию, Австрию.

В одной из поездок его задержали таможенники. «Свистун»

нелегально пытался вывезти купленный в другой стране аккордеон. Разведчик совершил непростительную ошибку, на языке нелегалов это называется «засветкой». Таможенники тщательно проверяли документы, паспорт, словом, Хохлов попал в число подозрительных лиц.

Сложно сказать, почему руководство отдела, опытный Мирковский нарушили законы конспирации и все-таки решили использовать Хохлова в деле? И, как показало время, жестоко за это поплатились.

Существует две версии побега Хохлова на Запад. Та, которую он описывает в своей книге, изданной впоследствии в США, и версия сотрудников и начальников советской разведки, работавших с ним.

Мирковский и другие разведчики считали, что Хохлова схватили агенты спецслужб США с «засвеченным» паспортом И принудили к сотрудничеству с ЦРУ. Вывод этот был основан на том, что «Свистун» не хотел уезжать в командировку. Не взял он с собой в Австрию жену и сына, хотя такая возможность в целях прикрытия существовала. Это означало лишь то, что Хохлов не собирался бежать.

Однако совсем иное заявил «Свистун» на пресс-конференции, организованной ЦРУ. Он сказал, что жена Яна, глу-

боко религиозная женщина, отговорила его от убийства Околовича. Вместе они давно собирались бежать за границу, и теперь Хохлов требует выезда на Запад жены и сына.

Пресс-конференция и выпущенная в свет книга вызвали много шума, Хохлова широко использовали западные спецслужбы в антисоветской пропаганде.

Несмотря на широкое разоблачение Берии и его сотрудников и наступление «оттепели» в жизни страны, Никита Хрущев расправлялся со своими политическими противниками все теми же сталинскими методами. Его «незаживающей раной» оставались украинские националисты. Они попортили немало крови Хрущеву, когда тот был первым секретарем ЦК Компартии Украины. Он до сих пор помнил гнев «хозяина» после убийства Ярослава Галана. Неумение руководителя республики обуздать бандеровцев могло стоить ему головы.

Теперь была иная ситуация: банды — ликвидированы, но за границей, под крылом западных спецслужб «гнездились» организации националистов во главе с Бандерой и его правой рукой Львом Ребетом.

По всем данным, Ребет, более молодой, инициативный, набирал авторитет, отодвигая в тень стареющего Бандеру. И тогда первый удар был нанесен именно по Ребету.

В октябре 1957 года агент советских спецслужб Богдан Сташинский ликвидировал Льва Ребета. Через два года очередь дошла и до Бандеры.

Убийство Бандеры стало практически последним политическим убийством, которым непосредственно занимались сотрудники разведывательно-диверсионной службы Советского Союза.

С приходом к власти Генерального секретаря Л. Брежнева и председателя Совмина А. Косыгина практика политических убийств, как таковая, была фактически прекращена. Можно вспомнить лишь отдельные случаи, как, например, гибель болгарского диссидента от выстрела отравленной микропулей. К этому тоже были причастны советские спецслужбы, но лишь опосредованно. Непосредственно операцию готовили и проводили болгарские агенты, хотя по просьбе болгар мы снабдили их «стреляющим зонтиком».

Правда, В. Соловьев и Е. Клепикова в своей книге «Заговорщики в Кремле» утверждают, что «Андропов спустя четверть века после смерти Сталина восстановил практику поли-

тических убийств, замаскированных под бандитское нападение, автомобильную катастрофу либо самоубийство. Маскировка, однако, настолько прозрачна, что ни у кого не остается сомнений, чья это работа на самом деле. Но никаких прямых следов КГБ не оставляет: не пойман — не вор».

Вот так. А далее авторы говорят о том, что практику политических убийств Андропов перенес с внутренней «площадки» на мировую. В качестве примера приводится покушение на папу римского. Тут горячие обвинители Андропова свидетельствуют, что у председателя КГБ «произошла осечка».

Обвинение, конечно, чудовищное. Но бездоказательное. Перефразируя авторов, хочется сказать: «Их маскировка настолько прозрачна, что ни у кого не остается сомнений — подобное утверждение очередная клевета».

Как сказал мне один заслуженный генерал КГБ: «В истории нашей диверсионной службы было всякое, но повесить на нее еще и папу римского... Это уж слишком».

Ведь и вправду, стрелявший в главу католической церкви папу Иоанна Павла II Али Агджа был, как известно, профессиональным наемным убийцей-террористом, совершившим немало кровавых преступлений у себя на родине, в Турции.

По данным турецкой полиции, Али Агджа — боевик крайне правой организации — партии националистического движения и ее молодежного крыла, именующего себя «Серые волки».

Эта партия смыкается с неофашистским «Черным интернационалом», который, в свою очередь, через своих эмигрантов за рубежом поддерживает связь с крайне правыми по всему миру.

«Серые волки» налаживают контакты с экстремистами из итальянского «Ордине Нуово», с националистами ФАНЕ — французской федерации национальных и европейских действий (кстати, запрещенной в своей стране), с западногерманскими нацистами.

Так куда же ведут следы убийцы — в Германию, Францию, Италию, а может, в Турцию? Это доказать не удалось. Террорист Али Агджа заявил: «Я действовал один и совершил свою акцию в знак протеста против американского и советского империализма».

Однако чем занимался самый секретный 13-й отдел, когда в его «реестре» перестали фигурировать политические убийства?

287

«Работы у нас всегда было достаточно, — сказал однажды при встрече бывший заместитель начальника 13-го отдела генерал-майор Александр Лазаренко. — Одно из направлений, которое я, кстати, курировал, называлось техническим, остальные — агентурные.

Агентурной работой занималось первое, американское направление. Его начальника в Африке схватило ЦРУ.

Второе направление — западногерманское, третье — африканское. Еще направления спецопераций и техническое, как я уже сказал.

Какое оружие мы делали! Специальный бесшумный пистолет. Такой пистолет и не снился американцам, а у нас он уже стрелял.

Нет, это не «макаровский» пистолет с глушителем. Это шедевр науки и техники: убойность, как у Макарова, а бесшумность абсолютная.

Я когда показал его в ГРУ, там все за голову схватились от удивления. За него мне была присуждена Государственная Премия СССР в области науки и специальной техники.

А мина... Мы дали ей музыкальное название. В ней применен совершенно новый принцип действия: шариковый замыкатель. Таких мин, кроме нашей, в мире нет. Умещается в кармане.

Что же касается агентурной работы, тут все было на должном уровне. Недавно прочел: Лялина приказали убить, но приказ не был выполнен. Да, мы знали каждый шаг предателя. Роддом, где рожала его жена. Готовы ли мы были выполнить приказ? Готовы. Но такого приказа не существовало. Хотя наших товарищей, выданных Лялиным, гноили в тюрьме.

Но кроме Лялиных, Гордиевских и других предателей, были и террористы отец и сын Бразинскасы, зверски убившие бортпроводницу Надю Курченко. Это кровавое преступление всколыхнуло страну.

Мы знали, что Турция не выдаст террористов, и потому готовили операцию по их ликвидации.

Наши агенты следили за каждым шагом бандитов. Бразинскасы, или, как прозвали их, «пираты», жили на вилле под Стамбулом и всюду ходили только вдвоем.

Был подготовлен агент, проживавший в одной ближневосточной стране, который приезжал в Москву. Здесь он тренировался, наши сотрудники изготовили для него специальные

288

ботинки, в подошву которых монтировалось стреляющее устройство. Важно было лишь попасть микропулей в террориста, и это ранение привело бы *к* смертельному исходу.

Убийцы Курченко нечасто покидали виллу, но все-таки время от времени они посещали местный базар. Там и было решено провести операцию по уничтожению. Однако акт возмездия не состоялся. Террористы спешно покинули Турцию. Думаю, им

оказали помощь спецслужбы США. Два человека в нашем мире все равно, что иголка в стоге сена. Но нам удалось несколько позже проследить их путь. Из Стамбула они бежали в Испанию.

Если бы Бразинскасы остались в Испании, мы бы и там их достали, но они скрылись в Венесуэле, потом в США.

13-й отдел, а позже, после побега Лялина, Отдел «В» имел в подчинении бригаду особого назначения. Правда, существовала она лишь на бумаге в соответствии с мобпланом и разворачивалась на случай войны.

Полки бригады числились в Ленинграде, Киеве, Краснодаре, Ташкенте, Алма-Ате, на Дальнем Востоке и в Москве. В полках «живьем» были командир, начальник штаба, начальник связи и еще несколько человек в «обслуге». Вот и весь полк.

Справедливости ради надо сказать, что порой полки разворачивали по полному штату, призывая «запасников». Только какие это были диверсанты? Так уж, ради успокоения собственной совести.

На отдел разведывательно-диверсионной работы замыкались так называемые курсы усовершенствования офицерского состава — легендарный КУОС. Через эти курсы прошли, по сути, все оперативные работники как центральных, так и местных органов КГБ.

Когда в 1979 году была поставлена достаточно неожиданная задача по проведению широкомасштабной спецоперации в Кабуле, основой спецподразделений стали именно «куосовцы».

Курсы усовершенствования были основаны в 1966 году. Толчком к их формированию, как считает первый командир КУОС полковник в отставке Харитон Болотов, послужили берлинские и венгерские события. Ощущалась нехватка опытных сотрудников спецслужб с диверсионной подготовкой.

И действительно, где мог глубоко освоить разведывательно-диверсионную, минно-взрывную подготовку даже сотруд-

ник с высшим образованием, выпускник оперативного факультета? Казалось бы, элементарные знания по работе с картой, ориентирование в лесу, ночью, но где их закрепить? Закрепляли на КУОСе.

Курсы усовершенствования были своего рода ответом на создание подразделений «зеленых беретов» в США. Ведь в КГБ прекрасно знали, что генерал М. Тэйлор накануне событий в кубинском заливе Кочинос предложил создать «контрпартизанские части».

И они были созданы. Пентагон не жалел денег для вновь формируемых подразделений. Численность «зеленых беретов» росла, что называется, не по дням, а по часам. Если в 1961 году в составе специальных сил было всего 1800 человек, то через год они увеличились втрое. Еще через год — в десять раз.

Основной базой подготовки «зеленых беретов» стал известный ныне во всем мире Форт-Брэгг в Северной Каролине. Эта часть первоначально именовалась «школой специальных форм войны».

Позже подобные школы были созданы и в других местах,

например, в зоне Панамского канала (Форт-Гулик и Форт-Шеман).

Ничего подобного в нашей стране не существовало. Ну разве что в Вооруженных Силах в 1963 году создается первая бригада специального назначения, которая разворачивается в поселке Чучково, Рязанской области.

В системе же Комитета госбезопасности спецподразделения отсутствовали. А необходимость в них назрела. Тогда-то и создали КУОС.

Здесь вели подготовку опытные преподаватели, вчерашние фронтовики-диверсанты. Тот же Болотов встретил войну под Ровно. После войны, боев, ранений закончил Высшую школу НКВД, попал на советско-румынскую границу. В 1945— 1946 годах работал с румынской агентурой, знал границу как свои пять пальцев.

Вместе с ним «куосовцев» обучали Илья Старинов, Григорий Бояринов, Борис Баранов. Читали лекции Рудольф Абель, начальник отдела Владимиров. Словом, что ни фамилия, то легенда.

С одним из таких боевых преподавателей приключилась следующая история. Собрались его увольнять из органов, мол, временами злоупотребляет спиртным. Кадровики, резвые ребята, быстренько «склепали» дело и подали на подпись гене-

ралу. Вызвал преподавателя генерал и давай его отчитывать. Тот терпел-терпел, да не выдержал, рубанул сгоряча:

— Да что вы тут расхрабрились... Вы девять раз Витебск сдавали, а мы его восемь раз брали...

Генерал приказал принести личное дело преподавателя.

Почитал и вызвал кадровиков. «Оставьте в покое офицера и больше к этому никогда не возвращайтесь», — только и сказал.

Эта история давно стала легендой на КУОСе. Профессия разведчика-диверсанта как никакая другая нуждается в легендах. Наверное, поэтому и в отделе, и на КУОСе работали лучшие люди диверсионной службы, чьи имена стали своего рода эталоном мужества, высокого профессионализма. И среди них генералы Иванов, Родин, Гусев, Красовский, Владимиров, Ефимов, Толстиков.

Таким был 13-й отдел Управления «С» (нелегальная разведка). На его долю пришлись все те опасные операции, в которых в той или иной степени участвовала наша страна.

Одними из первых после долгого перерыва стали события 1967 года в Чехословакии, вошедшие в историю как «пражская весна».

«ПРАЖСКАЯ ВЕСНА» В СУДЬБЕ 13-ГО ОТДЕЛА

Накануне введения войск в Чехословакию заместитель начальника Разведывательно-диверсионного отдела КГБ полковник Александр Лазаренко встретился накоротке с одним из своих чешских агентов. Тот был не на шутку взволнован.

— Что-нибудь случилось? — спросил Лазаренко. Агент с

недоверием посмотрел на московского шефа

— Войска все-таки вводят...

— Что-то ты путаешь, — теперь пришло время сомневаться Лазаренко.

— Да нет, не путаю, мне позвонили из Польши. «Чертовщина какая-то...» — подумал полковник.

Он вспомнил прилет в Прагу председателя Совмина А. Косыгина, их встречу в посольстве.

Главком ГСВГ маршал Якубовский, генерал КГБ Иванов, он и еще два офицера. Косыгин внимательно выслушал каждого из них. Все были едины во мнении: войска вводить нецелесообразно. Даже маршал Якубовский поддержал их.

291

Косыгин поблагодарил генералов и офицеров и пообещал доложить их мнение на Политбюро.

Кто знает, доложил ли, да и что там произошло, на том заседании — трудно сказать.

Теперь известно, что решение о вводе войск было принято на расширенном заседании Политбюро ЦК КПСС и получило одобрение остальных членов компартий, представляющих страны-участницы вторжения. Эта встреча состоялась в Москве 18 августа.

В ночь с 20 на 21 августа войска Советского Союза, Венгрии, ГДР, Польши и Болгарии вступили на территорию Чехословакии. Однако четкое и быстрое осуществление военной операции не было поддержано мерами политического характера. .

По существу, политикам не удалось добиться намеченного — Президиум ЦК Компартии Чехословакии так и не обратился к государствам-участникам Варшавского Договора за помощью, марионеточное правительство не было создано, партийный съезд состоялся, и он осудил вторжение. Не получилось также справиться с пассивным сопротивлением народа.

Член Политбюро ЦК КПСС К. Мазуров, прибывший в Прагу под именем генерала Трофимова, телеграфировал в Москву: «Правые активизируются, левые пассивны... Предлагаем еще раз переговорить с Дубчеком и Черником. Вечером может быть поздно и в Праге дойдет до настоящих сражений».

Положение усугублялось тем, что акция вооруженных сил пяти государств расценивалась большей частью стран мира как агрессия. Ее осудили фактически все крупнейшие компартии, в том числе итальянская и французская.

Событиями в Чехословакии были встревожены Югославия и Румыния. Правда, США и многие западные страны «пражскую весну» считали домашней разборкой на собственной коммунистической кухне и избегали открытого вмешательства в дела региона.

13-й разведывательно-диверсирнный отдел Первого главного управления КГБ принимал самое активное участие в пражских событиях.

Еще 2 мая 1968 года замначотдела Александра Лазаренко вызвал к себе начальник ПГУ генерал-полковник Сахаровский.

Приказ звучал коротко: «Бери своих ребят, все, что нужно для работы, и сегодня же в Прагу».

Еще не было московских переговоров, в ходе которых Дубчек пытался убедить Брежнева, Подгорного и Косыгина воспринять события в Чехословакии как поиск путей совершенствования системы, устранение пережитков сталинизма. Еще министр иностранных дел И. Гаек не услышал от А. Громыко упрека в том, что в Чехословакии контрреволюция поднимает голову. Еще не состоялась в столице СССР встреча пяти руководителей восточно-европейских компартий, обсуждавших положение в Чехословакии. Все это еще будет, но 13-й отдел КГБ уже был в Праге.

Не обошлось и без курьезов. Один из двенадцати сотрудников отдела, который возглавлял Лазаренко, был прилично пьян. Все-таки 2 мая — праздник. Пришлось «загрузить» его в машину, потом в самолет. Пока летели, протрезвел.

Протрезвели и остальные, хотя и не пили. Обстановка развивалась стремительно и ухудшалась с каждым часом.

Военные развернули штабные учения «Шумава», политики пытались найти выход из создавшегося положения. Все чаще звучали речи о военной помощи Чехословакии.

Еще был свеж в памяти 1956 год, Венгрия. Когда по советским солдатам и офицерам стреляли с крыш, с чердаков зданий, из подвалов. Потери исчислялись сотнями военнослужащих.

Ничего подобного нельзя было допустить в Чехословакии, дабы не пролить крови ни с той, ни с другой стороны.

Если же говорить о вторжении, то невдалеке от пражского аэродрома развернута танковая дивизия Чехословацкой народной армии. В соединении 450 танков. Мощная сила! Как поведут себя танкисты в случае конфликта, на чьей стороне они будут? На этот вопрос не брался ответить никто. Стало быть, выход единственный — ни один танк не должен двинуться с места.

Пригласили в посольство министра обороны Чехословакии Мартина Дзура. В любом случае дивизия должна оставаться в местах постоянной дислокации. Дзур дал слово, что ни один танк не двинется с места.

Так, собственно, и случилось. Не отдай этот приказ Дзур, «пражская весна» могла бы закончиться жертвами и кровью. К счастью, этого не произошло.

293

Как известно, в первоначальном варианте никто не собирался интернировать в Советский Союз Дубчека и его окружение. По сценарию Москва видела Дубчека в отпуске, в это время из Президиума ЦК КПЧ выводились несколько наиболее «несговорчивых» деятелей, в результате чаша весов склонялась в сторону промосковской группировки. Потом сам Дубчек, опираясь на помощь союзных войск, наводит в стране порядок.

Увы, жизнь разыграла иной сценарий. Был получен приказ доставить Дубчека и его соратников в Москву. Выполнять приказ пришлось полковнику Лазаренко и его подчиненным.

Весь рассказ об этом укладывается у Александра Ивановича в несколько предложений. «Вместе с десантниками я вошел к нему в кабинет. Увидев нас, Дубчек заплакал. Ну что, вывели, посадили в бэтээр и отправили в Польшу, оттуда в Москву. Вот и все...»

Сегодня в России однозначно негативно оценивают ввод союзных войск в Чехословакию. И верно, как его еще можно оценить? Сделано много ошибок, был нанесен удар по престижу нашей страны. Отвергая любые силовые методы разрешения международных конфликтов, тем не менее, я думаю, что нынешним политикам следует взять из «брежневского коммунистического арсенала» хотя бы одно качество — стремление отстаивать интересы собственной страны.

Пусть брежневское Политбюро делало это «тоталитарно неуклюже», однако оно делало хоть что-то.

В июле 1968 года во время переговоров в Чиерне-над-Тиссой лидеров КПСС и КПЧ Косыгин сказал: «Осознайте, что ваша западная граница представляет собой нашу границу».

Да, сказано слишком откровенно, стереотипно, в духе застойного времени. Однако хочу обратиться к тем, кто имеет разум: «Осознайте, где сегодня наша западная граница?» Смею напомнить забывчивым: у стен Смоленска, господа.

Знаю, найдется давно известный аргумент, мол, на нас никто не нападает. Полноте, только слепец не может не видеть, как нас «учат» ходить в нужную сторону, глядеть покорным Западу взглядом, торговать не чем хотим мы, а чем желают они. Думаю, скоро нас будут учить дышать «по-ихнему». А если будем сопротивляться, перекроют кислород.

Первый шаг к этому уже сделан: НАТО стоит у Бреста. А мы? Ну разве что по совету популярного телешоумена посып-

лем границу с НАТО дустом. И похихикаем над глупой шуткой.

Что ж, время покажет, кто был прав, нынешние шутники или премьер застойных времен.

Но вернемся к «пражской весне». Она прошла глубокой бороздой по судьбам людей. И не только чехов, словаков, но и советских граждан.

Когда сотрудники 13-го отдела вылетели на усмирение «пражской контрреволюции», на Красную Площадь вышли Богораз, Делоне, Литвинов, Файнберг, Бабицкий, Баева...

Этот факт достаточно известен, имена правозащитников в последние десятилетия на слуху. Но мало кто знает, что в числе выступивших против ввода войск в Чехословакию была и Марина Мазаник, Герой Советского Союза, агент диверсионной службы, участник ликвидации фашистского гауляйтера Кубе. Об этом никто никогда не писал.

Так «пражская весна» развела агентов разведывательно-диверсионной службы по обе стороны баррикад.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

«БУМАЖНЫЙ» СПЕЦРЕЗЕРВ

В 1946 году Абакумов распустил бригаду особого назначения, которая способна была выполнять специальные задачи за рубежом.

Дивизии НКВД, которые вели борьбу с украинскими и прибалтийскими бандитскими формированиями, к концу 50-х годов тоже оказались расформированными.

Таким образом, в составе НКВД, а позже и КГБ не оставалось подразделений, имеющих опыт разведывательно-диверсионной работы, в особенности опыт работы за рубежом.

Да, действовал 13-й отдел при Первом главном управлении, на него замыкалась и бригада особого назначения на случай войны. Как таковой, бригады в мирное время не существовало, хотя «штаты» на бумаге имелись. Иногда этот «спецрезерв» собирали в той или иной точке Союза, проводили учения, но потом «резервисты» разъезжались к местам постоянной службы, и бригада была вновь лишь на бумаге.

Конечно, у 13-го отдела имелись свои агенты, которые могли выполнить, как говорят чекисты, «острую» задачу. Но речь шла, разумеется, о «штучном» и весьма ценном материале. Для проведения крупных операций сил, по существу, не было.

Так прошли 60-е годы. Конец 70-х годов характеризовался осложнением обстановки на наших южных границах и, в первую очередь, с традиционным нашим соседом — Афганистаном.

Но о каком, собственно, осложнении идет речь? Казалось бы, об афганской войне написано множество книг, приняты политические решения, введение войск признано ошибочным.

Все так. Однако в порыве отрицания сегодня мы зачастую пытаемся отринуть объективную реальность, закрыть глаза на сложившуюся предвоенную обстановку.

296

Послушаем же профессионалов. Слово бывшему начальнику управления нелегальной разведки КГБ СССР генерал-майору Юрию Дроздову:

— Впервые с афганской проблемой мне пришлось столкнуться в Нью-Йорке. Внимательное наблюдение за этой проблемой еще в 197— 1979 годах указывало на обострение тревоги руководства СССР за положение на самых южных границах.

Изменения, которые произошли в политической жизни Афганистана в 1978 году, серьезно обеспокоили противников СССР, ибо затрудняли осуществление их планов. В ЦРУ, например, было решено активно с помощью специально подготовленной агентуры противодействовать укреплению режима Тараки. Американские разведчики, готовившие агентуру из числа афганцев, утверждали, что так просто русским Афганистан не отдадут, что создадут международную вооруженную коалицию сопротивления новому режиму и будут вести работу по ослаблению советского влияния в стране, вплоть до развертывания басмаческого движения в советской Средней Азии.

Как бы я хотел, чтобы приведенное выше было только отражением неосторожных высказываний американских

разведчиков в беседах с агентами, но все свершившееся потом было практическим осуществлением этих замыслов».

Думается, что генерал Дроздов глубоко прав.

Таджикистан, а точнее Горный Бадахшан, — уникальная кладовая мира. Еще в 50 — 60 годы советские ученые провели изыскания и сделали вывод: здесь огромные запасы урановой руды. Чего практически нет в нынешней России. Ведь уже давно не является секретом тот факт, что на территории России ныне осталось одно-единственное месторождение урана.

Более того, Таджикистан несказанно богат другими ископаемыми. Тут вся таблица Менделеева, да еще высшего качества.

Вот почему Россию всеми силами пытаются вытеснить из Таджикистана, спешат наладить новый шелковый путь из «кладовой мира».

А ведь неплохо бы напомнить кое-кому, что еще столетие назад население Горного Бадахшана добровольно присоединилось к России.

Так вот, все, что творится в Таджикистане, начиналось в конце 70-х в, казалось бы, далеком Афганистане.

297

Неправда, что Брежнев, Андропов, Устинов, которым приписывают ныне единоличное решение о вводе войск, не пытались разрубить «афганский» узел мирным путем. Нынешние реалии показывают: увы, не все проблемы можно решить за столом переговоров. Так случилось в 1979 году.

Мне рассказывал тот же генерал Дроздов, что 31 декабря, после его доклада Андропову о ходе операции в Кабуле, Юрий Владимирович признался: пытались разрешить эту проблему по-другому, не вышло.

С оперативной и тактической точки зрения, переворот в афганской столице 27 декабря прошел успешно. Утром следующего дня афганский народ имел уже другого президента.

Однако всякая операция, в особенности такая, без должной, тщательной подготовки невозможна. И поэтому готовить ее начали еще летом-осенью 1979 года. Нет, это не значит, что уже в июле КГБ была поставлена конкретная задача — совершить переворот в Кабуле. Думаю, такое решение «кремлевским старцам» пришло значительно позже. Но там, где осложняется обстановка, всегда активизируется разведка. А обстановка осложнялась непосредственно на наших южных границах, и поэтому повышенный интерес к этому району Комитета госбезопасности вполне объясним.

Летом 1979 года в Афганистан выехала первая группа сотрудников, объединенная в единое подразделение под кодовым названием «Зенит».

Во главе группы стоял руководитель курсов усовершенствования офицерского состава полковник КГБ Бояринов. Григорий Иванович неспроста был назначен командовать первым «Зенитом». Он опытный разведчик-диверсант, фронтовик, а в подразделении его ученики, воспитанники.

Однако начиналось все это значительно раньше...

БОЙЦЫ ДЛЯ «ЗЕНИТА»

В «УАЗ» начальника кафедры высшей школы КГБ полковника Бояринова набился добрый десяток преподавателей. Переезжали с одной учебной точки на другую. Пешком шагать не хотелось, ночь, темнота, лес, под ногами сыро. Потому и решили — лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

298

«Гриша», как звали между собой начальника кафедры преподаватели, сидел впереди, на месте старшего машины. Ехали долго. «УАЗ» петлял в темноте лесными дорогами, выхватывая лучом фар то белые стволы берез у обочины, то глухую черноту чашобы, то кустарник прямо на пути. Офицеры уже поглядывали на часы: по времени должны были бы приехать.

— Заблудился Гриша, — шепнул чуть слышно кто-то из молодых преподавателей, — во, хохма будет..

— А ты сам на его место сядь, хохмач! — вступился за Бояринова другой.

И опять ночь, размытая дождями, едва приметная дорога.

Бояринов, до этого, казалось, дремавший, встряхнулся, наклонился к водителю:

— Потише, Вася. Сейчас будет маленький поворотик, ты прижмись к левой стороне и тормозни на минутку.

— Что, Григорий Иванович, — пошутили в машине, — мину заложили?

Полковник не ответил. «УАЗ» притормозил, остановился. Бояринов открыл дверцу, вгляделся в темноту, удовлетворенно вздохнул:

— Тут, моя птичка, тут, родимая, на гнезде сидит. Уже яйца отложила. — И кивнул шоферу: — Трогай потихоньку, только не газуй. Спугнем.

Автомобиль качнулся и почти бесшумно пополз вперед. В салоне притихли. Вот так Гриша!

За поворотом выехали на знакомую опушку.

— Все, ребята, выгружайся, — сказал Бояринов, — третья учебная точка. Как заказывали... А ты, Анатолий Алексеевич, посиди пока, — обратился он к преподавателю кафедры Набокову, — дело есть.

Набоков смотрел как, удивленно озираясь на Бояринова, вылезают из «УАЗа» молодые преподаватели. Они считали, что Гриша заблудился. Невежды. Гриша не мог заблудиться. Гриша — бог в ориентировании, видит, будто сова, в темноте. Лес, как книгу, наизусть читает.

Откуда это у него? С войны. Партизанил, воевал, командовал школой снайперов, готовил диверсионные группы для заброски в тыл, сам не раз летал за линию фронта.

— Толя! — Бояринов повернулся к Набокову. — Мы возвращаемся в Москву.

299

— То есть как — в Москву? А учения, Григорий Иванович?

— Учения закончатся без нас.

— Что-нибудь случилось?

— Как тебе сказать. — Бояринов замолчал, потер тыльной стороной ладони отросшую щетину. — Хотелось бы верить, что ничего серьезного не произошло, — В общем, надо нам переделать учебную программу.

— Увеличить курс?

— Нет, сократить. Нынешний набор мы выпускаем не в августе, а июне.

— А дальше?

— Спецзадание. Афганистан.

— Афганистан? — удивился Набоков. Столь неожиданно прозвучало имя далекой страны, что он с трудом попытался вспомнить ее очертания на карте.

— Завтра жду твоих предложений по программе ...Вернувшись в Москву, они засели за перекройку учебного курса. Пересчитали, перелопатили, отвели побольше часов на боевые темы, такие как разведка в заданном районе, в городе, организация засады, налета. В общем, готовились учить слушателей тому, что надо на войне.

Пролетели недели подготовки и поступила команда: отобрать людей для «Зенита». Такое условное наименование получило подразделение.

Приехал генерал, он был немногословен. Повторил то, что уже знал каждый, и в заключение разговора спросил, кто не готов к выполнению спецзадания. Зал не шелохнулся.

— Значит, все готовы! — подвел итог представитель руководства КГБ.

Однако у Бояринова и его кафедры было свое мнение. Сформировав мандатную комиссию и рассмотрев каждого слушателя, взвесив все «за» и «против», они отвели десять кандидатур.

Тогда впервые в своей жизни Набоков увидел, как плачет мужчина, офицер, сотрудник КГБ.

Его отвели, потому что посчитали психологически не готовым к возможным боевым нагрузкам.

Все десятеро атаковали кабинет Бояринова с раннего утра, просили, умоляли, доказывали, но начальник кафедры был непреклонен. За некоторых пытались просить преподаватели,

300

восприняв неприступность Григория Ивановича как излишнюю строгость или даже упрямство.

Пройдут считанные месяцы, и жизнь преподаст жестокий урок, подтвердив правоту Бояринова.

Случилось так, что первый состав «Зенита» закончил командировку в сентябре. Началась постепенная замена. Однако людей не хватало и решили пренебречь выводами бояриновской комиссии. Рассудили так: мол, чего просевать, отбирать — все офицеры КГБ, не один раз проверены в деле. И на второй заход в состав группы были включены сотрудники, отведенные «мандаткой». Они и оказались в самом пекле — на штурме дворца Амина. Двое из них погибли, третий тяжело ранен и умер

по дороге в Союз. Четвертый попал в Афганистан позже и тоже получил тяжелое ранение.

Совпадение? Вряд ли. Говорят, полковник Бояринов хорошо разбирался в людях. Стоило ли посылать тех офицеров в пламя войны? Нет, конечно. Наверно, нашлось бы для них дело и дома. Но все это станет известно позже, когда уже и Григория Ивановича не будет в живых.

А в июле 1979 года «Зенит-1» убыл в Афганистан. Возглавил группу кандидат военных наук, доцент, полковник Григорий Иванович Бояринов. Возвратился он оттуда в сентябре. Тогда же у них с Набоковым состоялся обстоятельный разговор и Анатолий Алексеевич сказал, что готов поехать на смену начальнику кафедры. И даже пожаловался, мол, преподаватели и помоложе уже съездили, а он все никак.

Бояринов усмехнется и по-отечески положит ему ладонь на плечо:

— Не спеши, Толя. Чует моя душа — Афганистана нам надолго хватит. Горько это звучит, но боюсь, что надолго.

И грустно добавит:

— Поверь мне, старику...

«РЕБЯТА, ВЫ НАМ ПОМОГИТЕ»

Но пока не было «Зенита-2», штурма дворца, все были живы и здоровы.

Первый «Зенит» прилетел в Кабул 5 июля. Переехали в наше посольство, расположились в школе. Лето, учеников нет.

Поставили раскладушки. Матрацы еще нашлись, а подушек не было, сворачивали белье, запихивали его в целлофановый пакет, оборачивали полотенцем: вот и подушка готова.

Ели свое, сухпаек. Бояринов приказал экономить, ибо никто не знал, сколько тут жить-служить. Утром чаек, да банка каши на троих, в обед супчик из концентрата, баночка консервов, галеты. Словом, на таком довольствии дошли, что называется, до ручки. О еде, деньгах старались не думать, главное — выполнить поставленные задачи. А их было не мало, да и задачи весьма не простые: охрана посольства, обучение местных молодых контрразведчиков, а главное — разведка города, государственных и правительственных зданий, объектов спецслужб, армейских штабов и казарм, подходов и подъездов к ним, систем охраны. Отрабатывались также маршруты на случай эвакуации наших дипломатов.

Так что «зенитовцам» пришлось изъездить и протопать Кабул вдоль и поперек.

А тем временем напряженность в столице нарастала. По ночам то и дело вспыхивала стрельба. Враждовали «халькисты» и «парчимисты». Амин рвался к власти.

Вот как о тех днях вспоминает боец «Зенита» Валерий Курилов:

— Между Амином и Тараки вражда. Советский посол и представитель КГБ ездят каждый день, мирят их. Утром помирят,

вечером опять ссора.

Однажды наши ребята, находившиеся в охране посла, приехали, пистолеты разряжают, руки дрожат. Говорят, сейчас друг друга чуть не перестреляли.

В очередной раз собрались Амин, Тараки и наш посол. Вся охрана находилась внизу. Вдруг внутри выстрелы, выбегает окровавленный человек, падает. Им оказался Тарун.

Охрана Тараки, Амина и наши выхватили пистолеты, друг на друга наставили. Никто ничего не понимает. Стрелять не решаются. Да и как стрелять: кто знает, что там произошло.

Выбежал Амин, сел в машину, умчался. Потом были пышные похороны. В газетах заголовки: «Подлые враги убили верного сына афганского народа Таруна».

После того, как Амин уничтожил Тараки. начались покушения на министров, сторонников убитого президента.

В одного стреляли через дверь, другого хотели убить через окно.

Вообще мы участвовали в спасении трех министров — Сарвари, Гулябзоя и, кажется, Ватанджа.

Скрытно вывезли их с места жительства в посольство, переодели в форму-«песчанку». Потом доставили на одну из наших вилл. Там я и сошелся близко с Сарвари. Можно сказать, сдружился.

Они жили в закрытых помещениях, без окон. Погулять выходили только ночью. Всякий раз приходилось их сопровождать.

Сарвари все обещал: «Ребята, вы нам помогите, потом я устрою прекрасную жизнь. Приедете с семьями на отдых, каждому машину подарю».

Наконец прилетел самолет из Союза, привезли деревянные ящики. Мы положили туда матрацы, просверлили дырки. Залезли в них министры. Ящики поставили в кузов машины, забросали коробками.

За рулем наш парень. В кузове человек пять вооруженных «зенитовцев». За машиной еще шел автобус, тоже с нашими людьми.

А до Баграма ни много ни мало — 70 верст. Аминовская «наружка» обложила нас сразу после выезда из посольства.

На выезде из Кабула КПП. Стоп! «Что у вас в кузове, выходите, будем проверять». Офицер-афганец настаивает, у него приказ. Мы отказываемся, вы не имеете права, машины посольства.

Грузовик плотно обтянут тентом. Вот лейтенант-афганец встает на борт и заглядывает под тент. А Долматов Александр Иванович, наш инструктор по рукопашному бою, башмак ему на руку и автомат в нос.

Лейтенант перетрухнул, руку дерг-дерг. Долматов держит. А снаружи-то ничего не видно. В общем, выдернул ладонь, спрыгнул, глядь, а в автобусе тоже напряженные физиономии. Замахал, закричал: «открывай, открывай, пусть едут...»

Командир корабля говорит: «Теперь все будет нормально,

главное, чтоб истребители не подняли». Истребители, на счастье, не появились.

Открыли ящики. Сарвари выскочил оттуда покрасневший, яростный. Бросился к иллюминатору: «Зачем вы нас увозите? Я подниму свой народ. Сметем тирана».

303

«Зенитовцы» лишь улыбались, успокаивали. Они хорошо изучили афганцев, и показная ярость бывшего министра их нисколько не удивила.

Кончилось все миром. Афганцев угостили. Они выпили по рюмочке, поели. Успокоились. Им постелили, и те мирно проспали весь путь от Баграма до Ташкента.

В Ташкенте бойцы «Зенита» передали министров в целости и сохранности местным комитетчикам и вылетели в Москву.

Шел сентябрь 1979 года. До штурма дворца Амина оставалось три месяца...

СПЕЦЗАДАНИЕ ПОЛКОВНИКА БОЯРИНОВА

Набоков входил в автобус последним. Задержался на ступеньке, еще раз оглянулся — Бояринова не было. Странно. За последний год, да что там год — годы, он не припомнит случая, чтобы Григорий Иванович опоздал к служебному автобусу, который каждое утро забирал их в условленном месте.

«Что-то случилось, — тревожно подумал Набоков, — не заболел ли?» Он вспомнил недавние учения, двадцатикилометровый марш, который прошел Гриша с одной из групп слушателей. Как-то не вязался вполне здоровый вид полковника со словом «болезнь». Да и вчера они виделись. Бояринов был в отличной форме.

Набоков облегченно вздохнул, лишь когда увидел в кабинете начальника кафедры свет. Он поднялся на свой этаж, в преподавательскую. Дверь бояриновского кабинета приоткрыта, и в проеме Григорий Иванович. В гражданке: на нем водолазка, поверх нее джемпер.

Увидев Набокова, улыбнулся приветливо, кивнул: заходи...

— Что случилось, Григорий Иванович?

— Ничего не случилось, Толя. Изменилась обстановка. Мне надо ехать туда.

Набоков вопросительно смотрел, он все равно мало что понимал.

— Готовится серьезная операция. Я был вчера у начальника управления.

Он оторвал взгляд от разложенных на столе бумаг и виновато пожал плечами:

304

— Боюсь, как бы там ребят зря не положили. А я все-таки кое-что в этом петрю, верно, Анатолий Алексеевич?

Что мог ответить Набоков: верно. Только знать бы — какая операция. Спрашивать не принято, раз не говорит. А может, и сам не знает.

— Мы с тобой, как в учебниках писали: «Налет — это

внезапное, согласованное нападение на неподвижный объект противника с целью... и тэ-дэ и тэ-пэ...» Так? — А те, кто поехал готовить налет, они знают, с чем его есть надо?

Набоков развел руками: наверное, знают... Бояринов лишь горько усмехнулся:

— Дай Бог, Толя! Дай Бог...

Что имел в виду Григорий Иванович, теперь можно только гадать. Мало ли он доверял тем, кто улетел готовить операцию, не был уверен в их опыте, профессиональных знаниях или просто опасался за своих воспитанников? Ему, конечно же, стали известны подробности не состоявшегося из-за слабой подготовки штурма и он посчитал своим долгом на этот раз оказаться там. Ведь за спиной Бояринова был не только опыт сотрудника КГБ, но опыт партизанской и диверсионной работы. Прежде чем писать свою диссертацию о тактике действий партизанских формирований, Гриша Бояринов, изучал ее на практике. Был ранен. Награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Теперь, два десятка лет спустя, нет-нет да и возникнет спор в кругу людей, знавших Григория Ивановича, — а могли он не поехать? Все-таки ему к тому времени было уже немало годков— пятьдесят семь, мог бы и не ходить под пули. Все, кто поднимался с ним в атаку на штурм дворца Амина, по возрасту приходились ему в сыновья, а кое-кто и во внуки годился.

Нет, он не мог не пойти. И не только потому, что так хотело начальство — только так и мог поступить фронтовик, педагог, полковник КГБ Григорий Бояринов.

Помните, как плакал у него в кабинете отстраненный от поездки в Афганистан офицер? Из сегодняшних будней нам странными могут показаться слезы. Но так было. Считалось позором, когда сотрудника КГБ отстраняли от выполнения спецзадания.

Мог ли Бояринов отстранить себя сам? Смешно даже подумать.

305

...В 10 утра собралась кафедра. Бояринов передал общее руководство своему заместителю Владимиру Михайловичу Санькову. Накрыли стол, налили по сто грамм, выпили — и в Чкаловское, к самолету.

Бояринов уехал, а преподаватели его кафедры — Набоков, Васюков, Болотов — остались, стояли, курили. Набоков и Болотов иногда перебрасывались словом-другим, а Васюков угрюмо молчал. Потом взглянул на них, щурясь от дыма.

— Что-то не понравился мне сегодня Гриша.

Набоков поймал себя на мысли, что согласен с Васюковым. Какая-то тень лежала на лице Бояринова. Мог ли он знать тогда, что это тень смерти...

КОМУ НУЖЕН КРОВАВЫЙ «СПЕКТАКЛЬ»?

...12 декабря майора КГБ Якова Федоровича Семенова, командира подгруппы «Зенит», расквартированной в Кабуле, вызвал к себе генерал. То был армейский генерал, десантник. На

совещании присутствовали также офицеры «мусульманского батальона».

Обсуждался ход операции, о которой Семенов имел весьма смутное представление. Генерал, в задачу которого входила координация действий «Зенита» и армейских подразделений, обратился к майору

— Вашей группе предстоит выйти на объект. Время «Ч»... Майор не удержался и, нарушив воинскую субординацию,
перебил генерала.

— Какой объект, товарищ генерал? Теперь пришло время удивляться генералу.

— Вы что, не знаете?

— Не знаю

«Черт возьми, — подумал генерал, — опять нестыковка на границе ведомств».

— Вот здесь, смотрите, — и он указал Семенову на карту Кабула, — дворец...

— Ясно. А план его, силы, средства обороняющихся. Генерал ровным счетом ничего не понимал. Советники из

КГБ дневали и ночевали в этом дворце, а в нужный момент их же майор ни хрена не знает. Однако генерал сдержался. Майор тут был ни при чем.

306

— Ладно, — устало сказал генерал, — даю два часа Вам, Семенов, думайте, что можно сделать.

Совещание закончилось. Два часа — не ахти какой срок, но Яков Федорович кое-что разведал: у противоборствующей стороны, как любят выражаться тактики, две тысячи гвардейцев, 11 танков, причем два танка закопаны по башню прямо у ворот. А что за воротами, одному Богу известно. Но, надо думать, двор тоже не пуст.

У Семенова две «Шилки», шесть бронетранспортеров на 25 человек личного состава.

По живой силе соотношение 1:100, по бронетехнике только безумец может сравнивать: танк и БТР — все равно, что слон и моська.

Якову Федоровичу даже показалось, что они играют в детскую игру, и все это несерьезно. Но когда истекли установленные два часа и поступила команда: «По местам!», майор, залезая в свой БТР, вдруг отчетливо понял: история нас ничему не научила, опять противника «шапками закидаем»

В тот день историю, видимо, припомнил не только Семенов. Дали отбой. Выступать предстояло лишь через сутки. Но Якову Федоровичу было не по себе: пошел к генералу, попросился в город, чтобы получше рассмотреть объект, который предстояло штурмовать. Генерал не возражал. Напомнил только об осторожности. Ну уж об этом мог бы и не говорить армейский командир майору госбезопасности, преподавателю спецкафедры Высшей школы КГБ. Он сам учил осторожности и конспирации молодых офицеров.

Семенов, не теряя времени, переоделся — и в дорогу. «Покрутился» по Кабулу, разведал подходы, подъезды. Потом

оставил машину и пешком обошел вокруг дворца. И еще раз убедился в мудрости старой армейской заповеди: если есть хоть малейшая возможность провести рекогносцировку на местности, где предстоит воевать, ее надо использовать.

В разведданных все было указано точно: и количество танков, как зарытых в землю, так и стоявших на других позициях, и силы гвардейцев, но данные эти касались только охраны дворца. А рядом с дворцом располагался Генеральный штаб афганской армии. О нем ни слова.

Генштаб — не министерство сельского хозяйства. Там сильная охрана, средства ПВО, да и офицеры-генштабисты, наверняка, умеют держать в руках оружие.

307

С этими тревожными мыслями и вернулся Семенов в Баграм, доложил генералу. Тот выслушал майора хмуро и даже как-то обреченно. Но в конце спросил: «Ваше решение?»

Эх, кабы ему, майору Якову Семенову, решать, двинул бы он свои «броники» от греха подальше. Только кто же послушается? Да и генерал, чувствуется, в тупике: то ли доложить боится, как оно есть на самом деле, то ли в верхах его так же слушают, как он майора.

Давит, наверное, начальство из Москвы, а у генерала силенок-то с гулькин нос. Даже если все подскрести — и «мусульманский батальон», и «Зенит» до последнего человека, — перевес на той стороне огромный. Интересно, кому нужен сей кровавый спектакль? Положить ребят у стен дворца? Так это запросто, большого ума не надо.

Нет, Яков Федорович понимал: в таком спектакле не заинтересован никто. И верно: операцию вновь отложили. «Зенит» перебрался в Кабул, расположился неподалеку от «мусульманского батальона»

Внизу, среди редких садов, возвышался дворец Дар-уль-амин, новая резиденция Хафизуллы Амина. Он был виден без бинокля, мощный, с крепкими стенами, опоясанный серпантином серой бетонки.

Теперь Семенов каждый день ездил на совещания в посольство. Прорабатывались различные варианты взятия дворца.

От совещания к совещанию прибавлялось количество генералов. Прилетел генерал Дроздов из Первого главного управления.

Надвигались серьезные события.

РЕСТОРАН ДЛЯ «ЗЕНИТА» ЗАКАЗАН

Дворец, который предстояло штурмовать, находился примерно в километре от позиции батальона. Место для дворца — лучше не придумать. От него уходило шоссе, ведущее в горы. То есть при необходимости есть путь к отходу. Метрах в пятистах основательное здание жандармерии. Слева от дворца расположился первый батальон охраны, справа — второй. Между позициями батальонов и дворцом по три вкопанных танка. И

наконец, национальные гвардейцы — их казармы располагались непосредственно на последнем этаже дворца.

Вечерами, а порой и ночью, если не спалось, бойцы, выйдя из казармы, подолгу глядели на сияющий огнями дворец. Все они прослужили в комитете не один год, и прикинуть соотношение сил не представляло труда. И от прикидок становилось страшно — столь неравные были силы. 24 человека в «Громе», примерно столько же в «Зените». Плюс «мусульманский батальон». Но на него с самого начала возлагались лишь вспомогательные задачи. Значит, считай два взвода на такую крепость? А что еще?

Собрались два командира, два майора — Семенов и Романов, потолковали, уяснили задачу, оценили обстановку, обстановка была ни к черту — с позиций «мусульманского батальона» просматривался только серпантин дороги да дворец, с одной стороны повернутый к ним. А что там, с другой стороны? А на прилегающих высотах? Не вовсе же дураки афганцы, в наших академиях учились, — значит, знают, где расположить свои подразделения. Ничего о них не было известно, хотя именно оттуда, вероятнее всего, и будут стрелять в затылок атакующим.

Чтобы найти ответы на многотрудные вопросы, есть единственный способ, изобретенный человечеством за тысячелетия войн, — рекогносцировка. Необходимо все увидеть своими глазами и, исходя из увиденного, действовать.

— Ну что, Яша, — предложил Романов, щупая окулярами бинокля аминовский дворец, — махнем в ресторан?

— Самое время, — усмехнулся Семенов, — перекусить да выпить.

— Я серьезно, смотри, — и он указал в направлении офицерского ресторана, построенного Амином. — Если забраться туда, все как на ладони — дворец, дорога, обратная сторона дворца... Махнем, Яша?

— Махнуть-то можно, только глянь: по дороге КПП первого батальона. Оно, конечно, не единственное на пути к ресторану.

Они подняли к глазам бинокли — в окулярах поплыла знакомая картина: белые откосы, какие-то фигуры, вытоптанные в снегу дорожки, металлические двери прямо в горе, редкий сад и над всем этим — громада трехэтажного дворца. Видано и перевидано не один раз, а ясности нет как нет. Что ж, раз надо так надо. Решили ехать.

...В «ГАЗ-66» сели вчетвером: два командира и два бойца в подмогу — Мамзаев и Федосеев. Двинулись. У контрольно-пропускного пункта первого батальона их тормознули. Яша кивнул:.

— Держи ухо востро. Начинается!

Разговаривать особо не стали — штык в грудь, руки вверх. Не помогли ни Яшины документы, ни романовская кокарда.

Начиналось долгое ожидание. Их держали под прицелом, никуда не докладывали. Или так казалось — возможно, отправили посыльного.

Пленники вели себя мирно, и афганцы как-то подобрели,

выяснилось даже, что начальник караула учился в Советском Союзе, в сельскохозяйственном техникуме. Он вполне сносно говорил по-русски.

Попытались его основательно разговорить. Стали убеждать, мол, мы находимся в охране Амина, едем в ресторан заказать столик к Новому году для советских офицеров.

Афганец улыбался, качал в знак согласия головой, но отпускать не отпускал. Прошло часа полтора в ожидании и разговорах, наконец начальник караула, получив инструкции, приказал их пропустить.

Автомобиль медленно лез в гору, сидевшие в нем офицеры внимательно оглядывали местность. Уже позади было здание жандармерии, позиции второго батальона, дворец. Казалось, дорога напрямую вела к ресторану и все кордоны остались за спиной. Но это только казалось. У самого ресторана их снова остановили, приказали выйти из машины. Под автоматами проводили в казарму. По дороге пленники приметили пулеметные гнезда, укрепленные позиции.

Их втолкнули в небольшую комнату. У стены стояли полевые телефоны. Один из солдат с автоматом подскочил к ним и, яростно брызгая слюной, заорал, готовый размозжить прикладом голову.

Другой, сидевший здесь же, прикрикнул, заставил отойти кричащего. Потом спросил на едва понятном русском языке: кто такие? Стали заново объяснять, будто они служат в охране Амина и едут в ресторан заказать столик для советских офицеров на Новый год.

Тот выслушал и снял трубку полевого телефона. Долго рассказывал кому-то, то и дело поглядывая на пленников. Потом он звонил еще и еще раз — шли переговоры.

310

Ситуация складывалась драматическая — группы оставались без командиров, а через несколько часов штурм. Но все обошлось: им принесли чай, поставили на стол вазы с инжиром, изюмом. Впервые за последний час улыбки коснулись губ афганцев. Офицер пригласил попробовать угощение.

Объяснили, что никто из них не любит сладкого, пошутили, мол, чай нам не годится, предпочитаем водочку.

Время утекало, нервы были напряжены до предела, но выход один — ждать.

И вот распоряжение — можете идти в ресторан. Дали провожатого, позвали хозяина ресторана. Объяснили ситуацию.

Хозяину спешить некуда. Какой шашлык подавать, спрашивает. Пришлось терпеливо рассказывать. Пока рассуждали о достоинствах бараньего шашлыка, поняли: надо двигаться наверх. Попросили показать, где будет стоять столик.

Сверху прекрасный обзор: виден Кабул, дворец, и, что особенно неприятно, позиции «мусульманского батальона» как на сковородке. Чтоб еще немножко задержать хозяина и лучше осмотреться, пришлось поинтересоваться посудой — вилками, ложками, фужерами, напомнить о салфетках, спросить о спиртном. Словом, сговорились. Будет вам шашлык, будет!

Распрощались, раскланялись, а на выходе опять афганцы задержали. Опять звонки, переговоры. Но вот вырвались. В машину — времени в обрез! Дорога на солнышке подтаяла, отмокла, того и гляди машина соскользнет в пропасть, но обошлось, возвратились в батальон ко времени. В 16 часов собрались на совместный инструктаж командир «Грома» и его старшие подгрупп, командир «Зенита» со своими ребятами.

Решили действовать так: «Гром» выдвигается на боевых машинах пехоты и, следуя по кольцу серпантина, выходит ко дворцу. «Зенит» на бронетранспортерах подбирается к пешеходной лестнице, преодолевает ее и соединяется у фасада с бойцами «Грома».

Одновременным ударом группы штурмуют дворец.

На группу, в которую вошли полковник Бояринов, майор Поддубный и старший лейтенант Кувылин, возлагалась задача взорвать узел связи дворца. Условный знак, по которому можно узнать своих (ведь все одеты в афганскую форму), — белая повязка на рукаве. Сигнал голосом по именам командиров групп: «Миша» — «Яша».

«ВЗЯТЬ ПОД КОНТРОЛЬ... СТОЛИЦУ»

Бывший директор ЦРУ С. Тернер в своих воспоминаниях говорит о том, что якобы американские разведорганы знали о предстоящем советском военном вторжении в Афганистан. Так ли это, сегодня трудно судить. Хотя известно, что многие аналитики были твердо уверены: Советский Союз не решится ввести войска. Ведь в Афганистане уже шли боевые действия, и СССР неизбежно втягивался в войну, которая тяжелым бременем ложилась на экономику страны.

В общем, мнения разделились. Но случилось так, как случилось. Советские войска вошли в сопредельное государство. И американцы знали о том, что это случится. Но что это произойдет 27 декабря 1979 года, известно было, разумеется, только участникам событий. Операция по захвату власти в Кабуле была подготовлена скрытно, а проведена, по существу, в течение нескольких часов. Что же касается непосредственно штурма резиденции Амина, дворца Даруль-аман, то он продолжался всего сорок минут. Диктатор был убит, гвардейцы, охранявшие дворец, сдались или погибли.

В ходе штурма спецподразделения «Зенит» и «Гром» потеряли несколько человек. Уже через несколько дней генерал Дроздов докладывал председателю КГБ Андропову о проведенной операции.

Эту операцию нередко называют уникальной. И она действительно соответствует этой высокой оценке. Правда, не все с этим соглашаются. Ведь в мировой практике есть подобные примеры.

Так, в ночь с 20 на 21 сентября 1979 года три роты французских парашютистов десантировались на взлетно-посадочную полосу аэродрома Банги Центрально-Африканской

Республики. Десантники действовали смело и профессионально. Вскоре они уже контролировали все ключевые объекты города.

Как и планировалось, в ЦАР на самолете французских ВВС был доставлен из Габона новый президент — Дако.

Свергнутого диктатора вывезли в Берег Слоновой Кости, где он получил политическое убежище.

Париж с гордостью заявил, что смена власти прошла быстро и бескровно.

Такие «быстрые и бескровные» операции проводили не только французы, но и американцы. Разница между ними в

том, что эта операция была проведена нашими спецслужбами в Афганистане. «Партнерами» американцев и французов по передаче власти являлись крошечные государства. Так, в ЦАР население всего два миллиона человек. Надо ли объяснять, что Афганистан — совсем иное государство по размаху территории, населению, подготовке вооруженных сил. Последующая изнурительная война доказала это.

В 1991 году в книге о группе «Альфа» я впервые написал: «Из всей долгой, девятилетней драматической бойни самым загадочным до сих пор остается ее начало — штурм аминовского дворца. Чего только ни нагородили о штурме, какие дикие выдумки и небылицы ни публиковались на страницах журналов и газет, а истина так и оставалась за семью печатями».

Прошло десять лет. Казалось бы, поставлены все точки над «и», разоблачены лжецы и выдумщики, мир наконец узнал истину, кроме моей книги выходили газетные публикации, телевидение сделало передачу, в которой непосредственные участники рассказывали об этой загадочной операции. Словом, правда восторжествовала.

Однако это только казалось. На исходе 1996 года я приобрел книгу с громким названием: «Спецслужбы и войска особого назначения». Выходила она в не менее громкой серии: «Энциклопедия тайн и сенсаций». Каково же было мое удивление, когда в этой «энциклопедии» я прочел поразительные строки: «28 ноября в Кабул прибыл заместитель министра внутренних дел СССР генерал Виктор Папутин, на которого была возложена миссия по подготовке советской десантной операции и устранению Амина».

Какой замминистра? Откуда он появился?

Но далее по тексту еще интереснее. Сначала живописуется, как советские повара отравили диктатора, потом... «один из телохранителей Амина, не притронувшийся к пище, обнаружил что-то неладное и при появлении отряда советских десантников во главе с Папутиным открыл стрельбу и убил советского замминистра наповал. Советские десантники открыли ответный огонь и расстреляли Амина вместе со всей его семьей и прислугой».

Показал книгу непосредственным участникам штурма дворца. Они не менее моего удивились: «Бред какой-то...»

Что ж, можно, наверное, понять и простить тех журналистов, которые создавали свои статьи и книги в начале 90-х.

Многое было совсекретно, закрыто... Отсюда и ошибки. Но теперь имена участников штурма известны всей стране, к чему тиражировать выдумки и ложь?

Однако факт налицо. Стало быть, вновь находятся силы, которым выгодна новая волна провокаций, оплевывания, очернения участников этой операции.

И поэтому хотелось бы еще раз вернуться к тем дням, к той операции. Во-первых, дабы противостоять лжи. Во-вторых, переворот в Кабуле — это наша история. Современная история разведывательно-диверсионной службы страны. И какая бы она ни была, нам следует судить о ней честно и правдиво.

Итак, 1979 год. Кабул. Декабрь...

У человека, даже очень далекого от проблем военного искусства, при виде дворца Амина возникает странное чувство, кстати, проверенное десятки раз: то, что называют дворцом, вовсе не дворец — крепость! Трехэтажное здание, массивные стены, способные сдержать удар самой современной артиллерийской системы (при штурме, как известно, использовались многоствольные зенитные установки «Шилка», снаряды которых, как орехи, отскакивали от стен).

Крепость построена с истинно восточной мудростью. На господствующей высоте, видимая со всех сторон, и подойти к ней незамеченным практически невозможно. Более того, чтобы оказаться у ворот резиденции, надо преодолеть круговую серпантинную дорогу, которая вьется по склону холма и находится под пристальным наблюдением охраны. Так что наступающему подразделению придется долго кружить по дороге под огнем защитников дворца, и говорить о внезапности как одном из факторов победы просто нелепо.

Однако дело не только в умелом выборе места расположения дворца и его фортификационных достоинствах. В крепость его превращала хорошо продуманная система обороны. Резиденцию охраняли национальные гвардейцы — специально отобранные, тщательно проверенные, прекрасно обученные военнослужащие. Каждому из них было что защищать.

Вступая в бой с атакующими, они обороняли не только Амина, но и свою безбедную жизнь в нищей стране, высокое жалованье, солидные пайки, которыми одаривал их «отец и благодетель». Шикарный ресторан с бассейном, который в *целях* рекогносцировки посетили командиры групп «Зенит» и

«Гром» накануне штурма, тоже был для них— национальных гвардейцев.

Один из участников операции так вспоминал о своих первых впечатлениях от встречи с гвардейцами: «Мы ехали из посольства к месту своего расположения в «мусульманский батальон». Дорога проходила невдалеке от дворца. Я попросил водителя чуть притормозить. Происходила смена караула. Для нас необычная экзотическая сцена: при смене часовые — двухметровые парни-красавцы — касались друг друга щеками. Глядя на этих поджарых, спортивных парней, автомат в руках

которых казался детской игрушкой, подумал: «Ничего себе хлопцы! С такими легко не управишься».

Да, дворец был укреплен капитально: танки, два батальона пехоты, полк жандармерии, казармы которого располагались невдалеке.

Даже после весьма беглого перечисления подразделений и частей, которые находились в руках Амина, возникает естественный вопрос: как за 40 минут удалось взять такую крепость?

И тем не менее это произошло. По общему сигналу бойцы «Зенита» и «Грома» при поддержке десантников атаковали не только дворец Амина, но и еще несколько важнейших военных и административных объектов Кабула: здание Генерального штаба афганских вооруженных сил, здание Министерства внутренних дел (Царандой), штаб ВВС, тюрьму Пули-Чархи, почту и телеграф, радио и телевидение. Иными словами, практически всю столицу Афганистана предстояло взять под контроль.

ГЛАВНОЕ СОВЕРШИЛИ

После штурма дворца Амина в госпиталь, где лежали раненые бойцы «Альфы» и «Зенита», приехал посол Советского Союза в Афганистане Табеев.

Справа лежал Сергей Голов с девятью ранениями, слева — Николай Швачко. Посередине Михаил Романов с больными почками корчился. Они услышали как словно прошелестело: «Посол, посол»...

Табеев склонился над Романовым:

315

— Ты меня видишь, сынок? — Вижу.

— Слышишь?

— Слышу.

— Спасибо тебе и парням твоим. Сделали все четко. Ни одна разведка в мире понять не может, кто и какими силами провел операцию. Потом у вас будут ордена, медали. Но не это важно. Главное в жизни вы уже совершили. Запомни, что я сказал.

Так как же была совершена эта поистине беспрецедентная операция?

По этому поводу в нашей печати было много выдумок и откровенной лжи, и потому начать свое повествование я хотел бы рассказом генерала Юрия Ивановича Дроздова, который непосредственно руководил той операцией. Лучше Дроздова о событиях декабря 1979 года в Афганистане не знает никто:

— 27 декабря 1979 года я и В.В. Колесник (полковник ГРУ. — М.Б.) в полдень еще раз зашли каждый к своему руководству. Б.С. Иванов связался с центром, доложил, что все готово. Потом он протянул трубку радиотелефона мне. Говорил Ю.В. Андропов.

— *Ты сам пойдешь?— спросил он.*

— *Я отвечая утвердительно.*

— *Зря не рискуй, думай о своей безопасности и береги людей.* В район расположения «мусульманского батальона» ехали
молча, каждый думал о своем.

Пообедали и в середине дня еще раз обошли исходные позиции батальона.

Вместе с Колесником решили собрать командиров всех рот, штурмовых групп и подразделений огневой поддержки в моей комнате на втором этаже.

Как старшему по званию В.В. Колесник предложил мне открыть совещание. В своем кратком выступлении я дал политическую оценку обстановки, раскрыл общую поставленную задачу, дал оценку сил и средств противника и основного объекта, нашего положения, соотношения сил и средств, общее распределение сил и средств «мусульманского батальона». После этого В.В. Колесник отдал боевой приказ подразделениям, перечислив для каждого конкретные задачи.

316

Когда говорил В.В. Колесник, я внимательно смотрел на лица офицеров. Все собранные, немного напряженные. В каждом чувствовались дисциплина и воля.

Началось с того, что группа бойцов «Зенита» выехала на площадь рядом с городским узлом связи. Площадь была довольно людной: тут располагались банк, ресторан, кинотеатр, находился постоянный пост Царандоя.

И потому решили действовать после девятнадцати часов, когда наступал комендантский час и площадь пустела.

Выехали на трех «УАЗах». Две машины оставили у ресторана, одна остановилась на площади, у того моста, где располагался «колодец связи». Это был тот самый «колодец», взорвав который, можно «отрубить» всю связь Кабула с внешним миром.

Потом одна из центральных газет в Москве так и напишет: «Бандиты провели очередную вылазку, и связь со столицей Афганистана прервана».

Словом, бойцы открыли люк, и Борис Плешкунов опустил в «колодец» мощные заряды. Взрыватель должен был сработать через четверть часа.

Бойцы успели возвратиться на базу, и в назначенное время прозвучал взрыв. Он и стал для всех сигналом к действию.

В штабе ВВС, где действовали «альфовцы» Савельев и Блинов, началось разоружение охраны и арест начальника штаба, у здания МВД (Царандоя) из машин выскочили «зенитовцы» и десантники и бросились на штурм.

Бойцы группа «А» Евгений Чудеснов и Александр Лопанов прикрывали собой Нур Ахмат Нура. Тот кричал в мегафон, что пришла законная власть, и призывал сдавать оружие. Из окон министерства отвечали автоматным огнем.

К тому времени «Альфа» уже понесла первые потери. Погиб Дмитрий Волков, спортсмен, стрелок. Он был убит у одного из постов афганской жандармерии.

Здесь же получил тяжелое ранение и Павел Климов.

Но главные дела вершились у дворца Амина. Группа Романова на боевых машинах должна подняться по «серпантину» вверх, а бойцы Семенова на БТРах выходят к пешеходной лестнице. У фасада соединяются. Но жизнь часто вносит свои коррективы. Так было и в этот раз. Наступление «семеновцев» шло под

ураганным огнем, подбили бронетранспортер. При-
317
шлось залечь. Головы поднять удалось лишь тогда, когда наша «Шилка» подавила пулемет в окне дворца.

Останавливаться под огнем пришлось и группе Романова. Объезжали подбитый афганский автобус, потом была поражена наша боевая машина. Пришлось десантироваться, залечь, открыть огонь по дворцу.

Но БМП под номером тридцать шесть уже удалось прорваться к дворцу. Карпухин, Коломиец, Гришин, Плюснин вошли во дворец и завязали бой.

В это время Кувылин и Зудин залегли метрах в двадцати от дворца, позиция была опасная — бойцы словно на ладони. От взрыва гранаты, брошенной из дворца, ранен Геннадий Зудин.

Несколькими солдатами руководил боец группы «А» Глеб Толстиков. У них, кроме автоматов, были лестницы. Дорога, ведущая к дворцу, с одной стороны была обрамлена высокой бетонной стеной. Без лестницы не залезешь.

Планировалось, что при десантировании из БМП солдаты хватают лестницы и вперед, на штурм. На деле вышло иначе. Выпрыгнули, попали под огонь, залегли — и их словно приморозило. Пришлось Толстикову где криком, где пинками поднимать солдат. Кое-как поднял, добежали до дворца.

Грохот вокруг стоял «зверский», как сказал потом один из бойцов подразделения «А». За две минуты боя из 24 человек «романовской» группы 13 было ранено.

Но бой уже гремел на первом этаже.

Вспоминает генерал Дроздов Юрий Иванович:

— Когда штурмовые группы разведчиков-диверсантов ворвались во дворец и устремились к своим объектам внутри здания, встречая сильный огонь охраны, участвовавшие в штурме спецназовцы «мусульманского батальона» создали жесткое непроницаемое огневое кольцо вокруг объекта, уничтожая все, что оказывало сопротивление. Без этой помощи потерь было бы много больше. Ночной бой, бой в здании требует теснейшего взаимодействия и не признает выделения каких-либо ведомств.

В здании Царандоя Чудеснов вместе с десантниками тоже вел бой. Они определили Нура в один из кабинетов, выставили охрану и двинулись на «зачистку» этажей.

В первые минуты огневого соприкосновения с хорошо подготовленной охраной дворца Амина было очень тяжело. Тем
318
более, что охрана значительно превосходила в живой силе штурмующих. По всем тактическим канонам такая атака обречена. Но вышло иначе.

В это время Григорий Бояринов и Сергей Кувылин остались прикрывать коридор. Это было за несколько минут до гибели полковника Бояринова. Позже его найдут убитым на выходе из дворца.

Группа в составе Эвальда Козлова, Сергея Голова, Михаила Соболева, Плюснина, Гришина, Филимонова прорвалась на второй этаж. Их поддерживали «семеновские» бойцы. По звуку

автоматов пытались определить, где свои, а где чужие. Гранату бросали вперед и шли за взрывом. Мешали только большие стеклянные двери без обрамления. В темноте не видно. Гранату метаешь, а она возвращается под ноги.

В кабинетах, залах искали Амина, начальника гвардии майора Джандата, по приказу которого задушили Тараки.

Бой был тяжелый, ожесточенный. Емышеву оторвало руку, у Баева была прострелена шея. Кузнецов получил серьезное ранение в ногу, осколок попал Николаю Швачко в глаз. Но победа оказалась за нами.

Все группы и в захваченном дворце Амина, и в зданиях Царандоя, и в штабе ВВС провели беспокойную, бессонную ночь.

Так, в штаб ВВС в полночь пришло сообщение: колонна афганских танков движется на штаб. А там на охране всего три БМП. Стали думать-гадать, как организовать оборону.

Выручил опытный, толковый наш майор-советник. Он усомнился: мол, откуда здесь танки?

Савельев вместе с майором выехали навстречу колонне. Оказалось, танки были советские. Заблудились и прут в обратную сторону. Пришлось охладить горячие головы танкистов.

Группа Чудеснова провела ночь в здании Царандоя. Под утро по радио выступал Бабрак Кармаль. Нур сосредоточенно слушал речь нового главы государства.

Во дворце утро пришлось встретить по команде генерала Дроздова: «Приготовиться к бою! К отражению атаки». Были данные: поднялась танковая «голубая» дивизия Амина и двинулась на дворец.

А когда рассвело, бойцы увидели самолеты: на аэродром в Баграме высаживалась Витебская десантная дивизия. Операция завершилась. Начиналась долгая девятилетняя война.

Вспоминает генерал Дроздов:

319

— В тот же день, в канун Нового, 1980 года (речь идет о 29 декабря, после возвращения из Кабула), я попросил жену поехать со мной на Манежную площадь к Вечному огню. Падал редкий снежок. Кругом гудела предновогодняя Москва, узнавшая об афганских событиях из скудного сообщения по радио. Ее, как и всей страны, будни еще не были омрачены похоронками, порой опережавшими «Черные тюльпаны». Мы положили к Вечному огню несколько ярких гвоздик, помолчали и так же молча пошли домой.

Пройдут годы. Многое изменится в судьбах тех, кто штурмовал дворец Амина. Изменится и взгляд на Афганистан, на ту войну. Неизменным, святым останется кровь, пролитая на ступенях дворца. Вот только знать бы, ради чего она была пролита?'.

«НАСТАВНИК И ОТЕЦ»

Герои афганской войны не обделены у нас ни почетом, ни вниманием. Страна знает их и любит. Они занимали и занимают высокие государственные и правительственные посты,

возглавляют общественные организации.

К ним внимательна пресса, созданы кинофильмы и телепередачи, в книгах самых авторитетных авторов герои-афганцы занимают достойное место. Достаточно назвать лишь некоторые имена и станет ясно, что и сегодня, спустя много лет, они у всех на устах. Александр Руцкой, Павел Грачев, Борис Громов, Руслан Аушев, Валерий Очиров.

Из более чем 200 тысяч награжденных из состава ограниченного контингента советских войск в Афганистане 67 человек стали Героями Советского Союза, 24 из них — посмертно.

В органах МВД этого звания удостоен полковник Михаил Исаков. Есть сведения, что Комитет госбезопасности представил к званию Героя 13 человек. Но все ли они были удостоены высокого звания — неизвестно. Даже о тех, кто стал Героем, долгое время молчали. В личных делах против их фамилий стоял гриф: «без опубликования в печати».

И все-таки, несмотря на запреты, имя первого Героя просочилось на страницы газет. Правда, в каком-то диком обличьи появился перед нами Герой Советского Союза полковник

Бояринов. Писали, что идя на штурм дворца Амина, он страшно орал и крыл матом офицеров. Создалось впечатление, словно полковник больше ничего и не умел, как поливать нецензурщиной своих подчиненных.

Прочитав эти строки, можно улыбнуться и великодушно простить недобросовестность ли, злой ли умысел человеку, запустившему в полет грязную «утку». Оставалась уверенность, что уже следующий литератор обязательно задастся вопросом: как же люди, сплошь матерщинники, крикуны и болтуны сумели выполнить уникальную, беспрецедентную по сложности задачу столь молниеносно, четко и с минимальными потерями? Но, к сожалению, надо сказать: первый Герой не часто упоминался в нашей документалистике, ну а если о нем и говорили, то ссылались на мнение того самого неизвестного автора, якобы видевшего Бояринова в бою и собственными ушами слышавшего мат и крики.

Неужто нам не дорога собственная история и мы готовы запросто согласиться с тем, с чем согласиться никак нельзя — так и оставить оклеветанным честного человека, настоящего Героя?

В одной из книг об афганской войне попались немало удивившие строки: «Если не считать тех, кто получил Золотую Звезду за штурм аминовского дворца (были и такие), то следующим Героем (из живых) стал офицер-десантник Сергей Козлов».

Нелепые слова: почему, собственно, не считать тех, кто получил Звезду за штурм аминовского дворца? Да, верно, были такие. Может быть, в них резиновыми пулями стреляли? Или кровь и жизни бойцов «Зенита» и «Грома» ничего не стоят? Нетрудно заметить также то общее, что руководило как

офицерами КГБ, так и офицерами воздушно-десантных войск. Кстати, при штурме дворца Дар-уль-амин в бой они шли вместе, плечом к плечу, в одних БМП и БТРах, и никто за спину друг друга не прятался.

Так почему же мы должны считать одних и сбрасывать со счетов других? Может, поэтому мы до сих пор не знаем, каким был на самом деле полковник Григорий Бояринов? А надо бы знать. Пора вернуть его имя в нашу военную историю. И пусть он займет в ней подобающее место.

Григорий Бояринов был сыном своего времени. Он родился в 1922 году и добровольцем, в 17 лет, ушел в армию. Окончил Свердловское пехотное училище, в сорок первом

321

получил звание младшего лейтенанта и первую свою фронтовую должность — командир минометного взвода. Судьба забросила его на Северо-Западный фронт. Здесь он получил и первое боевое крещение, и первую награду — медаль «За отвагу». Во все времена со дня ее введения медаль «За отвагу» ценилась особо. Что говорить — всем медалям медаль. Трудно сказать, почему эта награда приобрела такой авторитет — может, оттого, что лежал на ней отблеск Георгиевского креста, солдатской награды, вручаемой в русской армии за личную храбрость и отвагу.

С приходом к власти большевиков Георгиевский крест был упразднен, однако со временем догадались ввести медаль, которая стала популярна и любима в Красной Армии.

Удостоился ее младший лейтенант Григорий Бояринов за то, что со своим взводом уничтожил пехотную роту фашистов.

Вдвойне приятно было узнать о награде отцу Григория — Ивану, Георгиевскому кавалеру.

В декабре 1941 года Григория переводят в истребительный полк Северо-Западного фронта, а уже 1 февраля 1942 года он откомандирован в состав пограничного полка НКВД. Как оказался лейтенант в пограничной части, теперь уже вряд ли удастся выяснить. Солдат, офицер, особенно во фронтовую пору, не волен был собой распоряжаться. Где сказали — там и служил, бил фашистов.

Сегодня при упоминании войск НКВД на ум приходят спецотряды, которые даже во время войны исполняли обязанности палачей: пытали и расстреливали так называемых «врагов» советской власти, выселяли репрессированных.

Но были и иные подразделения, тоже в составе войск НКВД, их бойцы работали в разведывательно-диверсионных группах в глубоком тылу противника, они стали костяком партизанских отрядов в сети партизанских формирований, выполняли за линией фронта специальные задания. Этим и занимался Григорий Бояринов более двух с половиной лет в пограничном полку на Северо-Западном, Ленинградском и 2-м Прибалтийском фронтах. Он командовал школой снайперов, готовил диверсионные подразделения, сам их неоднократно возглавлял, уходя за линию фронта.

В одной из таких операций отряд специального назначения под его командованием уничтожил штаб итальянской дивизии.

Бояринова наградили орденом Боевого Красного
322
Знамени. Фронтовики помнят, что значил такой орден в 1942 году. Войну Григорий Иванович закончил начальником штаба пограничной комендатуры, а последующие годы служил в 106-м погранотряде Северо-Западного пограничного округа. Здесь и произошел тот случай, что навсегда вошел в историю округа. На маленьком самолете Бояринов преследовал трех нарушителей границы... В этом не было бы ничего необычайного, но самолет был одноместный и в кабине мог находиться только пилот. Оставалось одно, что и сделал пограничник: взобрался на крыло и приказал взлетать.

Самолет совершил посадку на льду Финского залива и офицер еще несколько километров гнался за нарушителями. Они добежали до берега, спрятались в камнях и открыли огонь. Бояринов, стреляя из винтовки, не давал шпионам выбраться из своего укрытия и уйти через границу. Вскоре подоспело подкрепление, нарушители сдались.

В 1948 году капитана Григория Бояринова направляют на учебу в Военный институт МГБ СССР. Он заканчивает его с отличием и остается на кафедре. Через несколько лет молодой преподаватель становится адъюнктом Военной академии им. М. В. Фрунзе, успешно защищает диссертацию.

Что же изучает Бояринов? То, что он узнал на практике и проверил в боевых условиях — тактику партизанских действий.

Академическая газета «Фрунзевец» 14 ноября 1959 года так писала о кандидатской диссертации адъюнкта Бояринова: «Особый интерес и ценность работы заключается в том, что она — первая в области научного анализа методов ведения воспитательной работы в партизанских формированиях, принципов их организации, решаемых задач, методов их выполнения, средств, использовавшихся при ведении разведывательных и боевых действий, организации взаимодействия с регулярными войсками.

Глубокой разработке темы немало способствовало то, что сам диссертант участвовал в деятельности партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны, что позволило ему полнее оценить успехи и неудачи отдельных операций, шире охватить круг проблем, связанных с организацией и ведением партизанской борьбы, прийти к интересным и обоснованным выводам».

После окончания адъюнктуры и защиты диссертации Григорий Иванович становится преподавателем Высшей Красно-
323
знаменной школы им. Ф. Э. Дзержинского. Теперь у него есть все для успешной педагогической работы — научные знания, богатый практический опыт.

18 лет проработал Бояринов в Высшей школе КГБ. За эти годы написаны многочисленные научные труды, он возглавил одну из спецкафедр школы. У него было много учеников. Именно с ними, сформировав первый отряд «Зенит» и возглавив его, он поехал в Афганистан. Вернулся в сентябре, а в декабре улетел

снова. Мог ли он в том бою укрыться за броней БМП, войти во дворец не в первых рядах, не броситься в самое пекло? Наверное, мог. Но не отстал, не укрылся за броней. Его ученики гордились им. Было, конечно, и сожаление, и такое мнение: мол, лучше бы старику под огонь не соваться. Что ответить этим людям? Жизнь Бояринова — лучший тому ответ. А еще поминальные стихи одного из бойцов: «Прощай, наставник и отец. Тебя мы будем помнить как героя!» Дай Бог, чтобы эта память была долгой и светлой.

«ЗЕНИТ» - «КАСКАД» - «ОМЕГА»

История «Каскада» еще не написана. Хотя с тех пор прошло уже полтора десятка лет. Не время, не время — твердят «каскадеры». И все-таки поведаем хоть о немногих славных делах отряда специального назначения.

Первым командиром его стал полковник, впоследствии генерал-майор Александр Иванович Лазаренко.

Я хорошо знаком с Александром Ивановичем, многое слышал о нем из уст сослуживцев и считаю: Андропов сделал мудрый выбор, назначив во главе «Каскада» боевого командира, фронтовика, вчерашнего десантника.

Судьба Лазаренко — удивительная судьба. Он один из немногих в Комитете госбезопасности имел богатый фронтовой опыт общевойскового командира и основательную оперативную подготовку разведчика. К тому времени Лазаренко двадцать один год отслужил в армии и девятнадцать в КГБ.

В подчинении у Лазаренко тысяча человек — офицеры КГБ, солдаты-водители БТР. «Каскад» охватывает всю территорию Афганистана. Штаб и управление в Кабуле, команды — в Ге

рате, Шинданте, Кандагаре, Джелалабаде, Газни, Мазари-Шарифе, Кундузе.

С чего начинает Лазаренко? С изучения истории. Да-да, именно так.

«Я собрал архивные материалы КГБ со всего Союза, — рассказывал мне Александр Иванович, — историю изучал вплоть до опыта ЧОНовских отрядов.

Ведь в Афганистане классические методы разведки не подходили. Все нужно было начинать с нуля.

У меня сработало» несколько сот агентов. Все внедрены в банды. Вот так, для того, чтобы встретиться с агентом, надо было разрабатывать целую боевую операцию.

А как проверить агента? Ну, завербовали мы афганца, он утверждает, что готов пойти в банду. Что дальше? В цивилизованных странах это легко делается, а попробуйте «покрутите» его в Герате или в Кандагаре, в других местах, которые находятся под контролем бандитов. Очень сложно».

Учились, что называется, на марше. И надо сказать, умело противостояли и ЦРУ, и пакистанской разведке.

Сегодня всем известен аэродром в Кандагаре, где талибы захватили наш гражданский самолет и летчиков. Кстати говоря,

об этих беднягах-пилотах не раз заходила речь в беседах с бойцами «Каскада» и «Вымпела». У профессионалов болело сердце за бессилие нашей страны. «Да я этот кандагарский аэродром с закрытыми глазами обойду — не споткнусь», — сказал мне с горечью один из ветеранов и предложил свой план проведения операции по спасению пилотов.

Право же, все, что он говорил, мне не показалось фантазией спецназовца-пенсионера. И не только потому, что пенсионер по своему возрасту вполне мог участвовать в этой операции, но сколь сильны и реалистичны были его доводы и аргументы.

Так вот, на этом самом аэродроме произошла весьма неприятная история. Ночью часовому, который охранял стоянку самолетов, показалось, что вражеский лазутчик подобрался к машинам. Так ли это было или солдату померещилось, но он дал короткую очередь в сторону стоянки. На беду, пуля из АКМ попала во взрыватель бомбы. Взрыватель-то всего-ничего, двухкопеечная монета, но тем не менее произошла крупная неприятность. От взрыва бомбы, которая находилась под крылом машины, были уничтожены три советских самолета и три вертолета соседнего афганского полка.

325

В Кандагар срочно прилетел Лазаренко. Командир «кандагарской» группы подполковник Анатолий Алейников доложил обстоятельства дела.

Александр Иванович пригласил командира авиационного полка, предложил: солдата оставить в покое, уложить в госпиталь. По легенде, он ранен во время взрыва. Распустить слух: самолеты и вертолеты уничтожили моджахеды. Проведена крупнейшая диверсия против «шурави».

Комполка насторожился: не имею права. «Хорошо, приказа маршала Соколова будет достаточно?» — спросил Лазаренко.

В тот же день командир полка получил телеграмму от маршала.

Алейников подобрал трех человек из «кандагарской» агентуры. К засылке в банды их готовили месяц. Каждую ночь агенты за двадцать километров отправлялись на аэродром. Возвращаясь оттуда, описывали свой маршрут, наиболее видимые ориентиры, приметные деревья, кусты, объекты, рассказывали, как переправлялись через реку.

Вскоре даже самому опытному инструктору на «той стороне» они могли безошибочно, до мелочей описать дорогу, по которой шли «на диверсию» и возвращались обратно.

Тем временем слухи достигли своего апогея, и бандиты сами стали разыскивать героев-диверсантов, уничтоживших чуть ли не целую эскадрилью.

Вскоре один агент оказался в банде, двое других — еще в одном формировании моджахедов. Легенда сработала, им поверили. Более того, наградили, вручили большие суммы денег. Вскоре все трое встретились в Пешаваре, где их чествовали как героев.

Это были весьма ценные агенты, приближенные к верхушке повстанческого движения. До сих пор руководство «Каскада»

помнит, как с их помощью удалось предотвратить взрыв индийского консульства в Кандагаре. Провокация против консульства была намечена как раз на начало визита Л. Брежнева в Индию.

Советские чекисты, получив агентурную информацию, разработали и провели операцию, в ходе которой банда диверсантов была обезврежена.

Помнится, в беседе со мной начальник Управления «С» Комитета госбезопасности рассказал о том, что у них в музее

326

находится фотография человека в чалме. Этот агент был муллой. Служил в одной из мечетей Кабула. Накануне праздника Октябрьской революции он дает информацию о покушении на руководителя Афганистана, Бабрака Кармаля планировали убить во время праздничного приема в советском посольстве.

Об этом было сообщено советскому послу, и банду террористов вовремя ликвидировали.

Рассказывает полковник запаса Сергей Шестов:

— Я был в Афганистане с 1980 по 1984 годы. 5-я зона— моя. Сначала «Каскад», на последнем году «Омега».

Подразделение «Омега» просуществовало немного, оно было переходным от «Каскада» к «Вымпелу». Бойцы практически те же, процентов на семьдесят.

Сегодня мало кому известно, что мы оставались в Афганистане и после вывода наших войск. Помните, генерал Громов вышел на последнем «бэтээре» и доложил. Эти кадры обошли весь мир. А между тем наши ребята сидели на афганском берегу и радовались: «Слава Богу, наши вышли благополучно». Реально последними выходили пограничники и мы. Что же касается самих событий, то откровенно говоря, есть, что вспомнить. Нам в этой зоне удалось провести по-своему уникальную операцию, в результате которой было спасено целое племя— 175 человек. А моих «каскадеров» всего 16 бойцов.

Сначала «добро» на эту операцию руководство не давало, а потом очень много и наша пресса писала, и зарубежная: мол, неизвестные «шурави» освободили племя.

Приходилось много думать. Собирать информацию, переваривать ее, чтобы понять замысел и обыграть врага.

«Духи» ведь тоже подбрасывали нам задачки. Ну, например, никто не может понять, почему по дороге пять танков прошло нормально, а кухня, шестая, взорвалась.

Сначала решили, что по радио взрывают. Разобрались, нет, радио тут ни при чем. Да и зачем кухню управляемой миной рвать? Головоломка.

Думали, искали, перепроверяли и все-таки нашли ответ: «духи» на взрыватель мины ставили папиросную бумагу. Бумажка протирается... и взрыв.

Был и еще один случай, когда мои «каскадеры» взяли «живьем» французских инструкторов — женщину и мужчи-

327

ну. Выдавали себя за журналистов. Если не ошибаюсь, это был первый захват инструкторов «вживую». Кстати, как-нибудь

Руцкому покажу фотографию своего агента. Это он принес весть о том, что Александр Владимирович находится в госпитале под Пешаваром. Агент вышел тогда на незапланированную встречу и сообщил: «шурави», которого сбили (а сбили его в моей зоне), находится там-то. Не знаю, первыми ли мы добыли информацию о Руцком, но добыли. И это самое главное.

Были, конечно, и острые моменты. Война есть война. Помнится, проводили операцию, делали обыск. Обычаи уважали: на женскую половину не заходили. Как раз одна из женщин этим и воспользовалась, выхватила пистолет и едва не расстреляла меня. Промаха бы не случилось, ствол пистолета был у моего лица. Помогла «каскадерская» выучка.

Так и работали. Теперь, оглядываясь назад, думаю, что «Каскад» и позже «Вымпел» были весьма эффективными, если так можно выразиться, «точечными» подразделениями по локализации нежелательного развития событий. Ведь Чечню можно было локализовать в зародыше, оперативным путем.

Но упустили время. Однако эти вопросы уже не к бойцу спецподразделений...

Сегодня, переписывая заново историю афганской войны, некоторые публицисты стараются представить моджахедов этакими «борцами за свободу», по-джентльменски воевавшими только против оккупантов — «шурави». Бойцы «Вымпела» свидетельствуют о другом: в различных провинциях не было дня, чтобы душманы не убивали мирных жителей — учителей, врачей, местных активистов. Они отравляли источники с водой, поджигали больницы и школы... О диверсиях и терроре против советских военнослужащих и говорить не приходится. Для этого выбирались самые уязвимые объекты, безоружные специалисты из Советского Союза.

Вот лишь один из примеров. 2 января 1983 года в г. Мазари-Шарифе бандиты совершили нападение на советскую автоколонну и угнали в неизвестном направлении автобус с шестнадцатью советскими специалистами, работавшими на элеваторе. На розыск были брошены все наличные силы «Каскада».

Как оказалось, террористическая операция была подготовлена душманами тщательно и профессионально. Они за-

ранее похитили семью афганца, водителя автобуса, и, угрожая расправой над женой и детьми, склонили к участию в акции.

А вскоре ничего не подозревающих советских рабочих пригласили отпраздновать новогодний праздник. В одном из городских кварталов автобус был отсечен от колонны, и водитель погнал его в сторону окраины города. Там уже ждал грузовик, куда должны были пересадить заложников.

Террористы умело подготовили и ложную информацию, чтобы пустить преследователей по ложному следу. Подкупленные местные жители заявили в Царандой, что видели автобус по дороге к ущелью Мармуль.

На поиск были брошены подразделения афганской и советской армии, но трехдневная войсковая операция не дала

результатов. Более того, на дороге нашли тело одного из советских специалистов — Шипулина. В момент захвата он оказал сопротивление бандитам и геройски погиб. Все это говорило о зловещих планах террористов и нависшей над заложниками угрозе.

Совсем в другом ущелье, где разгорелся бой, в ходе которого бандиты были выбиты из укреплений, обнаружили список пленников и пистолет Шипулина.

Дальше следы банды и заложников терялись. Могла помочь только разведка. Благодаря хорошо подготовленной агентуре, сотрудники «Каскада» уже через несколько дней знали местонахождение банды, которая уходила в горы, к границе с Пакистаном. Многое стало известно и о террористах— банда принадлежала к «непримиримым», и это еще больше обостряло чувство тревоги за судьбу заложников.

Через некоторое время стало известно, что бандиты собираются казнить пленников. Разведчикам удалось организовать прямой выход на главаря банды. Однако тот ставил невыполнимые условия и постоянно менял их, угрожая заложникам.

Выхода не было. В начале февраля войсковые подразделения советской армии и афганской службы безопасности блокировали кишлак Вахшах, где бандиты удерживали пленников. Десант встретили огнем. Бой закончился победой, хотя и с немалыми потерями для советской и афганской сторон.

Что ж, война есть война. Училась воевать армия, учился воевать «Каскад». Правда, у «каскадеров» были свои методы.

Порой грамотно организованная оперативная работа сберегала жизни сотни людей.

Подготовленный сотрудниками «Каскада» и засланный в банду агент Ахиль сумел дать ценнейшую информацию о смертоносном грузовике, в кузове которого находилось более тонны мощнейшего взрывчатого вещества — пластита.

Боевики исламской партии планировали взорвать грузовик вблизи советского госпиталя в Кабуле. В ходе четко разработанной операции удалось перехватить и обезвредить «тайник на колесах».

Агентурная работа Акиля дала богатую информацию о планах диверсионной деятельности пешаварских боевиков.

...Таковы лишь некоторые эпизоды нелегкой и зачастую невидимой работы отряда специального назначения. История «Каскада» еще не написана. Ее напишет время.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ИНДУЛЬГЕНЦИЯ НА ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ТЕРРОР

Эти два события практически совпали по времени. В начале 90-х закрыли 8-й разведывательно-диверсионный отдел Управления «С» КГБ, а специальное подразделение «Вымпел»

перенацелили на ядерный антитеррор.

Разумеется, эти решения были приняты по команде новых, так называемых «демократических властей». Хотя, справедливости ради, надо отметить: кое-кто и в Комитете госбезопасности шарахался от диверсионных подразделений как черт от ладана.

Теперь, в отличие от многих других стран, у нас нет ни отдела, ни подразделения. Приверженцы подобного решения считают, что так и должно быть, и в качестве аргумента приводят убийство Троцкого, покушение на генералов Миллера и Кутепова, а в недавнем прошлом штурм дворца Дар-уль-аман в Афганистане и гибель Амина.

Что ж, как говорят, слов из песни не выбросишь, все было в истории нашей разведывательно-диверсионной службы. Однако сегодня доподлинно известно, что инициатором убийств политических и военных деятелей являлись руководители страны, они отдавали приказы, а диверсанты лишь исполняли их. Так что упрек не по адресу.

Таким образом, если в сталинские времена казнили предателей, политических противников без суда и следствия, то теперь положение диаметрально противоположное — перебежчиков, уголовных преступников, террористов, скрывшихся за границей и даже осужденных в СССР или в России, не трогает никто.

Великая «демократическая» Россия их как будто великодушно прощает. Ну мало ли, что проданы с корня государ-

ственные тайны, выданы коллеги и брошены в тюрьму на долгие годы, пролита кровь невинных жертв...

Они ведь теперь за границей, а некогда могучая «рука Москвы», выходит, всего лишь миф.

О Чечне, особенно о первой чеченской войне и вспоминать не хочется. Ибо все, что происходило с чеченскими террористами — это национальный позор России. Тогда убийцы сотен русских людей Басаев и Радуев каждый день куражились на экранах нашего телевидения, угрожали продолжением войны, а их кровавые приспешники свободно посещали Москву, им жали руки самые высокие российские руководители.

О таком беспрецедентном преступном факте поведала в октябре 1996 года газета «Известия»:

«Круг замкнулся. В Буденновске правой рукой Басаева был Аслан Исмаилов, который присутствовал при всех телефонных переговорах с Черномырдиным.

Сегодня полковник Исмаилов, находящийся в федеральном розыске, —- комендант Грозного, и он же в составе делегации Яндарбиева посещал Москву — снова для переговоров с премьером».

Для большей убедительности «Известия» опубликовали два снимка. Басаев в Буденновске у телефона, рядом с ним Исмаилов, а на втором фото — террорист Исмаилов за столом переговоров в Москве.

Корреспондент газеты приводит и другие фамилии чеченских

террористов, виновников буденновской трагедии. Оказывается, Юнус Насагаев был пойман в Грозном весной 1996 года вместе с группой боевиков. Он готовил новый теракт. И что же? Не успели Насагаева привести в ставропольское СИЗо для допроса, как пришла «высокая» команда — доставить террориста в Ханкалу, где потом он был выпущен под «подписку о невыезде».

Эти факты сегодня несколько подзабыты. А жаль. О них надо помнить всегда. Правда, ныне Радуев уже в тюрьме, а многие его коллеги по преступному «террористическому бизнесу» убиты или арестованы. Но еще на свободе Басаев, Хаттаб да и другие кровавые лидеры террористов. Вот почему о тех позорных днях первой чеченской нельзя забывать. И все-таки попытаемся разобраться спокойно. Наверное, то, что творилось в сталинские времена и что творится сейчас — крайности. Но тогда какова золотая середина?

Начнем с политических убийств.

332

Нынешний век залит кровью монархов, президентов, премьер-министров. Убиты президенты Чили Сальвадор Альенде, Гватемалы — Кастильо Армас, Афганистана — Мухаммед Дауд, Мухаммед Тараки, Хафизула Амин, Венесуэлы — Чальбо К. Дельгадо, Либерии — Сэмюэл Доу, Южного Вьетнама — Нго Динь Дьем, Ливанской Республики — Бешир Жмаель, Рене Муввад, США— Уильям Мак-Кинли, Джон Кеннеди, Ирана — Мохаммед Али Раджаи, Бангладеш — Зия Зиуар Рахман, Панамы — Хосе Антонио Ремон, Египта — Анвар Садат.

Среди погибших насильственной смертью премьер-министры Гренады Морис Бишоп, Боливии — Г. Вильярроэль, Индии — Индира Ганди и Раджив Ганди, Японии — Инукаи Хамагуци, Швеции — Улоф Пальме.

Кроме того, от рук убийц пали король Португалии Карлуш I, великий везир Турции паша Талаат, король Афганистана Мухаммед Надир-шах, король Италии Умберто I, король Саудовской Аравии Фейсал.

Что касается России, то она ничем не отличалась от других государств. Был казнен российский император Николай II, убит премьер-министр Петр Столыпин.

Напомню, речь идет лишь о XX столетии. Если же заглянуть в глубь истории, каких только имен мы здесь не встретим — начиная от Сервия Туллия, правившего в Риме в 578 — 534 гг. до н. э. и павшего в результате заговора, до премьер-министра Израиля Рабина, убитого осенью 1995 года.

Судя по именам жертв и их количеству, человечество не скоро установит «мораторий» на чудовищные казни. Да и возможно ли это в принципе? Трудно сказать. Однако нашло же в себе силы современное сообщество удержать в узде ядерную угрозу. Может, когда-нибудь оно поднимется до таких нравственных высот, когда станет невозможным сам акт террора против лидера страны.

А пока, это не так. И мы живем в реальном жестоком, кровавом мире.

Не будем забывать: дело не только в политических лидерах и

в покушениях на них. Существуют предатели, уголовные убийцы, террористы, скрывающиеся за границей. Таких «клиентов» достаточно и у России.

Сначала о предателях. Советские предатели — народ особый. После того, как они расплатились с новыми хозяевами секретами бывшей Родины и судьбами коллег-разведчиков, они еще пытаются всячески обелить себя.

333

А некоторые так усердствуют, что впору вносить их в списки национальных героев проданного ими Отечества.

Почитаешь книгу Аркадия Шевченко, советского дипломата, оставшегося в США, и кажется, перед тобой чистый и бескорыстный человек, всем сердцем любящий демократию и ненавидящий тоталитаризм. Его обвиняют в шпионаже в пользу Соединенных Штатов? Да что вы, это происки КГБ, чтобы опорочить честное имя борца за свободу.

А борец оказывается всего лишь «кротом», агентом ЦРУ, на корню продающим секреты своего Отечества. Но он и подозревать не мог, что «девочка по вызову», профессиональная проститутка, которой Шевченко выплачивал щедрое жалование — 5 тысяч долларов в месяц, тоже возьмется за перо. И напишет книгу «Любовница перебежчика». На обложке стоит имя — Джуди Чейвез.

Вот отрывок из книги: «В другой раз, лежа в постели, он спросил, хочу ли я знать, был или не был он «кротом» ЦРУ. В одном журнале утверждалось, что Энди начал работать на ЦРУ задолго до решения остаться в Соединенных Штатах. Он объявил мне, что «крот» на шпионском жаргоне означает агента, который долго собирает информацию и передает ее только после перехода в другой лагерь.

— Так ты был «кротом»?

Он помолчал, потом тихо ответил:

— Да.

Я никак на это не отреагировала. Он кашлянул и, сильно огорченный, пошел в туалет. Мое равнодушие его уязвило. Еще бы: поделиться такой ценной информацией с девушкой, которой на это совершенно наплевать!»

Тут, думается, не нужны комментарии. Ну разве что ответить на вопрос, откуда у Шевченко были деньги на жизнь, оплату проститутки, подарки? Ведь как описывает та же Джуди: однажды агенты ЦРУ, следившие за Шевченко, спросили, сколько он платит ей? «Три с половиной в месяц», — соврала Чейвез.

Агенты признали, что это вполне нормально. Интересно, чтобы сказали бы они, узнай истинную цифру. Ведь тысячи долларов были из карманов ЦРУ и ФБР. Об этом ныне знает вся Америка.

Я уже упоминал об Олеге Лялине, сбежавшем из лондонской резидентуры. Он был британским агентом. По своим че-

334

ловеческим качествам Лялин мало подходил для разведывательной работы.

Р. Роуан в своей достаточно известной книге «Очерки секретной службы», изданной в нашей стране еще в 1946 году, пишет: «Секретный агент обязан быть не только предан делу и долгу, но и лишен чувства себялюбия. Он должен быть чужд всякого бахвальства и других проявлений несдержанности. Он должен быть в такой же мере правдив и морально устойчив...»

Ничем подобным Лялин, увы, не обладал. Он имел пристрастие к спиртному. Волочился за женщинами, был болтлив и хвастлив. На это, кстати говоря, обратил внимание отец его любовницы, старый чекист, написавший письмо в КГБ после встречи с Лялиным. Будучи у них в доме в гостях и приняв изрядное количество горячительного, сотрудник 13-го отдела тут же разболтал, что он не какой-нибудь там простой капитан-гэбист, а разведчик-нелегал, работает в Англии.

Письмо попало к заместителю начальника отдела полковнику Власову, но тот отмахнулся, высокомерно начертав свою резолюцию: «Бред сивой кобылы».

Но старик-чекист не ошибся. «Болтливый гэбист» бежал вместе со своей очередной любовницей. Он сдал всех наших агентов, о которых знал что-либо. Плюс к тому же 105 высланных советских дипсотрудников и крайнее затруднение в работе лондонской резидентуры.

Недавно в одной из газет руководитель пресслужбы СВР генерал Юрий Кабаладзе сказал о Лялине: «Он ушел в тень и спокойно жил с женой до самой смерти в каком-то английском графстве».

Спокойно жил... А в это время коллеги-разведчики, выданные им, томились по тюрьмам. Вот такая социальная справедливость.

Ложь, что Андропов отдал приказ убить Лялина. Во-первых, такое решение было вне компетенции председателя КГБ. Во-вторых, если бы оно состоялось — Лялина бы достали в любом случае.

«Мы не раз обращались к Брежневу с просьбой убрать некоторых предателей, — сказал бывший заместитель начальника 13-го отдела генерал-майор А. Лазаренко, — но нам не разрешали. Генсек ничего не писал на письме. Какое посыла-

ли, такое и возвращалось. Это означало отказ Политбюро. Мы могли убрать Лялина да и других предателей — Гордиевского в Лондоне, Шевченко в США».

Кстати говоря, о Гордиевском. Он предал наших нелегалов — мужа и жену. Предал в тот период, когда разведчица была беременна. Муж знал о слежке. Он анализировал свои действия, искал причины, где мог допустить ошибку. Искал и не мог найти.

Разведчик был на грани нервного срыва. Жена прекратила оперативную работу, поместила мужа в больницу, родила ребенка...

«А затем, — пишет в своих воспоминаниях генерал Дроздов, — нашла в себе силы всех... перебросить через чужие границы в Москву, зная, что английская контрразведка идет за ними по пятам. Такие предательства не забывают, Гордиевский.

Мы могли бы припомнить еще кое-что, да рановато.

Так, он предал и нелегалов Мартыновых с двумя малолетними детьми. Продавал хладнокровно, демонстрируя своим новым хозяевам, как он проводит переброску нелегалов...

...Он оберегал себя, знал, что наша служба безопасности не перестает искать канал утечки, предателя. Он выдал себя, проявив чрезвычайный интерес к своим личным друзьям, с которыми когда-то учился, тогда активным нелегалам, которых хотел продать своим хозяевам — ведь 30 сребреников надо отрабатывать.

Он смог уйти, но мы спасли этих и других нелегалов из петли, которую спецслужбы противника пытались затянуть на их шее. Некоторых буквально вырвали из рук противника.

Предательство Гордиевского нанесло определенный ущерб многим подразделениям разведки. Мы его преодолели. Приговор, вынесенный ему, остается в силе, и никакие конъюнктурные поблажки не отменят его».

Наше телевидение время от времени ублюдочно «тепло» рассказывает «о борцах за демократию» — Гордиевском, Резуне. Даже умильно роняет слезу над петляющим по городу предателями (якобы сбивающим со следа агентов КГБ).

Не надо, господа. Никто их не догоняет сегодня. А то, что они боятся, дрожат, ну что ж — такова судьба предателей. Хотя вряд ли кто-нибудь за ним придет. А жаль...

И, наконец, убийцы и террористы.

336

Это сегодня Басаев и Хаттаб у нас на слуху. Но только ли о них речь? Рядом с тем же Басаевым в Буденновске был не один десяток террористов. Благодаря усилиям следственной группы Генпрокуратуры установлены имена практически всех кровавых бандитов. А 20 человек организаторов и руководителей этого убийства даже попали в картотеку Интерпола.

Не знаю, как там Интерпол, но Россия должна предать каждого из них суду.

Тем более, что срока давности на преступления террористов нет. Была бы политическая воля у руководства страны. Сегодня она есть. Как будет дальше — посмотрим. Кстати, о политической воле.

Таких примеров в мире достаточно. Что же касается исполнителей этой воли, то патриоты, уверен, найдутся. Ибо они находились в каждой стране.

Вспомним Израиль, подвиг Питера Малкина, консультанта по борьбе с терроризмом. Это он похитил в 1960 году и вывез из Буэнос-Айреса нацистского преступника Адольфа Эйхмана, руководившего «окончательным решением еврейской проблемы».

Эйхман жил в Аргентине под именем Рикардо Климента. Израильская разведка вышла на его след, и опытный оперативник Малкин организовал похищение.

Несколько дней нациста держали на конспиративной квартире, а потом, переодев в форму стюарда авиакомпании «Эл-Ал», вывезли из Аргентины.

Адольф Эйхман был казнен в Израиле, его сожгли и прах

развеяли над Средиземным морем.

Израиль это сделал уверенно, не оглядываясь ни на чье мнение. И сделал правильно. Ибо всегда найдутся силы, которые попытаются оправдать нацистов, террористов, убийц.

Ведь почему пришлось похищать Эйхмана? Да потому, что израильское правительство было уверено: Аргентина нациста не выдаст.

К сожалению, и в Европе некоторые суды, особенно в Австрии, оправдывали нацистов. А посмотрите, сколько ныне защитников у чеченских террористов.

Это говорит лишь об одном: России следует твердо доводить начатое дело до конца. Убийцы и террористы, где бы они ни были, рано или поздно должны предстать перед судом. Если для этого кого-то надо похитить — надо похищать.

337

Так уж случилось, что долгие годы занимаясь изучением биографии Эрнесто Че Гевары, я стараюсь не упускать из виду судьбы убийц легендарного кубинского революционера. А дело вот в чем. Че Гевара был захвачен в плен 8 октября 1967 года, подвергнут пыткам и казнен на следующий день.

С тех пор тридцать лет все, кто был причастен к убийству и истязанию товарища Че, умирают не своей смертью.

Крестьянин Онорато Рохас, выдавший партизан, за что впоследствии получил от боливийского президента ферму, был убит два года спустя выстрелом в затылок.

Капитан Марио Варгас, устроивший засаду на соратников Че Гевары, вскоре после драматических событий сошел с ума.

Комиссара одного из отрядов Гевары, члена ЦК Компартии Боливии Инти Передо в Ла-Пасе выследила полиция. В перестрелке верный сподвижник Че был убит. Полицейский агент Роберто Кинтанилья, руководивший ликвидацией группы Инти Передо, в награду был назначен консулом Боливии в Гамбурге. Но и там ему не удалось уйти от возмездия. В 1971 году немецкая полиция обнаружила труп консула с тремя пулевыми ранениями.

Сам президент Боливии Баррьентос погиб в авиационной катастрофе в 1969 году.

Трудно утверждать, преднамеренные это убийства или случайные. Хотя, признаться, слишком много странных совпадений. Но данных о причастности к этим смертям ни кубинских, ни боливийских спецслужб нет.

Конечно же, среди убийц Че Гевары сотни спецов. В Вашингтоне была создана специальная оперативная группа по ликвидации отряда Че во главе с начальником разведки южного командования бригадным генералом Уильямом К. Скером.

Американские «рейнджеры» готовили отряд из 600 боливийских головорезов. Агенты ЦРУ вербовали агентуру из местных жителей. Ход подготовки операции докладывался советнику президента США, в Пентагон, директору ЦРУ.

Известно, что были выработаны предложения о посылке туда регулярных частей армии США, однако Джонсон не желал получить «второй Вьетнам», и потому Че Гевару убрали руками

боливийцев.

Все это я рассказываю еще для того, чтобы напомнить о роли США в политических убийствах. Кстати, и до сего дня
338
ни одно из политических убийств, совершенных спецслужбами Америки, не выдвигается в качестве решающего аргумента для разгона этих спецслужб.

В одной из наших газет я прочел сообщение о том, что после появления разоблачительных материалов о причастности ЦРУ к убийству премьер-министра Конго П. Лумумбы и диктатора Доминиканской Республики Р. Трухильо, а также многочисленных попыток покушения на Фиделя Кастро, Конгресс США устроил слушания по этому вопросу. Как пишет автор, на слушаниях «руководители ЦРУ чувствовали себя далеко не уютно».

Вот так, оказывается, поступают в стране с двухсотлетней демократией. Врежут, что мало не покажется.

У нас иные традиции. Одни махом разгонят, выкорчуют, камня на камне не оставят. Гуляйте себе на здоровье басаевы и хаттабы, живите тихо и мирно помирайте в далеком английском графстве лялины, поливайте помоями свою бывшую Родину гордиевские и резуны. Вам нечего бояться за ваши прошлые и будущие преступления.

Но я вижу Россию другой. Сильной и гордой. Она будет такой. А там посмотрим, потерпят ли вас дальше.

НУЖЕН ЛИ НАМ СПЕЦНАЗ?

Это было всего лишь несколько лет назад. В 1997 году в одной из своих книг я писал: «В сладких песнях продажных политиков и журналистов «ядерная дубина» североатлантического блока превращается... в «пальмовую ветвь мира». На словах, конечно. Говорят, мы должны верить НАТО. Почему? Ведь они никогда не верили нам. Помните, когда Никита Хрущев перебросил ядерные ракеты на Кубу, под нос американцам? Тогда Джон Кеннеди не очень-то поверил Хрущеву и сделал все, чтобы советские ракеты были удалены за океан.

Да, можно говорить, что теперь на дворе 90-е, а не 60-е, у руля страны не Хрущев, и ситуация в мире другая, и демократическая Россия— не тоталитарный Советский Союз. Говорить можно все».

Да, сейчас после ударов НАТО по Югославии политическая риторика претерпела некоторые изменения. Мало кто у
339
нас в стране признается в любви к НАТО. Даже самые-самые любвеобильные западники. Хотя трудно сказать, надолго ли это?

Древняя мудрость народа гласит: верь не словам, а делам. А как, кстати говоря, складывались в последние годы наши дела с НАТО? Ответ тут может быть один: все советско-, а позже российско-натовские отношения далеки от демократичных и равноправных. Силой, давлением, диктатом и некоторыми другими не очень афишируемыми «методами влияния» натовцы

добились того, о чем десяток лет назад не могли и мечтать.

Вернемся же в недалекое наше прошлое. Горбачев — Генсек, а потом и первый президент в истории СССР. Зарубежная пресса писала, что по широте полученной власти М. Горбачева можно сравнить лишь со Сталиным.

Свои «необъятные полномочия» он направляет на благое дело — разрушение берлинской стены и объединение Германии.

В ту пору на страницах немецкого журнала «Шпигель» появляется интервью советника президента СССР Н. Португалова: «Новые отношения между русскими и немцами, — заявил Португалов, — дают СССР шанс вернуться в Европу и спастись от надвигающейся экономической катастрофы. Немецкая помощь позволит Советскому Союзу создать систему подлинно рыночного хозяйства, отчасти расплатиться с долгами и осуществить вывод войск из Германии, не бросая возвращающихся оттуда военнослужащих на произвол судьбы».

Как интересно все это читать десятилетие спустя. Вот так на немецких денежках от катастрофы решили спастись, рынок создать, с долгами слегка расплатиться и войска вывести.

Горбачев и его окружение не могли не понимать, делая шаг к объединению Германии, какие глобальные экономические, политические, военно-стратегические изменения повлечет он, какие вызовет поистине «тектонические» процессы.

Так, собственно, и случилось. И натовские танки у ворот Бреста — это и есть результат тех самых «процессов».

Проследим, как развивались события. А развивались они очень интересно. Об этом надо бы написать подробно и в школьные учебники вставить. Чтоб с детства знали, учились и клялись не повторять русского позора.

Первое, что возникло в по-новому складывающейся обстановке в Европе, это весьма заманчивая мысль: взять да и

распустить оба военных блока, многие годы противостоящие друг другу.

Мысль эта первой посетила головы генералов. Западногерманский генерал в отставке Г. Шмюкле, занимавший в 1978—1980 годах пост заместителя Верховного Главнокомандующего ОВС НАТО в Европе, в статье в журнале «Шпигель», посвященной европейской безопасности, предлагал: отказаться от старых военно-политических структур, распустить Североатлантический блок и Варшавский Договор и создать вместо них новую евроатлантическую систему безопасности, включающую в себя нынешнюю зону ответственности НАТО и ОВД.

Ему вторил начальник штаба ОВС стран Варшавского Договора генерал армии В.Н. Лобов: «Советский Союз и другие члены Варшавского Договора выступают за одновременный роспуск обоих европейский военно-политических блоков».

Однако политики оказались не столь наивными, как генералы. Яснее других высказался Р. Рейган. На страницах немецкой печати он заявил, что североатлантический союз «ни в коем случае не должен быть распущен».

Все четко и ясно. Равноправие полное. Варшавский Договор должен быть распущен, НАТО — «ни в коем случае».

На том, собственно, все и закончилось. Варшавский Договор был распущен, НАТО — укрепилось.

Следующий этап — разрешение проблемы, войдет ли новая Германия в Североатлантический блок или ее удастся нейтрализовать. Право же, заманчивая перспектива: Германия — нейтральная страна.

Первая половина 1990 года прошла в затяжных дипломатических «боях». С одной стороны, Советский Союз. С другой — страны-победительницы во второй мировой войне — США, Англия, Франция. Германия, как основной объект борьбы между Востоком и Западом, тоже не оставалась безучастной.

Каковы же были позиции сторон? Запад сплоченным фронтом выступал за вхождение объединенной Германии в Североатлантический альянс. Восток, то есть Советский Союз, протестовал.

Тут, признаться, Горбачев ждал смягчения позиций. Дав «добро» на объединение Германии, он очень рассчитывал на

уступчивость руководителей ведущих стран Запада. А это означало бы реальные дивиденды горбачевской внешней политики в глазах собственного народа.

Европа захлебывалась в похвалах Горбачеву. Германия была вне себя от эйфории объединения, но за круглым столом переговоров никто не хотел уступать. Ни на шаг, ни на йоту.

Пример тому — позиция «железной леди» Маргарет Тэтчер.

«История Европы не должна игнорироваться, потому необходимо добиться четких гарантий безусловного членства объединенной Германии в НАТО и ЕС», — заявила она в интервью телевидению ФРГ.

Но как быть с трагической историей советского государства? Или в угоду «истории Европы» ее следовало «проигнорировать»?

Одна Франция устами своего министра иностранных дел Р. Дюма выразила понимание нашей позиции и высказала осторожное опасение: если не будут учтены законные интересы безопасности СССР, Москва может заблокировать процесс европейской разрядки и разоружения.

Мог ли это сделать Горбачев? Вне всякого сомнения. Как делали его предшественники. Однако он пошел «другой дорогой».

На третьей сессии Верховного Совета СССР он неожиданно выдвинул идею ассоциированного членства Германии одновременно в НАТО и в Варшавском Договоре.

Новая инициатива Горбачева о «двойном членстве» Германии была отвергнута Западом с порога. Г. Коль назвал ее нереалистичной.

Итак, вновь поражение. Однако и оно не обескураживает Горбачева. Президент СССР выдвигает новое предложение. На сей раз он готов согласиться на вхождение объединенной Германии в блок НАТО, но с одним условием... Было объявлено, что советская сторона даст согласие на членство объединенной

Германии в НАТО, если этот союз из чисто военного превратится в политический.

Интересно, что через несколько лет уже российское руководство призовет к «чудному» превращению НАТО в того самого «голубя мира». Ответ был тот же, что и Горбачеву семь лет назад. Казалось бы, изменилось все, и даже Клинтон называет нас «демократической Россией». Но НАТО — неизменно. Как же так?

342

Однако вернемся в 1990 год. После встречи с президентом США Дж. Бушем федеральный канцлер ФРГ Г. Коль заявил, что уже к осени нынешнего года будет получено согласие Советского Союза на полное членство объединенной Германии в НАТО. Это сообщение прозвучало по радио РИАС в начале июня 1990 года.

Однако канцлер ошибся. Горбачев и Шеварднадзе сдались значительно раньше.

В июне 1990 года в Берлине, в резиденции Нидершенхаузен, состоялся очередной раунд переговоров по формуле «2+4», в ходе которого обсуждались внешнеполитические аспекты объединения Германии.

Тут, как сообщалось в прессе, «министр иностранных дел СССР ознакомил участников встречи с новыми советскими предложениями».

О, как они отличались от первоначальных! Помните, роспуск блоков, превращение НАТО в политическую организацию.

Что же «просил» Шеварднадзе на этой встрече? Он уговаривал Германию сократить свои вооруженные силы до 200—250 тысяч человек, а численность войск держав-победительниц на 50 процентов.

И наконец, на церемонии официального открытия КПП «Чек-Пойнт-Чарли» на границе между Восточным и Западным Берлином ввернул-таки еще одну «инициативу»: все воинские контингента должны покинуть Берлин через 6 месяцев после объединения Германии.

Что касается сокращения армии ФРГ, то руководству Германии это предложение показалось не чем иным, как вмешательством в их внутренние дела.

Министры иностранных дел трех стран-победительниц в свою очередь заявили, что любые формы дискриминации немецкого государства недопустимы. На сколько же процентов сокращать воинские контингенты, они хотели решать сами.

В тот же день телевидение ФРГ сообщило: «Пакет выдвинутых советским министром иностранных дел инициатив был встречен западными участниками переговоров более чем прохладно».

И последняя, пожалуй, самая яркая цитата. Эти примечательные слова у нас в Советском Союзе никогда не публиковались. А жаль.

343

Они дают возможность в полной мере прочувствовать величину и значимость «успеха» нашей дипломатии по коренной проблеме «германского вопроса — о блоковой принадлежности нового немецкого государства».

Итак, внимание. Министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер подчеркнул, что «только полностью суверенная Германия могла бы обеспечить стабильность в Европе. Поэтому уже сейчас следует начать подготовку к выводу советских войск с территории ГДР».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Таким образом, Горбачев и Шеварднадзе «благословили» вхождение объединенной Германии в НАТО. Однако оставалось еще несколько крупных нерешенных проблем. Главенствующей, несомненно, была проблема ядерного оружия.

«На территории Западной Германии, — подчеркивал в конце 1990 года ведущий советский германист, тогда заведующий международным отделом ЦК КПСС Валентин Фалин, — сконцентрировано столько ядерного оружия, что его будет достаточно для уничтожения всего живого на планете».

М. Горбачев предложил очистить от смертоносного оружия леса не только ГДР, но и ФРГ.

Его помощник Н. Португалов, касаясь проблемы объединения ГДР и ФРГ, потребовал полного вывода размещенного на территории Западной Германии атомного оружия.

Как ответили на это США и НАТО? В октябре 1990 года радио «Свободный Берлин» сообщило со ссылкой на мюнхенскую газету «Абендблат»: «Военное руководство США разработало секретный план, согласно которому дислоцированные в ФРГ американские бомбардировщики будут оснащены новыми ядерными бомбами».

Не берусь утверждать, был ли такой план, но если и был, излишне сокращать его не имело смысла. Ведь уже в декабре того же года, на сессии Комитета военного планирования НАТО, немецкая делегация заявила о том, что «правительство ФРГ не возражает против дальнейшего нахождения на территории страны американских авиационных бомб в ядерном снаряжении».

Собственно, это можно считать ответом на «требование» Горбачева о полном выводе атомного оружия с территории Западной Германии. Помните, как в старой песенке В. Высоцкого: «Мы им посылаем, вы что это там? А нас посылают обратно...»

344

Не знаю, какие контрмеры принимали Горбачев и Шеварднадзе по дипломатическим каналам, но в Западной группе войск стали судорожно сворачивать ракетные бригады, дивизионы, вывозить ядерные боеголовки. Право же, зря беспокоились немцы, работа шла споро, без задержек. Московские инспекторы подгоняли ракетчиков, невзирая на строгие инструкции, а нередко и правила безопасности. Слава Богу, все обошлось, советские боеголовки препроводили на родину, и уже 22 октября 1990 года на четвертом заседании смешанной советско-германской комиссии было заявлено: на территории Германии советского ядерного оружия нет. А как же «требование» руководства СССР? Еще 11 сентября 1990 года телевидение ФРГ сообщило о том, что министр иностранных дел

СССР, встретившись накануне раунда переговоров по формуле «2+4» с главами внешнеполитических ведомств США, Великобритании и Франции, настаивал на полном запрете размещения ядерного оружия на территории Германии, а уже через день дал «добро» на его размещение. Что же случилось за эти сутки? Советская дипломатия одержала очередную победу?

Как сообщила газета «Берлинер моргенпост» в сентябре 1990 года: «Накануне подписания договора были найдены взаимоприемлемые решения по последним спорным вопросам. Что касается систем оружия, способных использоваться как в обычном, так и в ядерном снаряжении, то договор запрещает их размещение на территории Восточной Германии».

Вот так выход. Вот так взаимоприемлемое решение. Причем здесь территория Восточной Германии и какое, в сущности, она имеет значение для полета современной ядерной ракеты? Если вся территория ФРГ по своей протяженности от западного поселка Зельфкант (Северная Рейн-Вестфалия) до саксонской деревни Дешка на востоке составляет 640 километров, то что же говорить о ее крошечной восточной части. Такое расстояние и для обычного сегодняшнего оружия не преграда, а не то что для авиации, стратегических, да и тактических ракет в ядерном снаряжении.

Что и говорить, гениальный компромисс! Только он, к сожалению, ровным счетом не имеет никакого отношения к безопасности советского, а теперь российского государства.

Сколь горько писать об этом. Пыль, пущенная в глаза собственному народу, осела, мыльные пузыри дипломатии

лопнули. Всяк имеющий разум — задумается над случившимся.

Теперь, когда объединенная Германия вошла в НАТО, а на ее территории по-прежнему размещается атомное оружие, которого «достаточно для уничтожения всего живого на планете», у Горбачева остался последний козырь: крупнейшая военная группировка в мире — Группа советских войск в Германии,

Представители министерства обороны СССР придерживались радикальной точки зрения. Так, начальник штаба ОВС Варшавского Договора генерал армии В. Лобов однозначно считал, что «советские войска должны находиться на территории Германии до тех пор, пока там остается американская группировка».

Эксперт ЦК КПСС по военным вопросам генерал Г. Батенин также высказывался за присутствие войск Советского Союза в Германии. Их численность, предлагал он (как и численность американских войск), должна быть определена на основе венских соглашений и результатов совещания «Хельсинки-2».

Еще один ответственный работник Центрального Комитета, германист, будущий посол России в Берлине Валентин Коптельцев, выступая в немецкой печати, заявил: «Все 4 державы-победительницы имеют в отношении Германии равные права... Нельзя допустить, чтобы американцы оказались в более предпочтительном положении, чем русские».

Верные слова, что и говорить. Но, к нашему несчастью,

американцы имели иное мнение. Совершенно противоположное. Агентство «Рейтер» в марте 1990 года сообщило: «Госсекретарь США Дж. Бейкер подверг критике прогнозы, согласно которым правительство объединенной Германии могло бы обратиться к США с просьбой о выводе американских войск. Куда вероятнее, что русских попросят уйти».

Русским и вправду вскоре стали намекать, указывая на дверь. Так, председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге ФРГ А. Дреггер как-то заметил: «Нахождение советских войск на территории ГДР является «пережитком» и потеряло всякий смысл».

Возможно, господин А. Дреггер и был прав. Только вот не возьму в толк, если нахождение советских войск — пережиток, то нахождение американских войск — что? Ведь и те, и другие пришли сюда на правах победителей, и права эти, в соответствии с известными международными договорами, совершенно одинаковы. Так, может быть, прав читатель журна-

ла «Шпигель», приславший в редакцию весьма интересное письмо — отклик на статью «Что делать с русскими?»

Вот его мнение: «Когда политики и журналисты требуют немедленного вывода советских «оккупационных войск», одновременно настаивая на сохранении военного присутствия наших западных «друзей» вплоть до XXI века, это граничит с шизофренией».

Читаешь эти строки и, право же, становится не по себе. Кажется, что мир перевернулся вверх тормашками.

Немецкий обыватель думает так, как должен бы думать советский президент. И, кстати говоря, отстаивает свою точку зрения.

Советский же президент, наоборот, согласен с мнением председателя фракции ХДС/ХСС и поступает, как ему советуют.

А может, все это и не так? Мир по-прежнему тот же. И Горбачев совсем не разделяет воззрения Дреггера. Но тогда почему он сам предлагает вывести Западную группу войск с территории Германии?

Подчеркиваю, сам. По существу, в одностороннем порядке.

В июле 1990 года Коль прилетел в Москву. И вот в ходе переговоров Горбачев доверительно рассказывает своему немецкому коллеге, как он поверг в недоумение президента США Дж. Буша.

«В разговоре с Бушем я совершенно определенно заявил, что пребывание американских войск в Европе является стабилизирующим фактором».

Буш не поверил своим ушам. Он ждал борьбы. Тяжелой, упорной. И это было бы вполне объяснимо. Советский Союз не за океаном, его границы в непосредственной близости к Германии. Здесь, на плечах полков *и* дивизий Западной группы войск, зиждется безопасность великой державы.

И вдруг советский президент не только дает «карт-бланш» на нахождение в Германии американцев, но и делает беспрецедентное заявление: войска США являются

стабилизирующим фактором в Европе.

«Для Буша, — признавался Горбачев, — такое откровение явилось полной неожиданностью...»

Как объяснил все это Горбачев? «Наша позиция, — сказал он, — изменилась после анализа реальностей в мире».

Что же это за позиция руководителя сверхдержавы, которая меняется с легкостью необыкновенной?

347

Что же это за «изменившиеся реальности», которые дают право жертвовать интересами страны?

Еще вчера он наотрез отказывался видеть объединенную Германию в НАТО, а сегодня с улыбкой ангела дал на это благословение...

Еще вчера горячо жаждал преобразовать Североатлантический Союз из военной организации в политическую, да остановился на полпути...

Вчера неистово боролся за вывод ядерного оружия с территории ФРГ, но потом вдруг милостиво простил его присутствие под носом у собственной страны. Почему? Во имя чего?

Понимает ли президент СССР, что, объявив об этом всему миру, приняв на себя односторонние обязательства без каких-либо предварительных условий, он становится заложником собственной инициативы? Теперь он связан по рукам и ногам своими же обязательствами. Обратной дороги нет. Но и дорога впереди — это не усыпанный розами путь победителя, но горькая тропа просителя, «побирушки с сумой»: подайте, Христа ради, на вывод войск, подайте на обустройство бедных российских офицеров.

Правда, оставалась еще надежда на «добрую волю» Запада, на соседей по «общеевропейскому дому», на их лояльность и понимание.

Нас понимали, и ключевую горбачевскую идею «общеевропейского дома» не отринули с порога, но что касается вывода войск, тут вышла заминка. А вскоре выяснилось: ни США, ни Англия, ни Франция вообще не собираются выводить свои воинские контингенты из Германии и разговор идет лишь об их сокращении.

К концу 1990 года было проиграно все. Объединенная Германия входила в НАТО. Североатлантический альянс не собирался превращаться в политическую организацию. Ядерное оружие Запада по-прежнему размещалось на своих позициях. Бывшие союзники по антигитлеровской коалиции отказались полностью выводить войска.

Таким образом в корне изменилась стратегическая и военно-политическая ситуация в мире. Изменилась на столетия и далеко не в нашу пользу.

Что сказать после всего вышеизложенного? Великий русский историк Ключевский говорил, что история ничему не учит, она только наказывает за незнание ее уроков.

348

И она наказала. Правда, пока не нас, а Югославию. Но кто

знает, кому будет преподнесен следующий урок?

Что же касается вопроса, вынесенного в заголовок этой главы, то, как мне кажется, прочитав все сказанное ранее, читатель сам даст на него ответ. Какой? Это дело совести каждого.

Мне больше по душе мнение легендарного партизана, полковника в отставке профессора Ильи Григорьевича Старинова: «Новая война будет концом мира. Применять ядерное оружие, которое истребит человечество, нельзя. Нужно думать о том, чтобы сделать войну более безопасной для своего народа. И это можно сделать только с помощью спецподразделений, которые могли бы выводить из строя важные объекты, уничтожать противника, делать его неспособным наносить удары, не вступая с ним в бой, сохраняя и приумножая свои силы.

Еще князь Голицын, генерал-майор Генерального штаба, думал о создании специальных частей, которые защищали бы свой тыл и разрушали бы тыл противника. Тогда, когда это нужно».

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Болтунов М.Е.
Б 79 Короли диверсий. История диверсионных служб России.
М.: Вече. 2002.- 352 с, илл. (16 с.) (Военные тайны XX века)
ISBN 5-7838-0917-9

Книга Михаила Болтунова посвящается диверсантам, честным и мужественным сыновьям России. Имя этим людям — партизаны, разведчики, мастера по взрывам. О них несправедливо мало писали, теперь пришла пора возместить этот пробел. Автор рассматривает историю диверсионных служб России от древности до наших дней. В книге подробно освещаются неизвестные диверсионные операции времен гражданской войны, предвоенного периода, Великой Отечественной войны, «холодной войны», военных конфликтов в Афганистане и Чечне.

Михаил Ефимович Болтунов

КОРОЛИ ДИВЕРСИЙ
История диверсионных служб России

Генеральный директор *Л. Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. П. Еленский*
Главный редактор *С. Н. Дмитриев*
Редактор *М. В. Ганичева*
Корректор *М. В. Кузнецова*
Верстка *О. Ю. Старинко*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — «Вече-графика»
Д. В. Трушин

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Гигиенический сертификат № 77.99.2.953.П. 16227.11.00 от 29.11.2000 г.
129348 Москва, ул. Красной сосны, 24.
ООО «Издательство «ВЕЧЕ 2000» ИД №01802 (код 221) от 17.05.2000 г.
ЗАО «Издательство «ВЕЧЕ» ЛР №064614 от 03.06.1996 г.
ЗАО «ВЕЧЕ» ЛР №040410 от 16.12.1997 г.
Наши электронные адреса: E-mail: veche@veche. ru

Подписано в печать 02.09.2002. Формат 84x108 1/32
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 11.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 3463.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.